

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Программа мира и созидания

Договор братства и дружбы

**Левые силы Японии в борьбе за мирное
и нейтральное развитие страны**

**Незабываемые свидетельства
интернациональной солидарности**

Жизнь, отданная науке

**Социально-экономические противоречия
в Китае**

1

1981

Институт Дальнего Востока АН СССР

НОВЫЕ КНИГИ

Маоизм без прикрас. Некоторые уже известные, а также ранее не опубликованные в китайской печати высказывания Мао Цзэдуна. Сборник переводов. Под общ. ред. О. Е. Владимирова. Сост. и вступит. статья М. Л. Алтайского. М., «Прогресс», 1980, 283 с. 125.000 экз. 55 к.

БОРИСОВ О. Б. и КОЛОСКОВ Б. Т. Советско-китайские отношения. 1945—1980. Изд. 3-е, доп. М., «Мысль», 1980. 638 с. 30.000 экз. 2 р. 40 к.

ВЛАДИМИРОВ О. и РЯЗАНЦЕВ В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна. 4-е доп. изд. М., Политиздат, 1980. 127 с. 100.000 экз. 25 к.

Опасный курс. Вып. 10. Китай после Мао Цзэдуна. М., Политиздат, 1980. 383 с. 50.000 экз. 90 к.

ГАВРИЛОВ В. и ИВАНОВ В. Маоизм — бедствие Китая. Что говорят о трагедии страны сами китайцы. М., «Знание», 1980. 79 с. 50.000 экз. 20 к.

Китайская Народная Республика в 1978 году. Политика, экономика, идеология. Глав. ред. М. И. Сладковский. М., «Наука», 1980. 367 с. 25.000 экз. 1 р. 90 к.

КНР. Краткий исторический очерк. 1949—1979 гг. Отв. ред. М. Сладковский. М., Политиздат, 1980. 206 с. 90.000 экз. 85 к.

Автономный район Внутренняя Монголия Китайской Народной Республики. Коллективная монография. Под общ. ред. Б. Ширендыба и М. И. Сладковского. М., «Наука», 1980. 158 с. 3.650 экз. 85 к.

ФЕДОРОВ И. Ф. и ЗУБАКОВ В. Г. Членство в КПК. Как строилась партия «идей Мао Цзэдуна». М., Политиздат, 1980. 144 с. 100.000 экз. 25 к.

ГОРБАЧЕВ Б. Н. Социально-политическая роль китайской армии. 1958—1969. М., «Наука», 1980, 232 с. 4.950 экз. 1 р. 30 к.

МОСЬКО Г. Н. Армия Китая — орудие авантюристической политики маоистов. М., Воениздат, 1980. 144 с. 65.000 экз. 25 к.

МОЛОДЦОВА Л. И. Промышленность Китая: пропорции и диспропорции. М., «Наука», 1980. 208 с. 3.350 экз. 1 р. 20 к.

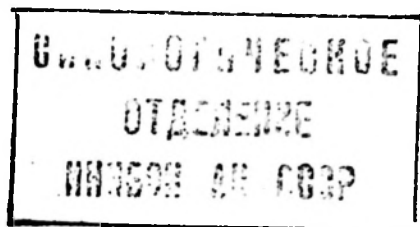
ТИХВИНСКИЙ С. Л. Движение за реформы в Китае в конце XIX века. Изд. 2-е доп. М., «Наука», 1980. 360 с. 2.000 экз. 3 р. 40 к.

НИКИФОРОВ В. Н. Первые китайские революционеры. М., «Наука», 1980. 255 с. 4.800 экз. 1 р. 80 к.

МЯСНИКОВ В. С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М., «Наука», 1980. 312 с. 5.000 экз. 2 р. 70 к.

АНТИПОВСКИЙ А. А., БОРЕВСКАЯ Н. Е. и ФРАНЧУК Н. В. Политика в области науки и образования в КНР. 1949—1979. М., «Наука», 1980. 288 с. 3.000 экз. 2 р. 10 к.

ЕФИМОВ Г. В. Историко-библиографический обзор источников и литературы по новой и новейшей истории Китая. Ч. 4. Советская литература по новой и новейшей истории Китая. Западное китаеведение. Некоторые вопросы истории Китая в исторической науке КНР. 1960—1970-е гг. Л., Изд-во Ленингр. ун-та. 1980. 180 с. 1.404 экз. 90 к.

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Программа созидания и мира
- ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА**
- 13 Договор братства и дружбы
Дахын Готов (МНР)
- 19 Пронимпериалистическая политика Пекина
Социально-экономические противоречия в Китае
*Е. А. Коновалов,
С. А. Манежев*
- 26 VI съезд Трудовой партии Кореи: итоги и перспективы
развития КНДР
*В. И. Моисеев,
Н. М. Шубников*
- 40 Милитаризация Японии — угроза миру в Азии
Д. В. Петров
- 50 Предательский курс Пекина и освободительная борьба
народов Юга Африки
А. С. Красильников
- 65 Тайвань в политике США и Китая
В. И. Петухов
- 75 Левые силы Японии в борьбе за мирное и нейтральное
развитие страны
А. И. Иванов
- 88 Внутривосточный кризис в Южной Корее и его
истоки
Ю. И. Огнев
- 101 Политика Пекина в Латинской Америке: сближение
с силами империализма и реакции
Э. Рей (Куба)
- 112 **ИСТОРИЯ**
- 121 КПК в национально-освободительном движении 20-х
годов (К 60-летию образования КПК)
В. И. Глушин
- БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО**
- 139 Завещание Фан Чжиминя
А. С. Титов

КУЛЬТУРА И НАУКА

- 145 Великий гуманист (К 120-летию со дня рождения Рабиндраната Тагора)
А. П. Гнатюк-Данильчук
- 151 Незабываемые свидетельства интернациональной солидарности
М. Е. Шнейдер
- 159 Творчество Цюй Юаня, самобытное и общечеловеческое
Н. Т. Федоренко
- 173 Жизнь, отданная науке
В. Ф. Сорокин

КОММЕНТАРИИ

- 178 Призыв к добрососедству и сотрудничеству
*М. В. Демченко,
А. М. Лазарев*
- 183 К итогам судебного процесса в Пекине
*В. В. Арунов,
К. А. Егоров*

ГОВОРЯТ ОНИ САМИ

- 191 Из выступлений депутатов ВСНП

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 193 Актуальное и полезное исследование
В. Н. Барышников
- 195 КНР: краткий исторический очерк
В. А. Архипов
- 199 «Партнерство» США в восточноазиатском регионе
В. В. Семенов
- 201 Саморазоблачение маоизма
Л. М. Гудошников

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 205 Политические традиции КНР

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 206 К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова

Адрес редакции: Москва, 117218,
ул. Красикова, 27,
тел. 124-09-04

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1981

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора), Г. В. АС-
ТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
М. С. КАПИЦА, И. И. КОВАЛЕНКО, В. А. КРИВ-
ЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. СА-
ГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИ-
ТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯ-
НОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО, В. И. ШАБАЛИН

Программа созидания и мира

XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза убедительно продемонстрировал единство внутренней и внешней политики СССР, в центре внимания которой находится человек труда, забота о его жизненных интересах. Подготовка и проведение съезда КПСС, всенародное обсуждение партийных документов показали, что внутренней политике, нацеленной на построение коммунистического общества, полностью адекватен внешнеполитический курс Советского Союза, обеспечивающий благоприятную мирную международную обстановку, в которой в наилучшей степени раскрываются созидательные возможности советского общества.

Органическое соединение внутренней и внешней политики Советского Союза проявляется в той заинтересованности, с которой советские люди обсуждают конкретные вопросы своего участия в реализации решений партийного съезда, планов начавшейся одиннадцатой пятилетки. «Наша борьба за укрепление мира, за углубление разрядки международной напряженности, — говорил на XXVI съезде партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — это прежде всего борьба за то, чтобы обеспечить советскому народу необходимые внешние условия для решения стоящих перед ним созидательных задач»¹.

Поднимаясь по ступеням пятилеток, развивая многоотраслевую индустрию и сельское хозяйство, транспорт и связь, строительное дело, науку и технику, культуру и образование, улучшая жизнь и быт трудящихся, Страна Советов способствует дальнейшему наращиванию сил мирового социализма, укреплению авторитета и влияния великого фронта борцов за мир, за социальный прогресс человечества.

Новый крупный шаг в развитии производительных сил, росте народного благосостояния определен XXVI съездом КПСС на одиннадцатое пятилетие. В 80-е годы, подчеркивается в обсуждавшемся на XXVI съезде КПСС документе «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», Коммунистическая партия будет последовательно продолжать осуществление своей экономической стратегии, высшая цель которой — неуклонный подъем материального и культурного уровня жизни народа, создание лучших условий для всестороннего развития личности на основе дальнейшего повышения эффективности всего общественного производства, увеличения производительности труда, роста социальной и трудовой активности советских людей.

¹ «Правда», 24.11.1981.

* * *

В решении внутривнутриполитических — хозяйственных и социальных — задач, так же как и во внешнеполитической деятельности, Коммунистическая партия Советского Союза большое значение придаст восточным районам страны, укреплению мира в Азии, на Дальнем Востоке, на долю которого приходится значительная часть территории, производственного потенциала, населения СССР. Сибирь и Дальний Восток составляют 59,1 % всей территории страны, население этих регионов превышает десятую часть всех жителей Советского Союза. Здесь сосредоточено более 88 % всех потенциальных энергоресурсов страны и около 15 % ее основных производственных фондов.

Богатые природные возможности восточных районов и необходимость их активного включения в хозяйственный оборот Советского Союза предопределили ускоренное развитие Сибири и Дальнего Востока в предыдущие годы. Так, только за десятилетие 1966—1975 гг. объем промышленного производства в Западной Сибири возрос в 2,3 раза, в Восточной Сибири — в 2,4 раза и на Дальнем Востоке — в 2,1 раза.

А всего с предвоенного, 1940 по 1976 г. общий объем продукции промышленности в Восточной Сибири вырос в 23 раза, в Западной Сибири — в 31 раз при росте этого показателя по Советскому Союзу в 17 раз.

Быстрыми темпами развивались восточные районы и на протяжении всего минувшего десятилетия. Например, при росте чистого продукта в 1971—1980 гг. по Советскому Союзу в целом на 157 % в Якутии, Красноярском и Хабаровском краях он увеличился почти в два раза, а в Тюменской области — в 3,5 раза. Восточные районы СССР в целом превратились в индустриально развитые, они играют существенную роль в общесоюзном разделении труда.

По ряду аспектов промышленного развития восточные районы даже оказались в положении авангардной силы технического прогресса и дают пример интенсивного производства. Так, производительность труда в восточных районах более чем на 35 % превышает среднесоюзный уровень².

Решения XXVI съезда КПСС в отношении ускоренного развития восточных районов страны, как и по многим другим принципиальным вопросам экономического и социального развития СССР, продолжают дальше линию, разработанную Центральным Комитетом Коммунистической партии и принятую на ее XXIV и XXV съездах.

Основными направлениями экономического и социального развития СССР на 1981—1985 гг. и на период до 1990 г. предписывается ускорить наращивание экономического потенциала восточных районов. Намечается осуществить крупные работы по освоению их природных ресурсов, развитию топливно-энергетических и сырьевых баз. Здесь будет сосредоточено строительство энергоемких производств. Одновременно должно быть усилено развитие строительной базы, жилищно-бытового и культурного строительства, сельского хозяйства, производства машин и оборудования для ведущих отраслей этих районов, на основе чего должна быть повышена комплексность их развития и обеспеченность кадрами.

Решениями XXVI съезда КПСС специально оговорено, что строительство новых предприятий в одиннадцатой пятилетке должно осуществляться в первую очередь в отраслях и производствах, которые обеспечивают прогрессивные сдвиги в структуре общественного про-

² О рубежах, достигнутых в развитии Сибири и Дальнего Востока в десятой пятилетке, подробнее см.: «Проблемы Дальнего Востока», 1980, № 3.

изводства, а также вовлечение в хозяйственный оборот топливно-энергетических и минерально-сырьевых ресурсов восточных и северных районов страны. При этом намечается ограничить строительство новых производственных объектов в европейской части страны.

Все больший упор на гражданское строительство в труднодоступных, сложных по климатическим условиям районах Сибири и Дальнего Востока свидетельствует о долгосрочных мирных планах Советского Союза, о его стремлении и впредь направлять усилия на подъем производственного потенциала страны и соответствующее повышение жизненного уровня людей. Современные стройки Востока характеризуются большой капиталоемкостью, поскольку приходится осваивать отдаленные районы, где нет развитой системы дорог, аэродромов, средств связи, подчас нет не только больших городов, но и мелких поселений. Кроме того, приходится строить очень крупные объекты, осваивать сразу значительную территорию, так как только крупномасштабные предприятия в состоянии обеспечить высокоэффективное производство. А это значит, что на государственный план и бюджет ложится очень большая нагрузка.

Немаловажно еще одно обстоятельство: гигантские стройки восточных районов СССР значительны не только в пространстве, но и во времени. На многие из них от начала работ до завершения уходит не менее двух пятилеток. Так сооружаются гидроэлектростанции, создаются новые порты, разрабатываются крупные залежи минералов, прокладываются железные дороги, трубопроводы, линии электропередач, строятся металлургические, химические и деревоперерабатывающие комбинаты.

Если страна начинает стройки, отдача от которых будет, возможно, через пять-семь, а то и десять лет, если страна вкладывает при этом в такие стройки суммы, исчисляемые миллиардами рублей, значит, расчет твердо сделан на стабильное сохранение мирных международных условий. Более того, расчет делается на использование международных связей для поставок на стройки наиболее совершенного оборудования.

Гигантские стройки Сибири создают своеобразную систему прямых и обратных связей с обеспечением прочного мира на земле в целом и на Дальнем Востоке в особенности. С одной стороны, их успешное завершение самым непосредственным образом связано с возможностью на длительный срок обеспечить безопасность советских рубежей, нерушимость мирного труда десятков миллионов людей. С другой стороны, реализация проектов и включение в хозяйственный оборот тех или иных ресурсов восточных районов СССР ведет к пропорциональному расширению экспортных возможностей страны, что в свою очередь требует сохранения длительных и гарантированных взаимным доверием международных отношений.

Так на практике воплощается в жизнь теоретическая посылка марксистско-ленинского учения о неразрывной связи внутренней и внешней политики, о том, что внешняя политика не может быть ничем иным, как продолжением внутривнутриполитического курса.

* * *

Решениями XXVI съезда КПСС предусматривается обеспечить улучшение размещения производительных сил в целях повышения эффективности общественного производства на основе дальнейшей специализации и пропорционального развития хозяйства союзных республик и экономических районов в едином народнохозяйственном комплексе страны.

Анализ документов съезда Коммунистической партии показывает, что в одиннадцатой пятилетке и на период до конца 80-х годов в Сибири и на Дальнем Востоке будут разворачиваться в больших объемах работы по дальнейшему развитию топливно-энергетической и минерально-сырьевой базы. Определены не только общие направления этого развития, но и конкретные объекты, которые будут создаваться или вводиться в строй в ближайшей перспективе.

С прежним размахом будут сооружаться мощные электростанции двух наиболее оправданных для восточных районов категорий — гидравлические, использующие энергию наиболее крупных в Азии рек, и тепловые, работающие на каменном угле и газе. Следует сказать, что тем временем для покрытия потребностей в энергии в европейской части СССР будут строиться атомные электростанции.

К действующим в Сибири и на Дальнем Востоке великанам — Братской, Усть-Илимской, Красноярской, Зейской ГЭС — вплотную приблизится и Саяно-Шушенская гидроэлектростанция, где в основном должны быть завершены строительные работы. Войдут в действие и первые агрегаты Бурейской ГЭС, которая строится на одном из притоков Амура, отличающемся особо своенравным характером. Плотина этой ГЭС позволит значительно снизить угрозу паводков на Амуре. Будет завершено строительство и ГЭС-1 на северной реке Колыме. Один тот факт, что эта электростанция еще в ходе строительства получила порядковый номер, свидетельствует о том, что она станет родоначальницей целого каскада станций, призванных создать прочную энергетическую базу в суровом краю золотодобытчиков.

Особое внимание к использованию гидроресурсов Сибири и Дальнего Востока связано с высокой экономической эффективностью строительства здесь гидроэлектростанций. Реки этого района полноводны и характеризуются более или менее равномерным постоянным стоком. В общей сложности они выносят к океанам фантастическое количество воды — три тысячи кубических километров. Удобный рельеф позволяет получать на реках восточных районов примерно по два триллиона киловатт-часов электроэнергии в год. Установка турбин большой мощности делает электроэнергию ГЭС Сибири самой дешевой в Советском Союзе и требует для эксплуатации незначительного числа людей. В шесть сотых копейки обходится производство одного киловатт-часа электроэнергии на наиболее крупных ГЭС Сибири. Это намного меньше, чем в целом по гидроэлектростанциям страны.

Второе слагаемое электроэнергетики Сибири и Дальнего Востока — теплоэлектростанции — также получит ускоренное развитие и особенно в областях, располагающих большими запасами дешевого каменного угля и попутного газа, извлекаемого из недр земли при добыче нефти. Достаточно назвать только наиболее значительные стройки этого рода, чтобы представить, какой разворот получает сооружение теплоэлектростанций.

За пятилетие будет завершено строительство Приморской ГРЭС и Гусиноозерской ГРЭС, соединяющей энергосистему Восточной Сибири с энергосистемой Монгольской Народной Республики. Планируется ввести в действие первые агрегаты Березовской ГРЭС-1, Харанорской ГРЭС, Якутской ГРЭС-2, ввести новые мощности на теплоэлектростанциях в Сургуте.

Таким образом, будет обеспечено равномерное размещение электростанций, дислокация которых вблизи залежей угля или газа исключает необходимость излишних затрат на транспортировку топлива.

Еще более быстрыми темпами, чем электроэнергетика, развивается в Сибири добыча таких ценных видов сырья и энергоносителей, как нефть и газ. Западная Сибирь за последние десять лет стала главной базой добычи нефти в СССР. Такое положение сохранится и на всем

протяжении нового десятилетнего периода. В этом отношении примечательно следующее сопоставление показателей добычи нефти в стране в целом и в Сибири в частности: в 1980 г. из 603 млн. т нефти и газового конденсата, добытых в СССР, 315 млн. т приходилось на Сибирь. В 1985 г. из 620—645 млн. т союзной добычи этого сырья сибирская часть составит 385—395 млн. т.

Таким образом, нефть Сибири призвана не только обеспечить прирост добычи этого сырья, но и компенсировать естественное сокращение добычи в других, более старых районах.

С учетом общего курса на интенсификацию производства, определенных решениями XXVI съезда КПСС, в нефтяной промышленности наряду с ускоренным вводом новых месторождений упор делается и на расширение применения новых методов воздействия на нефтяные пласты и увеличение за счет этого извлечения нефти из недр. Таким образом, улучшение качественных показателей непосредственно скажется на добыче нефти.

Ставится и еще одна чрезвычайно важная задача: снизить трудовые затраты на обслуживание одной скважины. Этот показатель должен быть снижен к концу пятилетки на 15—18 %, что особенно важно для Сибири, так как здесь, во-первых, ощущается определенный дефицит рабочей силы, а во-вторых, велики издержки на обеспечение нефтепромыслов рабочей силой. По подсчетам ученых, только на обустройство одного человека во многих районах Сибирского Севера затраты достигают 18—20 тыс. рублей. Это значит, что только размещенные коллектива, например, из пятидесяти человек обходится в условиях Севера примерно в миллион рублей.

Поэтому интенсивное использование залежей выявленных месторождений имеет большой смысл, и на такой подход ориентируют нефтяников Сибири решения съезда партии.

Наряду с добычей нефти существенно увеличивается в восточных районах в нынешней пятилетке и добыча газа. Здесь также можно обратиться к сопоставлению показателей за пять лет. Из 435 млрд. м³ газа, добытого в СССР в 1980 г., 163 млрд. м³ приходилось на Сибирь. В 1985 г. из 600—640 млрд. м³ газа, добываемого в стране, на Сибирь будет приходиться 330—370 млрд. м³. Удельный вес сибирского газа в газовом балансе страны возрастет с 37 до 55 и более процентов. Но даже этот высокий уровень еще не полностью будет соответствовать сибирским возможностям, так как запасы газа здесь находятся на уровне двух третей всех промышленных запасов газа в СССР и отличаются особо высоким качеством.

Следует учесть и то, что газовая промышленность восточных районов СССР располагает значительно большими запасами, чем многие другие добывающие отрасли, в том числе нефтяная. На севере Тюменской области открыты многие месторождения, часть которых еще не разрабатывается или находится в начальной стадии разработки. Добыча газа может развиваться таким темпом, каким позволяют отводить отсюда это сырье новые трубопроводы.

Подчеркивая важность использования ресурсов сибирского газа, Л. И. Брежнев отмечал на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Особую роль приобретает быстрое увеличение добычи природного газа. Запасы его огромны, прежде всего в Западной Сибири. Эти запасы позволяют облегчить решение топливно-энергетической проблемы, ускорить развитие химии и ряда других отраслей. Расширение поставок газа могло бы помочь более полному удовлетворению нужд стран социалистического содружества»³.

³ «Правда», 22.X.1980.

С учетом этих задач вырабатывается крупномасштабная программа форсированного развития нефтегазовой промышленности Западной Сибири, которая станет важнейшим звеном не только одиннадцатой пятилетки, но и последующей, двенадцатой.

Характеристика сдвигов в размещении индустрии на восток и развития топливно-энергетической базы Сибири и Дальнего Востока была бы далеко не полной, если не учесть еще один важнейший компонент — рост добычи каменного угля. Эта отрасль развивалась несколько медленнее по сравнению с нефтяной и газовой.

Однако в одиннадцатой пятилетке подойдет очередь и «большого угля» сибирских месторождений. Ведь в восточных районах сосредоточено примерно 80 % общегосударственных запасов угля.

Прежде всего ускоренно будет развиваться добыча энергетических углей в Канско-Ачинском бассейне, где запасы угля исчисляются триллионами тонн.

Наиболее экономичный, открытый способ добычи угля позволит обеспечивать топливом группу сверхмощных теплоэлектростанций, из которых первенец — Березовская ГРЭС-1 — уже строится. Она будет иметь мощность 6,4 млн. кВт, то есть как самая крупная в мире Саяно-Шушенская ГЭС.

Наряду с добычей энергетических углей повысится и добыча коксующихся углей Сибири. Важность этого направления угледобычи особенно возрастает с уменьшением доли Донецкого бассейна в общесоюзной добыче сырья для доменного производства. Роль основного поставщика этого вида углей взял на себя Кузнецкий бассейн, расположенный в центре Сибири. Будет повышаться значение и Южно-Якутского угольного бассейна как поставщика коксующегося угля, в частности разреза в Нерюнгри.

Примечателен большой экономический эффект добычи каменного угля Сибири, особенно из угольных разрезов Канско-Ачинского бассейна. Здесь можно поднять среднемесячную выработку угля на одного рабочего до трех тысяч тонн и обеспечить себестоимость тонны угля в 70—90 коп. По подсчетам советских ученых, увеличение добычи канско-ачинских углей на 100 млн. т позволило бы снизить себестоимость угля в стране не менее чем на 10 %.

О канско-ачинских угольных богатствах было известно уже много лет, но ранее не было возможности рационально использовать их. Перевозить энергетические угли за три-четыре тысячи километров невыгодно. Для передачи на такие же расстояния электроэнергии научно-технический прогресс лишь недавно подсказал подходящие решения. А для использования вырабатываемой энергии на месте народное хозяйство не располагало возможностями.

Сейчас положение изменилось. Советское общество накопило достаточно средств, чтобы приступить к реализации одного из крупнейших сибирских проектов конца XX в. — созданию Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса. Решение об этом было принято в десятой пятилетке. В документах XXVI съезда КПСС определено ускоренное сооружение объектов КАТЭК, в том числе намечено ввести в действие первые очереди Березовского угольного разреза № 1 и Красноярского завода тяжелых экскаваторов.

Историю с освоением канско-ачинских залежей угля можно было бы уподобить тому, как одинокий старатель нашел в глухой тайге золотой самородок весом в сто тонн. Богатство несметное, но в сумку его не положишь и в город не отнесешь.

Советское общество подошло к такому сокровищу рачительно. Оно хранило его до поры до времени, подготовило условия для того, чтобы на месте переработать найденные богатства и затем в переработанном виде — в виде энергии и продукции энергоемких произ-

водств — доставить потребителям, внося тем самым существенный вклад в укрепление экономического потенциала всей страны.

Размеры природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока огромны. Они позволяют обеспечить независимость Советского Союза от ввоза из других стран многих важнейших продуктов в обозримый период. Особенно важно это по отношению к углю, газу, нефти — главным видам топлива в условиях мирового энергетического кризиса, роста мировых цен на все виды топлива.

* * *

Продолжая курс на ускоренное развитие производительных сил восточных районов страны, XXVI съезд КПСС наряду с добывающими отраслями определил и существенное наращивание производства во всех других сферах индустрии, а также сельского хозяйства, транспорта Сибири и Дальнего Востока.

Директивами съезда специально оговорены задачи ввода в действие производственных мощностей на строящихся Тобольском нефтехимическом комбинате и Томском химическом заводе. Начало строительства этих предприятий пришлось еще на девятую пятилетку, в конце только что закончившейся пятилетки они дали пробную продукцию, а в одиннадцатой начнут окупать вложенные средства.

Стройки в Тобольске и Томске, где вокруг будущих заводов выросли, по существу, новые города, иллюстрируют высокую эффективность самого совершенного производства, впитавшего все достижения науки и техники в области нефтепереработки. Эти предприятия показывают, что именно Сибирь с ее необъятными просторами, природными богатствами стала в наши дни олицетворением соединения достижений науки и самого передового производства. То, что лишь недавно было результатом удачного научного поиска в лабораторных условиях, здесь становится методом основного производства. И отсюда достижения науки и техники шагнут в цеха заводов других районов страны, получат признание за рубежом.

Так было на сибирских новостройках прошлых пятилеток — заводах Запсиб, Братском алюминиевом, Норильском и других. Впитав в себя передовую мысль, они стали подлинными генераторами технического прогресса, стали выполнять совершенно неожиданную функцию экспортеров технических идей, облаченных в патенты и лицензии.

Наряду с названными предприятиями XXVI съезд КПСС записал в своих решениях необходимость продолжать работы на Абаканском вагоностроительном заводе, Саянском алюминиевом заводе, где должны быть введены производственные мощности, продолжится строительство комплекса электротехнических предприятий в Минусинске, будут проведены подготовительные работы по освоению Озерного полиметаллического месторождения, завершатся проектные работы по Удоканскому медному месторождению, расположенному на трассе БАМ.

Кроме того, будет завершено строительство Усть-Илимского лесопромышленного комплекса, в состав которого входит одна из крупнейших международных строек братских стран социализма — целлюлозный завод. Создаваемый в соответствии с Комплексной программой социалистической экономической интеграции целлюлозный завод в Усть-Илимске в течение длительного времени будет поставлять примерно 200 тыс. т целлюлозы в год Болгарии, Венгрии, ГДР, Польше и Румынии, принимавшим участие в его сооружении. В конце десятой пятилетки завод начал выпуск небеленой целлюлозы, недалек день, когда это предприятие приступит к выпуску продукции конечной переработки — беленой сульфатной целлюлозы.

Названные предприятия — это, можно сказать, флагманы индустрии Сибири, да и то не всех отраслей. В то же время решения

XXVI съезда КПСС практически касаются всех заводов и фабрик, промыслов и шахт этого обширного края. Требования съезда повысить эффективность производства, активнее мобилизовать внутренние резервы, поставить в центре внимания увеличение выпуска товаров народного потребления обсуждаются во всех производственных коллективах — от заводов-гигантов до небольших мастерских, занятых обслуживанием населения.

Под стать индустрии в Сибири и на Дальнем Востоке предстоит и дальше развивать сельское хозяйство, входящее составной частью в агропромышленный комплекс страны. Перед работниками этой важной сферы съезд поставил задачу значительно повысить эффективность использования земли. Пахотное поле восточных районов огромно — 32 млн. га, то есть 14 % площади пашни всей страны.

Как отмечалось в решении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР по итогам поездки Л. И. Брежнева в районы Сибири и Дальнего Востока весной 1978 г., важно добиваться, чтобы потребности населения в мясе, молоке, овощах все полнее удовлетворялись за счет производства этих продуктов на месте на основе углубления межобластной специализации и кооперации⁴.

Наряду с задачами, общими для сельскохозяйственного производства страны, XXVI съезд КПСС выдвинул и некоторые специфические установки, учитывающие климатические, природные, а также исторические особенности Сибири и Дальнего Востока. Здесь, например, повышенное внимание будет уделяться выращиванию сои, играющей важную роль в решении проблемы кормового белка, а следовательно, и в увеличении производства мяса, молока и другой ценной продукции животноводства.

Существенна и специально оговоренная в решениях съезда задача усилить внимание к таким традиционно сибирским отраслям, как оленеводство, коневодство, пушное звероводство.

В материалах съезда отмечена необходимость расширять тепличное хозяйство, особенно с использованием тепловых отходов промышленных предприятий и термальных вод. И в этом отношении в Сибири и на Дальнем Востоке накоплен большой опыт. Многие тепличные хозяйства обеспечивают устойчивое снабжение городов свежими овощами на протяжении всего года. Такие совхозы имеются на Камчатке, в районе Норильска, на ряде промыслов Тюменской области, создаются на трассе БАМ. Решения съезда открывают перспективу дальнейшего развития этого важного дела.

Для улучшения использования земли съезд наметил провести в большом объеме мелиоративные работы. Будут продолжены работы и по созданию оросительных систем, в частности в Кулундинской степи на Алтае.

Огромную перспективу имеет и установка съезда о продолжении научных и проектных изысканий по переброске вод сибирских рек в Среднюю Азию и Казахстан. Каналы, которые будут отводить эти реки, позволят поднять уровень земледелия и на самих сибирских землях.

Многопланово, комплексно съезд Коммунистической партии подошел к решению проблем развития сельского хозяйства страны. Сибири и Дальнему Востоку в этом деле отведено значительное место. Вклад этих районов в увеличение производства сельскохозяйственной продукции будет неуклонно возрастать.

⁴ См.: Поездка Леонида Ильича Брежнева по Сибири и Дальнему Востоку. Март — апрель 1978 года. М., 1978, с. 53.

Среди народнохозяйственных задач одиннадцатой пятилетки существенное значение имеет ускоренное развитие транспортной сети. И в этой сфере восточным районам принадлежит особая роль, так как поток крупнотоннажных грузов из Сибири и Дальнего Востока будет и дальше возрастать. Причем эти потоки будут наращиваться в обоих широтных и меридиональных направлениях. Перевозки нефти, газа, угля, металла будут увеличиваться из Сибири к европейскому центру, югу, а также к портам Дальнего Востока и Арктического Севера.

В этой связи съезд партии указал на необходимость развивать все виды транспорта, особенно железнодорожного, трубопроводного, речного, морского. Задача такого рода была поставлена и на предыдущую пятилетку. За минувшие годы многое сделано, что и обеспечило возможность развивать индустрию Севера и Востока. Однако жизнь требует и дальше наращивать темпы транспортно-строительных работ.

О том, как быстро может расти транспортная сеть восточных районов, конечно, лучше всего судить по сооружению Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Сейчас это не просто идея, как было когда-то, лет десять назад. Это даже и не первые километры таежных трасс, как было накануне XXV съезда КПСС. Ныне БАМ представляет собой 1600 км путей, по которым уже курсируют рабочие поезда. А всего на трассе уложено 2700 км главных, станционных и вторых путей.

Как четкую директиву XXVI съезд КПСС записал в своих решениях на одиннадцатую пятилетку: открыть движение поездов на всем протяжении Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Можно не сомневаться, директива съезда будет выполнена. БАМ будет служить народному хозяйству СССР, будет служить советским людям, будет помогать развивать сотрудничество нашей страны со всеми, кто заинтересован во взаимовыгодных экономических связях.

Советские люди воспринимают работу XXVI съезда КПСС, его решения с кровной заинтересованностью, стремятся на своих конкретных участках внести посильный вклад в реализацию планов партии. В высокой сознательности, в творческом подходе к труду проявляется глубокое понимание важности вклада каждого в решение задач повышения эффективности производства и достижения высоких конечных народнохозяйственных результатов.

Советские люди исходят из того, что успешное выполнение одиннадцатой пятилетки обеспечит дальнейшее наращивание экономического потенциала страны и повышение народного благосостояния, поддержание на должном уровне оборонной мощи Советского государства, еще выше поднимет его международный авторитет, будет способствовать упрочению мировой системы социализма и сплочению сил, борющихся за мир и социальный прогресс.

* * *

Решению созидательных задач в полной мере отвечает миролюбивый внешнеполитический курс Советского Союза, получивший ясное и четкое выражение в решениях XXVI съезда КПСС.

Коммунистическая партия Советского Союза твердо продолжает линию, определенную предыдущими съездами партии и сформулированную в Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Неуклонно укрепляя единство братских социалистических государств и развивая их всестороннее сотрудничество в построении нового общества, Советский Союз исходит из стремления наращивать совместный вклад в укрепление мира. Вместе с другими странами социализма Советский Союз добивается прекращения растущей и опасной для мира гонки вооружений, достижения соглашений по вопросам разоружения.

Миролюбивая политика Советского Союза, дружба, сотрудничество и взаимодействие с братскими социалистическими государствами — Монголией, Вьетнамом, Лаосом, Кампучией, Корейской Народно-Демократической Республикой — являются важнейшим фактором стабильности в Азии. На этом континенте, как и повсюду в мире, противостоят друг другу два основных направления в международной политике. Идет, отмечал Л. И. Брежнев, политическая борьба между силами, выступающими за мир, уважение прав народов и разрядку напряженности, и силами угнетения, милитаризма и агрессии⁵.

Реакция предпринимает попытки остановить процесс революционного обновления в Афганистане, вмешаться во внутренние дела этой страны. Ясно, что эти попытки обречены на провал. На страже афганского народа, его завоеваний в борьбе за независимость — поддержка и солидарность Советского Союза и других социалистических государств, прогрессивных сил всего мира.

Большое значение для мира в Азии имеет углубление и развитие дружественных отношений Советского Союза с Индией, символом которых стала договоренность о совместном полете в космос в недалеком будущем советского и индийского космонавтов.

Значительными для международной жизни и выгодными для обеих стран являются отношения Советского Союза с Японией. Советский Союз со всей определенностью заявляет о готовности развивать их и впредь. В какой мере это удастся, отмечал Л. И. Брежнев, зависит от японской стороны. От того, насколько японское руководство сумеет сохранить самостоятельный, реалистический курс своей политики, не поддаваясь влиянию извне, толкающему Японию на опасный путь милитаризации и враждебных Советскому Союзу действий.

Твердо придерживается принципиального курса Советский Союз в отношениях с Китаем. Правильность этого курса проверена жизнью. Ведя непримиримую борьбу с маоизмом, противодействуя враждебной делу мира политике Пекина, Советский Союз вместе с тем проявляет неизменную готовность нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования.

XXVI съезд КПСС вновь подтвердил стремление Советского Союза добиваться ликвидации остающихся военных очагов, мирного урегулирования конфликтов, полной ликвидации всех остатков системы колониального угнетения, очагов колониализма и расизма. Советский Союз последовательно добивается обеспечения безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента.

Научный коммунизм вооружил Коммунистическую партию Советского Союза непоколебимым оптимизмом, уверенностью в том, что коренные интересы народов не позволят никому ввергнуть землю в пучину мировых конфликтов.

Советский Союз призывает и другие страны активно содействовать поискам путей к разрядке. Восточная мудрость гласит: нельзя аплодировать одной ладошкой, для этого нужны две руки. Равным образом и для продолжения мирного диалога в каждом конкретном случае нужно желание по крайней мере двух сторон.

Стремление Коммунистической партии Советского Союза к укреплению мирных отношений между всеми государствами, о чем твердо заявил XXVI съезд КПСС, поддерживается всем многомиллионным советским народом, для которого радости труда и счастье мирной жизни неразделимы. В этой поддержке — главная гарантия успеха нашей политики. Эта политика служит коренным интересам всех народов. За такой политикой — будущее!

⁵ См.: «Правда», 30.VIII.1980.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Договор братства и дружбы

*Дахын Готов,
Чрезвычайный и Полномочный Посол
МНР в СССР*

В феврале 1981 г. монгольский народ вместе с братским советским народом отметил одну из замечательных дат, вписанных золотыми буквами в летопись нерушимой братской монгольско-советской дружбы, основы которой были заложены великим Лениным и основателем МНРП и Народной Монголии Сухэ-Батором, — славную 35-ю годовщину Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между МНР и СССР, заключенного в 1946 г.

Отношения братской дружбы и тесного сотрудничества между нашими странами имеют многолетнюю историю, глубокие корни, которые определяют характер, специфику и непреходящее значение этих взаимоотношений.

Рождение и развитие братского союза и дружбы монгольского и советского народов было исторически закономерным явлением. Этот союз и дружба родились и окрепли в силу объективной закономерности неизбежного слияния социалистической революции рабочего класса и национально-освободительной революции отсталых стран в общем деле борьбы против империализма.

Освободительные идеи Великой Октябрьской социалистической революции оказали решающее влияние на развитие событий в Монголии. Монгольские революционеры понимали, что только в союзе с российским пролетариатом можно добиться победы, обеспечить независимое развитие страны по пути социального прогресса. «Опорными силами самостоятельного развития Монголии являются трудовой народ внутри страны и Советская Россия за пределами страны», — говорил Д. Сухэ-Батор.

Проявив революционную решимость и смелость, монгольский народ под руководством своей Народно-революционной партии, при интернациональной братской поддержке трудящихся Советской России в 1921 г. сбросил многовековой гнет иностранных захватчиков и местных феодалов и победоносно завершил борьбу за свою свободу и независимость.

Отношения между МНР и СССР с самого начала основывались на идеях пролетарского интернационализма, на принципах равноправия, уважения независимости и суверенитета, подлинного братского союза и дружеской взаимопомощи. Это нашло выражение в подписанном 5 ноября 1921 г. первом монгольско-советском соглашении между Народным правительством и правительством РСФСР об установлении дружественных отношений, которое было разработано при непосредственном участии В. И. Ленина.

В соответствии с этим соглашением Советское правительство признало государственную независимость Монголии. Подписанный документ стал для Монголии первым равноправным международным договором и имел огромное значение для защиты революционных завоеваний монгольского народа, укрепления международного и внутреннего положения

страны, ее успешного продвижения вперед, по пути некапиталистического развития.

На основе Соглашения 1921 г. Народная Монголия и Страна Советов впервые в мире установили межгосударственные отношения, основанные на совершенно новых принципах, провозглашенных Великим Октябрем. Тем самым были созданы благоприятные возможности для дальнейшего укрепления классового союза монгольского аратства с победившим пролетариатом Советской России.

Оценивая значение данного соглашения, Первый секретарь ЦК МНРП, Председатель Президиума Великого народного хурала МНР товарищ Ю. Цеденбал писал: «Такое соглашение, основанное на началах полного равноправия и искренней дружбы, Монголия в те годы имела возможность заключить только с Советским правительством, которое всегда стремилось видеть Монголию свободным, независимым, суверенным и процветающим государством. Это соглашение полностью отвечало интересам монгольского народа и способствовало укреплению мира и безопасности на Дальнем Востоке».

В последующие годы между МНР и СССР было заключено большое число двусторонних соглашений по важнейшим вопросам хозяйственного и культурного строительства МНР. Они сыграли огромную роль в преодолении экономической зависимости от иностранного капитала, создании и развитии новых отраслей экономики — промышленности, транспорта и связи, — в осуществлении социальных преобразований и культурной революции в Монголии.

Развитие Монгольской Народной Республики в те годы проходило в сложной международной обстановке, когда ударные силы империализма вели подготовку к новой войне с целью задушить мир социализма и освободительную борьбу народов.

Угроза военной опасности на Дальнем Востоке особенно усилилась в 30-е годы в связи с открытой военной экспансией японского милитаризма, начавшейся оккупацией северо-востока Китая. Японская военщина не отказывалась от своего стремления оккупировать МНР и превратить ее в плацдарм для нападения на СССР.

Все это вынудило правительства МНР и СССР принять меры для отпора провокационным действиям японских милитаристов, для защиты независимости и самого существования МНР. 27 ноября 1934 г. МНР и СССР договорились о мерах по предотвращению угрозы военной агрессии, а также по оказанию друг другу помощи в случае нападения какой-либо третьей стороны. Это было серьезным предупреждением, которое несколько охладило пыл японской военщины. Но она продолжала концентрировать войска вблизи восточной границы МНР, провоцировать новые крупные пограничные инциденты.

В этих условиях правительство МНР обратилось к правительству СССР с просьбой об оказании помощи в деле обороны страны. 12 марта 1936 г. в Улан-Баторе был подписан Протокол о взаимной помощи между МНР и СССР сроком на десять лет. В нем говорилось, что в случае угрозы нападения на МНР и СССР со стороны третьего государства обе стороны должны совместно обсудить создавшееся положение и в интересах безопасности принять необходимые меры. Статья 2 Протокола предусматривала, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон МНР и СССР окажут друг другу всяческую, в том числе военную, помощь.

Монголо-советский Протокол 1936 г. был ярким выражением миролюбивой политики Советского государства, его готовности оказать помощь монгольскому народу на принципах пролетарского интернационализма.

По просьбе монгольского правительства и в соответствии с Протоколом о взаимной помощи на территорию МНР были временно введены:

советские военные части, которые вместе с монгольскими войсками встали на защиту ее рубежей. Последующие события подтвердили правильность и своевременность принятых МНР и СССР мер.

В мае 1939 г. отборные части японской армии напали на МНР в районе реки Халхин-Гол. В ожесточенных боях, продолжавшихся четыре месяца, советско-монгольские войска наголову разбили зарвавшихся японских агрессоров.

Историческая победа советских и монгольских войск у реки Халхин-Гол явилась ярчайшей страницей в летописи монголо-советской дружбы, скрепленной кровью лучших сынов советского и монгольского народов, вновь продемонстрировала силу и прочность братских отношений между МНР и СССР и верность обеих стран принятым на себя обязательствам.

Когда гитлеровская Германия напала на Советский Союз, Монгольская Народная Республика, верная интернациональной солидарности, с первых дней войны решительно встала на сторону своего испытанного друга и союзника — СССР.

22 июня 1941 г. ЦК МНРП, Президиум Малого хурала и Совет Министров МНР приняли специальное решение, в котором осудили гитлеровских правителей, подтвердили верность Монголии Протоколу о взаимной помощи и заявили о своей готовности сделать все необходимое для оказания помощи советскому народу в борьбе с германским фашизмом. Трудящиеся Монголии сознательно и самоотверженно трудились под лозунгом «Все для фронта, все для победы!». С первых же дней и до конца войны по всей стране проводился сбор материальных средств в фонд помощи Советскому Союзу. На эти добровольно собранные средства были созданы и переданы Красной Армии танковая колонна «Революционная Монголия» и авиаэскадрилья «Монгольский арат».

Помощь, оказанная монгольским народом советскому народу в годы Великой Отечественной войны, была скромной по своим размерам, но в ней ярко проявились чувство дружбы, интернационального союза и глубокой признательности трудящихся МНР героическому Советскому Союзу, их твердая вера в победу советского народа и его доблестных Вооруженных Сил над фашизмом. Немалый вклад внесли монгольские Вооруженные Силы в последовавший затем разгром в 1945 г. японской Квантунской армии. Монгольский народ с честью выполнил свой интернациональный долг.

Послевоенный период ознаменовался дальнейшим укреплением и развитием братской дружбы и всестороннего сотрудничества между монгольским и советским народами. Юридической основой монголо-советских отношений послевоенных лет явились Договор о дружбе и взаимопомощи, заключенный 27 февраля 1946 г. в Москве (взамен Протокола 1936 г. в связи с истечением срока его действия) и Соглашение об экономическом и культурном сотрудничестве.

Тесное сотрудничество между МНР и СССР, основанное на интернационалистских принципах Договора 1946 г., а также бескорыстная помощь великого Советского Союза явились исключительно важным фактором успешного выполнения таких исторических задач построения основ социализма, как развитие социалистической промышленности, кооперирование аратов-единоличников, осуществление культурной революции и превращение МНР из отсталой животноводческой страны в аграрно-индустриальное социалистическое государство.

Опираясь на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом, благодаря самоотверженному труду монгольского народа МНР в начале 60-х годов перешла к новому этапу своего развития — этапу завершения строительства материально-технической базы социализма.

Достижения социалистической Монголии в развитии экономики, культуры, повышении материального уровня жизни населения способст-

вовали расширению и росту международного авторитета Монголии. Она стала полноправным членом Совета Экономической Взаимопомощи, Организации Объединенных Наций и многих других международных организаций. Ныне МНР поддерживает дипломатические отношения более чем с 90 странами.

Выдающуюся роль в дальнейшем всестороннем развитии и расширении монголо-советской дружбы и сотрудничества играет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в 1966 г. во время пребывания в МНР партийно-правительственной делегации Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, большим другом монгольского народа товарищем Л. И. Брежневым. Обобщив многолетний богатый опыт дружбы и сотрудничества монгольского и советского народов, углубляя и развивая положения Соглашения 1921 г. и Договора 1946 г., этот договор открыл новый этап в истории плодотворного сотрудничества наших стран.

Обе стороны договорились и дальше укреплять нерушимую традиционную дружбу народов Монгольской Народной Республики и Советского Союза, развивать всестороннее сотрудничество и братскую взаимопомощь на основе принципов социалистического интернационализма, продолжать углублять экономические и научно-технические контакты как на двусторонней основе, так и в рамках многостороннего сотрудничества социалистических стран, в том числе по линии СЭВ, расширять культурные связи.

Важное значение имеют положения договора о решимости обеих стран продолжать усилия, направленные на сохранение и укрепление мира и безопасности народов, проводить политику поддержания и укрепления дружественных отношений и сотрудничества между государствамизиатского континента, совместно выступать за предотвращение и устранение угрозы империалистической агрессии в этом районе мира. В договоре предусмотрено обязательство оказывать «взаимную помощь в обеспечении обороноспособности обеих стран в соответствии с задачами укрепления оборонной мощи социалистического содружества».

За полтора десятилетия, истекших со времени подписания Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Первым секретарем ЦК МНРП Ю. Цеденбалом монголо-советского договора, многое сделано для дальнейшего углубления дружбы между братскими партиями, монгольским и советским народами.

Каждое положение договора, пронизанного духом пролетарского интернационализма, заботой об интересах социалистического содружества, защите социалистических завоеваний обоих народов, упрочении мира в Азии и во всем мире, неуклонно и самым плодотворным образом воплощалось в жизнь.

Ныне с полным основанием можно сказать, что Договор 1966 г. стал прочным фундаментом, цементирующим традиционную братскую дружбу монгольского и советского народов, что его благотворное влияние на дальнейшее развитие и углубление монголо-советских отношений сказывается все глубже во всех областях жизни.

В течение последних пятилеток силами и средствами Советского Союза, а также при его технико-экономической помощи были построены и введены в эксплуатацию в различных районах МНР многочисленные объекты важного народнохозяйственного значения. Среди них особое место занимает индустриальный гигант — медно-молибденовый горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт», сооруженный совместными усилиями обеих стран. Этот комбинат с проектной мощностью, рассчитанной на добычу и переработку 16—20 млн. т медной и молибденовой руд в год, — самый большой из построенных когда-либо в нашей стране про-

мышленных объектов и одно из самых крупных предприятий подобного рода в мире.

Братская интернациональная помощь СССР Монголии возрастает из года в год. С помощью Советского Союза только с 1949 по 1980 г. в МНР построено более 600 различных объектов. На предприятиях, построенных и реконструированных при технико-экономическом содействии СССР, производится более 80 % электроэнергии, 80 % добычи угля, 90 % продукции металлообрабатывающих предприятий, 90 % муки и т. д. Сегодня в высших и средних учебных заведениях Советского Союза обучается свыше 9 тыс. монгольских юношей и девушек.

Важное значение в деле дальнейшего развития экономического сотрудничества между нашими странами имеет подписанное 13 июня 1980 г. в Москве Межправительственное соглашение между МНР и СССР об экономическом и техническом сотрудничестве на 1981—1985 гг. Оно явилось еще одним ярким свидетельством нерушимости традиционной монголо-советской дружбы, огромной помощи советского народа в деле создания материально-технической базы социализма в нашей стране, расширения и углубления всестороннего братского сотрудничества между монгольским и советским народами.

Всестороннее сотрудничество с Советским Союзом имеет также неопределимое значение для дальнейшего укрепления обороноспособности МНР, для защиты ее независимости и безопасности.

В дело расширения и углубления всестороннего сотрудничества между нашими братскими странами, партиями и народами особый личный вклад вносят товарищи Ю. Цеденбал и Л. И. Брежнев. В постановлении Политбюро Центрального Комитета МНРП об итогах Крымской встречи товарища Ю. Цеденбала с товарищем Л. И. Брежневым, состоявшейся в августе 1980 г., говорится: «Крымская встреча товарищей Ю. Цеденбала и Л. И. Брежнева вновь подтвердила беспредельную преданность обеих стран великим принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, явилась конкретным вкладом в укрепление братской дружбы и всестороннего сотрудничества между МНРП и КПСС, МНР и Советским Союзом».

Монгольская Народная Республика горячо приветствует и поддерживает инициативные усилия Советского Союза, направленные на решение волнующих человечество проблем современности, таких, как укрепление и углубление разрядки напряженности, прекращение гонки вооружений и устранение угрозы новой мировой войны.

СССР и МНР последовательно выступают за упрочение мира и безопасности в Азии совместными усилиями азиатских государств, за развитие между ними отношений добрососедства и дружественного сотрудничества. Проводя согласованную миролюбивую политику, СССР и МНР решительно поддерживают национально-освободительную борьбу народов Азии, активно противодействуют политике и действиям китайского руководства, которое, смыкаясь с силами империализма и реакции, пытается нагнетать международную напряженность, стремится установить свое господство над миром. Как бы ни пытались империалисты и гегемонисты, им не удастся повернуть колесо истории вспять, помешать поступательному движению человечества, упрочению социализма, потому что идеалы мирного развития и разрядки овладевают умами и сердцами народов, а борьба народов против империализма и реакции становится все шире. В авангарде этой борьбы идет великий Советский Союз — могучий оплот мира, свободы и социального прогресса народов.

В приветствии товарищей Л. И. Брежнева и Н. А. Тихонова товарищам Ю. Цеденбалу и Ж. Батмуху по случаю 35-й годовщины Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и МНР говорится: «...За минувшие годы взаимодействие между КПСС и МНРП,

СССР и МНР неуклонно развивалось по восходящей линии и ныне приобрело подлинно всесторонний характер. Растут масштабы, обогащается содержание, совершенствуются формы советско-монгольского сотрудничества в политической, экономической, научно-технической, культурной и других областях. Это динамичное и плодотворное сотрудничество хорошо служит интересам наших стран и народов, является важным звеном во всей системе связей государств социалистического содружества, выступает как весомый фактор обеспечения мира и безопасности в Азии, на Дальнем Востоке. КПСС, советский народ будут и впредь всемерно крепить основанный на принципах социалистического интернационализма союз наших партий, государств и народов».

Международное значение монголо-советской дружбы состоит в том, что она доказала правоту учения В. И. Ленина о возможности перехода отсталых народов с помощью победившего пролетариата к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Наша дружба, внесшая совершенно новый вклад в историю подлинно равноправных отношений между народами, нерушима и кристально чиста, обладает огромной преобразующей силой и будет здравствовать и процветать в веках, так как она всегда защищает общие интересы наших братских народов, основана на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма.

Проимпериалистическая политика Пекина

У становление в Китае в 1949 г. строя народной демократии явилось результатом многолетней освободительной борьбы китайского народа против империализма и внутренней реакции. В этой борьбе Советский Союз, международное коммунистическое и рабочее движение, прогрессивные силы всего мира стояли на стороне китайской революции, всемерно поддерживали ее. Разгром и изгнание Советской Армией японских интервентов из Маньчжурии позволили демократическим силам Китая во главе с коммунистами создать здесь при помощи Советского Союза прочную революционную базу. Отсюда развернулось мощное наступление Народно-освободительной армии Китая, которое привело к краху гоминьдановской власти.

Советские люди, народы социалистических стран, коммунисты и прогрессивные люди всего мира радовались успехам китайского народа в строительстве новой жизни. Советский Союз, другие страны мировой социалистической системы оказывали большую бескорыстную помощь Китаю во всех областях. Тысячи опытных специалистов из СССР, специалисты из других социалистических стран принимали активное участие в строительстве заводов, железных дорог, мостов, в создании культурных и научных учреждений. В этом проявлялся социалистический интернационализм.

К этой интернационалистской помощи существовало разное отношение в КПК и китайском обществе. Если преобладающая часть партии, трудящиеся видели в этом ключ к социалистическому переустройству китайского общества, то националистические силы во главе с Мао Цзэдуном рассчитывали использовать прогресс, связанный с развитием КНР по социалистическому пути в союзе с СССР и другими братскими странами, для осуществления своих шовинистических замыслов.

В дальнейшем, с конца 50-х годов, националистические тенденции в политике китайских руководителей стали обнаруживаться все яростнее. Уже тогда наметился поворот в политике, которому благоприятствовали обилие мелкобуржуазных элементов в стране и КПК, неграмотность значительной части членов партии. Маоисты к тому же ловко играли на издавна укоренившихся в стране идеях китаецентризма, гипертрофированного представления о роли Китая в мире.

Сначала маоисты стремились исподволь, в замаскированных формах надвязать свою идеологическую платформу и лидерство социалистическому содружеству, международному коммунистическому и национально-освободительному движению. Одновременно была сделана попытка подмены марксистско-ленинского учения и коллективного опыта социалистических стран «идеями Мао Цзэдуна», являющимися вульгаризацией и ревизией марксизма-ленинизма с позиций мелкобуржуазного национализма и авантюризма. Когда же этот замысел не удался, маоисты выступили против мирового социализма с открытым забралом. С начала

70-х годов социал-шовинистическая по своей направленности власть в Китае сделала серьезные заявки на сотрудничество с империализмом на антисоветской основе.

Современный китайский социал-шовинизм относится к типу оппортунистических и националистических течений, изначально сопутствующих революционному движению рабочего класса. Раскрывая суть социал-шовинизма, В. И. Ленин в свое время указывал, что его основная идея «есть союз или сближение (иногда соглашение, блок и т. д.) буржуазии и ее антипода»¹. Опыт борьбы с указанными течениями позволил международному коммунистическому движению уже в начале 60-х годов предсказать возможность перерождения маоистского левачества в откровенную контрреволюцию, выступающую с проимпериалистической политикой. В частности, в докладе М. А. Сулова на февральском (1964) Пленуме ЦК КПСС говорилось: «Как бы не получилось, что, идя по своему неверному, антиленинскому пути, китайские руководители не пришли к фактическому смыканию с реакционными, воинственными элементами империализма»².

Эволюционировав от ультралевачества к крайне правым позициям, китайский социал-шовинизм к концу 70-х годов созрел для длительного партнерства с империализмом, с его наиболее воинственными кругами.

Среди враждебных науке социализму оппортунистических течений и сил прошлого и настоящего, пожалуй, трудно найти более откровенное в своем пристрастии к милитаристским методам решения политических вопросов, чем маоистское, социал-шовинистическое течение в Китае. Для империализма особенно важно то, что крайне воинственный антисоциалистический милитаризм возник в крупной стране, обладающей определенными возможностями оказывать влияние на формирование обстановки в обширном азиатско-тихоокеанском регионе и во всем мире. Для империализма важно и то, что его собственная стратегия силового давления на социалистическое содружество, чреватая общечеловеческой катастрофой, перекликается с аналогичной стратегией руководства КНР, которое выдает свою контрреволюционную, проимпериалистическую линию за пролетарскую, социалистическую.

Совместные попытки империалистических стратегов и лидеров КПК внушить народам мысль о якобы объективной неизбежности третьей мировой войны помогают военно-промышленному комплексу Запада ослаблять влияние антивоенных сил, в том числе рабочего класса капиталистических стран, в борьбе против взвинчивания гонки вооружения, против расширения подготовки к войне. Таким образом, именно милитаристский экстремизм империалистической реакции и современного китайского социал-шовинизма решающим образом предопределил развитие военно-политического партнерства Пекина с империализмом.

Кроме того, по расчетам империалистических кругов, прежде всего США, нынешний Китай может стать союзником империализма по следующим причинам:

1. Нынешнее руководство Китая занимает непримиримую позицию по отношению к СССР и другим странам социалистического содружества, и вместе с тем его политика внутри страны, проводимая под лжесоциалистическими лозунгами, дискредитирует систему обобщественного производства — экономическую основу социализма.

2. КНР, экономика которой остается слабой, не является серьезным конкурентом для империалистических государств на мировом рынке, а китайское противодействие экономическим связям социалистических стран с развивающимися странами облегчает империалистическим монополиям господство на мировых рынках.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 151.

² М. А. Сулов. На путях строительства коммунизма. Речь и статьи, т. 1. М., 1977. с. 472.

3. Великоханьская политика КНР в отношении азиатских стран, в том числе Индии, стран Индокитая, создает политическую нестабильность в этом районе, позволяет империалистическим государствам использовать противоречивую обстановку в регионе.

Вместе с тем великоханьское руководство КНР рассчитывает получить определенные выгоды от сближения с империалистическими странами, в том числе возможность использовать военно-экономический потенциал империализма, его финансовую поддержку.

На основе взаимного совпадения интересов в настоящее время сближение Китая с США, основной империалистической державой, вступило в новый этап, характеризующийся активным развитием их военно-политических связей и угрозой создания антисоциалистического, антисоветского альянса. Об этом свидетельствуют растущее взаимодействие Пекина и Вашингтона на международной арене, согласование параллельных акций, прежде всего в Азии, установление постоянных контактов между военными ведомствами КНР и США, налаживание и расширение форм военного сотрудничества — от обмена информацией и взаимного ознакомления с «оборонным планированием» до разработки проектов оказания военной помощи Китаю.

Внешнеполитические концепции США предусматривают использование великодержавно-националистического курса Пекина, его враждебной, подрывной деятельности в отношении социалистического сотрудничества и негативного подхода к глобальным проблемам современности в целях превращения Китая в ударную силу против мира социализма, постепенной трансформации развития КНР в направлении к капитализму.

Большие надежды возлагаются Вашингтоном на Китай в проведении американским империализмом курса на подрыв позиций социализма в Азии. Прежде всего поэтому поощряется агрессия Пекина в Индокитае — проведение Пекином дипломатической изоляции, экономического бойкота и военных провокаций против Вьетнама, Кампучии и Лаоса пользуется полной поддержкой США. В содействии китайской экспансии в Индокитае Вашингтон идет дальше своих союзников — Японии и западноевропейских стран, поскольку он более заинтересован в обострении советско-китайских отношений и стимулировании шовинистических амбиций лидеров КНР.

США рассчитывают на содействие Пекина в сохранении и укреплении позиций американского империализма на Дальнем Востоке, а также отчасти на Среднем и Ближнем Востоке. Китайское руководство в свою очередь заинтересовано в сохранении американско-японского союза, продолжении американской оккупации Южной Кореи, превращении Пакистана в форпост империализма по расширению подрывной деятельности против СССР, ДРА и Индии.

На базе такого рода общности в США строятся планы создания военного альянса с Китаем, образования некоего «Восточного НАТО» в составе США, КНР, Японии, Австралии и других связанных с ними стран.

Китайско-американский альянс может и не стать формальным военно-политическим союзом. Он может иметь форму фактического военного блокирования США и Китая на практической основе при критических ситуациях и в зависимости от других политических условий.

Однако место Китая в глобальной стратегии империализма нельзя сводить к тому, что современный режим КНР выступает лишь как младший партнер Запада в его противоборстве с силами прогресса и мира на различных континентах. Опасное влияние Пекина на развитие международной обстановки пронстекает в значительной степени из того, что социал-шовинистическое руководство КНР давно уже взяло на себя функцию катализатора международной напряженности, подстрекателя экстремистских сил, стремящегося довести противоречия в мире до взрыва.

Провокационная позиция китайского социал-шовинизма стала при-

обретать особую опасность в результате поворота Пекина к сближению и скоординированному взаимодействию с империализмом, который был и остается в нашу эпоху главным источником войн.

Став фактическим военно-политическим партнером империализма, пекинские гегемонисты, во-первых, вселили правящим кругам Запада надежду на усиление агрессивных сил империализма, а следовательно, сделали еще более опасным свойственный этим кругам внешнеполитический авантюризм и, во-вторых, обеспечили себе прямые каналы влияния на формирование глобальной стратегии империализма и, таким образом, создали более благоприятные условия для осуществления собственного курса, нацеленного на провоцирование международной напряженности, региональных и глобального конфликтов.

Характер позиции пекинского гегемонизма, смысл его внешнеполитической стратегии делают вполне вероятным дальнейшее более тесное союзническое взаимодействие Китая с империализмом по широкому кругу вопросов противоборства с социалистическим содружеством, а также с другими антиимпериалистическими, антивоенными силами. Стремясь к достижению гегемонистских целей, пекинские социал-шовинисты неизбежно будут все более концентрировать указанное взаимодействие именно вокруг путей и способов искоренения из международной жизни любых проявлений разрядки и самой разрядки как тенденции мирового развития.

Маоистский социал-шовинизм, давно заявивший о себе как о враждебной делу мира силе, ныне выступает на международной арене наиболее циничным и деятельным поджигателем войны, стремящимся сделать свой милитаристский экстремизм эталоном, нормой политического поведения. Этими качествами пекинского гегемонизма в первую очередь определяется место современного китайского государства в глобальной стратегии империализма. Все это дает основания рассматривать пекинский гегемонизм как один из крупных источников военной опасности в наши дни.

Одним из проявлений блокирования Пекина с империалистическим миром является усиление правых тенденций во внутренней политике нынешнего китайского руководства, особенно политика поощрения частного предпринимательства и широкого привлечения в экономику страны иностранного капитала.

Послемаоцзэдуновским руководством Китая в качестве основного внутривнутриполитического курса провозглашена «программа четырех модернизаций», являющаяся на деле конгломератом различных противоречивых и непоследовательных «спасательных мер», чреватых негативными социальными последствиями. Важное место среди этих мер занимает предоставление наиболее соблазнительных условий иностранному капиталу для его привлечения в экономику Китая.

Однако широко разрекламированная «модернизация» не может разрешить коренных социально-экономических проблем, ибо ее подоплекой, политической и идеологической платформой является не социалистическая ориентация экономики, а прежде всего безудержное сползание вправо как в области заимствования «рыночных моделей социализма», так и в области прямого перенесения капиталистических приемов управления экономикой. Опасность возрождения чуждых социализму элементов экономического базиса в КНР при непрочной и рыхлой социальной и экономической структуре очень велика. Нынешняя экономическая политика китайского руководства, являясь ответной реакцией на «левую» маоистскую стратегию периода «большого скачка» и «культурной революции», все более вбирает в себя правые, ревизионистские и реформистские направления общественного развития. Подлинные задачи научно-технического и культурного прогресса Китая, задачи подъема жизненного уровня трудящихся страны отодвигаются за пределы нынешнего сто-

летия. Их решение не представляется реальным и для самого руководства. Отсюда проистекают и мелкие материальные посулы типа «поэтапного повышения зарплаты», «роста закупочных цен на продукцию сельского хозяйства», «расширения самостоятельности предприятий народных коммун», «решения жилищной проблемы в городах за счет средств населения» и др. Любое манипулирование скудными жизненными средствами, любое перераспределение ограниченного фонда накопления фактически не затрагивает огромного военного бюджета китайского государства. Нарращивание военно-промышленного комплекса любой ценой и в кратчайшие сроки является неизменной линией всей политики китайского руководства.

Современное внутривластное развитие Китая, отражая общую социально-экономическую обстановку в стране, носит сложный и противоречивый характер. Сложившаяся в Китае коалиция руководителей продолжает проводить маоцзэдуновский стратегический курс на создание мощной военно-промышленной державы, способной установить сначала региональное, а затем и мировое господство. Не отказавшись от маоистского знамени, нынешние китайские руководители прибегли к постепенному пересмотру ряда политических и идеологических установок маоизма, сохраняя, однако, в неприкосновенности его шовинистическое ядро, находящее наиболее заметное внешнее выражение в антисоветизме. Шовинизм и антисоветизм вместе с амбициозными замыслами строительства «великого Китая» являются платформой, характерной для всех фракций китайского руководства.

Современной правящей верхушке Китая не удалось стабилизировать внутривластную обстановку в целом, что обусловлено наличием противоречий в китайском обществе, разрешить которые на основе маоизма (даже модифицированного) нельзя. Главное из них — противоречие между экономическим базисом, основывающимся на обобществленных средствах производства, и политикой правящей группы КНР, носящей антисоциалистический характер.

Эта группа, продолжая широкое социальное и политическое маневрирование, вместе с тем все больше и больше делает ставку на административно-политические методы управления обществом. В отличие от аналогичных методов при жизни Мао Цзэдуна сейчас насильственные меры, насколько это возможно, облачаются в правовую форму с применением формальных процедур. Кроме того, при главенстве административно-политических методов определенное внимание теперь обращается и на использование в управлении экономических рычагов, некоторых рациональных установок, зарубежного опыта.

Военно-бюрократическая диктатура продолжает сохраняться за измененным фасадом государства, и проводящиеся ныне в Китае мероприятия в области политической системы в конечном счете направлены на укрепление этой диктатуры. Именно этому служат меры по повышению эффективности политического механизма страны, в первую очередь органов безопасности, суда и прокуратуры (эти органы, по официальной китайской доктрине, вместе с армией являются «государственной машиной народа»).

Пекинское руководство, видимо, полагает, что созданный с использованием прежних (50-х и начала 60-х годов) организационных форм аппарат управления и подавления, по-видимому, позволит эффективнее осуществлять внутривластный контроль, пресекать разрозненные выступления оппозиционных сил. Разрабатываемая сейчас система преемственности высшей власти направлена на то, чтобы обеспечить проведение сформировавшегося в последние годы политического курса китайского руководства на сравнительно длительный период.

В ходе внутривластного маневрирования китайской верхушки изменяется социальная опора ее власти. Она заигрывает с национальной

буржуазией, превратившейся в «социалистических труженников», и интеллигенцией, объявленной «частью пролетариата». В политике по отношению к рабочему классу и крестьянству также очевидна переориентация на более обеспеченные слои этих классов (квалифицированные рабочие, зажиточные — по китайским стандартам — крестьяне), которые в недавнем прошлом подвергались ударам со стороны маоистских «радикалов».

Правящая верхушка Китая не ориентируется, как в недавнем прошлом, на массы городской и сельской бедноты. Эти массы не могут быть движущей силой «четырёх модернизаций». Однако они являются взрывоопасным человеческим материалом и в этом качестве неоднократно себя проявляли. Возможности улучшить их положение при форсированной «модернизации», связанной с огромными затратами на вооружение, нет. Следовательно, остается и даже расширяется почва для недовольства пауперизированных масс своим положением. Это недовольство уже не сдерживается уравнилельскими тенденциями сверху. Эти массы продолжают оставаться питательной средой экстремистского маоизма и постоянным дестабилизирующим фактором внутривластной обстановки в стране. В будущем, при смене поколений в китайском руководстве, у них могут найти поддержку выдвиженцы «культурной революции» в аппарате политического и административного руководства. Сейчас на этот слой китайских кадров сыплются удары, но в силу своей многочисленности и по причинам возрастного характера он сможет сыграть тогда определенную роль.

Характерной чертой идеологической ситуации в Китае является борьба вокруг наследия Мао Цзэдуна. Эта борьба отражает глубокий идейно-теоретический кризис маоизма, оказавшегося неспособным дать китайскому обществу научно обоснованную программу социально-экономического и политического развития. Столкнувшись с широким недовольством трудящихся политикой Мао Цзэдуна, нынешние китайские лидеры вынуждены были прибегнуть не только к политическому, но и к идеологическому маневрированию, чтобы попытаться найти выход из того тупика, в который завел Китай маоизм. Этот выход китайское руководство ищет на путях корректировки и пересмотра отдельных, причем весьма существенных установок маоизма. Пересмотр сопровождается критикой наиболее одиозных его сторон, которые списываются в основном на Линь Бяо и «четверку». Вместе с тем в критике имеет место и прямое указание на ошибки Мао Цзэдуна, «идеи» которого официальная пропаганда призывает ныне заново «проверять» современной практикой «четырёх модернизаций». Корректировка идеологических основ политики Китая происходит в обстановке борьбы между различными группировками в руководстве партии и государства. При этом сохраняется «ведущий мотив» маоизма — великоханьский шовинизм в идеологии и гегемонизм в политике. «Идеи» Мао развиваются сейчас в Пекине вправо как обоснование прямого военно-политического блокирования с мировым империализмом. При этом полностью сохраняется милитаристская и антисоветская направленность политики руководства Китая.

Перейдя от параллельных с империализмом действий по подрыву позиций международных сил прогресса к прямому военно-политическому партнерству с ним, превратив китайское государство по классовому содержанию его внешней политики в звено капиталистической системы³, пекинские социал-шовинисты прямо содействуют укреплению мировой реакции, стимулируют ее на ужесточение курса в отношении антиимпериалистических сил, прежде всего в отношении социалистического содружества.

Вместе с тем военно-политическое партнерство империализма с Пекином, хотя и укрепило в какой-то мере позиции сил реакции и войны,

³ См.: «Правда», 23.VII.1980.

не привело к глубокому нарушению сложившегося военно-стратегического равновесия между противоборствующими мировыми лагерями. Не случайно и правящие круги Запада, и пекинские гегемонисты взвинчивают гошку вооружений, рассчитывая со временем значительно превзойти социалистическое содружество по масштабам и качеству военной мощи. Однако в данной связи достаточно напомнить, что мировой социализм сумел догнать Запад, добился военно-стратегического равновесия с миром капитализма в условиях, когда последний отнюдь не стоял на месте, а из года в год непрерывно и высокими темпами наращивал свои вооружения. Поддерживать уже достигнутое равновесие значительно легче. Сохранение на необходимом уровне коллективной обороноспособности братских стран социалистического содружества является фактором, сводящим на нет усилия милитаристских сил Запада и пекинского гегемонизма, делает, по существу, бесперспективным их военно-политическое партнерство.

В широкой исторической перспективе мир социализма, весь антимперналистический фронт имеют безусловное преимущество перед лагерем империалистической и националистической реакции, и перспективы мира во многом зависят от того, насколько полно данное преимущество будет использовано в острой ситуации наших дней, а также насколько, с другой стороны, антивоенным силам удастся воспрепятствовать попыткам противников разрядки сплотить свой «единый фронт».

Милитаристский экстремизм крайней империалистической реакции и современного китайского социал-шовинизма predetermined развитие военно-политического партнерства Пекина с Западом. Однако в этом партнерстве заложены и противоречия, ослабляющие попытки сплочения «единого фронта» пекинского социал-шовинизма и империалистической реакции. К числу таких противоречий относится конечная несовместимость глобальных гегемонистских интересов империализма и Пекина. Это определяющее противоречие между пекинским социал-шовинизмом и империализмом. Но также существует и общее противоречие китайского общества с империализмом — противоречие между социалистической тенденцией развития Китая и направленной против нее политикой Запада. В перспективе эти противоречия могут привести к ослаблению военно-политического партнерства Пекина с Западом, однако реальностью сегодняшнего дня является укрепление этого партнерства, стимулируемого определяющими внешнеполитический курс КНР социал-шовинистическими силами.

Нельзя поэтому закрывать глаза на то, что в результате слияния империалистического и социал-шовинистического источников войны создается чрезвычайная угроза безопасности народов, миру на земле. В свете этого у всего человечества нет более актуальной задачи, чем задача мобилизации сил и средств для срыва заговора против мира, который плетут милитаристские круги Запада и пекинские гегемонисты.

Социально-экономические противоречия в Китае

*Е. А. Коновалов,
доктор экономических наук,
С. А. Манежев,
кандидат экономических наук*

Со времени образования КНР прошло свыше трех десятилетий, которые были наполнены как колоссальными по масштабам социальными преобразованиями, так и бесконечными «всенародными кампаниями» и перетрясками во всех эшелонах руководства. Если в первые годы можно было уверенно свидетельствовать о поступательном, хотя и трудном, восхождении страны от отсталого докапиталистического общества к социализму, о вступлении Китая в переходный период построения материально-технической базы социализма в условиях бескорыстной огромной помощи со стороны Советского Союза и других социалистических стран, то за последнюю четверть века пекинские руководители вначале в скрытой, а затем в неприкрытой форме демонстрируют свой особый курс внутренней и внешней политики. Этот курс, навязанный китайскому народу, прямо враждебен марксизму-ленинизму, он означает отход от основных принципов научного социализма и пролетарского интернационализма, вылился в прямую смычку националистических сил руководства КПК с самыми реакционными силами империализма. Такая политика китайского руководства привела к серьезной угрозе утраты важнейших завоеваний социализма, существенных преимуществ, заложенных в социалистическом строе вообще. В итоге не были реализованы те социальные задачи и цели, которые ставились компартией в начальный период существования КНР. Те социалистические потенции, которые были заложены в экономическом базисе вследствие конфискации гоминьдановской собственности, проведения аграрной реформы и начальных форм кооперирования сельского хозяйства, а также использования различных форм госкапитализма, так и не были реализованы в результате необоснованных авантюристических «скачков» и социальных экспериментов, последовавших с конца 50-х годов.

К настоящему времени базисные отношения в КНР характеризуются наличием формального обобществления, формы собственности во все большей степени наполняются содержанием, чуждым народным интересам. Высшей целью производства государства во все возрастающей мере является максимальное извлечение прибавочного продукта во имя милитаризации и гегемонизма. Коренные материальные и духовные потребности трудящихся игнорируются. Китайское руководство использует и приспособливает социалистические формы к проведению антисоциалистической политики, пытается извлекать из огосударствления максимальные выгоды для централизации власти, аккумуляции бюджетных средств, прикрывается ширмой «демократии» по китайскому образцу для усиления всех рычагов политической и экономической диктатуры. В этих условиях закономерности социализма не могут проявляться, преимущества крупного обобществленного производства сводятся на нет, выхолащивается самый смысл революционных преобразований. Субъективный фактор на деле превращается в крайний субъективизм и волюнтаризм.

Не удивительно, что в результате такой внутренней политики важнейшие социально-экономические проблемы не решаются, либо их решение является паллиативным, откладывается на неопределенное будущее. В качестве впечатляющих итогов развития КНР за истекшие 30 с лишним лет можно говорить лишь о том, что в стране население почти удвоилось и приблизилось к миллиарду человек, НОАК является самой многочисленной армией на земном шаре, осуществляются запуски межконтинентальной баллистической ракеты массой в 2000 кг и дальностью стрельбы 10 тыс. км. Что касается производства национального дохода на душу населения, то КНР стоит в ряду стран мира на 120 месте, в городах Китая насчитывалось свыше 20 млн. безработных среди грамотной молодежи и 100 млн. человек, не имеющих работы, — в деревне, расходы на ученика школы в 2 раза ниже, чем в Египте, по оплате учителей Китай находится на последнем месте в мире.

Со времени образования КНР, за исключением первой пятилетки (1953—1957), пятилетние планы в стране либо не разрабатывались, либо до окончания срока их исполнения так и не утверждались и не обнародовались. Годовые планы неоднократно пересматривались в ту или иную сторону, до предпринятых планы доходили в таких показателях, которые не совпадали с общегосударственными директивами. Местные органы власти, министерства и ведомства, пренебрегая интересами и возможностями предприятий и коллективов, подчиняясь духу местничества и бюрократизма, произвольно завышали задания, самочинно раздували масштабы капитального строительства, пытались в соответствии с концепцией «опоры на собственные силы» создавать замкнутые самообеспечивающиеся комплексы в масштабах провинций, районов, городов и уездов. Поначалу эта ориентация на самообеспечение устраивала центр, поскольку давала возможность изымать средства с мест, не оказывая им значительной финансовой и материально-технической помощи. Однако по мере абсолютизации этого курса, повсеместного распространения «духа Дацина», «духа Дачжая» в стране была нарушена плановая дисциплина, а также система централизованного, сбалансированного планирования. Строительство важнейших объектов общегосударственного значения затягивалось, а десятки тысяч внеплановых мелких предприятий в городе и в сельских районах росли, как «бамбук после весеннего дождя». Лишь с 60-х годов общее число промышленных предприятий в стране возросло со 160 до 350 тыс., причем сейчас на мелкие и мельчайшие предприятия приходится 99,7 % общего числа промышленных объектов. В этих условиях руководство вынуждено признать, что страна длительное время находилась в «полуплановом, полуанархическом» состоянии.

Лишь с 1975 г. в качестве альтернативы был предложен курс «четырех модернизаций», а в 1978 г. выдвинут десятилетний план развития, на 1976—1985 гг. Однако с самого момента обнародования этого плана было очевидно, что он экономически не обоснован: не имеет финансового и материального обеспечения. В лучшем случае он мог рассматриваться как очередной призыв поднять активность трудящихся и, главное, как предложение Западу оказывать Китаю помощь в любых формах для реализации «четырех модернизаций». В настоящее время руководство признало несостоятельность этого плана, а на III сессии ВСНП пятого созыва (сентябрь 1980 г.) было признано нецелесообразным пересматривать и корректировать его на остающиеся годы. Таким образом, официально подтвержден провал начатых модернизаций по «китайскому образцу». Взамен этого выражено пожелание начать срочную разработку долгосрочной программы экономического развития, с помощью которой удалось бы преодолеть общий кризис народного хозяйства, выправить колоссальные диспропорции, изменить отрасле-

вую структуру, ликвидировать огромный бюджетный дефицит. Утверждалось, будто исходным пунктом при составлении этой программы должно стать «улучшение жизни народа», «учет требований объективных законов».

Для изменения всей стратегии, которая ныне направлена на создание «мощного процветающего» Китая на милитаристской основе, необходимо изменить принципиальные подходы к экономическому росту, изменить социальные цели развития, сломать сложившиеся пропорции воспроизводства. Сегодня в Китае пытаются осознать всю сложность и многообразие нерешенных проблем, но, по-прежнему не имея обоснованной стратегии развития, вынуждены чрезвычайные меры выдавать за новую экономическую политику, сокращение масштабов производства и строительства в решающих отраслях — за улучшение пропорций, а возрождение несоциалистических форм собственности — за «расширение свобод», за целесообразное и необходимое использование методов рыночного регулирования как дополнения к плановому регулированию.

Реальность новой долгосрочной программы в большей мере будет зависеть от оптимального соотношения между накоплением и потреблением в национальном доходе. По опыту первой пятилетки и последующих периодов такой оптимальной пропорцией в нынешних условиях может выступать пропорция 25:75. Между тем эта пропорция выдерживалась лишь в первые годы после образования КНР. С 1958 г. она поднялась до 40 %, держалась на исключительно высоком уровне в течение трех лет, после чего в стране наступил глубокий кризис, что потребовало резкого спада инвестиционного цикла (в 1962 г. норма накопления опустилась до 10 %). Со времени «культурной революции», с ускорением реализации программы ракетно-ядерного перевооружения норма накопления поднимается вновь за допустимую границу. И после смерти Мао Цзэдуна, несмотря на постоянные заверения руководителей о стремлении «заботиться о жизни народа», норма накопления повысилась в 1978 г. до 36,5 % и лишь с 1979 г. путем резкого сокращения фронта капитального строительства постепенно уменьшается: в 1979 и 1980 гг. она составляла соответственно 33,6 и 30 %¹. Важнейшей причиной столь высокой нормы накопления служил широчайший фронт капитального строительства.

По опыту и объективным условиям КНР оптимальное соотношение расходов на капитальное строительство к бюджетным расходам составляет 35 % (в 1953—1957 гг. оно составляло в среднем 37 %), однако в годы «большого скачка» эта доля подскочила до 50 %, в последующие годы она превышала 40—45 %. И в настоящее время в стране пытаются прекратить строительство, законсервировать одни объекты, но в то же время начинается строительство других, незапланированных. Сворачивается строительство мелких, но продолжается строительство наиболее дорогостоящих (типа Баошаньского металлургического завода) предприятий, которые требуют десятков миллиардов юаней. Верхний предел объема капитальных вложений в течение трех лет (1979—1981) в размере 50 млрд. юаней требует ломки отраслевых пропорций, отказа от развития ключевых отраслей и производств (в частности, черной и цветной металлургии, электроэнергетики, тяжелого и транспортного машиностроения, строительства и модернизации транспорта) и т. д.

Отраслевая структура производства перестраивается без учета объективных потребностей, в зависимости от их капиталоемкости, энергоемкости и возможностей применения огромных масс малокавалифицированного ручного труда. По сути дела, «идеальной» отраслевой структурой для КНР пытаются представить такую, где доля отраслей группы

¹ См.: «Жэньминь жибао», 23.X.1980.

«Б» будет значительно превышать долю группы «А». При этом критерием для приоритетов этих отраслей берется потребление энергетических ресурсов (в отраслях группы «Б» потребляется в среднем в пять раз меньше, чем в группе «А»), значительно большее насыщение их живым трудом (в группе «Б» на 1 млн. юаней капиталовложений можно занять в 5—10 раз больше работников, нежели в группе «А»). Из-за этого свертывается производство металла, машин и станков, предназначенных для выпуска продукции гражданского назначения.

Единственным выходом из создавшейся ситуации могло бы служить повышение эффективности производства. Однако до сих пор нет признаков отхода от курса на милитаризацию страны, а решение проблемы повышения эффективности производства затягивается на многие годы.

В докладе министра финансов КНР на третьей сессии ВСНП было отмечено, что поступления в госбюджет от государственных промышленных предприятий в расчете на 100 юаней реализованной продукции составили в 1979 г. 25 юаней против 30 юаней в 1965 г., в первой половине 1980 г. убыточность промышленных предприятий исчисляется в размере 1,4 млрд. юаней². В соответствии с новым экономическим курсом предусматривается закрытие предприятий, где расход сырья, материалов и электроэнергии значительно превышает нормативы (например, приостанавливается деятельность мелких металлургических заводов, на которых расход кокса превышает 800 кг на 1 т чугуна, предприятия по производству азотных удобрений, где расход топлива превышает 2800 кг, а электроэнергии — 1600 кВт·ч на 1 т продукта и т. д.)³.

Если придерживаться такого курса в экономической политике в масштабах всей страны, то придется закрыть десятки тысяч предприятий и миллионы работников останутся без источников существования.

Поиски решения экономических проблем в Китае осложняются совокупностью неблагоприятных условий, которые, если их устранять в отдельности, входят в противоречия друг с другом. Например, перестройка структуры народного хозяйства с капиталоемкой на трудоемкую структуру хотя частично и разрешает проблему трудоустройства, однако порождает множество других проблем. Трудоемкие отрасли промышленности вбирают в обработку значительно больше предметов труда — сырья, материалов, полуфабрикатов и т. п. Они требуют значительного ускорения оборота фондов. Поэтому изменение отраслевых пропорций в пользу легкой, текстильной и пищевой промышленности приводит к немедленному взрыву спроса на сырье, материалы, которые в свою очередь на 70 % зависят от состояния сельского хозяйства и масштабов его товарной продукции. Между тем положение в сельском хозяйстве Китая остается критическим, его направленность по-прежнему в преобладающей мере остается зерновой, в целом сельское хозяйство совершенно не подготовлено для снабжения отраслей группы «Б» самым необходимым сырьем. Новая ориентация экономического развития приведет к тому, что наличные мощности тяжелой индустрии (в стране насчитывается 260 тыс. промышленных предприятий группы «А») будут недоиспользованы, а вновь строящиеся предприятия легкой промышленности, оснащаемые плохим оборудованием, будут иметь сезонный характер производства из-за хронической нехватки сырья и материалов. Устройство на работу миллионов безработных на новые предприятия будет попросту означать формальное их включение в громадную армию труда, которая до сих пор характеризуется низким уровнем образования, профессиональной подготовки, производительности труда.

В стратегическом плане намеченная отраслевая перестройка пагубна тем, что относительное отставание Китая от других стран в технико-

² См.: «Жэньминь жибао», 30.VIII.1980.

³ См. там же, 1.XI.1980.

экономическом отношении усилится, так как резко снизится прирост мощностей современного типа по выплавке металла, добычи энергетических ресурсов, производству машин и оборудования.

С точки зрения воспроизводства предполагаемая отраслевая структура с ориентацией на трудоемкие отрасли приведет к тому, что из всех средств, выделяемых на развитие промышленности и сферы обслуживания, все большая доля будет уходить на оплату труда сверхштатного персонала, на оплату живого труда. Лишь устройство на работу 2 млн. новых рабочих и служащих в городах обходится минимум в 18 млрд. юаней. В 80-е годы в стране придется ежегодно изыскивать работу для 15 млн. лиц трудоспособного возраста, из них для 3 млн. человек — в городах. Таким образом, половина нынешних капиталовложений и прочих финансовых средств государства будет «съедена» созданием новых примитивных рабочих мест. Это обрекает экономическое развитие страны на снижение темпов воспроизводства, эффективности и производительности труда. Из этого можно сделать вывод об отсутствии в КНР условий для выработки цельной, научно обоснованной экономической стратегии.

Управление народным хозяйством — важнейшая проблема в КНР. Ее актуальность вполне очевидна, ибо нынешняя система руководства экономикой, по признанию самих китайских руководителей, является чрезмерно централизованной, бюрократической, основана на волевых административных методах принятия решений и не отвечает требованиям экономических законов. Пекинское руководство пытается объяснить это тем, что система управления с момента образования КНР была скопирована у Советского Союза и вовсе не соответствует объективным условиям страны. Но кто, как не маоисты, виновен в том, что социалистическая модель управления деформирована, что из нее выхолощен дух творческого подхода в виде применения гибких методов и приемов, своевременного перехода от одних форм планирования к другим? Для существующей системы управления экономикой КНР характерно отсутствие демократического централизма, обратных связей в отношениях между предприятиями и центром, подмена бюрократическими методами творческого отношения к использованию преимуществ системы сочетания плановости и товарно-денежных отношений.

В китайской печати много пишут об экспериментах по расширению хозяйственной самостоятельности предприятий, о так называемом сычуаньском эксперименте. Однако перевод предприятий на действительный хозрасчет, на самокупаемость и демократическую систему управления требует многих предварительных условий: отлаживания системы отношений предприятий с государством, реформы цен и налогов, установления прямых связей предприятий между собой по линии снабжения и реализации продукции. «Сычуаньский эксперимент», который проводится в ограниченном масштабе и распространен лишь на несколько тысяч крупных объектов, не содержит самых существенных элементов реформы, в нем отсутствуют объективные критерии соизмерения действительного вклада коллективов в результаты производства с формальными успехами по выполнению или перевыполнению количественных показателей плана. Перекос оптовых цен огромен, а ставки налогообложения настолько экономически нецелесообразны, что в течение десятков лет одни отрасли, являясь убыточными из-за низких цен, уплачивают налоги по высоким ставкам (угольная промышленность и др.), а некоторые рентабельные отрасли (например, нефтедобывающая и химическая) уплачивают налоги по самым минимальным ставкам.

«Сычуаньский эксперимент» предусматривает также, что предприятия будут сами определять ассортимент продукции, выпускаемой сверх установленного плана, находить рынки сбыта такой продукции, формировать цены при реализации этих товаров и соответственно определять

необходимое количество рабочей силы и фонд заработной платы. В условиях Китая это совершенно нереально по тем причинам, что в стране нарастает дефицит именно тех товаров, которые невыгодно изготавливать предприятиям, и, наоборот, складские запасы негодной продукции исчисляются десятками миллиардов юаней, но предприятия продолжают производить такую продукцию в нарастающих масштабах. Если «опытным предприятиям» предлагают самим находить рынки сбыта части готовой продукции, то десятки мелких и средних предприятий, производящих однородную продукцию, конкурируют друг с другом в самом худшем смысле этого слова, снижая цены реализации ниже себестоимости. На многих предприятиях из-за этого не хватает средств даже для выплаты зарплаты, рабочим и служащим принудительно навязывают свою продукцию (например, наручные часы, бытовые вентиляторы и т. п.) по низким ценам, удерживая часть зарплаты в течение нескольких месяцев. Предприятия местного подчинения (особенно в сельских районах) произвольно завышают цены на продукцию для сельского хозяйства, сбывают ее народным коммунальным директивам, по сути дела грабя крестьянство и оправдывая свое существование за счет неэквивалентного обмена.

В течение почти 20 лет в стране действует система общегосударственного набора рабочих и служащих. На предприятиях и в учреждениях отсутствует возможность сокращения излишних штатов, набора необходимых специалистов и рабочих высокой квалификации. Органы по труду навязывают заводам и фабрикам то количество работников и такую структуру специалистов или неподготовленной рабочей силы, которые определяются не потребностями производства, а наличием безработицы. Никакого перераспределения рабочей силы между предприятиями не производится, поэтому с годами складывается совершенно нерациональная структура штатов, изменить которую в течение короткого времени невозможно.

Уже несколько лет в стране применяется система замены выходящих на пенсию работников их детьми. Поэтому более половины вновь устраиваемых на работу молодых людей попадает на предприятия в качестве «наследников» рабочих мест своих родителей независимо от того, каковы их образование, подготовка, специальность, склонности и принадлежность к полу. Это привело к такой парадоксальной и пагубной производственной ситуации, когда с годами вновь набранная рабочая сила совершенно не отвечает действительным потребностям производства. Так, на Чунцинском заводе спецсталей вследствие такой «замены» доля женщин в общей численности персонала возрасла с 14,7 % в 1966 г. до 26,6 % в 1979 г., а на Второй текстильной фабрике г. Чунцина доля мужчин в общей численности подскочила за эти годы с 35,7 до 45,7 %⁴. В школах города Фучжоу «замена» педагогов-родителей их детьми привела к тому, что в качестве новых учителей выступает молодежь с неполным средним и средним общим образованием. На пенсию выходят опытные педагоги, причем 40 % из них — до наступления пенсионного возраста, только для того, чтобы избавить своих детей от гнетущей безработицы. В ряде школ совершенно неподготовленных и полуграмотных детей устраивают на вспомогательные работы, уборку и содержание школьных помещений. В результате соотношение между числом учителей и административно-хозяйственного персонала изменилось с 3:1 до 1:1⁵. Такая система «обязательной замены» существует и в научно-исследовательских институтах, например в Академии лесного хозяйства в Северо-Восточном Китае. Экономический и моральный ущерб от подобных закреплений на всю трудовую жизнь людей за од-

⁴ См.: «Жэньминь жибао», 31.X.1980.

⁵ См.: «Гуанмин жибао», 8.XI.1980.

ними рабочими местами огромен. Это напоминает рабские условия функционирования рабочей силы. Из этого можно сделать вывод, что намечаемая экономическая реформа неосуществима в рамках действующей модели хозяйства.

Острейшей проблемой в Китае является реформа образования. Насколько актуальна задача улучшения системы образования и подготовки кадров, свидетельствует тот факт, что из 800 млн. крестьян 30 % являются неграмотными, а 40 % имеют начальное образование. В городах оканчивает средние школы менее $\frac{1}{2}$ от числа поступающих в начальную школу. Качество обучения очень низкое, не хватает преподавателей, школьных помещений, оборудования, инвентаря, бумаги, учебных пособий и даже мела. Все это явилось результатом общей политики в области образования за последние 15 лет. После «культурной революции» государство, по сути дела, стало «экономить» на образовании, бюджетные расходы сократились в расчете на одного учащегося в 5—6 раз. Это привело не только к снижению качества обучения, но и породило новый «взрыв» неграмотности. С конца 60-х годов в сельских районах было введено платное обучение, что при скромных бюджетах семей крестьян легло на них дополнительным бременем. Особенно пагубно это отразилось на обучении детей в отдаленных сельских районах, где родители предпочитали не отдавать детей в школу вовсе либо не пускать их после прохождения первых классов. Считается, что дети, получившие образование с периода «культурной революции» на протяжении целого десятилетия (а через школу за это время прошло 160 млн. учащихся), являются «потерянным поколением». А ведь именно этот контингент молодых возрастов в 80-е годы и будет определять качество армии труда. Даже в Шанхае, самом крупном промышленном центре страны, с наиболее квалифицированным рабочим классом, из 2 млн. молодых рабочих 50 % имеют начальное образование, а 40 % — неполное среднее образование⁶.

Низкий образовательный и профессиональный уровень рабочих ежегодно наносит колоссальный ущерб развитию производительных сил, предопределяя низкий уровень производительности труда, огромные издержки производства и низкое качество продукции. Подсчитано, что повышение образовательного ценза на один класс школы увеличивает производительность труда на 2 %, а повышение квалификации рабочего на один разряд снижает себестоимость продукции на 5 %. Если принять во внимание, что средняя квалификация в промышленности КНР находится на уровне третьего разряда, то можно предположить, сколько десятков миллиардов юаней промышленной продукции страна ежегодно теряет от «экономии» на образовании.

Структура кадров в промышленности также весьма несовершенна: насыщенность промышленного персонала инженерно-техническими работниками очень низка, что непосредственно влияет на все качественные показатели производства. При сравнении двух текстильных предприятий одинаковой мощности, с однородным оборудованием, одинаковыми условиями поставок сырья и реализации продукции в городе Шанхае и в городе Уси (провинция Цзянсу) оказалось, что разница в удельном весе ИТР в общей численности персонала (3,4 % в Шанхае и 1,1 % в Уси) отразилась и на объемах производства (на 50 %), и на объеме прибыли (в два с лишним раза). Положение с инженерно-техническим персоналом в сфере обслуживания еще хуже. В торговле на 5 млн. рабочих и служащих специалистов с высшим образованием приходится 0,3 %, со средним специальным образованием — 8, а неграмотных насчитывается 7 %. На долю ИТР в торговле приходится 1,5 человека на 1000 работников торговли. За последние 2 года в результате

⁶ См.: «Чжунго цинянь», 1980, № 8, с. 27.

ухода на пенсию части торгового персонала было принято свыше 2 млн. человек молодых работников, не имеющих специальной подготовки, вследствие чего средний профессиональный уровень понизился до 2,5 разряда⁷.

Ограниченные расходы государственного бюджета на образование серьезно осложнили проблему расширения и улучшения сети высшей школы. В настоящее время число специалистов со средним специальным и высшим образованием оценивается в 1,2 млн. человек, то есть составляет 0,12 % общей численности населения. Набор студентов в вузы очень ограничен: в течение последних трех лет он находится на уровне 270—300 тыс. человек и не может быть увеличен из-за нехватки общежитий, вузовских помещений, финансовых средств на высшую школу. Особенно ограничены приемы в «базовые» вузы технического направления, так как расходы на обучение в них в несколько раз превышают расходы на одного студента в гуманитарных вузах. Так, в 1979 г. в Пекинский медицинский институт был принят всего 31 человек, а на физический факультет Пекинского университета — 56 человек⁸. Только 4 % выпускников средней школы может поступить в вузы, даже в Пекине этот удельный вес не превышает 6 %. Остальная часть окончивших средние школы вынуждена искать работу, устраиваться в средние специальные заведения, но большинство образует огромную армию «молодежи, ожидающей работы».

В этих условиях задача, поставленная китайским руководством, — довести численность научных работников к 1985 г. до 800 тыс. человек (в настоящее время их насчитывается 120 тыс. человек) — является совершенно неосуществимой. В целях дальнейшей экономии расходов на развитие высшего образования предпринимаются чрезвычайные меры: расширяется сеть преимущественно гуманитарных вузов, развивается система заочного и вечернего образования, пропагандируется обучение по телевидению, открываются частные колледжи и университеты. Во всех этих случаях обучение становится платным, причем расходы на одного студента относительно высоки. До сих пор нерешенной проблемой является и структура вузов. Из 600 имеющихся в стране вузов подавляющая часть слабо специализирована — это либо университеты, готовящие специалистов по широкому кругу дисциплин, либо комплексные вузы (политехнические, медицинские, педагогические и пр.), которые приходится по одному на провинцию с населением в десятки миллионов человек. Слабая специализация в вузах приводит к тому, что в каждом из них готовят по десяткам специальностей, группы студентов малочисленны, а число студентов, входящих на одного преподавателя, очень невелико. В настоящее время во всех «базовых» институтах страны на одного преподавателя в среднем приходится лишь по три студента (в других странах это соотношение достигает 1:20). В отдельных вузах Китая эта пропорция еще ниже и составляет 1:2,5. До освобождения соотношение между преподавателями и студентами в вузах было 1:9,1, и даже до «культурной революции» оно еще составляло 1:6,6⁹.

Для такой огромной страны, как Китай, требуются коренная перестройка всей системы высшего образования, укрупнение и специализация вузов, что связано со значительными трудностями.

В стране много пишут о необходимости резко увеличить численность управленческих кадров, так как «многие работники, занимающие руководящие посты, не разбираются в экономике, не знают экономических законов и не понимают современного производства». В целом ряде

⁷ См.: «Гуанмин жибао», 20.VIII.1980.

⁸ См.: «Жэньминь жибао», 21.IX.1979.

⁹ См.: «Гуанмин жибао», 14.XI.1980.

провинций лишь 20 % руководителей в промышленности, на транспорте и в финансовых органах знают свое дело. На 10 народных коммун приходится по одному специалисту в области планирования и финансов со специальным средним или высшим образованием. Общее число учащихся в финансово-экономических институтах и факультетах страны составляет 21 тыс. человек. Таким образом, подготовка управленческих кадров для осуществления «четырёх модернизаций» затягивается на многие десятилетия.

Коренная причина всех трудностей с расширением сети школ, вузов, числа преподавателей, школьников и студентов, повышением качества обучения заключается в пренебрежении руководства к этой важнейшей проблеме. Бюджетных ассигнований на образование в размере 3—4 млрд. юаней в год явно недостаточно, и никакие реорганизации и меры по экономии не дадут своих результатов и приводят к существованию в обществе хронической неграмотности сотен миллионов людей и постоянному дефициту специалистов и научных работников.

Особая роль в решении важных социально-экономических проблем современного Китая отводится расширению внешнеэкономических связей. Выдвижение амбициозного курса «четырёх модернизаций» в корне изменило роль внешних факторов в экономическом развитии страны. Начиная с 1978 г. основные показатели планов хозяйственного развития КНР устанавливаются с расчетом на привлечение значительных финансовых и материально-технических ресурсов из-за рубежа, на расширение и углубление экономических отношений с развитыми капиталистическими странами. В ближайшем будущем социально-экономическое развитие Китая будет в немалой степени зависеть от масштабов и характера его экономических связей с капиталистическим миром. Практически со всеми ведущими капиталистическими странами заключены долгосрочные торгово-экономические соглашения, предоставившие КНР режим наибольшего благоприятствования, развивается научно-техническое сотрудничество. Резкий рост внешнеторгового оборота Китая (в 1978—1979 гг. в среднем на 30 % ежегодно), стимулированный небывало крупными закупками технологического оборудования на Западе¹⁰, со всей определенностью вскрыл слабость экономического, и в первую очередь экспортного, потенциала КНР, его несоответствие амбициозным задачам хозяйственного развития, и в частности импортным потребностям страны. Если в 1977 г. дефицит торгового баланса КНР составлял 100 млн. долл., то в 1978 г. он достиг 1,2 млрд. долл., а в 1979 г. превысил 2 млрд. долл.¹¹.

Каковы же реальные масштабы привлечения иностранного капитала в экономику КНР, как оценить возможные последствия подобных отношений с Западом для социально-экономического развития Китая? В 1978 г. китайское руководство проявило готовность привлекать иностранный капитал в ссудной форме, получая банковские кредиты западных стран. Прежде внешнеторговые организации КНР пользовались только фирменными кредитами в сравнительно небольших размерах (в 1972—1977 гг. в среднем 0,3 млрд. долл. ежегодно). Теперь только для закупки необходимых Китаю средств производства в период до 1985 г. необходимо привлечь по меньшей мере 20—22 млрд. долл. в виде среднесрочных и долгосрочных кредитов. Такой объем средств не может быть обеспечен за счет фирменных кредитов. В 1978—1980 гг. Китаю были заключены кредитные соглашения на привлечение из развитых капиталистических стран 30,2 млрд. долл., в

¹⁰ В 1978 г. КНР заключила контракты на закупку машин и оборудования на сумму 5,5 млрд. долл., а в 1979 г. — на сумму около 3 млрд. долл. В 1970—1976 гг. машинный импорт КНР составлял в среднем 0,6 млрд. долл. в год (In: "Chinese Economy Post Mao". Washington, 1978, p. 738).

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 19.IV.1979, 28.VI.1980.

том числе 24,2 млрд. долл. в виде среднесрочных и долгосрочных кредитов. Почти $\frac{2}{3}$ общей суммы приходится на долю связанных экспортных кредитов под государственные гарантии, $\frac{1}{3}$ — на несвязанные рыночные кредиты и около 5 % — на льготные государственные займы. Список главных кредиторов Китая возглавляют Япония (11,4 млрд. долл.), Франция (7,8 млрд. долл.) и Великобритания (5,7 млрд. долл.).

Однако реализация заключенных кредитных соглашений затягивается Пекином. В докладе министра финансов КНР Ван Бинцяня на III сессии ВСНП отмечалось, что в 1979 г. использовано всего 2,2 млрд. долл. и что в 1980 г. реализация остается на том же уровне¹². Несложный подсчет показывает, что подобные темпы использования иностранных займов позволят КНР к 1985 г. реализовать не более $\frac{2}{3}$ суммы заключенных кредитных соглашений¹³. В чем причины подобного положения?

Не вызывает сомнения, что активное использование иностранных кредитов тормозится нынешним курсом на «урегулирование» китайской экономики. Сужение фронта капитального строительства, снижение нормы накопления, изменение направлений инвестиционной политики — все эти мероприятия в рамках «урегулирования», безусловно, сокращают потребность экономики КНР в заемных средствах.

Однако более важным и долговременным фактором, замедляющим темпы получения займов, является низкая экономическая эффективность западных кредитов. Их условия являются весьма жесткими: в среднем срок погашения полученных КНР кредитов составляет всего лишь 7 лет при выплате около 10 % годовых¹⁴. Даже в случае полного использования Китаем займов по заключенным кредитным соглашениям на сумму 30,2 млрд. долл. при таких условиях в период до 1985 г. более $\frac{1}{5}$ привлеченных средств пойдет на погашение основной части долга и начисленных процентов. Это означает, что реальное увеличение импортных возможностей страны составит лишь 5,5 млрд. долл. На практике выгодность полученных займов еще меньше, ибо процентная ставка по рыночным кредитам имеет тенденцию к быстрому возрастанию (с 10,5 % в начале 1979 г. до 14,75 % в середине 1980 г.), а относительная стоимость гарантированных кредитов, предоставленных в национальных валютах стран-кредиторов, с каждым годом увеличивается вследствие обесценения американского доллара.

Поскольку заемные средства предназначены прежде всего для закупок машин и оборудования, их эффективность и окупаемость находятся в прямой зависимости от того, насколько оперативно сумеет Китай получить необходимую отдачу на привлеченный капитал. Однако эффективное освоение отсталой экономикой КНР современного технологического оборудования серьезно затрудняется отсутствием в стране развитой инфраструктуры, слабой энергетической базой, нехваткой квалифицированных специалистов. В этих условиях закупаемое дорогостоящее оборудование зачастую простаивает или используется не полностью. Характерным примером является судьба построенного в 1978 г. с помощью ФРГ и Японии прокатного цеха на Уханьском металлургическом комбинате. Из-за нехватки энергоресурсов и отсутствия квалифицированного персонала этот цех до сих пор не работает на полную мощность.

¹² См.: «Жэньминь жибао», 13.IX.1980; пересчет по официальному валютному курсу.

¹³ Без учета японского кредита в 6 млрд. долл. на цели краткосрочного финансирования текущих торговых операций.

¹⁴ Рассчитано, исходя из предположения о полном использовании каждого иностранного займа согласно условиям соответствующего кредитного соглашения. Сроки погашения гарантированных кредитов составляют от 5 до 10 лет, процентная ставка — 7,25—7,5 % годовых. Сроки погашения рыночных кредитов — от 0,5 до 5 лет, ставка — около 15 %. Срок японского государственного займа — 30 лет, ставка — 3 %.

В то же время разрыв в технической культуре Китая и западных стран порождает значительные сверхнормативные расходы на монтаж и наладку закупленного оборудования. Материалы III сессии ВСНП показывают, что в 1979 г. непредвиденные расходы на освоение значительной части импортного оборудования были равны расходам на его приобретение¹⁵. В итоге подсобные затраты во многом обусловили возникновение в 1979 г. беспрецедентного по своим размерам бюджетного дефицита, составив $\frac{2}{3}$ перерасхода государственных ассигнований на капитальное строительство. Создается парадоксальная ситуация, когда заемные средства, призванные в числе прочего увеличить национальный инвестиционный потенциал, порождают тенденцию к истощению внутренних экономических ресурсов страны.

В выступлениях депутатов III сессии ВСНП приводился целый ряд примеров неудачных проектов, «нанесших значительный ущерб государству». Здесь и закупка оборудования для крупнейшей в КНР ГЭС Гэчжоуба, и оснащение Баошаньского металлургического комбината, и приобретение ряда крупных нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводов и многое другое. Цена, уплачиваемая китайской экономикой за сооружение этих объектов, оказывается несоразмерно высокой по сравнению с выгодами от их закупки в кредит.

В результате уже сегодня перед КНР со всей остротой встает проблема погашения внешней задолженности. Попытка полной реализации заключенных кредитных соглашений в короткие сроки подорвала бы платежеспособность Китая. По нашим расчетам, «норма обслуживания долга» КНР (отношение платежей в погашение внешней задолженности к сумме валютных поступлений от экспорта товаров) уже в 1982 г. заметно превысила бы уровень 20 %, который в международной практике считается критическим при оценке платежеспособности страны. Даже принятый ныне замедленный темп реализации иностранных займов в середине 80-х годов подведет Китай вплотную к этому уровню. В результате любой непредусмотренный спад в развитии экспорта (например, в случае неурожая) может вынудить КНР обратиться к своим кредиторам за новыми займами, причем на худших условиях, для срочных платежей в погашение прежнего долга. Подобная перспектива стала особенно угрожающей в 1980 г., когда окончательно выяснилось, что до конца текущего десятилетия Китай не сумеет в полном объеме обеспечить планировавшийся ранее массовый экспорт нефти в Японию и другие капиталистические страны. Таким образом, обязательства, которые берет на себя Пекин, получая все новые займы от империалистических держав, ложатся крайне тяжелым бременем на экономику Китая, создают реальную угрозу его экономической самостоятельности.

В этой связи, как свидетельствуют выступления ряда депутатов последней сессии ВСНП, в Китае не могут не вспоминать об уникальной по своим масштабам и эффективности экономической поддержке со стороны СССР и других социалистических стран в 50-е годы. Долгосрочные кредиты, предоставленные Советским Союзом Китаю в годы первой пятилетки, покрыли около 15 % всего объема капитального строительства в промышленности КНР, причем наивысшая ставка по этим кредитам не превышала 2 % годовых. Быстрое освоение закупленного в СССР оборудования обеспечивалось за счет активной помощи со стороны более 10 тыс. советских технических и иных специалистов. В результате сооружение на китайской земле в 1953—1957 гг. 156 крупных промышленных предприятий при тесном экономическом сотрудничестве с СССР обеспечивало создание в Китае основы совре-

¹⁵ Согласно сведениям об исполнении государственного бюджета КНР, доходы от получения иностранных займов составили в 1979 г. 3,53 млрд. юаней, а расходы на капитальное строительство, связанные с использованием этих займов, достигли 7,09 млрд. юаней. — «Жэньминь жибао», 13.IX.1980.

менного многоотраслевого комплекса промышленного производства, значительно ускорило темпы экономического развития страны. Все это наглядно показывает размеры ущерба, наносимого китайской экономике отказом руководства КНР от широкого хозяйственного сотрудничества со странами социализма.

Как считают в Пекине, в условиях преимущественной ориентации внешнеэкономических связей КНР на мировой капиталистический рынок действенным средством облегчения бремени внешней задолженности страны и повышения эффективности использования внешнего фактора является прямое привлечение в экономику деловых инвестиций из-за рубежа. В Китае указывают на высокую экономическую эффективность создания на территории КНР совместных предприятий с участием иностранного капитала. Суть подобных соображений сводится к тому, что, не требуя от китайской стороны каких-либо расходов в валюте, создание совместных предприятий не только обеспечивает широкий приток и оперативное включение передовой технологии в экономическую структуру Китая, но и содействует быстрому росту его валютных поступлений за счет вывоза произведенной продукции на внешние рынки¹⁶.

Отправной точкой курса на прямое привлечение иностранного капитала в экономику КНР послужило утверждение 1 июля 1979 г. на II сессии ВСНП закона о совместных предприятиях. Как известно, этот закон в наиболее общей форме декларировал возможность создания на китайской земле предприятий с использованием иностранных инвестиций в размере не менее 25 % акционерного капитала. Законом не исключается и вероятность учреждения компаний, находящихся в полной собственности иностранного инвестора.

Надо сказать, что западные предприниматели уже давно проявляют немалый интерес к Китаю как к огромному рынку крайне дешевой рабочей силы. По имеющимся оценкам, возможные размеры притока в Китай инвестиций из-за рубежа в период до 1985 г. составят 10—15 млрд. долл., что может обеспечить 3—5 % валовых капиталовложений в народное хозяйство страны¹⁷. Однако реальное привлечение иностранного капитала в китайскую экономику пока значительно скромнее. В настоящее время ведутся переговоры о создании в Китае примерно 150 предприятий совместно с компаниями Гонконга, Японии, ФРГ, США и других капиталистических стран. К осени 1980 г. Комиссией по контролю за иностранными инвестициями было официально санкционировано создание только 6 компаний¹⁸. Доля иностранного участия в этих предприятиях составляет около 80 млн. долл., или менее 0,2 % государственных ассигнований на капитальное строительство.

Активный приток деловых инвестиций из-за рубежа тормозится в первую очередь недостаточной разработанностью правовой основы функционирования иностранного капитала в КНР. Пытаясь преодолеть возникающую вследствие этого настороженность зарубежных инвесторов, китайское руководство предпринимает активные меры для создания в стране «благоприятного инвестиционного климата».

Осенью 1980 г. на III сессии ВСНП был принят закон, регулирующий взимание подоходного налога со всех типов совместных предприятий, кроме предприятий по добыче нефти, газа и других природных ресурсов. Общая ставка налога определена в 33 %, что несколько ниже аналогичных ставок в большинстве развивающихся стран. При этом предусмотрено предоставление традиционных в таких случаях льгот в виде так называемого «налогового кредита» — полное или частичное

¹⁶ См., например: «Цзинцзи гуаньли», 1979, № 4.

¹⁷ In: "China Trade Report", October 1979, p. 4.

¹⁸ In: "China Business Review", July — August 1980, p. 32.

освобождение создаваемых предприятий от уплаты налога в течение первых трех лет прибыльной деятельности, а при особо длительных сроках освоения и дольше. Вместе с тем по сравнению с большинством стран, привлекающих инвестиции из-за рубежа, в КНР созданы значительно большие льготы для тех иностранных партнеров, которые намерены реинвестировать полученную прибыль в экономику КНР или хранить ее в китайских банках. В первом случае, согласно закону, иностранному вкладчику возвращается 40 % подоходного налога, уплаченного с суммы реинвестиции, во втором случае он освобождается от дополнительного 10 %-ного сбора, уплачиваемого при переводе прибыли за пределы КНР¹⁹.

Имеются дополнительные данные, свидетельствующие о далеко идущих намерениях Пекина в деле создания «благоприятного климата» для иностранного капитала. Предполагаемая норма амортизации для совместных предприятий непропорционально высока, составляя 25 % против 5 % для обычных государственных предприятий²⁰. Тем самым значительная часть прибыли не подлежит налогообложению и списывается в амортизационный фонд предприятия. Все это, вместе взятое, делает принятую в КНР систему налогообложения иностранного капитала намного более льготной, чем в других странах, использующих иностранные деловые инвестиции. По замыслам пекинского руководства, это призвано компенсировать иностранному инвестору некоторые отрицательные с его точки зрения качества КНР как объекта приложения частного капитала, и прежде всего более высокую, чем в большинстве развивающихся стран, степень государственного контроля и централизации экономики.

Очевидно, что продвижение по подобному пути таит в себе угрозу дальнейшей эрозии элементов социалистического базиса в Китае. В этой связи обращает на себя внимание создание в КНР так называемых «специальных экспортных зон» — районов, выделенных для почти бесконтрольного хозяйничанья иностранного капитала. Начиная с середины 1979 г. ведутся работы по устройству 5 подобных зон в провинции Гуандун, 2 — в пров. Фуцзянь, а также в Пекине и Шанхае²¹. В августе 1980 г. Постоянный комитет ВСНП принял «Положение о создании специальных экономических районов в провинции Гуандун», что положило начало юридическому оформлению их деятельности.

Условия, создаваемые в экспортных зонах, являются значительно более льготными, чем предусмотрено в законах о совместных предприятиях и подоходном налоге. В частности, ставка подоходного налога сокращена здесь до 10—15 %, а продолжительность «налогового кредита» увеличена до 3—5 лет²². Импорт сырья и оборудования в специальные зоны, как и вывоз готовой продукции из них на внешние рынки, осуществляется беспошлинно. В то же время между этими зонами и остальной территорией КНР предусмотрен таможенный барьер.

Государственный контроль за притоком и функционированием иностранного капитала в экспортных зонах в значительной мере ослаблен. В отличие от прочих районов Китая на территории зон допускается учреждение компаний, полностью принадлежащих иностранным инвесторам, совершение здесь инвестиций в размере до 2 млн. долл. не требует специального разрешения провинциальных властей или Пекина. Более того, устройством некоторых зон с самого начала ведется при активном участии иностранных компаний. Создание зоны на острове Ланки, например, осуществляется властями провинции Фуцзянь совместно

¹⁹ См.: «Жэньминь жибао», 16.IX.1980.

²⁰ In: "Far Eastern Economic Review", 21.III.1980, p. 99.

²¹ In: "China Business Review", March — April 1980, p. 18, 32—35; "Far Eastern Economic Review", 12.IX.1980, p. 56—59.

²² In: "China Business Review", March — April 1980, p. 32—35.

с фирмами «Бехтель» (США) и «Миллиз Холдингз» (Гонконг)²³. Предполагаемая заработная плата на территориях зон примерно на 25 % ниже, чем в Гонконге²⁴. Не удивительно, что официальные лица в КНР вынуждены признавать, что в «специальных экспортных зонах» будет «до известной степени» допущена эксплуатация китайских трудящихся иностранным капиталом.

Все это позволяет рассматривать создание «специальных экспортных зон» в КНР как попытку китайских властей провести в ограниченных размерах эксперимент в области политики «открытых дверей», с тем чтобы найти оптимальные пропорции и методы использования иностранного капитала в народнохозяйственном масштабе. Однако уже первые шаги Китая в этом направлении привели к возникновению ряда серьезных проблем. Если китайская сторона при создании совместных предприятий прежде всего заинтересована в привлечении современной техники и технологии, то капиталистические фирмы в первую очередь озабочены извлечением из КНР максимальной прибыли за счет эксплуатации живого труда, а также быстрой окупаемостью вложенных средств. Такая позиция иностранных инвесторов сдерживает широкое поступление в Китай современного оборудования по каналам совместных предприятий. В результате большинство таких предприятий представляет собой сборочные заводы или же предприятия по обслуживанию внешней торговли и туризма²⁵.

Тенденция к перенесению в Китай лишь заключительных стадий разнородных технологических процессов из развитых капиталистических стран препятствует созданию на территориях экспортных зон более или менее целостных промышленных комплексов, привязывает их производственный потенциал к экономике государств-инвесторов. В итоге, не обеспечивая реального развития собственных производительных сил страны, деформируя ее хозяйственную структуру в интересах капиталистических инвесторов, подобный характер иностранных капиталовложений способствует усилению экономической зависимости Китая от империализма.

Сотрудничество с иностранным капиталом подразумевает не только партнерство, но и борьбу за сохранение стратегических интересов социалистического государства в деле использования зарубежного опыта и капиталов для ускорения национального экономического роста. В этих условиях создание чрезвычайно льготного режима для иностранного капитала значительно ослабляет позиции китайской стороны при создании совместных предприятий, ставит под сомнение ее способность эффективно сдерживать и направлять деятельность иностранного инвестора в интересах модернизации экономики КНР.

В целом уже сегодня очевидно, что односторонний упор Пекина на развитие хозяйственных связей с капиталистическим миром не только не позволяет решить острые экономические проблемы и не оправдывает себя экономически, но и несет в себе возможность серьезных социальных конфликтов, создает реальную угрозу социалистическим завоеваниям китайского народа. Тем не менее в своем стремлении любой ценой обеспечить быстрое военно-экономическое развитие Китая пекинское руководство продолжает курс на дальнейшее втягивание страны в тесные кредитно-финансовые и инвестиционно-предпринимательские отношения с миром капитализма. Подобная политика Пекина крепко привязывает китайскую экономику к мировому капиталистическому хозяйству, ставит Китай в ощутимую экономическую и политическую зависимость от империалистических держав.

²³ Ibid., p. 35.

²⁴ In: "Far Eastern Economic Review", 21.III.1980, p. 99.

²⁵ См.: «Наньфан жибао», 14.VI.1980.

VI съезд Трудовой партии Кореи: итоги и перспективы развития КНДР

*В. И. Моисеев,
Н. М. Шубников*

С 10 по 14 октября 1980 г. в столице Корейской Народно-Демократической Республики Пхеньяне состоялся VI съезд Трудовой партии Кореи. Высший партийный форум проходил в дни, когда корейский народ торжественно отмечал 35-ю годовщину образования Трудовой партии — своего признанного руководителя и авангарда. Съезд партии, который подвел итоги и определил перспективы социально-экономического и общественно-политического развития страны, а также торжества, связанные с юбилеем партии, явились большим событием в жизни корейских коммунистов и всего корейского народа.

В работе VI съезда ТПК приняли участие 3062 делегата с правом решающего голоса и 158 делегатов с совещательным голосом, представлявших 3,2 млн. членов партии. В заседаниях съезда, а также в мероприятиях по случаю 35-й годовщины образования партии участвовали 177 иностранных делегаций из 118 стран мира, в том числе делегация КПСС во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем МКК КПСС В. В. Гришиным; в состав делегации входил также секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков.

Съезд заслушал и обсудил отчеты Центрального Комитета и Центральной ревизионной комиссии ТПК, рассмотрел вопрос о внесении изменений в устав партии и избрал центральные руководящие партийные органы. На состоявшемся первом пленуме Центрального Комитета Генеральным секретарем ЦК ТПК вновь был избран Ким Ир Сен, образовано Политбюро ЦК ТПК (ранее — Политический комитет) в составе 19 членов и 15 кандидатов в члены, а также Секретариат ЦК ТПК в количестве 10 человек. Был создан новый орган — Президиум Политбюро ЦК ТПК, в который вошли: Генеральный секретарь ЦК ТПК, Президент КНДР Ким Ир Сен, вице-президент КНДР Ким Ир, министр Народных вооруженных сил КНДР О Дин У, секретарь ЦК ТПК Ким Чжон Ир и премьер Административного совета КНДР Ли Ден Ок.

С отчетным докладом Центрального Комитета на съезде выступил Ким Ир Сен. Он охарактеризовал десятилетие, прошедшее после V съезда партии (ноябрь 1970 г.), как период глубоких перемен в жизни корейского народа, крупных побед в области социалистического строительства, большого прогресса в борьбе за мирное самостоятельное объединение страны, значительного расширения международных связей КНДР; отметил существенные успехи во всех областях политики, экономики и культуры¹.

В данной статье рассматриваются лишь некоторые вопросы, поднятые на VI съезде ТПК, в их органической связи с конкретными достижениями КНДР в социально-экономической и общественно-политиче-

¹ См.: «Нодон синмун», 11—13.X.1980.

ской жизни и факторами, их обеспечивающими; освещаются также некоторые аспекты деятельности делегации КПСС по укреплению советско-корейских отношений.

Социально-экономическое развитие

Истекшее десятилетие характеризовалось значительным ростом экономического потенциала КНДР. Шестилетний народнохозяйственный план (1971—1976) по валовому объему производства был успешно выполнен к сентябрю 1975 г., то есть почти на полтора года раньше намеченного срока. После периода «урегулирования» экономики страна приступила к выполнению второго семилетнего плана развития народного хозяйства — на 1978—1984 гг., ход реализации и основные задачи которого не только определяют в настоящее время лицо социалистической экономики КНДР, но и служат ориентиром на будущее. Вторая семилетка является качественно новым этапом в экономическом и социальном развитии страны, поскольку заложенный за предыдущие годы экономический фундамент и накопленный опыт хозяйственной работы позволяют в настоящее время концентрировать основные усилия на мобилизации внутренних ресурсов, модернизации и преобразовании на научной основе всего комплекса народного хозяйства.

Об успехах трудящихся народной Кореи в выполнении текущей семилетки красноречиво говорят некоторые цифры, характеризующие ее выполнение. В 1978 г. промышленное производство выросло на 17 %, а в 1979 г. — на 15 %. При этом за два года производство электроэнергии увеличилось на 25 %, химических удобрений — на 40 %, цемента — на 59,7 %². План первых трех лет семилетки выполнен к концу сентября 1980 г. Этому в значительной степени способствовало массовое соревнование трудящихся за достойную встречу VI съезда Трудовой партии Кореи. Как отмечается в отчетном докладе на съезде, в целом за период с 1970 по 1979 г. производство валовой продукции промышленности КНДР возросло в 3,8 раза, в том числе производство средств производства — в 3,9 и производство предметов потребления — в 3,7 раза. Среднегодовой прирост промышленного производства за этот период составил 15,9 %.

Большое внимание в 70-е годы уделялось совершенствованию структуры, созданию новых отраслей и подотраслей промышленности. Благодаря строительству и расширению предприятий окрепла база металлургической промышленности; в химической промышленности налажено производство орлона, полиэтилена, фосфорных удобрений; мощности тепловых электростанций увеличились в два раза, и их удельный вес превысил 50 % общей мощности электростанций страны; в 2,2 раза увеличились мощности цементной промышленности; возросла добыча угля и других полезных ископаемых; введен в эксплуатацию ряд крупных предприятий легкой промышленности.

Съезд отметил успехи в развитии машиностроения, доля которого, как известно, в промышленном производстве составляет около 34 %³. В республике производятся металлорежущие станки с программным управлением, грузовые и легковые автомобили, колесные и гусеничные тракторы различной мощности и назначения, тепловозы и электровозы, крупнотоннажные суда и судовые двигатели, электрогенераторы и трансформаторы. Производится также комплектное оборудование для предприятий цветной металлургии, химических и цементных заводов, предприятий легкой и пищевой промышленности. Налаживается выпуск средств автоматизации, электронного оборудования.

² См.: «Нодон синмун», 28.III.1979, 4.IV.1980.

³ См.: Информационный бюллетень ЦТАК, 24.IV.1979.

В широких масштабах осуществлялась реконструкция транспорта и транспортных сооружений. Общая протяженность железных дорог за десятилетие увеличилась на 927 км, электрифицировано более 1600 км железнодорожных путей, в результате чего доля электрической тяги на железнодорожном транспорте в настоящее время составляет 87,5%. Морской транспорт пополнился крупнотоннажными судами отечественного производства, велась модернизация портов Нампхо, Чхонджин, Хэчжу, Раджин.

Больших успехов добились труженники сельского хозяйства. В 1979 г. валовой сбор зерновых увеличился в 1,8 раза по сравнению с 1970 г. и достиг 9 млн. т при средней урожайности риса — главной сельскохозяйственной культуры — 72 ц и кукурузы — 63 ц с чонбо⁴. Резко возросло также производство овощей, фруктов и технических культур. Важным фактором увеличения сбора зерна и других сельскохозяйственных культур является развитая ирригационная сеть, механизация и химизация сельского хозяйства. В стране имеется более 1,5 тыс. водохранилищ, свыше 16 тыс. насосных станций, вырыто около 85 тыс. колодцев. Общая протяженность оросительных каналов превышает 40 тыс. км⁵. На каждые 100 чонбо пахотной земли приходится по 7 тракторов в равнинных и по 6 — в предгорных и горных районах. Количество химических удобрений, вносимых на одно чонбо полей, составляет 1,5 т. 97% всех поливных рисовых полей обрабатывается гербицидами для уничтожения сорняков.

Достижения в области промышленного и сельскохозяйственного производства позволяют КНДР решать крупные социальные вопросы. В период между V и VI съездами партии в стране введено всеобщее обязательное 11-летнее образование, расширилась сеть вузов и техникумов, подготовлена миллионная армия специалистов с высшим и средним специальным образованием, широко осуществлялось жилищное строительство, улучшилось медицинское обслуживание, повысилось благосостояние трудящихся.

Подводя итоги социального и экономического развития страны в 70-е годы, VI съезд ТПК вместе с тем определил и новые рубежи социалистического строительства, которых необходимо достичь к концу 80-х годов при сохранении в целом социально-экономической политики, сформулированной во втором семилетнем плане. «Основная задача социалистического экономического строительства в 80-е годы, — подчеркивал товарищ Ким Ир Сен в отчетном докладе ЦК ТПК, — состоит в том, чтобы создать прочную материально-техническую базу, соответствующую полностью победившему социалистическому обществу, и резко поднять материальный и культурный уровень жизни народа».

Для реализации поставленной задачи съезд наметил 10 перспективных экономических показателей. На основе наращивания производства во всех отраслях народного хозяйства к концу 80-х годов КНДР должна будет ежегодно производить 100 млрд. кВт·ч электроэнергии, добывать 120 млн. т угля, выплавлять 15 млн. т стали, 1,5 млн. т цветных металлов, выпускать 20 млн. т цемента, 7 млн. т химических удобрений, 1,5 млрд. м тканей, вылавливать 5 млн. т рыбы и других продуктов морского промысла, собирать 15 млн. т зерна, а также освоить 300 тыс. чонбо солончаков. В результате достижения этих целей валовой объем промышленной продукции возрастет по сравнению с нынешним уровнем в 3,1 раза. На основе роста экономической мощи повысится материальный и культурный уровень жизни народа, и таким образом, как отмечалось на съезде, «будет одержана решающая победа в борьбе за полную победу социализма».

⁴ 1 чонбо = 0,99 га.

⁵ См.: «Нодон снйгун», 27.IV.1977, 20.IV.1978.

Опережающее развитие добывающей промышленности по сравнению с обрабатывающей определено съездом как основной принцип хозяйственного строительства, как главный фактор максимального использования имеющихся производственных мощностей и дальнейшего наращивания производства. Наряду с реконструкцией угольных шахт в районах Анчжу, Сунчхона и Токчхона, а также Мусанского, Токхенского и Токсонского рудников планируется разработка новых месторождений полезных ископаемых, расширение геологоразведочных работ.

Электроэнергетика страны будет развиваться на основе сочетания строительства крупных и мелких гидро- и теплоэлектростанций, использования атомной энергии и энергии морских приливов.

В области сельскохозяйственного производства съезд поставил задачу совершенствования комплексной механизации и химизации, перевода сельского хозяйства на индустриальную основу, доведения количества тракторов на каждые 100 чонбо обрабатываемой земли до 10—12 единиц. Признано необходимым форсировать укрупнение рисовых чеков для более производительного использования сельскохозяйственных машин, продолжать террасирование склонов гор и освоить наряду с солончаками 200 тыс. чонбо новых земель.

Большая роль в выполнении намеченных съездом задач отводится развитию науки и техники, своевременному внедрению в народное хозяйство их важнейших достижений, ускоренному осуществлению комплексной механизации, автоматизации и внедрению дистанционного управления в добывающей, металлургической, химической промышленности, промышленности строительных материалов и других ключевых отраслях индустрии.

В своей заключительной речи на съезде товарищ Ким Ир Сен подчеркнул, что выполнение перспективных задач строительства социалистической экономики приведет к укреплению экономической мощи КНДР, к повышению уровня жизни корейского народа.

В условиях объективно расширяющегося процесса интернационализации хозяйственной жизни планируемый рост масштабов экономики каждой страны невозможен без соответствующего развития внешнеэкономических связей, расширения и развития внешней торговли. Учитывая этот фактор, съезд постановил обеспечить во всех отраслях народного хозяйства преимущественное развитие производства экспортных товаров, повысить их качество, значительно увеличить ассортимент, неукоснительно соблюдать сроки поставок иностранным контрагентам. Годовой объем экспорта к концу 80-х годов должен увеличиться в 4,2 раза по сравнению с нынешним уровнем. КНДР и впредь будет развивать торгово-экономические связи в первую очередь с социалистическими странами, а также со всеми другими странами мира.

Ориентирование экономики КНДР на высокие темпы развития объясняется рядом факторов. Важнейшие из них заключаются, во-первых, в наличии неисчерпанных возможностей экстенсивного развития и создании новых отраслей производства и, во-вторых, в широком использовании сотрудничества с братскими странами, основанного на принципах социалистического интернационализма.

В последнее десятилетие Советский Союз оказал народной Корее техническое содействие в строительстве крупнейшей в стране Пукчанской ТЭС мощностью 1200 тыс. кВт, ТЭЦ в Унги мощностью 100 тыс. кВт, расширении Мусанского железного рудника, угольных шахт в Анчжу, комплекса конверторного цеха и цеха горячей прокатки листа на металлургическом заводе им. Ким Чака, техническом оснащении Пхеньянской грузовой железнодорожной станции, оборудовании порта Раджин для переработки советских внешнеторговых грузов и др.⁶ Показательно,

⁶ См.: «Экономическая газета», 1980, № 43, с. 20.

что в результате совместных обязательств, принятых советскими и корейскими специалистами, досрочно накануне открытия VI съезда ТПК дал первую продукцию Пхеньянский завод автомобильных аккумуляторов, сооруженный при содействии СССР. За годы народной власти при непосредственном экономическом и техническом содействии СССР в КНДР было построено 58 народнохозяйственных объектов, в том числе 31 промышленное предприятие. Как показывают расчеты, удельный вес продукции предприятий, построенных в КНДР при содействии СССР, составляет в настоящее время в общем объеме производства электроэнергии около 60 %, стали — 30 %, проката — 34 %, нефтепродуктов — 45 %, тканей — 20 %, добычи железной руды — 40 %⁷. В стадии строительства и реконструкции находится еще свыше 10 промышленных объектов. В частности, происходит дальнейшее расширение металлургического завода им. Ким Чака, который будет производить 2,4 млн. т стали в год и перерабатывать ее в горячекатаный и холоднокатаный лист, расширение мощности Пукчанской ТЭС до 1600 тыс. кВт; сооружается завод по производству аммиака и алюминиевый завод. В ближайшее время начнется строительство подшипникового завода и некоторых других объектов⁸.

Советско-корейское экономическое сотрудничество имеет плановый долгосрочный характер. В настоящее время между советскими и корейскими плановыми органами обсуждаются вопросы торгово-экономических связей между СССР и КНДР на период 1981—1985 гг. Ход этих консультаций рассматривался на состоявшемся в октябре 1980 г. в Пхеньяне XVI заседании Межправительственной советско-корейской консультативной комиссии по экономическим и научно-техническим вопросам.

Важное значение для развития экономики КНДР имеет сотрудничество с социалистическими странами — членами Совета Экономической Взаимопомощи: Венгрия оказала содействие в развитии приборостроения, Германская Демократическая Республика — химической промышленности и промышленности строительных материалов, Польша — железнодорожного транспорта, Чехословакия — станкостроения, Болгария — налаживания тепличного хозяйства⁹.

Проблема объединения Кореи

Борьба за объединение страны — одно из центральных направлений деятельности Трудовой партии Кореи. За время существования КНДР ЦК ТПК и правительство республики более 150 раз обращались к южнокорейским властям с конкретными предложениями, направленными на мирное демократическое объединение Кореи без иностранного вмешательства. Долгие годы эти справедливые предложения не находили ответа в Сеуле, и только в начале 70-х годов был сломлен барьер, существовавший в отношениях между двумя частями страны более четверти века. Под влиянием позитивных сдвигов в международной обстановке в сторону разрядки в результате неустанной деятельности Советского Союза и других социалистических стран, роста могущества стран социализма южнокорейские власти были вынуждены откликнуться на призывы Корейской Народно-Демократической Республики и пойти с ней на диалог сначала по линии обществ Красного Креста, а затем и на правительственном уровне. В июле 1972 г. было подписано и опубликовано Совместное заявление Севера и Юга Кореи, содержащее основные принципы мирного объединения страны. «Осуществление диалога между дву-

⁷ См. там же, 1980, № 33, с. 20.

⁸ См. там же, 1980, № 43, с. 20.

⁹ См.: «Правда», 9.IX.1978.

мя частями страны и опубликование Совместного заявления Севера и Юга, — подчеркивалось на VI съезде ТПК, — означало шаг вперед на пути объединения родины».

Усмотрев, однако, в стремлении корейского народа к объединению угрозу существующему на Юге Корейского полуострова диктаторскому режиму, послушному США, южнокорейские власти при подстрекательстве американского империализма на практике повели дело не к объединению, а к закреплению раскола, к усилению фашистского террора в отношении патриотически и демократически настроенных политических деятелей и широких народных масс. Растоптав дух и букву Совместного заявления, сеульские власти не только срывают диалог между Севером и Югом, но и в соответствии с разработанным за океаном сценарием выступают за закрепление статус-кво на Корейском полуострове, за увековечивание раскола Кореи.

В настоящее время в Южной Корее сложилась весьма серьезная политическая обстановка: новоявленный сеульский диктатор Чон Ду Хван ввел чрезвычайное положение, разогнал парламент, полностью запретил деятельность оппозиционных политических партий и общественных организаций. Жестоким репрессиям подвергается всякий, кто осмелится выступить с критикой в адрес существующего режима. В специальных лагерях «по перевоспитанию» томятся около 50 тыс. человек. Власти не останавливаются ни перед какими преступлениями, чтобы помешать процессу демократизации южнокорейского общества, без чего, как отмечалось на съезде, невозможно объединение Кореи.

Прямыми соучастниками действий сеульского режима являются Соединенные Штаты Америки, которые в течение 35 лет фактически оккупируют Южную Корею, разместив там свою почти 40-тысячную армию, оснащенную ядерным оружием. Не кто иной, как Соединенные Штаты, стояли за спиной убийц патриотов Кваджу весной 1980 г.

Борясь за мирное демократическое объединение страны, важнейшей предпосылкой которого является смягчение напряженности на Корейском полуострове, правительство КНДР выступает за ликвидацию американского военного присутствия в Южной Корее. VI съезд ТПК вновь обратился к США с предложением провести переговоры по вопросу замены соглашения о перемирии в Корее, подписанного в 1953 г., мирным соглашением, потребовал как можно скорее вывести из Южной Кореи американские войска, подчеркнув при этом, что такие действия США отвечали бы интересам не только корейского народа, но и народов других стран, в том числе и США, делу обеспечения мира во всем мире.

VI съезд ТПК выступил с предложениями по мирному объединению страны в развитие ранее выдвигавшихся правительством КНДР конструктивных предложений, которые, как известно, предусматривали ликвидацию военной конфронтации и ослабление напряженности между Северной и Южной Кореей, осуществление многостороннего сотрудничества между обеими частями страны, созыв Великого национального собрания, состоящего из представителей всех слоев населения, политических партий и общественных организаций Севера и Юга, создание конфедерации Северной и Южной Кореи под единым государственным названием и вступление конфедеративного государства в ООН¹⁰.

Товарищ Ким Ир Сен на съезде предложил назвать такое объединенное государство Конфедеративной Демократической Республикой Корей. Структура государственного управления в конфедеративной республике определялась бы взаимным признанием Севером и Югом существующих в двух отдельных зонах идеологий и общественно-политических систем

¹⁰ См.: Ким Ир Сен. О самостоятельном мирном объединении родины. Пхеньян, 1980, с. 19—20.

и образовании единого национального правительства, в состав которого на равноправных началах вошли бы представители Северной и Южной Кореи. Вместе с тем Север и Юг под общим руководством национального правительства будут автономно с равными правами и обязанностями осуществлять региональное самоуправление. Новое государственное образование должно наладить сотрудничество между Севером и Югом в области экономики, науки, культуры и образования, развивать единую национальную культуру и искусство; обеспечить надлежащие пути сообщения, телеграфно-телефонную связь и почтовый обмен между обеими частями, а также свободное пользование средствами транспорта и связью. Оно должно содействовать стабилизации жизни всего народа, прежде всего рабочих, крестьян, трудящихся масс, добиваться систематического улучшения их благосостояния. Программа деятельности конфедеративной республики предусматривает также ликвидацию военной конфронтации между Севером и Югом, сокращение армий обеих сторон. Единое государство должно развивать дружеские отношения со всеми странами и проводить миролюбивую внешнюю политику. Оно должно не допускать размещения на своей территории иностранных войск и военных баз, запретить производство и ввоз ядерного оружия и навеки превратить Корейский полуостров в зону мира, безъядерную зону.

Советский Союз, другие братские страны, рассматривая борьбу корейского народа за объединение страны как составную часть борьбы всех народов за мир, безопасность и справедливость, всегда поддерживали и поддерживают конструктивные предложения КНДР, направленные на мирное демократическое решение корейского вопроса без иностранного вмешательства, на вывод американских оккупационных войск из Южной Кореи.

Отвечая на письмо Постоянного совета Верховного народного собрания КНДР, в котором изложена выдвинутая на VI съезде ТПК программа мирного объединения Кореи, председатели палат Верховного Совета СССР отметили, что советский народ с симпатией относится к мужественной борьбе братского корейского народа за преодоление искусственного разделения Кореи и солидаризируется с его практическими усилиями, направленными на достижение этой цели. В ответном письме говорится, что основным препятствием воссоединению Кореи является присутствие на юге Корейского полуострова американских войск, поддерживающих своими штыками сеульскую марионеточную клику. Новые предложения КНДР, указывается далее, свидетельствуют о том, что Трудовая партия Кореи и правительство республики неустанно ищут пути решения животрепещущей проблемы корейского народа — мирного объединения Кореи на демократической основе без всякого вмешательства извне.

В письме Верховного Совета СССР разделяется уверенность в том, что мирное объединение Кореи приведет к нормализации положения на Корейском полуострове, внесет вклад в оздоровление обстановки на Дальнем Востоке, в укрепление мира и добрососедства в этом районе мира. Особо подчеркивается, что мирное объединение Кореи может быть достигнуто тем легче и скорее, чем прочнее и надежнее будут мир и безопасность в Азии, основанные на совместных усилиях государств этого континента.

Внешняя политика

В минувшее десятилетие значительно выросли международные связи Корейской Народно-Демократической Республики. К 1980 г. республика имела дипломатические отношения более чем со 100 социалистическими, развивающимися и капиталистическими государствами, тогда как в начале 70-х годов — только с 37 странами. Кроме этого, в пяти странах мира КНДР имеет торговые представительства.

Расширилось также участие народной Кореи в международных организациях. КНДР в настоящее время состоит более чем в 150 международных правительственных и неправительственных организациях, в том числе в ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения, Всемирном почтовом союзе, ЮНКТАД, Межпарламентском союзе, МАГАТЭ. КНДР имеет своего постоянного наблюдателя при ООН. Таким образом, полностью провалились планы тех, кто пытался изолировать народную Корею от мирового сообщества, игнорировать сложившиеся на Корейском полуострове реальности.

Съезд корейских коммунистов отметил необходимость активно бороться за сохранение мира как главного средства оздоровления сложившейся на международной арене обстановки. «Борьба за устранение опасности возникновения мировой войны, за мир и безопасность нашей планеты, — подчеркивалось в отчетном докладе ЦК ТПК, — является самой важной задачей, стоящей сегодня перед миролюбивыми народами земного шара... Наша партия будет решительно бороться за то, чтобы пресечь и сорвать усиливающиеся попытки империалистов развязать агрессию и войну, чтобы прекратить наращивание вооруженных сил и гонку вооружений и достичь полного разоружения». ТПК будет прилагать усилия для превращения Корейского полуострова в безъядерную зону, зону мира, будет активно поддерживать борьбу народов за создание таких зон в Азии, на Среднем и Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и Европе. Съезд призвал также к запрещению во всех районах мира испытаний, производства, накопления запасов и использования ядерного оружия, к полному уничтожению всех его видов.

Как отмечалось на съезде, в центре внешнеполитической деятельности Трудовой партии Кореи и правительства республики, как в прошлом, так и впредь будет находиться развитие дружественных отношений со странами социализма, а также с неприсоединившимися государствами. КНДР будет стремиться и к дальнейшему развитию отношений, в частности экономических и культурных, с капиталистическими странами, доброжелательно относящимися к КНДР. Что касается отношений с Соединенными Штатами Америки, заявил товарищ Ким Ир Сен, то их установление возможно при условии вывода американских войск из Южной Кореи и устранения вмешательства США в дело объединения страны.

На своем съезде корейские коммунисты выразили решимость, крепко сплотившись с народами социалистических стран, со всеми прогрессивными народами, вести энергичную борьбу за строительство нового мира.

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев в своем выступлении в Алма-Ате в августе 1980 г. в качестве одного из важнейших факторов мира и стабильности в Азии по праву назвал дружбу, сотрудничество и взаимодействие Советского Союза с братскими социалистическими государствами — Монголией, Вьетнамом, Лаосом, Кампучией, Корейской Народно-Демократической Республикой¹¹.

Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство неизменно проводят курс на развитие и укрепление дружбы и сотрудничества с Трудовой партией Кореи и братским корейским народом. Наша дружба имеет глубокие корни. Она выросла и закалилась в сражениях за освобождение Кореи от колониального ига. Тридцать пять лет связывают наши страны и народы общей борьбой за мир и социализм. Это были годы плодотворного сотрудничества двух равноправных государств в области экономики, политики и культуры. Так будет и впредь. Советский народ был, есть и будет верным другом братского корейского народа.

¹¹ См.: «Правда», 30.VIII.1980.

Советско-корейские отношения сегодня неуклонно развиваются на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 6 июля 1961 г. Жизнь показала, что эти отношения отвечают интересам не только народов СССР и КНДР, но и народов всех социалистических стран, делу мира и прогресса во всем мире. Советский народ искренне дорожит отношениями с братской КНДР и готов тесно сотрудничать с корейскими друзьями в интересах ее дальнейшего развития.

Чувство большого удовлетворения вызвала в СССР встреча товарища Л. И. Брежнева с товарищем Ким Ир Сенем, состоявшаяся в мае 1980 г. в Белграде. Она является вкладом в развитие и укрепление традиционной дружбы и сотрудничества наших партий, народов и стран.

* * *

VI съезд и празднование 35-летия Трудовой партии Кореи привлекли большое внимание советской общественности. ЦК КПСС направил съезду приветствие, в котором горячо поздравил корейских коммунистов, весь корейский народ с этими знаменательными событиями. В приветствии выражена глубокая солидарность советского народа со справедливой борьбой корейского народа за вывод из Южной Кореи американских оккупационных войск, присутствие которых не только является препятствием на пути воссоединения Кореи, но и обостряет напряженность, создает угрозу миру и безопасности народов в этом районе Азии¹².

В честь делегации КПСС во главе с товарищем В. В. Гришиным, которая присутствовала на съезде и торжественных мероприятиях в связи с юбилеем партии, в Вонсане состоялся массовый митинг советско-корейской дружбы. Встреченный продолжительными аплодисментами собравшихся товарищ В. В. Гришин в своей речи заявил, что оказанное делегации гостеприимство в народной Корее и высказанные на митинге теплые слова в адрес КПСС и советского народа делегация рассматривает как выражение дружеских чувств корейских коммунистов и трудящихся КНДР к партии Ленина, стране Великого Октября.

Восторженно были встречены слова главы делегации КПСС, переданного участникам митинга, а в их лице корейским коммунистам и всему корейскому народу привет и добрые пожелания от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева.

Во время пребывания в КНДР делегация КПСС состоялась переговоры с делегацией ТПК, которую возглавлял член Политбюро ЦК ТПК, секретарь ЦК ТПК товарищ Ким Ен Нам. Советская делегация информировала о развернувшейся в СССР подготовке к XXVI съезду КПСС, о трудовых успехах советского народа. Делегация ТПК рассказала о достижениях корейского народа, подчеркнула важное значение VI съезда партии для строительства социализма в КНДР.

Состоялся обмен мнениями по вопросам дальнейшего развития межпартийных связей. Была выражена уверенность, что сотрудничество между КПСС и ТПК будет неуклонно расширяться и углубляться.

В ходе переговоров стороны обменялись также мнениями по международным проблемам, представляющим взаимный интерес. При этом обращалось внимание на важность постоянного наращивания усилий по закреплению и углублению разрядки, оздоровлению обстановки в мире. Делегации КПСС и ТПК решительно осудили попытки агрессивных империалистических кругов вновь навязать миру гонку вооружений, империалистическую политику вмешательства во внутренние дела независи-

¹² См.: «Правда», 10.X.1980.

мых народов. По мнению сторон, все конфликтные и спорные вопросы в мире должны решаться на основе переговоров, мирным путем.

Делегация КПСС выразила поддержку усилиям ЦК ТПК и правительства КНДР, направленным на нормализацию обстановки в Корее, на вывод американских войск из Южной Кореи и создание благоприятных условий для мирного объединения страны на демократических началах.

Как подчеркивалось в согласованном сообщении для печати, эти советско-корейские переговоры, так же как и переговоры делегаций КПСС и ТПК в Москве в июне 1979 г., способствовали укреплению отношений дружбы и сотрудничества между КПСС и ТПК, между народами Советского Союза и КНДР.

Делегация КПСС были принята Генеральным секретарем ЦК ТПК, Президентом Корейской Народно-Демократической Республики товарищем Ким Ир Сенем. Во время беседы, прошедшей в теплой, товарищеской обстановке, состоялся обмен мнениями по вопросам, представляющим взаимный интерес. Было высказано удовлетворение тем, что между КПСС и ТПК укрепляется дружба, расширяется и углубляется всестороннее взаимное сотрудничество на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. Была выражена уверенность в том, что КПСС и ТПК в своих отношениях будут и впредь следовать этим курсом.

Советские коммунисты, все советские люди с интересом и вниманием следили за работой VI съезда Трудовой партии Кореи. Нет сомнения, что решения высшего форума корейских коммунистов будут способствовать дальнейшему укреплению материально-технической базы социализма, повышению материального благосостояния народа. Советские люди желают корейскому народу успехов в выполнении решений VI съезда ТПК, новых достижений в социалистическом строительстве, в дальнейшем укреплении международных позиций КНДР, в достижении мирного объединения Кореи.

Милитаризация Японии — угроза миру в Азии

*Д. В. Петров,
доктор исторических наук,
профессор*

Характерной особенностью внешнеполитического курса Японии на рубеже 80-х годов является четко определившийся разрыв между официально провозглашаемыми доктринами приверженности делу мира и реально проводимой политикой планомерного и нарастающего по своим темпам увеличения военного потенциала.

Особая опасность этого курса заключается в том, что он встречает полную поддержку и поощрение со стороны как империалистических держав — членов НАТО, так и пекинского руководства. Во время переговоров с премьер-министром Японии М. Охира в Вашингтоне 1 мая 1980 г. президент Дж. Картер выразил надежду, что Япония «будет постоянно и существенно увеличивать свои военные расходы»¹. Премьер Госсовета КНР Хуа Гофэн со своей стороны также указывал на «необходимость для Японии увеличивать ее военную мощь»².

Вопрос о милитаризации Японии приобрел, таким образом, международное значение, далеко выйдя за рамки внутренней политики страны. Нарастание военной мощи Японии явно идет вразрез с задачами ослабления международной напряженности, подрывает сложившийся баланс сил в Азии и тем самым становится серьезным дестабилизирующим фактором в этом регионе.

Военно-политические концепции правящих кругов Японии

Все видные деятели правящей либерально-демократической партии (ЛДП), возглавлявшие кабинеты министров, неоднократно подчеркивали, что Япония является «уникальной страной», в которой экономическая мощь не сопровождается наращиванием мощи военной. Они заявляли о намерениях строго придерживаться положений конституции и добиваться внешнеполитических целей исключительно мирными средствами.

«Я уверен, что дух японской конституции, провозгласившей приверженность Японии делу мира в качестве национальной доктрины, является предметом гордости для Японии как пример для всего человечества, — подчеркивал министр иностранных дел Сунао Сонода в своей программной речи в парламенте 25 января 1979 г. — Миссия Японии, как я уверен, заключается в том, чтобы с гордостью следуя духу конституции и исходя из глубокого сознания того, что мир и процветание Японии могут быть обеспечены только в условиях мира и процветания всего человечества, прилагать все усилия во имя даль-

¹ «Асахи симбун», 2. V. 1980.

² «Санкэй симбун», 26. IV. 1980.

нейшего укрепления мира и процветания всего международного сообщества»³.

Однако на практике правящие круги Японии со второй половины 70-х годов все более активно стали идти по пути наращивания военного потенциала и психологической подготовки к возможному в будущем применению военной силы в той или иной форме в качестве средства достижения внешнеполитических целей. Это нашло свое выражение в быстром наращивании военных расходов и принятии на вооружение новейшей боевой техники, а также в удовлетворении требований Пентагона о значительном расширении обязанностей возрождаемой японской армии — «сил самообороны» — в рамках американской военно-стратегической системы в Азии. Одновременно предпринимались настойчивые попытки дать произвольное толкование конституции — вплоть до доказательства возможности владения ядерным оружием — и проташить через парламент такие законодательные акты, которые привели бы к повышению статуса военного командования и расширению его прав и полномочий.

В своих военно-политических концепциях правящие круги Японии исходят прежде всего из того, что военный потенциал Японии является неотъемлемой составной частью мощи всего империалистического мира в противостоянии с силами социализма. Они поэтому полностью исключают какую-либо возможность проведения политики невооруженного нейтралитета, к которой призывают демократические силы страны, и считают своим долгом активно участвовать в борьбе двух систем, добиваясь сохранения и упрочения позиций мирового империализма.

Этот курс нашел свое проявление в последнее время в откровенных заявлениях лидеров японского правительства о том, что в глобальном плане вооруженная мощь Японии направлена прежде всего против Советского Союза. Военные специалисты и наиболее дальновидные политические деятели страны полностью отдают себе отчет в том, что Советский Союз не собирается нападать на Японию и искренне стремится, исходя из своих национальных интересов, к развитию дружественных, добрососедских связей с Японией. Тем не менее под давлением реакционных сил внутри страны, а также США и пекинского руководства лидеры правительства в разных вариантах муссируют вопрос о так называемой «угрозе» со стороны Советского Союза с явной целью обосновать свою линию на широкую милитаризацию страны.

В официальной «Белой книге по вопросам обороны» за 1978 г. Советский Союз впервые был прямо назван гипотетическим противником Японии. Новый премьер-министр Японии Д. Судзуки, сформировавший свой кабинет в середине июля 1980 г., заявил, что полностью поддерживает политику своих предшественников. В утвержденном правительством и опубликованном 19 августа 1980 г. министерством иностранных дел Японии очередном ежегоднике по вопросам внешней политики подчеркивается, по сообщениям японской печати, «потенциальная советская угроза» и «демонстрируется позиция противоборства с СССР»⁴.

Второе важнейшее положение военно-политических концепций Японии — сочетание курса на наращивание военной мощи с сохранением и укреплением военного союза с Соединенными Штатами. Исходя из того, что Япония в настоящее время и в ближайшем будущем не будет в состоянии самостоятельно решать стратегические задачи и вести наступательные действия крупного масштаба, военная доктрина Японии предусматривает использование американского «ядерного зонтика» и всемерное содействие вооруженным силам Соединенных Штатов и их азиатских союзников.

³ Вага гайко-но кинкё, 1979, т. 23 (Обзор внешней политики Японии). Токио, 1979, с. 320.

⁴ «Ёмпури симбун», 20. VIII. 1980; «Майнити симбун», 20. VIII. 1980.

В своей программной речи в парламенте 4 октября 1980 г. премьер-министр Д. Судзуки подчеркнул, что «отношения с Соединенными Штатами являются краеугольным камнем внешней политики Японии» и что Япония должна, опираясь на военный союз с США, «прилагать усилия для создания умеренной высококачественной оборонной мощи»⁵.

Наконец, правящие круги Японии строят свои военно-политические концепции, исходя из тех глубоких изменений глобальной стратегической ситуации, которые были связаны с предательством руководством КНР дела мирового социализма и превращением Китая в фактического союзника империалистических сил. Проявляя известную осторожность в связи с нестабильностью внутривнутриполитического положения в КНР, они делают тем не менее ставку на закрепление Китая на его антисоциалистических, антисоветских позициях и на сближение с Пекином по самым различным направлениям, включая налаживание контактов по линии военных ведомств.

Результатом воплощения в жизнь этих военно-политических концепций стало быстрое наращивание военного потенциала Японии и повышение ее роли в империалистической военно-стратегической системе в Азии.

Основные направления милитаризации

Курс на милитаризацию правящие круги Японии пытаются оправдать с помощью тщательно разработанной системы аргументов. С одной стороны, доказывается, что Соединенные Штаты Америки стремятся избежать слишком глубокого и опасного втягивания в азиатские дела и переносят центр своего внимания на Западную Европу и Ближний Восток. Это означает, как заявляют сторонники милитаризации, что на США теперь нельзя полностью полагаться, что Япония должна больше рассчитывать на собственные силы и наращивать «оборонительные возможности», то есть свой военный потенциал. Пытаясь играть на патриотических чувствах населения, они изображают милитаризацию как необходимый элемент укрепления позиций в рамках союза с США и проведения Японией самостоятельной и независимой политики.

С другой стороны, представители правительства настойчиво утверждают, что Япония как участник военного союза с США должна вносить возрастающий вклад в «совместную оборону», что она обязана опровергнуть обвинения в том, что «бесплатно едет на договоре безопасности», используя американский «ядерный зонтик» и не оказывая в достаточной мере поддержки вооруженным силам США в Азии.

Характерной особенностью кампании за перевооружение Японии, развернувшейся с особой отчетливостью со второй половины 70-х годов, является прежде всего ее широкий планомерный характер. Она рассчитана на длительный период и достижение далеко идущих целей. Разработан курс на постепенное создание таких материальных, организационных, правовых и морально-психологических условий, которые позволили бы в случае необходимости в кратчайшие сроки развернуть мощную армию, вооруженную современными видами оружия и полностью готовую к атомной войне.

После того как премьер-министр Такэо Фукуда в своей программной речи в парламенте 21 января 1978 г. впервые в послевоенной истории страны открыто призвал к «всестороннему конструктивному обсуждению» вопросов обороны⁶, видные деятели правящих кругов один за

⁵ «Асахи симбун», 4. X. 1980.

⁶ См.: Вага гайко-но кинкё, т. 23, с. 293.

другим стали выступать с заявлениями о необходимости «укреплять обороноспособность» и соответственно увеличивать военные расходы. Выступая 12 апреля 1980 г. в Саппоро, премьер-министр М. Охира подчеркнул, что «необходимо добросовестно и энергично работать над совершенствованием вооруженных сил»⁷.

Программа милитаризации осуществляется по самым различным направлениям. Большие усилия прилагаются прежде всего к тому, чтобы создать правовую базу для перевооружения путем пересмотра или провозгласившей отказ Японии на вечные времена «от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров»⁸.

Кампания за изменение конституции значительно активизировалась с приходом к власти правительства Д. Судзуки. В нее включились не только высшие руководители правящей либерально-демократической партии (ЛДП), но и видные представители правительства. Министр юстиции С. Окуно, например, прямо заявил в парламенте 9 октября 1980 г., что считает необходимым пересмотр конституции и изъятие из нее статьи 9⁹. Поскольку, однако, консерваторы не имеют в парламенте необходимых для внесения изменений в конституцию двух третей голосов, они взяли курс на сочетание подготовки к пересмотру основного закона страны с наращиванием военного потенциала явочным порядком, пытаясь прикрыть отход от конституции ее произвольной трактовкой и разработкой новых законов, формально не нарушающих конституцию, но фактически открывающих путь для милитаризации страны.

Эта линия нашла наиболее яркое выражение в стремлении правительства избежать установления каких-либо жестких рамок в отношении как видов оружия, так и его количества, соответствующего предусмотренному Уставом ООН праву на «самооборону».

Премьер-министр Д. Судзуки заявил в своем выступлении в клубе японских журналистов в Токио 18 августа 1980 г., что намерен проводить курс на качественное совершенствование вооруженных сил «в соответствии с необходимостью»¹⁰. Такого рода расплывчатые формулировки позволяют правящим кругам страны практически без всяких ограничений наращивать боевой потенциал «сил самообороны», поскольку нигде и никогда не уточнялось, каков именно должен быть их «соответствующий уровень».

В своих официальных заявлениях и в ходе дебатов в парламенте представители правительства упорно отказываются точно определить, какие виды оружия они считают «оборонительными» и допустимыми, по их мнению, с точки зрения конституции и какие — «наступательными», которые Япония, безусловно, не имеет права ставить на вооружение.

Управление национальной обороны (УНО) заявило, что вообще «пределы оборонительной мощи носят относительный характер, поскольку они меняются в соответствии с развитием международной обстановки, прогрессом в военной технологии и различными другими условиями»¹¹. Такой подход открывает возможность для использования практически любых видов оружия под предлогом «изменившихся условий».

В своем официальном заявлении, опубликованном 14 февраля 1978 г., УНО уточнило, что «под оружием, которое мы не можем иметь ни при каких обстоятельствах, подразумевается оружие, используемое

⁷ «Асахи симбун», 13. IV. 1980.

⁸ Современная Япония. М., 1973, с. 758.

⁹ См.: «Асахи симбун», 10. X. 1980.

¹⁰ «Нихон кэйдай симбун», 19. VIII. 1980.

¹¹ «Санкэй симбун», 18. II. 1978.

исключительно для нанесения уничтожающего удара по другому государству». В ходе парламентских дебатов было разъяснено, что таким оружием считаются атомные и водородные бомбы, баллистические ракеты наземного и подводного базирования и стратегические бомбардировщики¹².

При такой трактовке «прав» Японии на обладание современным оружием в число тех видов, которыми Япония может владеть, попадают бомбардировщики всех типов, кроме стратегических, подводные лодки, авианосцы и многие другие виды оружия явно наступательного характера.

Более того, 23 февраля 1978 г. правительство изложило свое «единое мнение» о том, что Япония «имеет право обладать тактическим ядерным оружием, если оно носит оборонительный характер»¹³. При этом было, правда, заявлено, что Япония не будет создавать свое атомное оружие, но не потому, что не имеет права, а лишь исходя из своей доброй воли и намерения строго соблюдать как Договор о нераспространении ядерного оружия, к которому она присоединилась, так и «три принципа отказа от ядерного оружия» (не производить, не иметь и не ввозить).

Такая позиция явно направлена на то, чтобы оставить себе свободными руки на будущее. Поскольку Япония имеет право в любое время заявить о своем отказе от Договора о нераспространении ядерного оружия, а «три безъядерных принципа» являются лишь правительственной декларацией и никогда не утверждались в законодательном порядке, то правительство при выдвигаемом им толковании конституции в принципе вполне может одним лишь своим решением, без санкции парламента, разрешить производство или ввоз на территорию страны тактического атомного оружия.

Представители правительства заявили также, что, по их мнению, Япония имеет право владеть крылатыми ракетами, если они применяются для оборонительных целей, и даже нейтронными бомбами. «Нельзя определенно сказать, что обладание крылатыми ракетами и нейтронными бомбами непременно представляло бы нарушение конституции»¹⁴, — заявил, например, в парламенте 18 февраля 1978 г. начальник департамента обороны УНО М. Ито.

Важным элементом политики ремилитаризации являются попытки резко повысить статус вооруженных сил и их командования в социальной структуре страны, а также расширить функции генералитета, ограниченные системой назначения на высшие должности в Управлении национальной обороны штатских лиц. Разработка специального законодательства на случай так называемых «чрезвычайных обстоятельств», то есть военного положения, которая была начата весной 1978 г. правительством Такэо Фукуда, была направлена на то, чтобы разрешить военному командованию принимать стратегические решения самостоятельно, вне контроля гражданского руководства УНО.

Неотъемлемой составной частью программы милитаризации является планомерная и настойчивая обработка общественного мнения, направленная на то, чтобы обеспечить поддержку правительственной политики и создать благоприятный для наращивания военного потенциала психологический климат. Как отмечал член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Д. Устинов, «реваншистские силы пытаются предать забвению трагические уроки минувшей войны и убедить народ своей страны поддержать идею возрождения Японии как «мощной военной державы». Такой путь опасен не только для ее соседей, но и в первую очередь для самого японского народа, которому милитаризм в

¹² См.: «Асахи симбун», 19. II. 1978.

¹³ «Ёмиури симбун», 24. II. 1978.

¹⁴ «Асахи симбун», 19. II. 1978.

недавнем прошлом принес неисчислимые бедствия, привел страну к национальной катастрофе»¹⁵.

Важным проявлением курса на перевооружение служит непрерывно нарастающее по своим темпам увеличение военных расходов. В утвержденном правительством 29 октября 1976 г. долгосрочном плане строительства вооруженных сил было установлено, что в обозримом будущем военные расходы страны не должны превышать 1 % валового национального продукта. Этот рубеж пока что сохраняется: в 1979 г. ассигнования на военные нужды в Японии составили 0,9 % ВВП, тогда как в США — 5 % и в западноевропейских странах — членах НАТО — в среднем 3,5 %¹⁶.

Однако при оценке характера и значения японских военных расходов необходимо принимать во внимание, во-первых, что даже при неизменном удельном весе в ВВП они возрастали в абсолютном выражении значительно быстрее, чем в других империалистических странах, в соответствии с увеличением объема ВВП. Так, в 1979 г. военные расходы США увеличились по сравнению с 1960 г. в 2,4 раза, ФРГ — в 8,1, Франции — в 4,9, Англии — в 3,8, а Японии — в 13,1 раза¹⁷. Высокие темпы прироста военных ассигнований сохранились и в последующие годы: в 1979 г. они возросли на 10,2 % и в 1980 г. — на 6,5 %¹⁸.

Во-вторых, при громадных масштабах японской экономики даже умеренные в процентном отношении к ВВП военные расходы составляют большую фактическую сумму. На 1980 г. они были утверждены в размере 2230 млрд. иен, то есть 9450 млн. долл. (по курсу на 15 января 1980 г.). Направляя на военные нужды всего 5,2 % расходной части бюджета, Япония тем не менее по расходам в расчете на одного военнослужащего обогнала такие страны НАТО, как Италия и Франция, и вплотную приблизилась к ФРГ.

При этом следует учитывать, что Япония вуалирует часть военных расходов, проводя их по другим статьям бюджета. Если использовать применяемые в странах НАТО методы подсчета и включить в них выплату пособий семьям погибших в годы войны и пенсий вышедшим в отставку военнослужащим, то фактические военные расходы, как указывал министр иностранных дел С. Окита, дойдут до 1,5 % ВВП¹⁹. Общие военные ассигнования в этом случае составят в 1980 г. громадную цифру — 3720 млрд. иен, или 15,7 млрд. долл., что всего на 2—3 млрд. долл. меньше, чем у ядерных держав — Англии или Франции.

Чтобы в полной мере оценить, что значит столь высокий уровень военных расходов, необходимо принять во внимание, что речь идет о странах, придерживающихся принципиально различных военных доктрин. В отличие от членов НАТО Япония провозглашает мирный путь развития основой своей государственной политики и, следовательно, не должна была бы даже близко подходить к ним по объему своих военных ассигнований.

Однако даже такие громадные военные расходы считаются уже недостаточными. Добиваясь увеличения вклада Японии в американскую военно-стратегическую систему в Азии, Вашингтон настойчиво требует довести их по крайней мере до 1 % ВВП. В представленном конгрессу в январе 1980 г. докладе министр обороны США Г. Браун откровенно признал, что он «настаивал во время регулярных встреч с японскими лидерами на расширении» программы наращивания военного потенциала Японии²⁰.

¹⁵ «Правда», 2. IX. 1980.

¹⁶ Бэй хакусё, 1980 (Белая книга по вопросам обороны). Токио, 1980, с. 255.

¹⁷ In: Military Balance, 1979—1980. London, 1979, p. 94—96.

¹⁸ Бэй хакусё, 1980, с. 258.

¹⁹ См.: «Асахи симбун», 4. V. 1980.

²⁰ Report of Secretary of Defence Harold Brown to the Congress on the FY 1981 Budget. January 29, 1980, p. 51.

Важным шагом в этом направлении явилось согласие министерства финансов удовлетворить требования Управления национальной обороны и увеличить военный бюджет в 1981 г. фин. году на 7,6 %, утвердив его в размере 2400 млрд. иен. Как сообщает японская печать, в последующие годы УНО намерено ежегодно увеличивать военные расходы на 15 %, чтобы уже к 1983 г. довести их до 1 % ВВП²¹, а затем найти пути к превышению этого уровня.

Увеличение из года в год военных расходов ставит своей целью в первую очередь повышение качественного уровня «сил самообороны» путем внедрения новейших видов оружия и проведения соответствующей боевой подготовки.

Здесь берется курс на сочетание закупок боевой техники и патентов на ее производство в Соединенных Штатах с разработкой отечественных систем оружия и наращиванием мощностей военной промышленности.

По огневой мощи, мобильности и другим основным показателям японские «силы самообороны» уже сейчас занимают, по оценкам американских специалистов, примерно 6—7-е место среди армий капиталистических стран. Номинальная численность личного состава «сил самообороны» составила в 1980 г. 268 тыс. человек, увеличившись всего на 16 % по сравнению с 1960 г. Однако расходы на закупку боевой техники за тот же период выросли в 11,6 раза. Вооруженные силы Японии имеют 840 танков, 520 самоходных установок, 600 бронетранспортеров, 3880 орудий и минометов, 192 пусковые установки зенитных управляемых ракет типа «Хок» и 144 — типа «Найк», 40 минных заградителей и тральщиков, 13 подводных лодок, 47 эсминцев, 1261 самолет различных типов, включая 379 истребителей²². 28 декабря 1977 г. Национальный совет обороны принял решение закупить в США в течение 10 лет 100 истребителей «Ф-15» и 45 самолетов противолодочной обороны «Р-36». Кроме того, Япония заказала в США самолеты раннего обнаружения «Е-2С» и новейшее оборудование для систем ПВО.

Одновременно с закупками в США последовательно проводится курс на разработку новых отечественных видов вооружений и их производство в Японии. Особое внимание уделяется созданию ракет с лазерной системой наведения и управляемых торпед, разработке различных видов ультрасовременного электронного военного оборудования, выпуску отечественных моделей легкого самолета-истребителя и среднего танка, строительству четырех авианосцев водоизмещением 10—15 тыс. т, на борту каждого из которых будет находиться по пять самолетов с вертикальным взлетом. Если учесть, что в настоящее время наиболее крупные эсминцы, находящиеся на вооружении ВМС, имеют водоизмещение 3—5 тыс. т, то постройка этих авианосцев будет означать качественное изменение структуры военно-морских сил Японии, «которые станут мощной наступательной силой»²³.

Увеличение выпуска военной продукции ведет к возрастанию роли и значения концернов, занимающихся военным производством, расширяет их возможности давления на правительственные круги и в конечном счете создает базу для формирования в Японии военно-промышленного комплекса. 37,2 % общей суммы заказов на поставку различных видов оружия и боеприпасов, размещенных УНО в 1979 г. (645,2 млрд. иен), захватили в свои руки всего четыре крупнейших производителя боевой техники — две компании из группы «Мицубиси», «Кавасаки дзюкогё» и «Исикавадзима — Харима дзюкогё»²⁴.

²¹ См.: «Эмиури симбун», 25. VII. 1980.

²² См.: Бозэй хандобуку, 1980 (Справочник по вопросам обороны). Токио, 1980, с. 92, 158, 168 — 169.

²³ «Токио симбун», 8. I. 1978.

²⁴ In: "Asahi Evening News", 23. VI. 1979.

Наряду с повышением уровня оснащенности «сил самообороны» важное значение в их качественном совершенствовании придается подготовке кадров сержантского и младшего офицерского состава, особенно высококвалифицированных специалистов военно-воздушных сил и военно-морского флота. Так, в сухопутных частях рядовые составляют всего 35,3 %, а во флоте и ВВС еще меньше — только 31 %. Такая структура личного состава наряду с развитой военной промышленностью позволяет в случае введения воинской повинности в течение кратчайшего отрезка времени развернуть армию численностью до полтора миллиона солдат и офицеров.

Япония в американской военно-стратегической системе

Процесс милитаризации Японии неразрывно связан с американскими военно-стратегическими доктринами и внешнеполитическим курсом США.

Соединенные Штаты отводят военному союзу с Японией первостепенную роль в достижении своих как региональных, так и глобальных целей. Значение Японии особенно возросло в связи с проведением в 1978—1980 гг. администрацией президента Дж. Картера курса на подрыв разрядки, стимулирование нового раунда гонки вооружений и создание очагов напряженности на восточных границах Советского Союза путем сближения с пекинским руководством и поощрения его агрессивной антисоветской политики.

Во время визита в Токио 15—16 декабря 1980 г. министр обороны США Г. Браун высоко оценил роль и значение Японии как важнейшего союзника США и призвал к дальнейшему развитию японо-американского сотрудничества и значительному увеличению военных расходов Японии²⁵.

В основе японо-американского союза лежит подписанный в январе 1960 г. «договор безопасности», срок действия которого с 1970 г. ежегодно автоматически продлевается. Отвечая на запросы в парламенте 28 января 1980 г., премьер-министр М. Охира заявил, что соглашение будет в полной мере действовать в 80-е годы, поскольку «правительство намерено и впредь сохранять этот договор и опираться на него в своей политике»²⁶.

В соответствии с условиями договора Япония предоставляет Соединенным Штатам право создавать базы и размещать свои вооруженные силы на территории страны. К началу 1981 г. в распоряжении США находилось 119 различного рода баз, радиолокационных станций, ремонтных предприятий, казарм, госпиталей, районов для проведения маневров и других сооружений, обеспечивающих действия американских вооруженных сил в обширнейшем азиатско-тихоокеанском регионе.

На базах в Японии размещено 46,4 тыс. американских солдат и офицеров, из которых только 2,5 тыс. человек входят в состав различных вспомогательных подразделений сухопутных сил, а подавляющую часть составляют морская пехота (22,6 тыс. человек), а также солдаты и офицеры военно-воздушных сил (14,3 тыс.) и военно-морского флота (7,0 тыс.). Такой состав воинских частей подчеркивает характер баз как передовых рубежей американской стратегической системы, призванных обеспечить мобильную переброску морской пехоты в любой район Азии.

²⁵ «Асахи симбун», 16. XII. 1980.

²⁶ Там же, 29. I. 1980.

При всем значении, какое придается базам, главным направлением активизации роли Японии в планах Пентагона со второй половины 70-х годов стало наращивание ее военного потенциала и обеспечение организационных форм участия «сил самообороны» непосредственно в военных действиях на передней линии американской военно-стратегической системы.

Важным шагом на этом пути явилось утверждение на 17-м заседании Японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности 27 ноября 1978 г. обстоятельного документа под названием «Основные принципы американо-японского сотрудничества в области обороны». 28 ноября это соглашение было официально одобрено национальным советом безопасности и кабинетом министров.

По содержанию и реальному значению «Основные принципы» можно рассматривать как непосредственное продолжение, уточнение и расширение японо-американского «договора безопасности».

В соглашении детально разграничиваются функции японских «сил самообороны» и американских вооруженных сил на случай боевых действий. Предусматривается, в частности, что японские «силы самообороны» будут поддерживаться «в надлежащих размерах» и возьмут на себя отражение «ограниченной и небольшой по размерам агрессии». Они обеспечивают оборону территории Японии и прилегающего морского и воздушного пространства, «сдерживают, изматывают и контратакуют противника».

В ходе боевых действий на море «силы самообороны» должны «осуществлять охрану морских коммуникаций, защищать порты и заливы, охранять проливы, вести противолодочную борьбу и охранять морские перевозки»²⁷.

Практически это означает существенное расширение функций японских «сил самообороны», которое неминуемо потребует их значительного увеличения. Подробности достигнутого соглашения держатся в секрете, но политические обозреватели обращают, например, внимание на то, что нет никаких оговорок относительно площади акватории и протяженности коммуникаций, защита которых возлагается на Японию. По сообщениям печати, Япония должна взять на себя патрулирование морских путей до острова Гуам и на юг — до района острова Тайвань. Выполнение этих задач будет означать действия военно-морского флота Японии в тысячах километров от побережья страны.

На японские «силы самообороны» возлагаются совершенно четкие задачи по оказанию всемерной поддержки и помощи американским вооруженным силам. Так, соглашением устанавливается, что «при необходимости американские вооруженные силы получают по их требованию новые объекты и территории в рамках японо-американского договора безопасности и связанных с ним соглашений». Предусматривается также совместное использование военных баз и сооружений.

Что касается вооруженных сил Соединенных Штатов, то их функции сводятся к «поддержанию ядерной силы сдерживания», содержанию мобильных вооруженных сил, которые могут быть «выдвинуты на передние рубежи», оказанию содействия «силам самообороны» и проведению контрнаступательных боевых операций.

Соглашением намечается ряд конкретных мер, направленных на резкое повышение степени интеграции японских и американских вооруженных сил. Предполагается проведение совместного обучения и маневров. В связи с закупками Японией новой боевой техники в США ставится задача обучить японских военнослужащих обращаться с ней и проводить необходимый ремонт.

²⁷ Вага гайко-но кинкё, т. 23, с. 408—411.

Принципиально новым было достигнутое решение о совместных мероприятиях не только непосредственно при ведении военных действий, но также «в случае угрозы вооруженного нападения на Японию» и «в случае, когда за пределами Японии на Дальнем Востоке возникнет угрожающая для ее безопасности обстановка»²⁸. Это означало, по существу, пересмотр или по крайней мере граничащее с пересмотром расширительное толкование «договора безопасности», поскольку его статья V возлагает на каждую из сторон обязательство «предпринять действия для отражения общей опасности» только в случае непосредственного «вооруженного нападения на одну из сторон на территориях, находящихся под управлением Японии»²⁹.

По новому соглашению Япония практически обязывается координировать свои планы с США постоянно в условиях мирного времени, ибо весьма трудно определить содержание понятия «угроза нападения» и время ее появления. Кроме того, значительно расширяются территориальные границы японских обязательств, так как предусматривается установление военного сотрудничества даже в тех случаях, когда речь идет о событиях, происходящих далеко за пределами Японии.

Вопреки духу разрядки

Милитаризация Японии и повышение ее роли в американской военно-стратегической системе в Азии создают серьезные препятствия на пути улучшения международно-политического климата в этом районе мира.

Реальную угрозу для всех стран региона представляют военные базы и вооруженные силы США, расположенные на территории Японии. По условиям «договора безопасности» (статья VI) базы предоставляются Соединенным Штатам «в целях содействия безопасности Японии и поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке», то есть возможности их использования четко ограничены районом Дальнего Востока. Однако со второй половины 1979 г. администрация президента Дж. Картера откровенно поставила вопрос о беспрепятственном использовании баз в Японии для достижения целей своей глобальной политики и обеспечения военных действий в любом районе земного шара.

В июле 1979 г. в печати появились сообщения о том, что в рамках своей стратегии так называемого «ответного удара» Соединенные Штаты предполагают в кратчайшие сроки перебросить в случае необходимости свои вооруженные силы, находящиеся в азиатско-тихоокеанском районе, в Западную Европу. Эта концепция была подтверждена в связи с концентрацией с ноября 1979 г. крупных военных сил США в районе Персидского залива как средства оказания военного давления на Иран и обеспечения в случае необходимости военной и торгово-экономической блокады этой страны. Министр обороны США Г. Браун указывал, что США «должны сохранить свободу рук в переброске своих вооруженных сил, дислоцированных в Японии», в другие районы, в том числе в зону Индийского океана³⁰.

Под давлением Вашингтона правительство Японии стало на путь произвольного расширения географических рамок «договора безопасности». Министерство иностранных дел Японии в ноябре 1969 г. разъяснило, что понятие «Дальний Восток» распространяется, по достигнутой с США договоренности, на Японию, территорию к северу от Филиппин, побережья Китая и Приморскую область³¹. В годы американской агрессии во

²⁸ Там же, с. 412.

²⁹ Современная Япония, с. 774.

³⁰ Report of Secretary of Defence Harold Brown. January 29, 1980, p. 51.

³¹ См.: «Асахи симбун», 17. XI. 1969.

Вьетнаме, когда Япония играла роль важнейшей американской тыловой базы, японское правительство стало включать в понятие «Дальний Восток» всю Юго-Восточную Азию. Теперь же, оказавшись вынужденным поддерживать новые требования Соединенных Штатов, оно пошло еще дальше: заведующий договорным отделом МИД Японии Мунэоки Датэ заявил 1 февраля 1980 г. в парламенте, что «теоретически Дальним Востоком считается весь район, где какие-нибудь чрезвычайные события угрожают миру и безопасности Дальнего Востока». Он сказал, что «во время возникновения угрозы безопасности и миру на Дальнем Востоке сфера действий американских войск не ограничится данным районом»³².

Эта новая трактовка понятия «Дальний Восток», ничего общего не имеющая с общепризнанным географическим регионом, была подтверждена премьер-министром М. Охира. Отвечая 1 февраля 1980 г. на запросы в бюджетной комиссии палаты представителей, он заявил, что с точки зрения японо-американского «договора безопасности» не возникает никаких проблем с переброской «корпуса быстрого реагирования» в районы Ближнего Востока и Индийского океана в случае использования им объектов и территорий в Японии³³.

Готовность японского правительства путем произвольной, далеко выходящей за рамки здравого смысла трактовки понятия «Дальний Восток» обеспечить ничем не ограниченное использование вооруженными силами США баз на территории Японии для действий практически в любом уголке земного шара ведет к активизации роли Японии в американской военно-стратегической системе и значительно усиливает опасность втягивания страны в американские военные авантюры.

Насколько далеко это может завести Японию, показали планы Пентагона использовать японский флот для минирования проливов Лаперуза, Цугару, Корейского и Цусима, что создаст угрозу морским коммуникациям Советского Союза. Комментируя доклад министерства обороны США конгрессу, представитель американского правительства 31 января 1980 г. призвал Японию наряду с увеличением военных расходов разрабатывать планы «блокирования» проливов, ведущих из Японского моря в открытый океан. Было также подтверждено, что «между представителями Японии и США на рабочем уровне проводились переговоры по вопросу о блокаде этих проливов в случае возникновения чрезвычайной обстановки»³⁴.

Серьезную опасность для дела мира в Азии влечет за собой настойчивое стремление Пентагона расширить двусторонние японо-американские союзнические связи до уровня многостороннего военного сотрудничества со странами НАТО. Министр обороны США Г. Браун во время беседы с премьер-министром М. Охира 19 октября 1979 г. подчеркивал, как сообщала японская печать, «необходимость концентрации усилий Японии, США и стран Западной Европы, чтобы противостоять потенциальной угрозе в глобальном масштабе со стороны растущей советской военной мощи»³⁵. Это же требование было включено в доклад министерства обороны, представленный конгрессу США. В нем указывается на «необходимость усиления взаимодействия США, Японии и стран Западной Европы в разработке совместных оборонных планов»³⁶.

Правительство Японии официально неоднократно заявляло о том, что не может согласиться на участие в многосторонних блоках, так как это будет противоречить букве и духу японской конституции. Однако вопреки этим декларациям предпринимаются явные шаги для удовлетворения требований Соединенных Штатов.

³² «Асахи симбун», 2. II. 1980.

³³ См.: «Майнити симбун», 2. II. 1980.

³⁴ «Майнити симбун», 9. II. 1980.

³⁵ «Japan Times», 21. X. 1979.

³⁶ Report of Secretary of Defence Harold Brown. January 29, 1980, p. 51.

Проблемы глобальной военной политики США, в том числе политики в Европе, регулярно включаются в повестку дня японо-американского комитета безопасности и других двусторонних органов. В июне 1978 г. начальник Управления национальной обороны Син Канэмару впервые нанес официальный визит в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе.

Сменивший его на посту начальника УНО Ганри Ямасита в августе 1979 г. по дороге в Вашингтон вновь посетил Брюссель. Он обсуждал с командованием НАТО широкий круг международных проблем, а также возможности обмена новейшей технологией производства основных видов вооружений.

Среди западноевропейских стран НАТО правящие круги Японии особое внимание стали уделять налаживанию военных связей с ФРГ. Это был существенный поворот в политике, поскольку до конца 70-х годов представители обеих стран всячески стремились избегать обсуждения, по крайней мере официально, военных вопросов, чтобы не напоминать о союзе между фашистской Германией и милитаристской Японией, который в конечном счете привел ко второй мировой войне.

В июне 1978 г. С. Канэмару, а в июле 1979 г. Г. Ямасита впервые за послевоенные годы провели в Бонне встречи с министром обороны ФРГ Г. Апелем, в ходе которых была достигнута договоренность поддерживать тесные связи в будущем и организовать обмен научно-технической информацией военного характера.

Во время ответного визита Г. Апеля в Токио 23—25 марта 1980 г. на высшем уровне обсуждались требования США к странам НАТО и Японии о наращивании их военного потенциала, а также вопросы дальнейшего сотрудничества в военной области. Выступая на пресс-конференции в клубе иностранных журналистов в Токио 25 марта 1980 г., Г. Апель призвал «учиться друг у друга в военной области» и расширять связи между военными ведомствами обеих стран³⁷.

Одновременно Япония предприняла определенные шаги для установления контактов с другими союзниками США по военным блокам, в первую очередь с Южной Кореей. Для координации позиций по военным вопросам в апреле 1979 г. был создан Японо-Южнокорейский парламентский совет по проблемам безопасности, в который вошли депутаты высших законодательных органов Японии и Южной Кореи.

25 июля 1979 г. первый за послевоенные годы официальный визит в Сеул совершил начальник УНО Г. Ямасита. В ходе беседы с министром обороны сеульского режима Ро Чжэ Хёном была достигнута договоренность «способствовать обменам должностными лицами, ведающими проблемами обороны»³⁸.

В 1979 г. были предприняты новые меры для налаживания связей между Японией и другими военными союзниками США в районе Тихого океана. В феврале—марте 1980 г. два японских эсминца и восемь противолодочных самолетов совместно с боевыми кораблями и авиацией США, Канады, Австралии и Новой Зеландии приняли участие в военно-морских маневрах, проводившихся под кодовым названием «Римпак-80» («Тихоокеанское кольцо»).

Впервые за послевоенные годы японские военно-морские силы имитировали боевые операции в тысячах миль от японского побережья, далеко за пределами Дальнего Востока. Кроме того, японские боевые корабли действовали совместно с флотом стран, с которыми у Японии нет военных соглашений. Японская печать особенно подчеркивала всю опасность этого прецедента с точки зрения возможности втягивания в будущем Японии в военные действия, которые могут спровоцировать в Азии не только непосредственно США, но и их союзники по военным блокам.

³⁷ «Майнити симбун», 26. III. 1980.

³⁸ «Асахи симбун», 27. VII. 1979.

Возрастающий упор на военные акции в ущерб дипломатическим усилиям, направленным на сохранение и углубление разрядки международной напряженности, в полной мере проявился в опубликованном 27 июля 1980 г. специальном докладе «Политическая программа обеспечения безопасности в 80-е годы», подготовленном после более чем года работы специальным комитетом под председательством заместителя министра иностранных дел М. Такасима³⁹.

В программе, которая, как предполагается, ляжет в основу политики нового правительства, сделан явный сдвиг акцентов в сторону военных проблем. В трех из четырех разделов рассматриваются вопросы, связанные со строительством и использованием вооруженных сил и функционированием системы «договора безопасности» с США. В четвертом разделе, посвященном непосредственно задачам, стоящим перед японской дипломатией, ничего не говорится о том вкладе, который Япония могла бы внести в ослабление международной напряженности, чтобы обеспечить тем самым главнейшее условие безопасности страны. Вместо этого авторы документа призывают идти по пути дальнейшего наращивания военного потенциала Японии и активизации ее роли в военном союзе с США на основе соглашения о разделении функций. Более того, впервые от имени министерства иностранных дел ставится вопрос о возможности включения частей «сил самообороны» в состав войск ООН по поддержанию мира, то есть направления их за пределы страны для участия в боевых действиях, что запрещено японской конституцией.

Комментируя этот доклад, японская печать подчеркивала, что «его авторы не выдвинули никаких конкретных предложений по поддержанию диалога с Советским Союзом и разрядке напряженности», и призывала возвратиться к «мирной дипломатии без опоры на вооруженные силы»⁴⁰.

Опасность набирающего силу процесса милитаризации Японии для дела мира в Азии усугубляется все более активно проводимым курсом на сближение с пекинским руководством, которое пытается втянуть Японию в проведение своей антисоциалистической и антисоветской стратегии. Заместитель министра иностранных дел КНР Хань Няньлун в своем интервью корреспонденту агентства Кёдо цусин 20 августа 1980 г. откровенно призвал, например, к организации КНР и Японией «совместных практических действий против СССР»⁴¹.

Представители КНР неоднократно заявляли о своей полной поддержке японо-американского военного союза и выступали за повышение темпов милитаризации Японии. Заместитель начальника Генерального штаба НОАК У Сюцюань в беседе с делегацией ЛДП 29 апреля 1980 г. высказался за увеличение военных расходов Японии до 2 % ВВП, то есть более чем в два раза по сравнению с нынешним уровнем⁴².

Хотя правительство Японии официально заявило, что не будет оказывать Китаю военную помощь, значительная активизация контактов и связей после заключения в августе 1978 г. «договора о мире и дружбе» и особенно предоставление Китаю громадных кредитов, общая сумма которых превышает 12 млрд. долл., способствуют наращиванию военного потенциала КНР и осуществлению планов «четырёх модернизаций», включая модернизацию вооруженных сил.

Официальные представители Японии обычно подчеркивают, что Япония не намерена идти на создание в той или иной форме союза с КНР и США, направленного своим острием против СССР. Однако японская печать отмечала после состоявшихся в Токио в конце мая 1980 г. переговоров премьер-министра Японии М. Охира с премьером Госсовета КНР

³⁹ См.: «Ёмиури симбун», 28. VII. 1980.

⁴⁰ «Майнити симбун», 29. VII. 1980.

⁴¹ «Санкэй симбун», 21. VIII. 1980.

⁴² См.: «Асахи симбун», 29. IV. 1980.

Хуа Гофэном, что «осуществляемый в настоящее время дипломатический курс Японии во многом совпадает с мировой стратегией Китая, направленной на создание антисоветского фронта»⁴³.

Справедливость этой оценки была подтверждена в ходе переговоров в Токио с президентом Дж. Картером и премьером Госсовета КНР Хуа Гофэном, прибывшими в июле 1980 г. на похороны скончавшегося премьер-министра Японии М. Охира. Представители Японии фактически поддержали линию на противостояние с социалистическими странами, сделав, как отмечало в своем сообщении от 11 июля 1980 г. агентство Кёдо цусин, новый шаг по пути «развития отношений сотрудничества между США, Японией и Китаем».

Опасность такого рода блокирования носит тем более серьезный характер, что одним из элементов сближения правящих кругов Японии с пекинским руководством все более явно становится налаживание и развитие контактов непосредственно по линии военных ведомств.

Вскоре после подписания «договора о мире и дружбе», 8—13 сентября 1978 г., состоялся визит в Японию заместителя начальника Генерального штаба Народно-освободительной армии Китая Чжан Цайцян, который ознакомился с некоторыми японскими предприятиями, выпускающими военное снаряжение, и договорился о налаживании регулярных обменов с Управлением национальной обороны.

Вслед за ним в мае 1979 г. Японию посетил заместитель министра обороны КНР Су Юй, который выступил с провокационными заявлениями относительно «военной угрозы» для Японии со стороны СССР и призывал японское правительство «проявлять еще большую настороженность», наращивать военный потенциал и развивать связи с военными кругами Китая. 18 мая 1979 г. он провел официальные переговоры с начальником УНО Г. Ямасита и председателем Объединенного комитета начальников штабов японских «сил самообороны» Т. Такакина.

В качестве одной из перспективных областей военного сотрудничества с Японией Су Юй указал на готовность Китая закупить технологию производства некоторых видов боевого оружия. Он подчеркнул, что, по его мнению, «качество японских сил самообороны очень высокое» и что в целях содействия модернизации вооруженных сил КНР «хотелось бы освоить передовую технологию Японии»⁴⁴. Министр иностранных дел Японии С. Сонода подтвердил, что «Китай уведомил правительство о своем желании купить у Японии артиллерийские орудия и даже танки»⁴⁵.

Налаживание контактов между военными ведомствами Японии и Китая, несмотря на их ограниченный характер на современном этапе, свидетельствует о стремлении обеих сторон подготовить общественное мнение Японии к возможности развертывания более тесных связей в будущем, что открывает путь к осуществлению планов пекинского руководства, направленных на сколачивание тройственного союза США — КНР — Япония на антисоциалистической и антисоветской основе.

Указывая на негативные последствия курса на подрыв разрядки и усиление конфронтации с Советским Союзом, многие японские политические обозреватели призывают к коренному пересмотру японской политики. Они считают, что ни в коем случае нельзя допускать втягивания Японии в антисоветскую стратегию Вашингтона и Пекина и что следует искать пути к обеспечению мира и безопасности Японии в сбалансированном развитии связей со всеми странами. «В отличие от США и Китая Япония не должна проводить курс на конфронтацию с СССР,— подчеркивала в редакционной статье газета «Асахи

⁴³ «Асахи симбун», 30. V. 1980.

⁴⁴ «Токио симбун», 21. V. 1979.

⁴⁵ «Asahi Evening News», 11. VII. 1979.

симбун». — ...Японии пора задуматься над проведением политики в отношении СССР с самостоятельных позиций»⁴⁶.

Советский Союз, со своей стороны, последовательно выступает за налаживание самых широких добрососедских связей с Японией. Он готов, как подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев в своей речи в Алма-Ате 29 августа 1980 г., «развивать их и впредь». Однако соответствующее стремление должно быть проявлено и правительством Японии. В сложившейся обстановке дальнейшее развитие советско-японских отношений зависит, как указывал Л. И. Брежнев, от японской стороны, «от того, насколько японское руководство сумеет сохранить самостоятельный, реалистический курс в своей политике, не поддаваясь влиянию извне, толкающему Японию на опасный путь милитаризации и враждебных Советскому Союзу действий»⁴⁷.

* * *

Милитаризация Японии, осуществляемая нарастающими темпами по самым различным направлениям, вносит серьезный дестабилизирующий элемент в международно-политическую обстановку в Азии. Она ведет к подрыву сложившегося стратегического баланса сил и создает тем самым новые трудности на пути оздоровления международного климата в азиатско-тихоокеанском регионе. Нарастание военного потенциала Японии может явиться стимулом для нового витка гонки вооружений в странах Азии и ухудшения и без того взрывоопасной обстановки в этом регионе. Усиление военной мощи и постепенное расширение сферы действий военно-морских сил могут способствовать появлению у правящих кругов Японии искушения использовать потенциальные военные возможности в качестве средства давления на более слабые страны и достижения своих внешнеполитических целей.

Сближение Японии с Китаем и попытки наладить проведение совместных или параллельных акций с участием США закладывают основы для постепенного формирования тройственного военно-политического союза, что ведет к дальнейшему обострению конфронтации между различными группами государств в Азии.

Активизация роли Японии в американской военно-стратегической системе в Азии на базе «разделения функций» дает возможность США использовать высвобождающиеся вооруженные силы в других районах мира и содействует тем самым росту международной напряженности. Такие же последствия влечет за собой и широкая экономическая и политическая поддержка Японией различного рода американских акций, включая подрывные действия против революционного Афганистана и выступления в защиту полпотовцев, отвергнутых народом Кампучии.

Курс на перевооружение не может, таким образом, обеспечить мир и безопасность Японии. Он неминуемо ведет к ухудшению отношений с соседними государствами, создает реальную опасность втягивания в военные авантюры и идет тем самым вразрез с национальными интересами и стремлением широких масс японского народа к развитию истинно добрососедских связей со всеми странами.

⁴⁶ «Асахи симбун», 23. VII. 1980.

⁴⁷ «Правда», 30. VIII. 1980.

Предательский курс Пекина и освободительная борьба народов Юга Африки

*А. С. Красильников,
кандидат исторических наук*

Выступая в октябре 1980 г. на международной научной конференции «Совместная борьба рабочего движения и национально-освободительного движения против империализма, за социальный прогресс», состоявшейся в столице ГДР городе Берлине, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев отметил: «Особую ставку империализм делает на Пекин. Отступничество пекинских лидеров, их гегемонистская линия — это один из козырей империалистической политики нашего времени. Именно блокирование Пекина с империализмом ободрило силы агрессии, недовольные разрядкой. Какой район борьбы за национальное освобождение ни взять, всюду проявляется проимпериалистическая линия Пекина»¹. Эта линия довольно четко проявилась и в Африке.

Не занимая главенствующего положения в великодержавных планах Пекина, Африканский континент был выбран китайским руководством «в качестве удобного, по его мнению, плацдарма для борьбы за гегемонию в „третьем мире“»². Деятельность пекинских лидеров в Африке с начала 60-х до начала 80-х годов, не имеющая ничего общего с марксистско-ленинской теорией и практикой, нанесла серьезный ущерб национально-освободительному движению, делу социально-экономического развития независимых африканских государств.

Особое внимание на всех этапах своего гегемонистского курса маоисты уделяли созданию и углублению конфликтных и кризисных ситуаций на Африканском континенте с целью вовлечь в них страны социализма и ведущие империалистические державы, что вело к усилению конфронтации двух противоположных систем со всеми вытекающими из этого последствиями. Одним из главных направлений в этой политике в 60-х годах было использование Китаем в своих великодержавных интересах противоречия между силами национально-освободительного движения, с одной стороны, и империализмом, колониализмом — с другой. В 70-х и начале 80-х годов линия Пекина в отношении конфликтных и кризисных ситуаций в Африке, в том числе и на Юге Африки, приобрела еще более опасный характер³. Китайское руководство встало на путь поддержки курса Запада, в первую очередь США, пыталось подтолкнуть империализм, расистско-колониальные режимы на военные действия против сил освобождения, стран социалистической ориентации в Африке, на усиление конфронтации со странами социалистического содружества с целью подрыва процесса разрядки, дестабилизации системы международных отношений.

¹ «Правда», 21.X.1980.

² «Коммунист», 1977, № 14, с. 104.

³ В данной статье рассматривается политика Китая не в отношении всех стран Юга Африки, а лишь в отношении Южно-Африканской Республики (ЮАР), Намибии, Зимбабве (Родезии).

Конечно, руководство КНР преследовало и преследует в Африке и целый ряд других целей, одни из которых носят стратегический, а другие — тактический характер. Маоисты пытались привлечь на свою сторону освободившиеся страны Африки в целях создания обособленной афро-азиатской группировки, навязать некоторым из них «китайскую модель развития», «идеи Мао Цзэдуна» с целью утверждения своего лидерства, доказательства универсальности китайского пути развития для всех государств «третьего мира». Китай стремится завоевать в Африке рынки сбыта для своей продукции, обеспечить африканским сырьем (хлопок, медь и т. д.) нужды своей промышленности.

Предательство Пекином сил национального и социального освобождения на Юге Африки началось еще задолго до выработки им курса на блокирование с империализмом. В 60-е годы китайское руководство стремилось навязать революционно-демократическим организациям — Африканскому национальному конгрессу (АНК), Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО), Союзу Африканского народа Зимбабве (ЗАПУ) и Африканскому национальному союзу Зимбабве (ЗАНУ) экстремистский курс, поддерживало «революционеров» фразы, демагогов, противников идейно-политического единства организаций. Промаоистские элементы в Panaфриканском конгрессе (ПАК), Национальном союзе Юго-Западной Африки (СВАНУ), других организациях клеветали на подлинных патриотов, обвиняли их в оппортунизме, связях с американским империализмом. Свою контрреволюционную деятельность они прикрывали громкими фразами о революционной борьбе. Многие из них оказались агентами США, ЮАР. Как отмечал национальный председатель Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки Г. Уинстон, «именно в Южной Африке союз маоистов, ЦРУ, неопанафриканистов и расистских раскольников американского рабочего движения перешел в последнем десятилетии к открытым действиям, объективно играя на руку стратегии южноафриканского империализма и его партнеров в США и НАТО»⁴.

Маоисты в своей политике на Юге Африки делали упор не только на поддержку правого крыла в революционно-демократических организациях, но и на оказание конкретной помощи националистическим организациям — ПАК, СВАНУ, придерживающимся реакционного направления в панафриканизме, стоящим на позициях антикоммунизма, черного расизма. Империализм, имеющий влияние на правонационалистические организации, не только не препятствует развитию связей этих организаций с Китаем, но и поощряет их. «Маоизм, — писал Г. Уинстон, — служит идеологическим арсеналом национального предательства в отношении освободительного движения. Именно поэтому даже самые консервативные сторонники неопанафриканизма из числа буржуазных националистов приветствуют любой тип «радикализма», появляющегося на сцене в результате влияния маоистских «теорий». Реакционные буржуазные националисты, так же как и их неоколониалистские покровители, признают, что маоизм не имеет ничего общего с антиимпериалистической природой марксизма-ленинизма»⁵.

На Юге Африки маоизм с начала 60-х годов стал одним из источников разъединения сил освобождения, союзником расизма. В странах Западной Европы, Африки, Азии, однако, маоистской и буржуазной печати на протяжении многих лет создается миф о поддержке Китаем борцов против расизма и колониализма. При этом скрываются факты его предательской деятельности, блокирования с Преторией, а связи с раскольниками, антикоммунистическими организациями и группами интерпретируются как союз сил революции. По сути дела, политика

⁴ Г. Уинстон. Стратегия борьбы черного населения. М., 1975, с. 175.

⁵ Там же, с. 99.

Пекина, как и антикоммунистические идеи «борцов против белого расизма», хорошо вписываются в общую стратегию империализма и расистского режима Претории. Об этом наглядно свидетельствуют те выводы, рекомендации буржуазных ученых, к которым они пришли еще в 60-е годы. Так, известный американский синолог Р. Скалапино в 1964 г. пришел к выводу, что побочным результатом китайской политики в Африке «может явиться усиление роли Запада в будущем развитии Африканского континента»⁶. К подобным же выводам пришла конференция американских специалистов по Китаю, прошедшая в начале 1967 г. и признавшая, что политика маоистского руководства КНР «соответствует американским интересам»⁷. А штаб-квартира информационной службы США в своей инструкции заграничным отделениям прямо потребовала от них «реализовать все возможности для укрепления сторонников Мао»⁸.

Своей политикой в Анголе в 1974—1976 гг. Пекин еще раз дал ясно понять империалистическим державам, что он готов идти с ними на дальнейшее сотрудничество в борьбе против СССР, других стран социалистического содружества, национально-освободительного движения. Не случаен, а закономерен тот факт, что в западной печати с 1976 г. стали чаще раздаваться советы развивать связи с Китаем⁹.

Победа народов Анголы, Мозамбика в 1975 г. создала новые благоприятные условия для освобождения Зимбабве, Намибии, для ликвидации системы апартеида в Южной Африке. Okрепли позиции стран социалистической ориентации на Африканском континенте, получили дальнейшее развитие отношения африканских стран с содружеством социалистических государств.

Хотя империализм, расистско-колониальные режимы потерпели поражение в Анголе, они, так же как и Китай, не отказались от своих попыток остановить поступательное развитие истории, ослабить революционные силы Африки. Особую активность при этом проявили США, Англия, Франция, развившие бурную дипломатическую деятельность на континенте. Она была вызвана их беспокойством о том, что события на Юге Африки «выйдут из-под контроля» и приведут к нежелательным для них социальным изменениям, дальнейшему укреплению сил национального и социального освобождения. В конце 70-х годов «борьба достигла такого рубежа, когда патриоты, по крайней мере в Зимбабве, вплотную приблизились к победе. Более того, — отмечают советские исследователи, — вопрос здесь, можно сказать, стоит не только и даже не столько о перспективах схватки, сколько о том, какие силы придут к власти в освобождающихся странах»¹⁰.

Империализм пытался найти «мирное решение» проблемы Юга Африки путем насаждения в Зимбабве и Намибии неоколониалистских режимов, а также путем изоляции и раскола сил освобождения, угроз и шантажа независимых африканских стран, в первую очередь «прифронтовых государств» — Танзании, Анголы, Мозамбика, Замбии, Ботсваны, против которых совершались открытые агрессивные вылазки расистов.

Руководство Китая, позиции которого в Африке после его совместного выступления с ЮАР против Анголы пошатнулись, было вынуждено на словах отмежеваться от расистов Претории и даже несколько усилить свою пропаганду против режима апартеида. С другой стороны, оно не желало и не могло пойти против империализма в этом регионе,

⁶ R. A. Scalapino. The Chinese-Soviet Competition in Africa. The Russian-Chinese Rift. Its Impact on World Affairs. New York, 1966, p. 139.

⁷ "New York Times", 12.11.1967.

⁸ Цит. по: «За рубежом», 1968, № 23, с. 23.

⁹ In: "New York Times", 9.V.1976.

¹⁰ К. Н. Брутенц. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 9.

проводя политику блокирования с ним в других районах мира. Пекин выбрал курс на поддержку позиции правых африканских режимов (Берег Слоновой Кости, Малави и др.) по вопросу решения проблем Юга Африки, который в своей основе не отличался от политики империализма, хотя и прикрывался рассуждениями о необходимости сохранения единства Африки. Он также был направлен на поддержку африканских деятелей Н. Ситоле, Музорева, выступавших за сохранение тесных связей будущих «независимых» Зимбабве и Намибии с Западом.

Как и расисты Претории, Солсбери, китайские руководители пытались изобразить главным врагом народов Юга Африки Советский Союз и Кубу. Их не смущал тот факт, что именно Советский Союз, другие страны социалистического содружества оказывали и оказывают всевозможную помощь африканским народам в борьбе за свободу и независимость, против империализма, колониализма, против расистов и что эта помощь высоко оценивается лидерами национально-освободительных движений, независимыми странами Африки. Выступая 28 марта 1977 г. в Лусаке, президент Замбии К. Каунда дал следующую оценку политике первого в мире социалистического государства: «Советский Союз последовательно играл и играет свою историческую роль надежного союзника освободительных движений. Когда мы, руководители Движения за независимость Замбии, разочаровались в двойственной политике Запада, мы также обратились к традиционным союзникам борцов за свободу — к Советскому Союзу и другим социалистическим странам»¹¹.

Вопреки позиции и взглядам независимой Африки, всех борцов против империализма и расистов китайское руководство «превратило» Юг континента в «сферу борьбы двух сверхдержав». Декларировав это положение, маоисты сделали «вывод» о том, что народы Южной Африки поняли, что им, дескать, «угрожает не только расизм, но большая опасность исходит от Советского Союза и Соединенных Штатов»¹².

Не решаясь открыто выступить в поддержку политики Вашингтона за Юге Африки, маоисты с различными оговорками пытались в целом оправдать курс США «потребностями борьбы» против СССР. Они утверждали, что Советский Союз якобы «осуществляет проникновение и экспансию в попытках занять место старого колониализма»¹³ и что народам Южной Африки необходимо тесно увязывать борьбу против колониализма и расизма с борьбой против... СССР, с тем чтобы «не впустить тигра через заднюю дверь, когда изгоняется волк через переднюю»¹⁴.

Логика классовой борьбы все настоятельнее втягивала Пекин в лагерь откровенных врагов сил социализма и национально-освободительного движения. Как и расисты Претории, Пекин с 1976 г. уже открыто апеллировал к империализму, главным образом США, к наиболее реакционным силам Западной Европы. Китайская печать запугивала Запад «советской экспансией» на Юге Африки. Так, «Жэньминь жибао» 1 января 1977 г. утверждала, будто Советский Союз «пытается безраздельно завладеть южной частью Африки с помощью тех уловок, к которым он прибегал в Анголе». Клевета на политику СССР, по замыслу китайского руководства, должна была подтолкнуть Запад на проведение более агрессивного курса в Южной Африке, на оказание большей помощи расистским режимам.

Анализ фактов, заявлений китайских деятелей позволяет сделать вывод о том, что одной из основных целей политики Пекина на Юге Африканского континента является обострение напряженности, ослож-

¹¹ Цит. по: «Правда», 29.III.1977.

¹² «Peking Review», 1977, № 5, p. 27.

¹³ «Жэньминь жибао», 12, 14, 15.I.1977.

¹⁴ «Peking Review», 1977, № 14, p. 28.

нение международной обстановки в целом. Эту же цель китайское руководство преследует в других регионах мира, надеясь путем создания «хаоса» на мировой арене, ослабления своих противников добиться утверждения гегемонии Китая. Не имея пока достаточной военной силы, оно главную ставку делает на использование в своих гегемонистских интересах основного противоречия — противоречия между социализмом и империализмом, на конфликт их ведущих сил — США и СССР.

В своей политике на Юге Африки во второй половине 70-х — начале 80-х годов Пекин исходил из того, что Запад, в первую очередь США, не допустит повторения «варианта Анголы», то есть прихода к власти подлинных национально-патриотических сил, а страны социализма, независимая Африка не откажутся от их поддержки. Исходя из этой посылки китайское руководство пытается спровоцировать углубление еще одного аспекта противоречий между США и СССР. Призывая Запад более активно вмешиваться в дела Южной Африки, в Пекине хорошо понимают, что это приведет, с одной стороны, к продлению господства режима Претории, а с другой — к усилению вооруженной борьбы африканских народов. При этом китайское руководство менее всего заботит вопрос о том, что это приведет к увеличению жертв со стороны борцов за свободу, к значительному осложнению пути к независимости и свободе народов Намибии, Южной Африки. Поддерживая политику империализма, африканской реакции, Пекин надеется таким путем не допустить прихода к власти прогрессивных сил в этих странах, появления на карте Африки новых подлинно независимых государств, что еще более упрочило бы в целом позиции сил мира, стран социалистической ориентации на Африканском континенте.

Пытаясь достичь гегемонистских целей, Китай усилил свой курс на блокирование с империализмом, на оказание поддержки правым элементам в Африке. Он встал на путь прямого предательства национально-освободительного движения, открытой борьбы против революционно-демократических сил, активизировал и свою раскольническую деятельность. Это наглядно проявилось в его политике в отношении национально-освободительного движения в Зимбабве, Намибии и ЮАР, которое он стремился расколоть и ослабить, расчищая тем самым путь империализму для решения проблем Юга Африки по неокOLONIALИСТСКИМ рецептам.

Используя свои связи с группировкой Н. Ситоле в ЗАНУ, оказывая этой организации некоторую материальную помощь, китайское руководство прилагало максимальные усилия к тому, чтобы обострить противоречия внутри Патриотического фронта Зимбабве (ПФЗ), созданного в 1976 г. организациями ЗАПУ и ЗАНУ. Эта политика прямо отвечала интересам расистов Солсбери, поддерживавших их США и Англии. Пекин выполнял те функции, которые были не под силу расистам и империалистам. Это нашло свое проявление в следующих акциях китайского руководства в отношении борцов за свободу Зимбабве.

16 мая 1976 г. в Морогоро, танзанийском лагере для подготовки зимбабвейцев, произошло столкновение между сторонниками ЗАПУ и ЗАНУ, которое было спровоцировано китайскими военными инструкторами¹⁵. 6 июня 1976 г. последовал более серьезный инцидент в другом лагере — Иринга. В нем было убито около 50 новобранцев Патриотического фронта. Печать патриотов Зимбабве писала, что «китайские военные эксперты стреляли из легких пулеметов и автоматов и спустили своих собак на разбегавшихся в панике новобранцев...»¹⁶.

Эти провокации, организованные китайскими специалистами, осложнили отношения между ЗАНУ и ЗАПУ. Китайское руководство

¹⁵ In: "The Zimbabwe Review", 1976, № 5, September—October, p. 6.

¹⁶ Ibid., p. 6—7.

не только не принесло извинений за совершенные преступления, но и в срочном порядке отозвало своих специалистов, не позволив тем самым лидерам Патриотического фронта Зимбабве провести расследование и наказать убийц.

Летом 1977 г. Пекин предпринял очередную попытку расколоть Патриотический фронт. С этой целью китайское руководство пригласило делегацию фронта во главе с лидером ЗАНУ Р. Мугабе посетить КНР. Во время визита делегации пекинские руководители стремились навязать ей свою концепцию «трех миров», антисоветские взгляды. Агентство Синьхуа, журнал «Пекин ревью» распространили «выдержки» из речи Р. Мугабе, в которой он якобы выступил против политики Советского Союза¹⁷. Маонистская идеологическая диверсия была тут же подхвачена буржуазной печатью. Но пекинская ложь прожила недолго. Прибыв из Китая в Габон, где в то время проводилась XIV сессия ассамблеи Организации африканского единства (ОАЕ), Р. Мугабе решительно опроверг сообщения о том, будто он делал какие-либо антисоветские заявления. «Впервые, — сказал Р. Мугабе, — я узнал о своих «заявлениях», направленных против Советского Союза, из английских журналов. Подобные измышления направлены на то, чтобы подорвать Патриотический фронт... Абсурдно выступать против Советского Союза, который вносит весомый вклад в дело освобождения Юга Африки от расизма. Мы высоко ценим действенную и бескорыстную помощь СССР и всегда говорим об этом. Благодаря Советскому Союзу Патриотический фронт Зимбабве смог одержать внушительные победы в борьбе с расистским режимом Смита»¹⁸. Это и подобные ему другие высказывания Р. Мугабе вызвали недовольство в Пекине. Китайская печать, которая довольно широко освещала ход работы и результаты XIV сессии ассамблеи ОАЕ, обошла молчанием факт признания Африкой Патриотического фронта в качестве единственного представителя народа Зимбабве. Одновременно с этим была предпринята попытка оклеветать помощь борцам за свободу со стороны СССР. 8 июня 1977 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью, в которой утверждалось, будто военная помощь Патриотическому фронту предоставлялась Советским Союзом «в интересах распространения его влияния на Зимбабве в будущем. «Борьба» в его устах, — клеветала газета, — имеет целью заменить расизм в Зимбабве неокOLONиализмом».

Учитывая антисоветский, контрреволюционный курс Пекина, США стремились активно использовать Китай для решения в своих интересах проблемы Зимбабве, других проблем Юга Африки. Так, в 1978 г. помощник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский обратился к китайскому руководству с просьбой оказать содействие в подписании соглашения о «внутреннем урегулировании в Родезии» и добиться от африканских государств «прекращения их поддержки национально-освободительным движениям»¹⁹. Бжезинский хотел, в частности, чтобы Китай убедил президента Мозамбика С. Машела «помочь внутреннему урегулированию в Родезии»²⁰. В последующие годы Пекин и Вашингтон расширили сферы своего сотрудничества, встали на путь координации политики в отношении «решения» проблемы Родезии. Об этом свидетельствуют результаты визитов в 1979 г. председателя ЦК КПК Хуа Гофэна в Англию, Дэн Сяопина в США, американских делегаций в КНР. Во время визита Дэн Сяопина в США сторонами была выражена «озабоченность» по поводу «возможности ликвидации расистских режимов на Юге Африканского континента, поскольку в этом случае Советский Союз... немедленно захватит конт-

¹⁷ In: "Peking Review", 1977, № 27, p. 25.

¹⁸ Цит. по: «Правда», 6.VII.1977.

¹⁹ Цит. по: «Известия», 1.V.1979.

²⁰ Цит. по: А. Громыко. Конфликт на Юге Африки. М., 1979, с. 73.

роль над морскими коммуникациями у южной оконечности Африки, жизненно важными для транспортировки нефти в Западную Европу»²¹.

Выполняя просьбы США, заместитель премьера Госсовета КНР Ли Сяньнянь во время своего визита в 1979 г. в Танзанию, Замбию, Мозамбик пытался запугать африканские народы несуществующим «вмешательством» в дела Юга Африки «внешних сил» — социалистических государств, поучал «борцов за свободу Зимбабве относительно того, какую тактику им следует проводить»²². Касаясь состоявшихся в те дни переговоров с китайской делегацией, вице-президент АНК Ю. Даду отметил, что Ли Сяньнянь «заявлял о готовности нормализовать отношения с нашей организацией. Но одновременно за нашей спиной, как стало известно, шли переговоры представителей КНР с главарями расистского режима Претории, а через посредство империалистических транснациональных корпораций ведется активная торговля с этим варварским режимом»²³. В Мозамбике Ли Сяньняню прямо указали на важность победы народов Вьетнама, Лаоса, Кампучии, Анголы, Эфиопии, что расхождения, существующие среди революционных сил, носят второстепенный характер перед лицом постоянного врага народов — империализма²⁴.

Пекин оказал поддержку Западу во время лондонской конференции по Родезии (1979), не выступил против ультиматумов Англии и марионеточного режима Музорева — Смита, предъявленных Патристическому фронту Зимбабве. Правда, боясь окончательно подорвать свои позиции в ПФЗ, китайское руководство пригласило в Пекин в августе 1979 г. делегацию ЗАНУ во главе с его вице-президентом С. Музендой. Пребывание зимбабвейской делегации в Китае маоисты использовали в своих корыстных целях. Весной 1980 г., когда в Зимбабве шла подготовка к выборам в парламент, китайская печать вела клеветническую кампанию против Советского Союза, приписывала ему намерение «вмешаться» во внутренние дела страны и в то же время замалчивала факты подрывной деятельности расистов, империализма. Когда же ЗАНУ и ЗАПУ одержали убедительную победу на выборах, Китай, опираясь на поддержку Запада, взял курс на разжигание разногласий между ЗАНУ и ЗАПУ, пытался воспрепятствовать развитию отношений между Зимбабве и странами социалистического содружества.

Не менее одиозной является политика Пекина в отношении цитадели расизма — ЮАР. Рассматривая эту политику Китая, член руководства АНК Т. Себина 10 июня 1980 г. заявил, что китайские руководители отказываются помогать освободительным движениям, которые не укладываются в разработанную ими «теоретическую схему», не соответствуют их трактовке хода истории и эволюции международной обстановки. Попытки Пекина выдать себя за борца против расизма, отмечает африканская печать, давно уже никого не обманывают. Политические контакты между Преторией и Пекином активно развиваются, особенно после ряда секретных встреч представителей КНР с официальными лицами ЮАР, состоявшихся в Заире, Намибии и Ботсване²⁵.

Безусловно, Пекин давно бы уже встал на путь открытого блокирования с Преторией, как это было в середине 70-х годов в Анголе, если бы не реакционность режима апартеида, связь с которым предпочитают не афишировать даже империалистические державы. Установление прямых официальных контактов между КНР и ЮАР не могло бы не привести к подрыву позиций Китая в Африке. Но отсутствие официальных отношений не равнозначно отсутствию контактов между

²¹ Цит. по: «Известия», 29.VIII.1979.

²² Там же.

²³ «Правда», 9.III.1979.

²⁴ См.: «Народы Азии и Африки». М., 1979, № 4, с. 14—15.

²⁵ In: "Nigerian Herald" (Lagos), 10.VIII.1980.

двумя сторонами. Эти контакты не только имеются, они постоянно расширяются, ибо Пекин и Претория имеют общие интересы, активно борются против стран социализма, национально-освободительного движения, выступают за упрочение позиций империализма. Выступая в апреле 1979 г. в Замбии на Международной конференции в поддержку национально-освободительных движений Юга Африки и солидарности с «прифронтовыми» государствами, президент АНК О. Тамбо заявил, что, по существу, китайское руководство «смыкается с курсом империалистических держав, направленным на подрыв национально-освободительных движений, на укрепление расистских режимов на Юге Африки»²⁶.

С середины 70-х годов из маоистской печати полностью исчезли статьи о поставках вооружения Претории Англией, Францией и ФРГ, о деятельности империалистических монополий в ЮАР, о финансовой поддержке режима апартеида Западом. Китайская сторона ни разу не выступила с осуждением намечаемых расистами планов создания ядерного оружия, развития связей по военной линии Претории с Израилем, тайваньским режимом.

Значительно расширились торговые связи КНР с ЮАР через Гонконг, который вышел на видное место в торговле с расистами среди стран Азии, а ЮАР стала для Гонконга самым крупным рынком в Африке. В большинстве случаев торговля ЮАР с Гонконгом является ширмой для торговли с КНР. Еще в 1973 г. товары из Китая, как сообщила 27 марта 1973 г. газета «Ранд дейли мейл», были экспонированы на Витватерсрандской сельскохозяйственной выставке в Йоханнесбурге. Эти товары были также доставлены через Гонконг. Участие Китая в этой выставке совпало с отказом большинства государств, включая Англию, Аргентину, Францию, Испанию, экспонировать свои товары.

В основе развития торгово-экономических связей КНР с ЮАР лежит взаимная заинтересованность в расширении рынков сбыта своей продукции. Китай, сверх того, заинтересован в получении передовой технологии для освоения своих запасов полезных ископаемых, в первую очередь золота, а также в ознакомлении с технологией получения нефти из угля, разработанной в ЮАР. Эти и другие факторы вселяют в расистов уверенность в том, что их отношения с Китаем будут плодотворно развиваться.

Южноафриканская печать с удовлетворением отмечает, что со стороны Пекина наблюдается «смягчение тона в отношении ЮАР», хотя должностные китайские лица время от времени все еще выступают с осуждением «расистской политики» Претории²⁷. Между расистами и маоистами наблюдается полное единство взглядов относительно «главного врага» Африки. И те и другие «обвиняют» Советский Союз в «гегемонизме», в каких-то попытках установить контроль над мысом Доброй Надежды и т. д.

Принимая во внимание реальную политику китайского руководства на Юге Африки, его борьбу против Южноафриканской коммунистической партии (ЮАКП), АНК, СВАПО, поддержку им ПАК, СВАНУ, различных раскольников, расисты Претории во второй половине 70-х годов значительно изменили свое отношение к Китаю, стали открыто выступать за развитие отношений с ним. На изменение их позиции повлиял, безусловно, курс Пекина на смыкание с империализмом, на развитие отношений с антинародными режимами в Чили, Египте, других странах. Еще в начале 1976 г. директор Южноафриканского института международных отношений Дж. Баррет заявил, что «правительство ЮАР следует сотрудничать с Китаем в урегулировании ангольской

²⁶ Цит. по: «Правда», 12.IV.1979.

²⁷ In: "Star", 18.II.1980.

проблемы. Мы, по-видимому, не научились проводить различие между Россией и Китаем»²⁸. Тогда же один из видных финансистов ЮАР Ян Маранс еще более откровенно высказался по этой проблеме: «Я обеими бы руками голосовал за хорошие связи с красным Китаем. И у нас, и у них, и у западных стран общий враг — Советский Союз»²⁹. В 1977 г. Мюльдер, бывший в то время министром внутренних дел и информации ЮАР, в своей речи в палате собрания заявил о «необходимости союза с Китаем с целью сдерживания африканской революции». А известный расист профессор Д. Крюгер отметил, что если ЮАР хочет бороться против СССР, то она уже сейчас должна подумать о сближении с третьей «сверхдержавой» — Китаем. Эти и другие подобные высказывания расистов означают признание ими контрреволюционной деятельности Пекина, его вклада в борьбу империализма против социализма, сил мира и прогресса, национально-освободительного движения.

Откровения расистов привлекли к себе внимание независимой Африки, всех прогрессивных сил, вызвали определенную озабоченность китайского руководства. Пытаясь оправдаться перед Африкой за помощь Китая расистам, китайский представитель в Совете Безопасности ООН Чэнь Чу заявил 25 мая 1977 г., что режим Претории, дескать, «прибегает к низменным политическим интригам и бесстыдно говорит о своем желании установить связи с Китаем, с тем чтобы обмануть народ в стране, как-то приукрасить свой неприглядный образ перед другими странами и избавиться от международной изоляции». Это заявление китайского представителя — характерный пример словесной эквилибристики, призванной замаскировать суть проблемы, вывести Пекин из-под огня критики со стороны антирасистских сил.

Опровергая на словах связи с расистами, китайское руководство на деле постоянно их расширяет и укрепляет, оказывает им действительную помощь в борьбе против революционно-демократических сил. С 1977 г. Китай усилил поддержку националистической организации в ЮАР — ПАК. Это произошло в то время, когда организация переживала кризис. Ее председатель П. Лебалло, друг Пекина и агент ЦРУ, в ноябре 1977 г., расправившись с негодными ему руководителями, обратился к Западу с призывом помочь «сражаться и вычистить» коммунистов из ПАК³⁰, хотя таковых в этой организации никогда не было. Делая упор на проведение антикоммунистической политики, Лебалло надеялся получить дополнительную помощь со стороны Запада и Китая, оживить борьбу организации против ЮАКП и АНК. Однако он не смог упрочить своего лидерства в ПАК, так как в 1978 г. его противники в рядах организации и АНК документально доказали его связи с полицией ЮАР и ЦРУ³¹. Но даже этот факт не повлиял на позицию Пекина. Китайское руководство оказало финансовую помощь ПАК, взяло на себя обязанность обеспечить подготовку в КНР членов организации. По данным Претории, в конце 70-х годов в Китае обучалось 78 функционеров ПАК³². Усилия Пекина направлены на оживление деятельности ПАК, раскол рядов антирасистских сил. Эта деятельность китайского руководства — прямая помощь режиму Претории, империализму, стремящимся подавить национально-освободительное движение.

²⁸ "Rand Daily Mail", 8.I.1976.

²⁹ Цит. по: «Коммунист», 1977, № 14, с. 114.

³⁰ In: T. M. N t a n t a l a. The Crisis in PAC, 4.IV.1978.

³¹ In: The Profiles of Leballo's Gang. Doc. PAC. Dar es Salam, 5.V.1978; Statement of the African National Congress of South Africa on the Question of Unity with the Pan African Congress. 31'st Meeting of the Organization of African Unity. Dar es Salam, June 1978.

³² См.: «Известия», 29.VIII.1979.

Получили свое дальнейшее развитие и прямые контакты расистов с Пекином. В 1979—1980 гг. состоялся ряд встреч между китайскими и южноафриканскими должностными лицами. В 1979 г. китайская делегация посетила оккупированную ЮАР Намибию, где вела переговоры с представителями администрации Претории и командованием южноафриканской оккупационной армии о возможности перепродажи Китаем современного оружия. Более того, Пекин послал своих военных советников в Намибию, где они «рука об руку с представителями чилийской хунты до сих пор обучают... при фактическом покровительстве расистского режима ЮАР вооруженные банды для ведения подрывных действий против правительства Народной Республики Анголы»³³. Выступая в феврале 1979 г. на сессии Комиссии ООН по правам человека, представитель Анголы Л. д'Алмейда отметил, что в отрядах бандитов, действующих против Анголы с территории Намибии, «работают китайские военные инструкторы... Это свидетельствует о том, — подчеркнул он, — что китайцы в своих подрывных действиях орудуя заодно с расистами и силами империализма»³⁴.

В Китае в угоду расистам и империализму никак не отреагировали на сообщение о взрыве ядерного устройства в ЮАР в 1979 г., не требуют освобождения политических заключенных из тюрем Претории. Зато Пекин, как писала южноафриканская газета «Стар», внес определенный вклад в «укрепление безопасности» режима расистов, поставив ему на 900 тыс. рандов (1,235 млн. ам. долл.) замков особой конструкции для расистских застенков, в которых томились многие тысячи южноафриканских патриотов³⁵.

Контрреволюционная политика Китая, направленная на блокирование с империализмом, расистским режимом, его раскольническая деятельность в рядах национально-освободительного движения не могли подвергнуться разоблачению в Африке, да и не только на этом континенте. Революционно-демократические силы Юга Африки решительно удили агрессию пекинских гегемонистов против Вьетнама. В заявлении ЗАПУ от 5 марта 1979 г. было подчеркнуто, что эта агрессия является актом международного разбоя и находится в полном соответствии с китайской политикой экспансионизма. Но ее горячо одобрили расисты Претории. Радио ЮАР в то время с восторгом цитировало слова заместителя председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфэя о том, что, дескать, США следует «преподать урок» Кубе, подобно тому как «Китай это сделал» в отношении Вьетнама.

Не единичные и случайные факты, а вполне определенные контрреволюционные тенденции в политике Пекина на Юге Африки, его конкретная деятельность вскрывают заинтересованность китайского руководства в сохранении позиций империализма, расизма на континенте, показывают его враждебность национально-освободительному движению. «Пекинское руководство, — отмечается в Заявлении Советского правительства от 23 июня 1978 г., — наряду с НАТО и ЮАР является активным соучастником в нагнетании напряженности в Африке. Оно сомкнулось с империализмом, с силами агрессии и реакции, неокOLONиализма и расизма и тем самым поставило себя в ряды противников не только социалистических стран, но и всего национально-освободительного движения, единства африканских народов, борьбы стран Африки за свою независимость и свободу, против империалистического господства».

³³ «Коммунист», 1978, № 17, с. 110.

³⁴ Цит. по: «Комсомольская правда», 15.II.1979.

³⁵ См.: «Известия», 3.III.1979.

Тайвань в политике США и Китая

В. И. Петухов,

кандидат исторических наук

Китайско-американское сближение, которое старательно форсируется великодержавными социал-шовинистами Пекина и агрессивными кругами Вашингтона на откровенно антисоветской основе, не привело к урегулированию проблемы Тайваня.

Компромисс, достигнутый Пекином и Вашингтоном в целях установления полных дипломатических отношений и особого сотрудничества между КНР и США, лишь на время приглушил длительный спор о Тайване, отложил его решение на неопределенное будущее. Хотя на данном этапе острота тайваньской проблемы в китайско-американских отношениях значительно приглушена, каждая из сторон продолжает борьбу за контроль над островом, добиваясь расширения собственных позиций в плане своей долговременной глобальной стратегии и в то же время используя данную проблему, как это ни парадоксально, для воздействия на другую сторону в интересах сближения с нею. Для промаоистской националистической верхушки Китая Тайвань был и остается своеобразной разменной монетой в торге с американским империализмом, на сотрудничество с которым Мао Цзэдун и его сторонники вели линию еще задолго до победы народной революции и образования КНР. Тайные калькуляции и политические маневры заинтересованных сторон, связанные с Тайванем, не однажды вызывали серьезные осложнения обстановки на Дальнем Востоке и безусловно, продолжают влиять на развитие взаимоотношений между странами региона и соответствующими великими державами.

Роль Тайваня в международных отношениях обусловлена прежде всего географическим положением этого острова, его стратегическим значением. Занимая господствующую позицию на морских путях, соединяющих страны Тихого и Индийского океанов, Тайвань контролирует подступы к Китаю с востока, к Японии — с юго-запада и к Филиппинам — с севера. Что касается Соединенных Штатов, то для них Тайвань представляет интерес как одна из важнейших опорных баз американской военно-политической стратегии, направленной против социалистических стран и антиимпериалистических движений в Восточной Азии. Генерал Макартур в свое время характеризовал Тайвань как центр американского фронта на Тихом океане, «нетонущий авианосец», который может обеспечить господство американской авиации над всеми азиатскими портами «от Владивостока до Сингапура»¹.

* * *

Пятьдесят лет Тайвань находился под колониальным господством Японии, которое закончилось в результате разгрома японского милита-

¹ Из послания Макартура конгрессу организации «Ветераны иностранных войн» от 28. VIII. 1950. — «United States News and World Report», 1. IX. 1950, p. 32.

ризма во второй мировой войне. В период войны вопрос о будущем статусе острова вызвал немало споров. В политических и военных кругах США возродились планы аннексии Тайваня. Влиятельные деятели требовали реализации таких планов или путем установления в той или иной форме опеки над островом, или путем прямого присоединения его к американским владениям в качестве военно-стратегической базы США².

Указанные планы, однако, разошлись с политической стратегией президента Рузвельта, взявшего курс на всемирную поддержку режима Чан Кайши в целях создания «единого и сильного Китая», который, оказавшись под исключительным влиянием США, мог бы занять лидирующее положение в Восточной Азии и стать опорой американской политики как в этом регионе, так и вообще на мировой арене. Следуя такому курсу, Рузвельт на Каирском совещании глав правительств США, Великобритании и Китая в ноябре 1943 г. пошел на ряд уступок Чан Кайши, в результате чего появилось, в частности, решение о том, что после капитуляции Японии Тайвань будет возвращен под китайский суверенитет.

Победа народной революции в Китае опрокинула расчеты правящих кругов США на укрепление их позиций в этой стране: режим американских ставленников пал, Чан Кайши и остатки его армий бежали с материка на Тайвань. Правительство КНР провозгласило освобождение Тайваня самой неотложной национальной задачей. Вашингтону пришлось срочно пересматривать свою обанкротившуюся политику в отношении Китая. На первых порах руководящие деятели Вашингтона выступили с рядом заявлений, в которых утверждалось, будто США стоят за уважение территориальной целостности Китая, признают его права на Тайвань и не намерены препятствовать осуществлению этих прав.

Вскоре, однако, Соединенные Штаты перечеркнули собственные официальные заявления о невмешательстве во внутренние дела Китая, расширили экономическую и военную помощь укrywшимся на Тайване чанкайшистам и включили этот остров в линию «обороны» США на Тихом океане. Вашингтон окончательно отказался признать правительство КНР и заявил, что считает режим Чан Кайши на Тайване единственным законным правительством Китая. Поддержка со стороны США дала возможность клике Чан Кайши укрепить свои экономические, военные и политические позиции на острове.

Новый американский курс был нацелен на отторжение Тайваня от Китая. Для реализации этого курса было использовано возникновение военных действий в Корее. 27 июня 1950 г. президент Трумэн выступил с заявлением, в котором, сообщив об отправке американских войск в Корею, одновременно указал, что он отдал приказ 7-му флоту «воспрепятствовать любому нападению на Формозу», то есть фактически установить военный контроль США над этим островом.

Тайвань стал главным объектом долговременной военно-политической конфронтации между КНР и США, одним из наиболее взрывоопасных источников международной напряженности на Дальнем Востоке. В декабре 1954 г. между США и Тайванем был подписан договор о «взаимной обороне», который легализовал американский контроль над островом и обеспечивал надежные военные, политические и экономические гарантии существования там гоминьдановского режима — «второго Китая», противопоставляемого Китайской Народной Республике. Президент Эйзенхауэр в самой категорической форме заявил, что если Китайская Народная Республика попытается овладеть Тай-

² In: L. Gordon: American Planning for Taiwan, 1942—1945.—“Pacific Historical Review”, 1968, vol. 37, № 2, p. 201.

ванем, то ей придется «преодолеть сопротивление» 7-го американского флота³.

Нужно между тем отметить, что до возникновения указанного конфликта, в первоначальный период флирта Мао и его сторонников с Вашингтоном, их позиция по Тайваню формулировалась с учетом интересов США, перспектив их экспансии в данном районе. Известно, например, что до образования КНР Мао Цзэдун вообще высказывался в том плане, что Тайвань не принадлежит к территориям, на которые должен распространяться суверенитет революционного китайского государства. Так, в интервью Эдгару Сноу 16 июля 1936 г. Мао Цзэдун, подчеркивая стремление воссоединить под властью Китая все территории, захваченные у него Японией, заявил, что это, однако, не относится к Корее и Тайваню, которым, как он выразился, будет оказана «энергичная помощь в их борьбе за независимость». Такая позиция Мао Цзэдуна в предвоенное время, когда он добивался поддержки американцев в борьбе за власть в Китае против Чан Кайши и японской агентуры, была, по существу, предтечей нынешней уступчивой политики Пекина по данному вопросу в связи с наступившим китайско-американским сближением.

После образования КНР Мао Цзэдун в другом интервью тому же Э. Сноу уверял, что «его цель заключается в мирной ассимиляции Тайваня»⁴. Действительно, пекинские власти на первых порах приложили немало усилий, чтобы завязать конфиденциальные контакты с Тайбэем и убедить Чан Кайши согласиться на воссоединение Тайваня с КНР. И хотя маоистская пропаганда продолжала проклинать Чан Кайши как национального предателя, главного преступника и врага китайского народа, руководители КНР, по свидетельству Э. Сноу, через своих тайных эмиссаров заверяли его, что в случае соглашения о Тайване готовы «гарантировать Чан Кайши какую-то автономию, если он пожелает остаться там пожизненным правителем». Такая модификация позиции Пекина, по сути дела, также не расходилась с интересами Вашингтона, чьей креатурой неизменно выступал Чан Кайши.

В условиях наступившего в период корейской войны резкого обострения отношений между КНР и США маоисты были вынуждены временно изменить своему стремлению сблизиться с Вашингтоном. Китайское руководство старалось на международной арене получить поддержку дружественных стран, в том числе и по вопросу о Тайване. СССР, верный Договору с КНР о дружбе, союзе и взаимной помощи и опираясь на международные союзнические соглашения военного времени, которые предусматривали возвращение Тайваня Китаю, неизменно оказывал китайскому народу последовательную поддержку в указанном вопросе. В дальнейшем, однако, выяснилось, что маоисты пытались эту поддержку использовать в своих корыстных целях: сорвать политику борьбы за мирное сосуществование и коллективную безопасность, проводимую Советским Союзом и другими социалистическими странами, умышленно обострить советско-американские отношения и таким образом воздействовать на США в пользу переговоров с Китаем при благоприятных для него обстоятельствах. Именно в тайваньском вопросе начал со всей отчетливостью проявляться тот особый курс, направленный на подрыв мирного сосуществования, который позже был положен в основу политики маоистского Китая в международных делах.

Правительство КНР преднамеренно шло на обострение обстановки в районе Тайваня, пытаясь использовать против чанкайшистов военную силу без всякой перспективы на достижение какого-либо успеха

³ "Times", 30. VIII. 1954.

⁴ "Life", 30. VII. 1971.

ввиду противодействия 7-го флота США. В 1954—1955 гг. и особенно в 1958 г. маоисты провели ряд безуспешных военных операций с целью овладеть некоторыми прибрежными островами, находившимися в руках гоминьдановцев, и таким образом искусственно создали предвоенную обстановку. Эти действия, вызывавшие каждый раз новый прилив военной истерии в Соединенных Штатах, были использованы Вашингтоном для усиления своего вмешательства в китайские дела и расширения помощи Тайваню. Правительство КНР тем не менее стремилось сохранить напряженность в Тайваньском проливе, которая представлялась Пекину полезной для давления на США в связи с намечавшимися китайско-американскими переговорами, а также для оправдания своей авантюристической внутренней политики. Но этот курс был подчинен и более опасным, далеко идущим планам: китайские руководители, предпринимая указанные военные акции без консультаций с Советским Союзом вопреки прямым обязательствам по советско-китайскому договору, хотели, используя механизм этого договора, втянуть Советский Союз в вооруженный конфликт с Соединенными Штатами⁵. Несмотря на столь вероломную по отношению к СССР позицию маоистского руководства, Советское правительство в момент, когда в результате авантюристической политики Пекина нависла угроза безопасности КНР со стороны Соединенных Штатов, решительно выступило в защиту Китая, сорвало попытки агрессивных империалистических кругов воспользоваться действиями китайских руководителей⁶.

В последующем пекинские лидеры пошли дальше по пути вероломства: они проявили готовность перечеркнуть Потсдамскую декларацию и другие решения союзных держав военного времени, которые точно определили, каким государствам должны принадлежать после войны территории, захваченные Японией, в том числе и Тайвань. Пекин, казалось бы, в первую очередь должен был отстаивать незыблемость этих решений, однако он, увлеченный провокационными попытками осложнить отношения между другими государствами, занял иную позицию. Это было лишь на руку США и их союзникам, стремившимся лишить КНР достаточной правовой основы для урегулирования в ее пользу вопроса о Тайване.

Знаменательно, что с переходом китайского руководства на позицию открытой враждебности к Советскому Союзу и поисков сближения с капиталистическим миром военная напряженность в Тайваньском проливе стала затухать, тайваньский вопрос утратил свою остроту и борьба за Тайвань продолжалась лишь в области дипломатии и пропаганды. Никаких практических мер к освобождению острова китайское руководство уже не предпринимало. Оно все более отходило от «жесткого курса» в этом вопросе.

До середины 60-х годов правительство КНР неизменно требовало от своих партнеров по переговорам о взаимном дипломатическом признании разрыва с тайваньским режимом и признания суверенитета КНР над Тайванем как неперемennого условия установления дипломатических отношений. Поскольку это осложняло сближение с США и их союзниками, маоистская дипломатия постепенно отступила от своего требования. Пекин стал обходить молчанием высказывания руководителей отдельных капиталистических стран о том, что вопрос о принадлежности Тайваня Китаю нельзя считать окончательно решенным. В переговорах с американцами руководители КНР давали понять, что не спешат с урегулированием тайваньской проблемы и что в китайско-американском сближении их интересует не столько перспектива приоб-

⁵ См.: О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения. М., 1971, с. 172—173.

⁶ См.: Обращение главы Советского правительства к президенту США от 7 сентября 1958 г. — «Известия», 9. IX. 1958.

ретення Тайваня, сколько другие стороны взаимоотношений, связанные в первую очередь с борьбой против разрядки международной напряженности и конфронтацией против Советского Союза. Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин и их сторонники неоднократно высказывались в том смысле, что готовы проявлять терпение и мириться с тем, что Китаю, возможно, не удастся присоединить Тайвань при жизни одного поколения или даже на протяжении сотни лет.

Указанные перемены в подходе китайского руководства к тайваньской проблеме позволяли официальному Вашингтону уже ко времени первых китайско-американских контактов на высшем уровне (в начале 70-х годов) рассчитывать, что он сможет договориться с Пекином на условиях, которые обеспечат сохранение фактического контроля США над Тайванем. Нараставший антисоветизм маонистских лидеров убеждал Вашингтон в том, что КНР, стремясь к сближению с Соединенными Штатами, не станет оказывать на них серьезного нажима в данном вопросе и, во всяком случае, не потребует решения тайваньской проблемы в ближайшее время.

В феврале 1972 г. во время визита в КНР тогдашнего президента США Р. Никсона было опубликовано так называемое Шанхайское коммюнике, которое в дальнейшем послужило основой для достижения сторонами компромисса по Тайваню. В коммюнике китайская сторона, уступая США, отходила от ряда своих традиционных требований по Тайваню. Во-первых, она ни словом не упоминала о фактическом положении острова, сложившемся в результате агрессии США, не требовала прекращения агрессии. Во-вторых, Пекин прямо не ставил вопрос о признании Тайваня территорией КНР (до этого он требовал от других государств признания того, что Тайвань является «неотъемлемой частью» именно КНР, а не Китая вообще, поскольку чанкайшистская клика также считала себя правительством Китая). В-третьих, китайская сторона не настаивала на расторжении Соединенными Штатами военного договора с тайваньским режимом, не подтверждала своего обычного требования о прекращении ими связей и сотрудничества с этим режимом. Наконец, вопреки собственному утверждению в том же коммюнике, будто «вопрос о Тайване является ключевым вопросом, препятствующим нормализации отношений между Китаем и Соединенными Штатами», Пекин соглашался с американской стороной в том, что неурегулированность указанного вопроса не должна мешать улучшению отношений между КНР и США в других областях. Иначе говоря, маонистское руководство шло на сближение с Соединенными Штатами в условиях продолжающейся поддержки ими враждебного КНР режима на Тайване и фактической оккупации этой территории, что ранее всегда рассматривалось Китайской Народной Республикой как вооруженное вмешательство в ее внутренние дела.

С американской стороны была отыскана формула, которая позволяла Вашингтону прикрыть свою действительную роль в поддержании существующей ситуации с тайваньской проблемой и блокировать ее урегулирование. «Соединенные Штаты,—говорилось в Шанхайском коммюнике,—сознают, что все китайцы по обеим сторонам Тайваньского пролива считают, что существует только один Китай и Тайвань является частью Китая. Правительство Соединенных Штатов не оспаривает эту позицию. Оно вновь подтверждает свою заинтересованность в мирном разрешении вопроса о Тайване самими китайцами».

Если вчитаться в эту формулу, то нетрудно заметить, что США обошли в коммюнике вопрос о принадлежности Тайваня КНР. Сами они не признали существования только одного Китая, согласившись лишь с тем, что так считают «все китайцы», а США хотя и не оспаривают мнения «всех китайцев», но могут и не соглашаться с ним, чтобы не перекрыть пути к реализации концепции «двух Китаев». Это подтверж-

далось тем, что практически США продолжали поддерживать тесные политические и другие отношения с двумя китайскими правительствами, не считаясь с утверждениями о «существовании только одного Китая».

Указанная формула сохраняла для США еще одну лазейку для проталкивания идеи «двух Китаев»: ссылка делалась на мнение «всех китайцев по обеим сторонам Тайваньского пролива», тогда как в политических кругах и печати США постоянно отмечалось, что упомянутое в коммюнике мнение разделяют на Тайване лишь те китайцы, которые бежали туда с материка вместе с Чан Кайши и мечтают о распространении власти гоминьдана на весь Китай⁷, а что касается коренных тайваньцев, то их мнение о будущем устройстве своей территории может быть, дескать, совершенно иным и его еще предстоит выяснить.

Хотя вопрос о Тайване поднимался всякий раз, когда возобновлялись переговоры между КНР и США, становилось все более очевидным, что он используется маонистами в качестве разменной монеты: добейся они своей основной цели — отказа США от политики разрядки в отношениях с Советским Союзом, и они согласятся снять вопрос о Тайване с повестки дня или, во всяком случае, заморозить его до лучших времен. Вашингтон не видел необходимости приносить «варварскую дань» Пекину и расплачиваться за установление дипломатических отношений с КНР отказом от Тайваня, который правящие круги Америки хотят удержать под своим контролем в качестве военно-политического аванпоста США на Дальнем Востоке и рычага давления на Китай, а также на другие страны региона. В американских кругах преобладало мнение, что время работает в этом вопросе на Соединенные Штаты. «Чем дольше остров существует отдельно, — указывал известный американский специалист по Китаю А. Уайтинг, — тем больше перспектив для 12 млн. тайваньцев добиться власти и в конечном итоге — независимости»⁸.

Правительство США тем не менее было вынуждено постепенно модифицировать свою позицию по вопросу о Тайване. Поскольку политическая стратегия американского империализма в Азии придавала все большее значение использованию маоистского Китая в качестве противовеса социалистической системе и национально-освободительному движению, правительство США стремилось к завершению формальной нормализации китайско-американских отношений и в связи с этим все более склонялось к некоторым уступкам Пекину по тайваньской проблеме.

В быстрейшем достижении соглашения с Вашингтоном был заинтересован и Пекин, особенно в связи с расчетами опереться на США и их союзников в осуществлении амбициозной программы модернизации экономики и вооруженных сил КНР, а также в реализации планов агрессии в Индокитае (вашингтонские руководители сочли, что в интересах США оказать содействие Пекину в этом деле, создав ему благоприятные условия для передислокации основной массы войск, нацеленной против Тайваня, с южного побережья Китая к границам СССР и Вьетнама).

Обе стороны, таким образом, были склонны отложить дальнейший спор о Тайване, чтобы форсировать достижение соглашения о взаимном признании и установлении тесного сотрудничества. Для этого пекинскому руководству пришлось в спешном порядке отмежеваться от не подходивших для такого курса принципов и лозунгов вчерашнего дня.

Еще в феврале 1978 г. на сессии Всекитайского собрания народных

⁷ Из 17,5 млн. человек населения Тайваня китайцы и члены их семей, бежавшие из континентального Китая, составляют менее 4,5 млн. человек.

⁸ Из выступления А. Уайтинга в сенатской комиссии по иностранным делам 28. VI. 1971.

представителей пекинские лидеры обращались с призывом к армии и народу «подготовиться к освобождению Тайваня»⁹. В очередной конституции КНР, принятой 5 марта 1978 г., вновь было записано: «Мы непременно освободим Тайвань». Но вскоре подобные призывы были отброшены, в официальных заявлениях и пропаганде термин «освобождение» был срочно заменен лишенным воинственности понятием «воссоединение», «мирное воссоединение». Пекин делал все, чтобы подыграть Вашингтону, уцелеть его позицию.

После известной вашингтонской сессии Совета НАТО в мае 1978 г., которая знаменовала крутой поворот политики Вашингтона в сторону безудержной эскалации гонки вооружений и подрыва разрядки международной напряженности, китайско-американские переговоры были ускорены. Президент США лично предложил китайской стороне конкретные условия сделки по Тайваню, которые сводились к следующему: Соединенные Штаты и после установления дипломатических отношений с КНР будут поддерживать торговлю с Тайванем и оказывать ему помощь, в том числе военную; как только на Тайване будет закрыто американское посольство, там будет учреждено торговое или какое-либо подобное неофициальное представительство США; Китай в той или иной форме должен заверить Соединенные Штаты, что не прибегнет к силе для присоединения Тайваня к КНР. Главный смысл этих условий, как позже откровенно отметил помощник госсекретаря по делам Восточной Азии и Тихого океана Р. Холбрук, сводился к тому, чтобы найти такую формулу урегулирования, которая «позволила бы отсрочить фактическое слияние обеих частей (Китая. — В. П.) на протяжении жизни одного или больше поколений»¹⁰.

Указанные американские условия оказались в основном приемлемыми для Пекина. Китайское правительство добивалось не столько изменения их по существу, сколько придания наметившемуся соглашению более удобной, «косметической» формы во имя спасения собственного лица. В ноябре переговорами занялся лично Дэн Сяопин, который ускорил достижение окончательной договоренности о взаимном дипломатическом признании КНР и США с 1 января 1979 г.

Формально соглашение было заключено на основе взаимных уступок, но фактически уступки со стороны Пекина были значительно большими и носили принципиальный характер. Китай, по существу, снял вопрос о присоединении к нему Тайваня в ближайшей перспективе и примирился с сохранением нынешнего статус-кво, то есть независимым от КНР существованием тайваньского режима.

Китайское руководство заверило США, что КНР будет стремиться к мирному решению тайваньской проблемы с учетом интересов США и что в случае воссоединения в будущем Тайваня с КНР его социально-экономический (капиталистический) строй не подвергнется изменениям, а позиции американского капитала на острове останутся в неприкосновенности. Чтобы продемонстрировать свои мирные намерения в отношении Тайваня, Пекин объявил о прекращении бомбардировок прибрежных островов, контролируемых тайваньскими властями, и «недвусмысленно заявил, что будет уважать статус-кво» в этом районе¹¹.

Первоначально китайская сторона требовала аннулирования, помимо военного договора, всех 59 соглашений, которые США имеют с Тайванем, но позднее отступила от этой позиции. Она сняла всякие возражения против поддержания Соединенными Штатами в полном

⁹ Из доклада Хуа Гофэна на сессии ВСНП 26. II. 1978. — «Жэньминь жибао», 7. III. 1978.

¹⁰ "United States News and World Report", 21. XII. 1978.

¹¹ "Japan Times", 7. I. 1979.

объеме прежних (хотя уже на неофициальной основе) торговых, экономических, научно-технических и других связей с Тайванем.

Более того, Пекин был вынужден примириться и с намерением Соединенных Штатов продолжать поставки оружия и боевой техники тайваньским вооруженным силам. Вначале, правда, Пекин пытался возражать против этого, но в конце концов не стал делать согласование данного вопроса — чрезвычайно важного с точки зрения судьбы Тайваня — обязательным условием установления дипломатических отношений¹².

По решению Вашингтона 7-й флот США будет по-прежнему патрулировать в Тайваньском проливе, предупреждая попытки КНР напасть на Тайвань. На острове сохранится крупная радарная станция США, которая входит в систему раннего предупреждения, нацеленную на КНР и Советский Союз¹³.

Пекинская пропаганда всячески старалась создать видимость «исторической победы» в вопросе о Тайване, поскольку США удовлетворили три условия китайской стороны: порвали дипломатические отношения с тайваньским режимом, согласились завершить вывод своих войск с острова, заявили о намерении аннулировать американо-тайваньский военный договор. Но в действительности положение Тайваня не изменилось: он остался под фактической опекой США. Освободившись от формальных обязательств по отношению к своему давнему союзнику, Соединенные Штаты, по мнению многих специалистов, получили еще большую свободу маневрирования в данном вопросе и более гибкого проведения курса на сохранение Тайваня в орбите своей военно-политической стратегии. Если абстрагироваться от деталей и второстепенных моментов, можно заметить, что в конечном итоге в основу нынешнего урегулирования китайско-американского спора о Тайване легло то самое американское условие, которое китайская сторона решительно отргала на двусторонних переговорах в Женеве и Варшаве в конце 60-х годов, а именно: сохранение статус-кво, закрепление ситуации «двух Китаев», или — в новых условиях точнее сказать — «одного Китая, одного Тайваня».

Несмотря на стремление разыграть «китайскую карту», Соединенные Штаты, хотя и сделали Пекину ряд формальных уступок по Тайваню, все же не пожелали поступиться своими империалистическими интересами в этом важном для престижа Китая вопросе. Фактически США не признают за Китаем суверенитета над Тайванем. Это прямо подтвердил помощник госсекретаря Р. Салливен в заявлении, которое он сделал во время визита в Тайбэй в декабре 1978 г. Примечательно, что в меморандуме, который был разослан президентом Картером в конце декабря 1978 г. всем ведомствам государственной администрации США, правительство Тайваня де-факто признавалось в качестве иностранного правительства. Через неделю в другом меморандуме президента предписывалось, что прилагательное «китайское» не должно применяться к правительству или учреждениям на Тайване и ни при каких обстоятельствах «Тайвань» не должен включаться в понятие «Китай» или «Китайская Народная Республика».

Тем не менее решение администрации Картера о разрыве дипломатических отношений с Тайванем и особенно об аннулировании американо-тайваньского военного договора 1954 г. вызвало довольно широ-

¹² В декабре 1978 г., уже после достижения соглашения об установлении китайско-американских дипломатических отношений, правительство США утвердило пятилетнюю программу таких поставок на общую сумму 625 млн. долл. В начале февраля 1979 г. министр обороны Г. Браун заявил, что Тайваню будет поставлено все оружие и военное снаряжение, которое ему уже было обещано, на общую сумму 850 млн. долл. — «Известия», 7. II. 1979.

¹³ Ип: «Washington Star», 19. IV. 1979.

кую оппозицию в конгрессистских, а также общественных кругах США. Большое число деятелей как республиканской, так и демократической партии выступило с заявлениями, в которых оспаривало целесообразность уступок, сделанных администрацией Картера, и настояло на более основательных мерах безопасности Тайваня. 12 сенаторов (и др.) внесли в конгресс проект резолюции, в котором говорилось, что, если Пекин когда-либо нападет на Тайвань, Соединенные Штаты должны немедленно оказать военную помощь Тайваню». Сенаторы также предложили еще 23 члена конгресса предпринять попытку отмены решения администрации о предоставлении Тайваню статуса свободного государства. Лидер республиканской партии в Конгрессе Джеймс Буш осудил линию администрации Картера на восстановление официальных отношений с Тайванем.

Негативную реакцию вызвало указанное решение администрации Картера у некоторых азиатских союзников США, особенно у Японии, правительство которой в официальном порядке неоднократно высказывало в Вашингтоне свою заинтересованность в сохранении американо-тайваньского военного договора и поддержке Америкой независимого от КНР существования Тайваня. Показательно в этом отношении заявление, сделанное на пресс-конференции в Тайбэе бывшим начальником управления национальной обороны Японии С. Канемару, который возглавлял делегацию парламентариев, посетившую Тайвань в январе 1979 г. «Неожиданная нормализация американо-китайских отношений, — сказал он, — нанесла сильный удар по Японии, Южной Корее и Тайваню. То, что США оставили союзную страну, представляет проблему не только для Тайваня. Этот шаг окажет большое влияние и на поддержание стабильности в Азии, и на мир во всем мире. Япония также не может не думать об этой проблеме»¹⁴. Аналогичные заявления делались и сеулскими деятелями. Вашингтону пришлось приложить усилия к тому, чтобы сбить недовольство своих азиатских союзников и убедить их в том, что со стороны США предусмотрено все необходимое для обеспечения безопасности Тайваня.

В апреле 1979 г. США приняли Закон о новых формах отношений с Тайванем. По настоянию конгресса в закон было включено специальное предупреждение о том, что США будут считать любую попытку определить будущее Тайваня «с помощью немирных средств, включающих бойкот или эмбарго, угрозой для мира и безопасности западной части Тихоокеанского района, вызывающей серьезную угрозу для США»¹⁵. Это предупреждение интерпретировалось как указание на возможность принятия Соединенными Штатами ответных мер, вплоть до вооруженного вмешательства. Одновременно конгресс подтвердил «незыблемость» американо-тайваньских отношений, хотя им и придан теперь «неофициальный» характер. Дальнейшее поддержание этих отношений никоим образом не связывалось с отношениями между США и КНР, а рассматривалось как самостоятельное направление внешнеполитической деятельности, объектом которой провозглашалось еще одно государственное образование, полностью независимое от КНР.

Согласно закону о новых формах отношений был создан специальный Американский институт по Тайваню, которому приданы многие функции, осуществлявшиеся ранее на острове посольством США. Формально это новое учреждение считается неправительственным, но фактически его комплектование, финансирование и оперативное руководст-

¹⁴ «Санкэй симбун», 16. I. 1979.

¹⁵ "Christian Science Monitor", 1. V. 1979.

во осуществляются правительственной администрацией США. Первым руководителем Американского института по Тайваню назначен известный дипломат и специалист по делам Азии Чарльз Кросс, который в свое время был послом США в Индонезии, Малайзии, на Кипре, в Египте и Сингапуре. С тайваньской стороны для поддержания отношений с Соединенными Штатами было создано аналогичное «неправительственное» учреждение — Координационный совет по делам Северной Америки. 2 октября 1980 г. было подписано американо-тайваньское соглашение, по которому, как заявило агентство Синьхуа, «неофициальные представители Соединенных Штатов на Тайване и представители Тайваня в США превращаются в официальных дипломатических представителей во всех отношениях, за исключением титула». Китайская сторона расценила указанное соглашение как открытое нарушение условий нормализации отношений между КНР и Соединенными Штатами, но от каких-либо ответных практических акций воздержалась.

Имеющаяся информация о положении на Тайване после китайско-американского соглашения о «нормализации» свидетельствует о том, что изменения в форме американо-тайваньских связей не привели к подрыву внутриполитических позиций местного режима и потрясениям в области экономики, как на то рассчитывали в Пекине. Тайваньские лидеры, пережив известный шок в результате разрыва Вашингтоном официальных отношений с ними, быстро приспособились к новой обстановке, тем более что в этом они могли по-прежнему опираться на поддержку и содействие Соединенных Штатов.

Во внутриполитическом плане чанкайшисты, не выпускаящие из своих рук власти над островом, пошли на ряд мер по укреплению базы режима путем более широкого привлечения к участию в управлении местных тайваньских деятелей из среды национальной буржуазии и крупных землевладельцев. Им были предоставлены не только многочисленные важные посты в периферийных органах управления (в том числе несколько постов губернаторов провинций и мэров городов), но и ряд министерских портфелей в центральной администрации. Одновременно с избранием после смерти Чан Кайши его сына Цзян Цзинго президентом Тайваня место вице-президента впервые занял уроженец острова Се Дунминь. Формально большинство таких деятелей выступают как новые функционеры старой гоминьдановской партии, перекочевавшей с материка. Однако за фасадом такого сотрудничества материковых и островных однопартийцев все более отчетливо проступает процесс постепенного вытеснения ветеранов чанкайшистской клики набирающими силу и влияние тайваньскими националистами.

Американо-тайваньские контакты после разрыва дипломатических отношений продолжают развиваться и расширяться. Если объем двусторонней торговли в 1977 г. составлял 5479 млн. долл., а в 1978 г. — 7,5 млрд. долл., то в 1979 г. он перевалил за 10 млрд. долл., увеличившись в течение года на 33 %. Тайвань занимает теперь 12-е место среди внешнеторговых партнеров США (КНР — 23-е место). В отличие от КНР Тайвань имеет значительное положительное сальдо в торговле с США (в 1977 г. — 1,6 млрд. долл., в 1978 г. — 2,8 млрд. долл.).

Стремительно растут капиталовложения американских корпораций в экономику Тайваня, а это лучший показатель уверенности деловых кругов США в стабильности капиталистических порядков на острове и в тех гарантиях безопасности острова, которые обеспечиваются правительством Соединенных Штатов. Общая сумма американских капиталовложений к концу 1978 г. составляла 500 млн. долл.¹⁶ За первые шесть месяцев 1979 г. их объем увеличился на 68,7 млн. долл.

¹⁶ In: "Time", 6. XI. 1978.

Соединенные Штаты продолжают поставки вооружений и военной техники на Тайвань. По данным министерства обороны США, в течение 1979 г. Тайваню было поставлено оружия на 510 млн. долл. Летом 1978 г. в период китайско-американских переговоров о «нормализации» Вашингтон ввел эмбарго на поставки некоторых видов оружия, но в ноябре 1979 г. было принято решение о его отмене. С помощью американцев вооруженные силы Тайваня насыщаются новыми, усовершенствованными типами самолетов, зенитными, противотанковыми и другими ракетами, противолодочным оружием, электронными системами разведки и управления огнем. Ведутся переговоры о продаже не только оборонительного оружия, но и такой наступательной техники, как, например, всепогодные самолеты-истребители «F-4 Фантом», способные глубоко проникать в воздушное пространство КНР. США содействуют вооружению Тайваня также путем продажи ему лицензий на производство современной военной техники и снаряжения.

Китайско-американское сближение не отразилось и на связях Тайваня со многими другими капиталистическими государствами. Он поддерживает торговые отношения со 146 странами, занимая 21-е место в мировой торговле. Объем внешней торговли Тайваня растет из года в год. К 1980 г. он достиг 24 млрд. долл. (в 1978 г. — 20,6 млрд. долл.)¹⁷. Примерно такой же объем торговли и у КНР, значительно превосходящей Тайвань по своим масштабам и возможностям.

Среди торговых партнеров Тайваня на втором месте после США стоит Япония, которая в последние годы тоже неуклонно наращивает объем двусторонней торговли (в 1972 г. — 1513 млн. долл., в 1973 г. — 2534 млн., в 1979 г. — 5270 млн. долл.). Увеличиваются также инвестиции японского капитала в тайваньскую экономику. Растущую активность на Тайване проявляют и западноевропейские страны, давно отказавшие ему в дипломатическом признании (в 1978 г. объем торговли Тайваня с ФРГ составлял 991 млн. долл., с Францией — 268 млн., с Бельгией — 165 млн. долл.)¹⁸.

Таким образом, Тайвань и после китайско-американской «нормализации» продолжает существовать и укрепляться. Поэтому в Пекине с тревогой наблюдают за развитием обстановки на острове, за настроениями и действиями его руководителей. Одним из скрытых мотивов китайской стороны в установлении тесных отношений с Соединенными Штатами были надежды на то, что Вашингтон окажет содействие в налаживании контактов между Пекином и Тайбэем с целью достижения договоренности о воссоединении Тайваня с КНР. Однако пока нет никаких признаков того, что Вашингтон предпринимает какие-либо практические шаги в этом плане. Скорее наоборот, его позиция объективно препятствует возникновению указанных контактов: чувствуя за собой поддержку Соединенных Штатов, тайваньский режим решительно отказывается от всяких переговоров с пекинским правительством.

Разумеется, маоистское руководство не может снять с повестки дня вопрос о воссоединении Тайваня с Китаем, которое со времени образования КНР постоянно декларировалось как одна из важнейших национальных задач. Политические, исторические, эмоционально-психологические аспекты проблемы переплетаются с практическими интересами, вытекающими из великодержавно-гегемонистских планов Пекина: Тайвань имеет для него исключительное значение по целому ряду причин (крупный военно-промышленный потенциал, 500-тысячная хорошо вооруженная армия, стратегическое положение острова, контролирующего морские коммуникации региона). Маоистские лидеры продолжают заявлять, что они будут добиваться решения указанной задачи мир-

¹⁷ In: "Christian Science Monitor", 1. V. 1979; "La vie française", 20. VIII. 1979.

¹⁸ In: "La vie française", 20. VIII. 1979.

ным путем, а в случае неудачи могут прибегнуть к силе. Однако сейчас им приходится учитывать, что подчинить себе Тайвань военным путем Китай не в состоянии: для этого он не располагает необходимыми военными средствами. К тому же вооруженная акция против Тайваня могла бы вызвать конфликт с Соединенными Штатами, что противоречило бы нынешнему курсу Пекина.

Своеобразным пропагандистским камуфляжем капитулянтской политики Пекина в диалоге с США по вопросу о Тайване явились выступления Хуа Гофэна и других официальных деятелей КНР на последней сессии ВСНП, выразивших показное возмущение в адрес лидера республиканской партии США Р. Рейгана, который позволил себе высказать намерение после прихода к власти восстановить официальные отношения с Тайванем. Китайские руководители протестовали лишь против планов изменения формы, а не существа отношений Вашингтона с Тайванем, которые продолжают развиваться в ущерб интересам воссоединения Тайваня с КНР, не вызывая противодействия со стороны Пекина.

Тем не менее сигналы о настроениях ряда деятелей новой правительственной администрации США, стремящихся добиваться дальнейшего развития американо-тайваньских отношений в духе концепции «один Китай, один Тайвань», вызвали раздражение пекинской верхушки. Ведь становится все более очевидным, что в данном вопросе она накрепко увязла в ловушке, расставленной Вашингтоном: он то и дело отступает от достигнутых договоренностей с правительством КНР, а последнее вынуждено мириться с этим, ограничиваясь никого не беспокоящими словесными демаршами. Большой шум в Пекине был поднят, в частности, в связи с выступлениями одного из советников Р. Рейгана — директора Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета Р. Клайна, который в ноябре посетил Тайбэй, имел там встречи с местным правителем Цзян Цзинго и после этого высказался за расширение связей Вашингтона с тайваньским режимом, назначение официального высокого представителя США при этом режиме и принятие мер к тому, чтобы «заставить Китай воздержаться от применения силы против Тайваня»¹⁹.

На данном этапе политика пекинского руководства в отношении Тайваня сводится к разработке и реализации системы мер, которые способствовали бы установлению связей с тайваньским режимом, с тем чтобы склонить его к проведению переговоров о взаимоприемлемых формах воссоединения. К такого рода мерам относятся пропагандируемые Пекином предложения в адрес тайваньских властей об организации товарообмена между материком и островом, почтовой и транспортной связи, обмена делегациями, культурных и спортивных контактов, взаимной помощи рыбакам в море и т. п. Все эти предложения остаются без ответа со стороны Тайваня. Пекином принимаются и односторонние меры с целью расположить к себе тайваньцев и подчеркнуть единство двух китайских государственных образований.

Видимо, более существенное значение в смысле перспектив решения тайваньской проблемы имеет трансформация позиции Пекина в отношении форм воссоединения. На механическое включение Тайваня в состав КНР в качестве одной из ее провинций Пекин уже не рассчитывает: такая формула определенно не устроит тайваньские власти. Поэтому теперь пекинское руководство маскирует свои конечные цели предложениями, которые могут оказаться более приемлемыми для «соотечественников на Тайване». Как сообщает иностранная печать, оно выражает готовность предоставить Тайваню своеобразную автономию

¹⁹ "Christian Science Monitor", 3. XII. 1980.

с гарантией сохранить за тайваньскими властями те же полномочия, которыми они располагают и сейчас, — оставить под их контролем армию, полицию, силы безопасности, органы суда и прокуратуры и т. п.²⁰ В беседе с делегацией американских сенаторов 9 января 1979 г. Дэн Сяопин заявил, что Тайвань может сохранить в неприкосновенности свою экономическую и социальную систему (наподобие Гонконга и Макао)²¹, то есть остаться «островом капитализма», однако номинально в составе «страны социализма». При этом Дэн заверил, что такой автономией Тайвань может располагать «столько времени, сколько пожелает его население». Подобная формула означает, что понятие «воссоединение» в новой его трактовке пекинским руководством сводится в основном к тому, чтобы Тайвань признал на словах суверенитет КНР и принял ее флаг, в остальном же существовал бы как государство в государстве, невзирая на противоположность их социально-экономического строя. Новый подход китайских лидеров к тайваньской проблеме совпадает с расчетами правящих кругов США толкнуть КНР в сторону постепенной трансформации ее социально-экономического строя на капиталистический лад путем развития «смешанной» экономики. В связи с этим они старательно рекламируют тайваньские порядки в качестве наиболее перспективной «модели» модернизации Китая.

Поскольку срыв тайваньского урегулирования в результате китайско-американского сближения вызывает недовольство в различных кругах КНР, маонистские лидеры вынуждены лавировать, выставляя себя поборниками скорейшего «возвращения Тайваня в лоно родины». Примечательна в этом отношении речь, произнесенная Дэн Сяопином 16 января 1980 г. на совещании кадровых работников КНР. В числе трех важнейших задач, которые, по его утверждению, будут стоять перед Китаем в предстоящее десятилетие, Дэн Сяопин назвал в речи и тайваньскую проблему. На сей раз он уже не рискнул высказаться прямо за отсрочку ее урегулирования на далекое будущее — «на сто и даже тысячу лет». «Мы должны, — сказал он, — прилагать усилия к тому, чтобы добиться этой цели в 80-е годы». Но тут же, предсказав «различного рода зигзаги и повороты на этом пути», Дэн Сяопин предложил вместо урегулирования проблемы ограничиться тем, чтобы «эта важная задача постоянно находилась в повестке дня», то есть фактически вновь ориентировал на бессрочную задержку тайваньского урегулирования. Такую позицию на этот раз он обосновал тем, что для успешного решения вопроса необходимо, дескать, сперва научиться «хорошо вести свои собственные дела» и «добиться определенной степени превосходства в том, что касается экономического развития на Тайване». «Без этого, — заявил Дэн Сяопин, — ничего не получится». Иначе говоря, пекинский лидер признал, что в экономическом отношении Тайвань далеко опередил КНР, и это, в числе других причин, сводит к нулю эффективность призывов Пекина к населению острова «возвратиться в лоно родины».

Тайваньская проблема будет, несомненно, и впредь использоваться националистическим руководством Китая в качестве инструмента его великодержавно-гегемонистской политики. Вместе с тем очевидно, что данная проблема остается одним из камней преткновения на пути формирования китайско-американского альянса. Это — очаг трудно разрешимых противоречий, которые при тех или иных обстоятельствах могут в будущем оказать серьезное воздействие на перспективы развития отношений между Китаем и Соединенными Штатами.

²⁰ In: "Straits Times" (Singapore), 2. X. 1979.

²¹ См.: «Правда», 21. I. 1979.

Левые силы Японии в борьбе за мирное и нейтральное развитие страны

А. И. Иванов

Разгром милитаристской, империалистической Японии, решающий вклад в который более 35 лет тому назад внесли советские вооруженные силы, выполнявшие миссию ускорения ликвидации дальневосточного очага войны, открыл японскому народу перспективу мирной жизни. Принятая в условиях подъема демократического движения новая конституция Японии провозгласила отказ от войны на вечные времена, от создания сухопутных, морских и военно-воздушных сил, равно как и других средств войны (ст. 9-я).

Конституционное закрепление отказа от войны и обладания вооруженными силами отвечало национальным интересам японского народа, отражало горячее стремление к миру и жгучую ненависть к милитаризму его подавляющего большинства, испытавшего на себе неисчислимые тяготы и жертвы многочисленных агрессивных войн. Этот акт создавал потенциальную возможность изменения прежней роли Японии в международных отношениях на Дальнем Востоке, превращения ее из фактора постоянной угрозы безопасности своим соседям в фактор упрочения мира в этом регионе.

Крах императорской Японии на агрессивном пути, ее военное поражение способствовали отрезвлению японского народа от шовинистического и милитаристского угара, которым правящие круги столь долго отравляли его сознание. В массах японского населения широко распространилось сознание необходимости не допустить повторения трагедии, отвергать всяческие попытки ремилитаризации.

Вместе с тем в Японии сохранились силы реакции и милитаризма, мечтающие о возрождении былой военной мощи, под прикрытием которой японский монополистический капитал смог бы чувствовать надежность своего господства над массами трудящихся внутри собственной страны, осуществлять за рубежом новые экспансионистские планы, добиться реванша за поражение. Активизации сторонников возрождения японского милитаризма содействовал американский империализм, который вскоре после окончания второй мировой войны открыто взял на себя роль международного жандарма, главной силы и вдохновителя атак на Советский Союз и другие социалистические страны, душителя национально-освободительных движений. Пользуясь положением единственной страны, разместившей в Японии свои оккупационные войска, США в конце 40-х годов начали принимать меры для воссоздания японских монополий, надеясь при опоре на них превратить Японию в «оплот против коммунистической опасности», одно из звеньев окружения Советского Союза военными базами, в военный плацдарм, служащий осуществлению агрессивных планов на Дальнем Востоке.

Демократические силы Японии, защищая подлинные интересы трудящихся, выступили против замыслов японской реакции и американского империализма. В их первых рядах шла Коммунистическая партия

Японии, продолжившая свои боевые традиции последовательного борца против военно-полицейского императорского режима, против его политики агрессивных войн и военных угроз. КПЯ требовала полного осуществления Потсдамской декларации, проведения в соответствии с ней кардинальных демократических реформ, окончательного искоренения милитаризма.

В начале 50-х годов Коммунистическая партия Японии выступила с решительным осуждением агрессивной войны американского империализма в Корее. Однако в условиях массовых репрессий оккупационных властей, которые были обрушены на руководителей и активистов партии, а также в условиях раскола ее рядов КПЯ не смогла осуществить единое руководство массовым движением протеста, развернуть мощную борьбу. Миротлюбивые силы Японии были в то время также дезориентированы правым крылом социал-демократии. Руководство Социалистической партии Японии под воздействием буржуазной пропаганды и в силу антикоммунистических предубеждений не смогло разобраться в истинных причинах возникновения войны на Корейском полуострове и выразило моральную поддержку агрессивным действиям США под вывеской ООН. Аналогичную позицию занял и учредительный съезд Генерального совета профсоюзов (Сохё), состоявшийся в июле 1950 г.

Уроки превращения Японии в опорный пункт агрессии американского империализма на Корейском полуострове, опасность еще более глубокого вовлечения страны в эту военную авантюру были настолько очевидны, что привели японских социалистов к быстрому отрезвлению. Под давлением левого крыла VII съезд СПЯ (январь 1951 г.) принял решение, в соответствии с которым партия в своем отношении к проблемам войны и мира должна в дальнейшем руководствоваться следующими четырьмя мирными принципами: выступать за всесторонний мирный договор, за нейтралитет, против иностранных военных баз, против ремилитаризации¹. Вскоре эти принципы получили поддержку и со стороны Сохё.

Временное ослабление КПЯ, а также отсутствие единства в СПЯ, длительный ее раскол в 1951—1955 гг. были использованы японскими правящими кругами для осуществления при прямой поддержке США ряда важных шагов на пути милитаризации. Через три месяца после начала войны в Корее по требованию командующего оккупационными войсками США в Японии генерала Макартура японское правительство приступило к формированию так называемого «резервного полицейского корпуса». В 1952 г. штаб американских оккупационных войск отменил запрет на производство в Японии оружия и военной техники. А летом 1954 г. японские правящие круги, ободренные поддержкой со стороны Вашингтона, официально объявили о создании своих вооруженных сил под вывеской «войск самообороны». Вопреки протестам прогрессивных сил конституционный запрет был нарушен.

Милитаризация страны набирала темпы. Она осуществлялась теперь в рамках военно-политического союза с США. В 1951 г. США, воспользовавшись своим положением оккупирующей державы, одновременно с подписанием Сан-Францисского мирного договора навязали Японии «договор безопасности» и другие соглашения, ставящие ее в военную и политическую зависимость. В конце 50-х годов японские и американские правящие круги пошли на пересмотр ряда положений «договора безопасности», стремясь придать отношениям двух государств видимость равноправных союзнических обязательств.

Но одновременно и движение за мир в Японии приобретало массовый характер: антивоенное движение, которое было тесно связано с борь-

¹ См.: Нихон сякайто-но сандзюэн (30 лет Социалистической партии Японии), т. 1. Токио, 1974, с. 270.

бой против американских военных баз, стало постоянным элементом политической жизни страны. В 1955 г. был образован Японский совет борьбы за запрещение атомной и водородной бомбы. Голос сторонников мира Японии, страны, жители которой пережили трагедию атомных бомбардировок, влился в мощный хор голосов протеста всемирного движения за мир. Прогрессивные силы Японии ставили перед собой единую задачу обеспечения развития по мирному пути и полного восстановления национального суверенитета, попираемого вовлечением страны в союз с американским империализмом, в его планы борьбы за мировое господство, «холодного» и «горячего» противоборства со странами социалистической системы, в его политику поддержки реакционных режимов и подавления национально-освободительных движений.

В Японии все больше утверждалась идея аннулирования военного союза с США, становления на путь нейтралитета.

Большую помощь упрочению позиций сторонников нейтралитета в Японии оказало заявление Советского правительства от 2 декабря 1958 г. В нем было высказано полностью подтвердившееся позже предположение о том, что «заключение нового американо-японского военного договора может лишь еще больше осложнить положение на Дальнем Востоке и еще более усугубить опасность военного конфликта в этом районе». По мнению Советского правительства, безопасность Японии лучше всего могла бы быть обеспечена «неуклонным соблюдением положений ее собственной Конституции, определяющих отказ страны от ремилитаризации и войны и открывающих для Японии возможность соблюдения нейтралитета. Именно такой путь — путь нейтралитета, самостоятельной миролюбивой политики Японии поведет к утверждению действительной независимости страны и обеспечению ее подлинной безопасности»². Советское правительство провозгласило готовность своей страны взять на себя торжественное обязательство уважать нейтралитет Японии.

С таких позиций в то время выступало и правительство КНР. Готовность двух крупнейших государств на Дальнем Востоке взять на себя обязательства признать и строго уважать нейтралитет своего соседа подтверждала реалистичность идеи нейтралитета, придала боевитость движению за ее осуществление. Стремление сторонников идеи нейтралитета приобрело конкретно выраженные формы. Первоочередной задачей массовых движений в Японии стало недопущение пересмотра японо-американского «договора безопасности» в качестве первого реального и важнейшего шага на пути к утверждению внешней политики мира и нейтралитета.

Взгляды японских коммунистов по этой актуальной проблеме были четко сформулированы в решениях IV пленума ЦК КПЯ (январь 1959 г.). «Политика нейтралитета, — говорилось в резолюции пленума, — это политика выхода из всех военных союзов, неучастия в любом военном союзе. В то же время это политика установления равноправных и дружественных отношений со всеми странами мира. Такая политика обеспечит независимость и безопасность страны, создаст возможность для внесения вклада в сохранение мира во всем мире. Такой путь полностью соответствует направлению развития международной обстановки, отвечает чаяниям японского народа и интересам государства»³.

Поскольку как КПЯ, так и СПЯ в целом, несмотря на особые позиции представителей правого крыла последней, высказались в пользу нейтралитета, они смогли наладить между собой сотрудничество и в центре, и особенно на местах в борьбе против пересмотра, а затем ра-

² «Правда», 3.XII.1958.

³ Нихон кэсанто кэцуги кэттэйсю (Сборник резолюций и решений Компартии Японии), т. 4—5. Токио, 1964, с. 108.

тификации нового японо-американского «договора безопасности». Учрежденный в качестве органа координации массовых выступлений Народный совет борьбы против пересмотра «договора безопасности» провозгласил, что «только нейтральный путь и отказ Японии от участия в каких бы то ни было военных блоках обеспечат безопасность японского народа»⁴.

Невзирая на то что своими массовыми выступлениями, в которых принимали участие рабочие и крестьяне, интеллигенция, мелкобуржуазные слои городского населения, японский народ решительно высказался в пользу нейтралитета, правящие круги страны в 1960 г. заключили с США новый «договор безопасности». По оценке японских коммунистов, этот договор являлся не чем иным, как агрессивным военным союзом, в котором Япония играла подчиненную роль. Он накладывал на Японию новые обязательства как по увеличению военной мощи и совместным японо-американским военным действиям, так и по сотрудничеству с США в экономической области. Он усилил опасность втягивания Японии против воли ее народа в агрессивные войны, замышляемые империализмом США⁵.

Последующие события, и прежде всего активное использование Японии в качестве дальневосточной опорной базы многолетней грязной войны американского империализма против народов Индокитайского полуострова, подтвердили справедливость этой оценки. Эти события еще более утвердили японских коммунистов в правильности их решительного выбора — вести настойчивую, последовательную борьбу за аннулирование военного союза с США.

Характерно, что именно в ходе определения своего отношения к проблеме японо-американского военно-политического союза произошло крупное размежевание среди японской социал-демократии. Соглашательская группировка СПЯ во главе с С. Нисио требовала от партии отказаться от «нигилистического отрицания» договора с США и вместо этого разработать план его поэтапной отмены, выражала возмущение совместными выступлениями социалистов с коммунистами. Когда же большинство партии дало отпор их требованиям, С. Нисио и его сторонники приступили к формированию собственной партии. Созданная в январе 1960 г. Партия демократического социализма во внешней политике стала проводить курс, весьма близкий к линии правящей партии. Ее лидеры полностью отвергли идею нейтралитета, объявив ее «безответственной теорией».

Образование ПДС ослабило позиции правого крыла в СПЯ, что способствовало дальнейшему утверждению в ней политики позитивного нейтралитета.

Впоследствии это нашло отражение в документе СПЯ «Путь к социализму в Японии», утвержденном 27 съездом партии в 1966 г. и получившем программное значение. Напомним, что составители принятой в 1955 г. на объединительном съезде программы СПЯ во многом определяли свою позицию по принципиальным проблемам сквозь призму «преодоления коммунизма». Они пытались возложить ответственность за международную напряженность в равной степени как на капиталистический мир, так и на «коммунистический лагерь». В документе же «Путь к социализму в Японии» проявилось стремление дать оценку мировой обстановки, исходя из единственно объективного, классового подхода к анализу общественных явлений на международной арене. Здесь обращается внимание на то, что в результате «изменения соотношения сил в мире, происшедшего вследствие образования системы социализма, крушения колониализма и роста рабочего класса и демократических

⁴ «Асахи», 28.III.1959 (вечер. вып.).

⁵ См.: Нихон кёсанто годзюэн (50 лет Компартии Японии). Токио, 1972, с. 159.

сил, а также в результате установления системы мирного сосуществования, укрепления мирных функций ООН и т. д.» произошло упрочение факторов, препятствующих вооруженному вмешательству, экономической блокаде и другим формам иностранного вмешательства. Японские социалисты пришли к выводу, что эти и другие факторы «раскрывают перед народом необходимость и реальную осуществимость перехода страны к нейтралитету»⁶.

Таким образом, две крупнейшие партии оппозиции, отражающие настроения рабочего класса и других трудящихся слоев страны, предельно определенно положили в основу своей внешнеполитической линии идею борьбы за мир и нейтралитет. Между ними существовали некоторые различия в толковании нейтралитета: социалисты стали называть в дальнейшем свой курс политикой «невооруженного нейтралитета», а КПЯ с конца 60-х годов стала пропагандировать курс «мира, нейтралитета и самообороны»⁷, считая его более реалистичным.

Их дискуссия по этому вопросу не может заслонить решающего фактора: в обеих партиях хорошо понимали опасность ремилитаризации Японии, в целом существовала их общность в желании добиться ликвидации уз военно-политического союза с США. Это создавало хорошую основу для налаживания также и совместных практических действий коммунистов и социалистов, в которые вовлекались широкие массы, выражающие поддержку их политическим лозунгам.

С 1965 г. стала практиковаться «однодневная совместная борьба», организуемая путем координации действий массовых организаций, находящихся под влиянием КПЯ и СПЯ. Это были прежде всего совместные выступления против американской агрессии во Вьетнаме и втягивания Японии в эту войну, а затем за возвращение островов Окинава на условиях, не допускающих использование их как базы для агрессивных действий США на Дальнем Востоке, против продления японо-американского «договора безопасности», срок действия которого истекал в 1970 г.

В начале 70-х годов КПЯ выступила с призывом к сплочению прогрессивных сил на основе наиболее насущных требований японского народа, среди которых были названы в первую очередь отказ от японо-американского военного союза и вступление Японии на путь нейтралитета. В ноябре 1973 г. XII съезд КПЯ опубликовал предложения партии по программе демократического коалиционного правительства, призывав к созданию такого правительства совместными усилиями всех демократических сил страны. В этих предложениях на первом месте стоял план конкретных мероприятий по обеспечению безопасности Японии на основе ее мирного и нейтрального развития. Он предусматривал «отказ от японо-американского военного союза путем ликвидации «договора безопасности», превращающего Японию в крупнейшую базу агрессии американского империализма в Азии, нарушающего ее суверенитет и оказывающего давление на жизнь и права японского народа; проведение самостоятельной внешней политики на основе превращения Японии в мирное нейтральное государство, не участвующее ни в каких военных блоках; установление дипломатических отношений со всеми странами в соответствии с пятью мирными принципами»⁸. Под последними имелись в виду взаимное уважение территориального суверенитета, ненападение, невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода.

КПЯ предложила, чтобы японский парламент принял закон о нейтралитете, запрещающий размещение иностранных войск на территории

⁶ Нихон сякайто корё бункэнсю (Сборник программных документов Социалистической партии Японии). Токио, 1966, с. 216—217.

⁷ Нихон кёсанто кэзуги кэттэйсю, т. 21. Токио, 1970, с. 103—110.

⁸ «Дзэнгэй», 1974, № 363 (спец. вып.), с. 224.

Японии и провозглашающий сохранение военного нейтралитета как в мирное, так и в военное время. Помимо того, намечались выработка декларации о нейтралитете, обращенной ко всем странам мира и требующей ее признания и уважения, заключение договоров о ненападении и нейтралитете с каждой из соседних стран, а также соответствующего международного соглашения при участии всех стран региона, включая США, СССР и КНР. Обеспечив тем самым международное положение как нейтрального государства, Япония должна принимать участие в работе совещаний неприсоединившихся государств, укреплять с ними антиимпериалистическую солидарность. КПЯ отмечала необходимость в целях защиты безопасности Японии вести активную работу по созданию «действенной системы коллективной безопасности в Азии, а в дальнейшем всемирной системы коллективной безопасности»⁹.

Большое внимание в предложениях КПЯ было уделено защите упомянувшейся выше «мирной», 9-й статьи конституции, предотвращению возрождения и усиления милитаризма, недопущению наращивания существующих в нарушение конституции «сил самообороны». КПЯ полагала возможным также, добившись единодушия политических партий, образующих единый фронт прогрессивных сил, осуществить в дальнейшем роспуск «сил самообороны».

В своих предложениях КПЯ излагала меры, направленные против допуска Японии к ядерному оружию. Демократическое коалиционное правительство должно в соответствии с «тремя неядерными принципами»¹⁰ принять «закон о запрещении ядерного оружия», который не допускает использования ядерного оружия и всех средств его доставки, испытания, производства, накопления, ввоза и провоза ядерного оружия через территорию страны. Одновременно правительство должно в общемировом масштабе прилагать все силы к тому, чтобы положить конец гонке ядерных вооружений и дальнейшей разработке ядерного оружия, добиться заключения международного договора о полном его запрещении.

Осуществление перечисленных здесь предложений КПЯ отвечало бы интересам японского народа, оно могло бы не только обеспечить безопасное мирное развитие Японии, но и сделать Японию важным фактором упрочения мира на Дальнем Востоке в целом.

В свою очередь японские социалисты, одоблившие в начале 1974 г. собственные предложения по программе «народного коалиционного правительства», признавали, что политические цели «коалиционного демократического правительства», изложенные Компартией Японии, и среди них нейтралитет, разрыв «договора безопасности» с США, во многом совпадают с политическим курсом СПЯ¹¹. Действительно, так же, как и КПЯ, социалисты вновь высказались за аннулирование японо-американского «договора безопасности» и сопутствующих ему соглашений с США, за обращение к правительствам всех стран мира с «Декларацией мира и нейтралитета». Социалисты заявили, что «народное коалиционное правительство» после аннулирования военного союза с США должно добиваться создания системы обеспечения мира «коллективно или на основе двусторонних соглашений», путем заключения договоров о взаимном ненападении с КНР, СССР, КНДР, США и другими странами. Провозглашалось строгое соблюдение 9-й статьи конституции, отвергалась всякая мысль о возможности обеспечить безопасность Японии с помощью военной силы и создания ядерной «сдерживающей силы». Предусматривался роспуск «сил самообороны», но при этом пер-

⁹ Там же, с. 227.

¹⁰ Имеются в виду признанные в конце 60-х годов японским правительством под давлением общественного мнения принципы отказа от производства, обладания и ввоза ядерного оружия.

¹¹ См.: Нихон сякайто корё бункэнсю, с. 372.

востепенное внимание уделялось достижению в этом вопросе «поддержки со стороны общественного мнения»¹².

К этому же времени активизировались и антивоенные выступления партии Комэйто, вышедшей на политическую арену в 1964 г. в качестве политической организации буддистического общества «Сока гаккай» и завоевавшей довольно значительное влияние среди мелкобуржуазных слоев и части неорганизованного рабочего класса. Позиции этой партии, в том числе и по внешнеполитическим проблемам, как показывает история ее относительно недолгого существования, не являются стабильными. Стремясь к расширению своего влияния в парламенте, Комэйто нередко делает довольно крутые повороты. Так было, например, после неудачного выступления Комэйто на выборах в палату представителей в декабре 1972 г. Партия внесла тогда серьезные коррективы в свою политику, она более четко, чем прежде, выразила отношение к военному союзу Японии и США, высказавшись за немедленное его аннулирование.

К середине 70-х годов внешнеполитическая программа Комэйто в ряде важных аспектов идеи мирного нейтрального развития Японии приблизилась к взглядам японских коммунистов и социалистов. Исходя из мирной статьи Конституции Японии и принципов ООН, Комэйто провозгласила «полный нейтралитет равного отстояния». Принципами такой политики были названы невмешательство в любые войны и вооруженные конфликты; поддержка санкций Совета Безопасности ООН в отношении нарушителей международных соглашений и агрессоров; отказ от любых форм экспансии в политике, экономике и в других областях; непризнание других средств обеспечения коллективной безопасности, помимо признанных Уставом ООН; неучастие в любых военных союзах и военных блоках; отказ от дискриминации других стран независимо от их государственного строя и идеологии, поддержка принципа мирного сосуществования государств; распространение среди японского народа понимания политики «полного нейтралитета равного отстояния» как «единственно реального» пути обеспечения национальной безопасности и всеобщего мира.

Среди мер, необходимых для осуществления «полного нейтралитета», Комэйто указывала на предотвращение любых таких действий Японии, которые могут вызвать у других стран враждебное отношение к ней, узаконение статуса «полного нейтралитета равного отстояния», уведомление об этом других стран и требование от них взаимного уважения нейтралитета Японии. Важными шагами на пути к полному нейтралитету должны стать заключение договоров о дружбе и ненападении с Китаем, США и СССР, установление безъядерной нейтральной зоны, включающей страны Азии и Тихоокеанского бассейна, расторжение военного союза с США и принятие после провозглашения полного нейтралитета «минимально необходимых мер для обеспечения безопасности страны в рамках конституции»¹³.

Комэйто подчеркивала «право Японии на самооборону», но заявляла, что выступает против «любых попыток пересмотра конституции, обновления или усиления вооруженных сил, введения обязательной военной повинности»¹⁴.

Развернутое изложение оппозиционными партиями — КПЯ, СПЯ и Комэйто — программ мирного и нейтрального развития Японии было не случайным. Оно противопоставлялось политике правящей Либерально-демократической партии и определялось тем, что в стране, занявшей

¹² См.: Кокумин рэнго сэйфу корё-то Нихон сякайто-но нимму (Программа народного коалиционного правительства и задачи Социалистической партии Японии). Токио, 1974, с. 57—58.

¹³ In: Komeito. Tokyo, 1975, p. 29.

¹⁴ Ibid., p. 30.

положение второй промышленной державы капиталистического мира, правящие круги с начала 70-х годов развернули широкую пропаганду милитаристских концепций. Уже в конце 60-х годов влиятельные деятели Либерально-демократической партии — премьер-министр того времени Э. Сато, министр финансов Т. Фукуда и другие — громко заявили о «правомерности» и «необходимости» «укрепления обороны собственными силами». Некоторые «капитаны» делового мира начиная с руководителя Японской ассоциации предпринимателей Сакурада, а также идеологи правящего лагеря требовали сделать 70-е годы периодом претворения в жизнь таких мер, как отмена 9-й статьи конституции, отказ от обещаний придерживаться принципов недопущения ядерного вооружения Японии, эскалация «сил самообороны» на уровень европейских союзников США по НАТО, разработка законодательства на случай чрезвычайного положения и т. д.

Правительство упорно наращивало свои усилия по реализации социального заказа, сформулированного монополистическо-милитаристскими кругами с целью превращения Японии в «великую державу», обладающую соответствующей военной мощью. Одновременно сохранялась линия на тесное военное сотрудничество с США.

Правящие круги Японии не сделали необходимых выводов из поражения агрессии американского империализма на Индокитайском полуострове, фактическим соучастником которой они были в силу договорных обязательств перед США. Вместо того чтобы принять отвечающий интересам японского народа курс на установление дружеских отношений со всеми своими соседями, они стремились не только сохранить, но и усилить опасный военный союз с США. На встречах с руководителями США главы всех японских правительственных кабинетов, сменявшихся в последующий после исторической победы вьетнамского народа период, настойчиво убеждали американскую администрацию не сокращать военное присутствие в Азии, в первую очередь в Южной Корее, а американская администрация в свою очередь добивалась повышения «доли ответственности» Японии за положение дел на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, требовала от нее больших расходов на содержание войск США на Японских островах, общего увеличения затрат на вооружение.

В 1976 г. начал действовать японо-американский комитет сотрудничества в области обороны, призванный обеспечить постоянную координацию стратегических планов США и Японии в районе Дальнего Востока. В 1978 г. были разработаны и введены в действие «Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны», которые японская прогрессивная общественность справедливо расценила как качественно новую ступень в согласовании стратегических военных планов двух империалистических государств.

В конце 70-х годов сторонники ориентации Японии на военный союз с США и наращивания собственных японских вооруженных сил получили поддержку из Пекина. Внешнеполитические концепции наследников Мао Цзэдуна, исходящие из определения Советского Союза в качестве «врага номер один», побуждали пекинское руководство к поиску союзников по антисоветизму. Наиболее подходящими с этой точки зрения для него оказались американский империализм и реакционные, милитаристские круги Японии. Был забыт лозунг «Американский империализм — общий враг китайского и японского народов», который в начале 60-х годов неизменно присутствовал в совместных заявлениях китайского руководства с представителями японских прогрессивных сил. Пекинские временщики отказались также от своего прежнего осуждения милитаристских тенденций в Японии.

Сейчас в Пекине открыто поддерживают японо-американский «военный союз», не упускают ни одной возможности выразить одобрение

стремлению правящих кругов Японии сделать свою страну «мощной военной державой». Иногда такие советы высказываются настолько откровенно, что ставят японских официальных лиц в неудобное положение, заставляя их оправдываться ввиду опасности нежелательной реакции как внутри своей страны, так и за рубежом, особенно в азиатских, развивающихся странах, настроенно следящих за подъемом милитаристских устремлений своего сильного соседа.

В Пекине полностью игнорируют мнение японских прогрессивных сил, отрицающих милитаристский выбор, с полным основанием считающих, что реакционная, агрессивная сущность японо-американского «договора безопасности» несколько не изменилась и он по-прежнему остается угрозой для безопасности народов Азии.

Столь крутое изменение позиции КНР, разумеется, было с восторгом встречено правящими кругами США и Японии.

С другой стороны, поощрительное отношение Пекина к стратегии американского империализма, неизменно предполагающей «военное присутствие» на Азиатском континенте и прилегающих к нему островах и морских пространствах, а также открытое вмешательство в дела народов этого региона, поддержка китайским руководством милитаристских амбиций японских реакционных кругов подтолкнула часть оппозиционных сил, стоящих на непоследовательных позициях, к дальнейшему сползанию на шаткий путь одобрения «договора безопасности» и признания собственного вооружения Японии.

Деятели ПДС увидели в нынешних домыслах Пекина об «угрозе Японии с севера» еще один «аргумент» для оправдания своего весьма близкого к взглядам правящей ЛДП понимания внешнеполитического курса страны, а руководители Комэйто стали говорить о некоей новой международной обстановке, в которой-де нереалистично было бы сейчас добиваться ликвидации «договора безопасности». Перемены во взглядах Пекина оказывали негативное влияние и на образ мышления некоторых японских социалистов.

С резкой критикой провокационной политики Пекина в отношении Японии выступили коммунисты. На IV пленуме ЦК КПЯ в мае 1978 г. К. Миямото указывал, что одобрение пекинским руководством военного империалистического союза США и Японии, исходящего из «своей специфической стратегии в отношении Советского Союза», воодушевляет правящую Либерально-демократическую партию, оппозиционные партии, стоящие на антикоммунистических позициях, и «некоторые элементы в СПЯ, следующие за зарубежными силами»¹⁵.

В соответствии с решениями XIV съезда КПЯ (октябрь 1977 г.), которые призвали добиваться осуществления «поворота к политике неприсоединения и нейтралитета», открывающего «обнадеживающее будущее для проведения самостоятельной и мирной внешней политики и процветания экономики»¹⁶, японские коммунисты решительно отвергали всяческие попытки реакционных сил ускорить процесс милитаризации Японии. Они стремились организовать совместные действия трудящихся масс. Поучительным с этой точки зрения является урок борьбы демократического лагеря страны против замысла реакции провести через парламент так называемое законодательство на случай «чрезвычайного положения», иначе говоря, законодательство, которое позволило бы правительству и военным кругам действовать без учета мнения парламента, по своему усмотрению и произволу.

Идея такого законодательства, которую выдвинули милитаристские круги, разработавшие летом 1978 г. свои конкретные предложения на этот счет, была встречена с одобрением Партией демократического со-

¹⁵ «Акахата», 14.V.1978.

¹⁶ «Дзэнъэй», 1977, № 419 (спец. вып.), с. 45.

циализма. Нашлись у нее сторонники и среди Комэйто, но с учетом развернутой в стране прогрессивными общественными деятелями острой критики далеко идущего замысла реакции руководство партии в конечном счете также пришло к выводу о недопустимости принятия «чрезвычайного законодательства». Что касается социалистов, а также Генерального совета профсоюзов (Сохё) и многих других общественных организаций, в которых имеет влияние СПЯ, то они, так же как КПЯ и ее сторонники, решительно воспротивились планам принятия «чрезвычайного законодательства». Единый подход коммунистов и социалистов к этой важной проблеме оказал существенное воздействие на общественное мнение страны в целом. Правительство вынуждено было отказаться от вынесения подготовленных законопроектов на обсуждение парламента. Тем самым была продемонстрирована эффективность в деле защиты мирного выбора согласованных действий прогрессивных сил, та решающая роль в их организации, которую имеет налаживание сотрудничества между двумя главными отрядами этих сил — КПЯ и СПЯ.

Именно в это время ряд видных деятелей Социалистической партии на страницах партийной печати подчеркивал особую важность борьбы против всяческих милитаристских тенденций. Развертываемая по инициативе правящих кругов «дискуссия об обороне», отмечал, например, М. Исибаси, направлена, по существу, на изменение конституции, на отмену ее 9-й статьи. В этих условиях, по его мнению, необходимо последовательно пропагандировать лозунг невооруженного нейтралитета, добиваться учреждения гражданского контроля, чтобы остановить рост военной мощи Японии. М. Исибаси выступил с критикой тех оппозиционных сил, которые, рассчитывая на вхождение в будущем в правительство, примирительно стали относиться к политике ЛДП в этом важном вопросе, провозглашая «реалистичность» и «сдержанность»¹⁷.

В условиях активизации сторонников наращивания вооружений специальный комитет СПЯ по вопросам безопасности и сил самообороны приступил к разработке предложений, которые должны были учесть новые особенности международной обстановки в мире и регионе Дальнего Востока. В ноябре 1978 г. ЦИК СПЯ обсудил представленный комитетом документ под названием «Новая политика обеспечения мира» и одобрил его как «первый проект», подлежащий дальнейшему изучению внутри партии. Документ широко комментировался в японской прессе, он вызвал дискуссию и внутри партии. Буржуазных комментаторов, а также представителей партий центра разочаровало то обстоятельство, что СПЯ не отказывается от таких стержневых положений концепции «невооруженного нейтралитета», как требование ликвидации японо-американского военно-политического союза и роспуска «сил самообороны». В то же время они приветствовали проявившийся в этом проекте отход его составителей от прежнего стремления СПЯ исходить из классового анализа международных тенденций и явлений. Так, политолог С. Тайра писал в теоретическом органе ПДС, что, по его мнению, это обстоятельство позволяет надеяться на «разрушение нынешней концепции невооруженного нейтралитета в целом»¹⁸.

Некритическое восприятие составителями документа СПЯ измышлений буржуазных средств массовой информации относительно внешней политики СССР, формирование их взглядов под непосредственным воздействием реакционной китайской теории «трех миров» вызвало вполне обоснованное беспокойство внутри самой СПЯ. Многие социалисты обратили внимание на то, что содержащиеся в этом документе оценки противоречат положениям некоторых программных документов их партии.

¹⁷ См.: «Сякай симпо», 1.V.1978.

¹⁸ «Какусни», 1979, № 2, с. 21.

Разногласия в среде японских социалистов в вопросе о подходе к оценке международной обстановки, наличие среди них значительного числа членов партии, принимающих на веру извращенное толкование международных событий средствами буржуазной массовой информации, обусловили и позицию СПЯ, занятую в начале 1979 г. в связи с китайской агрессией против Социалистической Республики Вьетнам. Партия не смогла четко и безоговорочно признать тот совершенно очевидный факт, что именно пекинское руководство несет ответственность за вооруженное вторжение на территорию своего социалистического соседа. Руководство СПЯ призвало японское правительство потребовать от обеих стран, то есть от агрессора и его жертвы, «немедленного прекращения военных действий».

В трудном положении оказались все те оппозиционные партии, которые ранее заявляли, что заключение японо-китайского «Договора о мире и дружбе» укрепит стабильность обстановки и безопасность народов Азии. События стали развиваться в другом направлении. Китайское руководство, призывавшее Японию к «совместной борьбе с гегемонизмом», прибегло к худшему виду гегемонизма — открытой агрессии. Японское правительство, оказавшееся связанным этим договором, ограничилось лишь «сожалением» по поводу китайской акции, что было равносильно молчаливому одобрению ее. В дальнейшем же официальная Япония перешла к прямой поддержке Китая, применив экономические санкции к СРВ, но всемерно содействуя наращиванию китайского военно-промышленного потенциала. Помимо того, японские средства массовой информации в значительной мере восприняли китайскую версию о «вынужденности» вторжения во Вьетнам, которое в Пекине называли «оборонительным контрнаступлением». В этих условиях руководство ПДС не нашло ничего лучшего, как практически солидаризироваться с оценками по этому вопросу, которые давали правящие круги. Близкую к точке зрения японского правительства позицию заняла и Комэйто, ничего не делая для обуздания агрессора, порицая в равной степени как КНР, так и СРВ, а также включившись в антивьетнамскую кампанию по так называемой проблеме индокитайских беженцев, требуя принятия в этой связи «санкций против Вьетнама».

Среди всех политических партий Японии только КПЯ решительно осудила агрессивные действия Пекина, «не имеющие никакого отношения к великому делу социализма» (заявление постоянного бюро Президиума ЦК КПЯ от 18 февраля 1979 г.). Японские коммунисты требовали немедленного прекращения вторжения китайских войск, безотлагательного вывода их из Вьетнама. КПЯ обратилась к японскому правительству с требованием принять необходимые меры в этом направлении, призвала миролюбивые силы Японии выступить против агрессивных действий Китая, в поддержку народа социалистического Вьетнама. На примере китайского вторжения на территорию Вьетнама японские коммунисты показали, что лежащая в основе внешней политики пекинского руководства «теория трех миров» в конечном счете является «всего лишь разновидностью его великодержавных устремлений»¹⁹.

XV съезд КПЯ (26 февраля — 1 марта 1980 г.) высказал глубокую озабоченность японских коммунистов обострением международной напряженности. Съезд со всей определенностью указал, что в сегодняшнем мире империализм США является «самым большим источником опасности войны и агрессии»²⁰. Одновременно было подчеркнуто, что открытый переход пекинского руководства к «социал-империализму» делает его противником мирового прогресса и пособником империализ-

¹⁹ «Акахата», 21.II.1979.

²⁰ 15-th Congress of the Japanese Communist Party. Tokyo, 1980, p. 98.

ма²¹. В этой связи особо опасный характер принимают как сохранение японо-американского «договора безопасности», превращающего Японию в «крупнейшую передовую базу постоянного расквартирования американских сил «быстрого реагирования», готовых к немедленному осуществлению боевых операций в Азии, на Тихом океане или на Ближнем Востоке», так и сближение между китайскими гегемонистами и американским империализмом вместе с его союзниками на Дальнем Востоке — Японией и Южной Кореей. Союз этих сил «стал источником усиления напряженности в Азии»²².

Съезд японских коммунистов сделал важный вывод: «прогрессивные, демократические силы должны продолжать борьбу против реакционной внешней политики фактического создания четырехстороннего альянса; это является частью борьбы против японо-американского «договора безопасности», за проведение политики неприсоединения и нейтралитета»²³.

Однако усилившиеся под воздействием буржуазной пропаганды разногласия среди партий оппозиции по вопросам определения реального источника военной угрозы, отношения к японо-американскому военному союзу и к так называемым «силам самообороны» мешают развертыванию борьбы за мир и нейтралитет, налаживанию в ее процессе эффективного их сотрудничества. Так, руководство Комэйто, практически само отказавшись от лозунга борьбы за ликвидацию военного союза Японии с США, настойчиво стремится добиться такой же позиции и от японских социалистов; в этом ему помогают некоторые деятели профсоюзного движения. Их усилия не остаются без последствий.

В конце 1979 — начале 1980 г. на переговорах СПЯ и Комэйто по поводу выработки совместной платформы будущего коалиционного правительства, за создание которого взамен нынешней власти ЛДП выступают обе партии, социалисты пошли на серьезные уступки, расцененные в Японии как отход СПЯ от прежних своих позиций по некоторым принципиальным вопросам. Нельзя, разумеется, не заметить, что, формулируя задачи коалиционного правительства, СПЯ и Комэйто провозгласили защиту мирной конституции, строгое соблюдение принципов, отрицающих оснащение Японии и ввоз на ее территорию ядерного оружия, выступили против создания «системы на случай чрезвычайных обстоятельств, связанной с наращиванием военной мощи и возрождением милитаризма». Но вместе с тем, хотя в политическом соглашении, заключенном между СПЯ и Комэйто, говорится в общей форме, что «Япония будет стремиться к нейтралитету», в нем нет четкого определения задачи аннулирования военного союза с США, а лишь упоминается о «создании такого международного климата, который сделал бы возможным» решение этой задачи. К тому же одним из принципов соглашения между СПЯ и Комэйто стал отказ их от сотрудничества с коммунистами. В соглашении указано, что «в нынешней обстановке консультации с Коммунистической партией Японии о коалиционном правительстве проводиться не будут»²⁴.

Заключение такого соглашения вызвало возражения среди японских социалистов; в проект документов 44-го съезда СПЯ, предложенный руководством партии, была внесена поправка, подтверждающая неизменность курса партии на ликвидацию японо-американского договора, на ведение совместной борьбы со всеми партиями оппозиции. Тем не менее линия на сближение с Комэйто за счет принципиальных уступок последней явилась причиной значительного ухудшения отношений между КПЯ и СПЯ — инициаторами борьбы за мир и нейтралитет в своей стране.

²¹ Ibid., p. 96.

²² Ibid., p. 57—59.

²³ Ibid., p. 60.

²⁴ «Сякай симпо», 15.I.1980.

Это в свою очередь ослабляет силу сопротивления прогрессивных сил продолжающимся милитаристским атакам японской реакции, которые осуществляются при прямой поддержке Вашингтона и Пекина.

Попытки японской реакции добиться коренного сдвига в сознании японского народа в пользу милитаризации еще более усилились после того, как правящей Либерально-демократической партии в июне 1980 г. на одновременных выборах в обе палаты парламента удалось, воспользовавшись отсутствием единства в прогрессивном лагере, несколько упрочить свои позиции в законодательном органе страны. С этой целью инспирируется дискуссия вокруг проблем «безопасности» Японии, в ходе которой используются разнообразные домыслы о «советской угрозе». Члены правительства открыто высказываются при этом за пересмотр конституции, имея в виду в первую очередь отмену статьи, законодательно определяющей мирный характер политики японского государства.

Имеются основания полагать, что проблема альтернативного выбора между развитием Японии по пути мира и нейтралитета, с одной стороны, и по пути милитаризации и военных союзов — с другой, примет в 80-е годы исключительно острый характер в борьбе между силами демократии и реакции. Исход борьбы будет во многом определяться тем, насколько своевременно массы населения смогут разобраться в истинных замыслах реакции и понять, что истинная угроза японскому народу проистекает из военного союза с агрессивным империализмом США, втягивания его страны в опасные планы пекинского гегемонизма, из амбиционных устремлений реакционных сил превратить Японию в «великую военную державу». Он будет определяться также степенью сплочения прогрессивных сил Японии, налаживанием между их различными отрядами сотрудничества и совместных действий в борьбе против милитаристских, реакционных сил.

21 октября 1980 г. по Японии вновь прокатилась волна массовых выступлений под лозунгами ликвидации японо-американского военного союза, прекращения милитаризации страны, защиты положений конституции, провозгласивших отказ Японии от войны и обладания вооруженными силами. Эти выступления проходили в рамках ставшего традиционным Дня единых антивоенных действий, в которых совместно участвовали коммунисты и социалисты, представители профсоюзов и демократических организаций страны. Они показали, что японский народ остро обеспокоен активизацией сил милитаризма и готов дать им решительный отпор.

Внутриполитический кризис в Южной Корее и его истоки

*Ю. И. Огнев,
кандидат исторических наук*

На Корейском полуострове не прекращается борьба двух противоположных политических сил. С одной стороны, это силы, стремящиеся к независимости и демократии, к обеспечению мира и безопасности, к мирному решению проблемы воссоединения Кореи на демократической основе и созданию единого подлинно суверенного корейского государства. К ним принадлежит абсолютное большинство корейского народа, политические и общественные организации КНДР, прогрессивные слои южнокорейского общества. Им противостоят те, кто стремится сохранить Южную Корею как объект неокolonнализма, плацдарм антикоммунизма и военную базу Пентагона, добивается нагнетания напряженности, сохранения раскола нации любыми средствами. К этим силам принадлежат сеульские политики, опирающиеся на американские штыки, крупные южнокорейские предприниматели, связанные с западными и японскими монополиями, подготовленная Пентагоном южнокорейская военщина, поддерживающая в Южной Корее режим фашистской диктатуры. Такой вывод подтверждается новыми внутриполитическими потрясениями в Южной Корее, во время которых весьма наглядно проявилось противоборство именно этих по существу непримиримых сил.

События 1980 г. в Южной Корее вновь привлекли внимание мировой общественности, вызывая всеобщее сочувствие к многострадальному южнокорейскому населению, поднявшемуся на неравную схватку с вооруженной до зубов военщиной, и гневное возмущение политикой сил империализма, главным образом правящих кругов США, попирающих справедливые и законные требования многомиллионных масс.

Символично, что новый революционный подъем в Южной Корее развернулся в то время, когда корейский народ отмечал 20-ю годовщину героического народного восстания 19 апреля 1960 г., которое нанесло сокрушительный удар антинародному марионеточному режиму и в результате которого был свергнут американский ставленник диктатор Ли Сын Ман. Летом 1980 г. отмечалась также 16-я годовщина студенческого восстания в Южной Корее, вспыхнувшего 3 июня 1964 г. и вылившегося в массовое сопротивление реакционному фашистскому режиму Пак Чжон Хи, его политике агрессии и предательства, деспотизма и раскола страны. Массовые революционные выступления вновь всколыхнули всю страну весной и летом 1980 г. Они носили ярко выраженный антиимпериалистический, антифашистский, демократический характер и были направлены против установления в стране военной диктатуры, на демократизацию государственной власти, незамедлительное провозглашение демократической конституции, проведение всеобщих выборов с целью создания правительства, которое бы отстаивало национальные интересы корейского народа. «Южнокорейское население, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК Трудовой партии Кореи, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК ТПК Ким Ир Сен на VI съезде партии 10 ок-

тября 1980 г., — мужественно поднялось на патристическую борьбу за ликвидацию фашистского диктаторского режима, за демократизацию южнокорейского общества, нанесло серьезный удар по противникам демократии и единства родины»¹. В ходе этих выступлений выдвигались также требования экономических реформ с целью облегчения материального положения южнокорейских трудящихся, более справедливого распределения в обществе национального богатства, принятия эффективных мер по борьбе с острым экономическим кризисом.

Следует отметить, что информационные службы некоторых государств, особенно это касается США, пытаются смягчить реакцию международной общественности на драматические события, происходящие в Южной Корее, стремились преподнести их как отдельные «студенческие волнения», «беспорядки», «смуту», которые якобы лишь подрывали «стабильность» внутривполитической обстановки и т. п.

На VI съезде ТПК особо подчеркивалось: «Все злодеяния военно-фашистских диктаторов Южной Кореи, вызывающие сегодня возмущение и гнев народов мира, совершаются под покровительством США. И хотя власти США лицемерно выражают «сожаление» и «озабоченность», им никогда не удастся скрыть подлинное обличье фашистского палача и агрессора. Соединенные Штаты — инициатор попрания демократии и прав человека в Южной Корее, закулисный дирижер убийств ее жителей. К каким бы коварным проидам ни прибегали США, им не уйти от ответственности за утверждение в Южной Корее нынешнего деспотического военно-фашистского диктаторского режима, за кровавые расправы»².

Официальные власти США и их исполнители, действующие на Корейском полуострове, сознавая свою ответственность за массовые убийства гражданского населения, сделали все возможное, чтобы не допустить распространения правдивой информации о событиях в Южной Корее. Сообщения из Южной Кореи подвергались строгой цензуре, сведения о кровавых расправах над восставшими или замалчивались, или искажались. В связи с этим, видимо, полезно сделать анализ сообщений южнокорейской и зарубежной печати, воспроизвести действительную картину основных событий в Южной Корее и попытаться вскрыть причины и истоки их возникновения.

* * *

Анализ поступившей из южнокорейских, американских, японских и других источников информации показывает, что главными причинами революционного взрыва в Южной Корее являются, во-первых, репрессивные меры военщины в отношении широких кругов общественности, обманутой обещаниями о демократизации страны после устранения диктатора Пак Чжон Хи; во-вторых, взрыв национальных чувств, оскорбленных бесчинствами антинародной кучки генералов, грубо попирающих волю абсолютного большинства народа; в-третьих, углубляющийся экономический кризис, ставящий южнокорейских тружеников в положение рабов американских и японских монополий.

Напряженное политическое положение в Южной Корее возникает не впервые. Истоки такой напряженности в стране восходят к 40-м годам, когда американские войска, оккупировав южную часть Корейского полуострова, воспрепятствовали образованию единого суверенного государства на основе демократического волеизъявления корейского народа. Исходя из своих неокOLONиалистских интересов, Соединенные Штаты сфабриковали в 1948 г. в Сеуле марионеточное «правительство», превра-

¹ «Нодон синмун», 11.X.1980.

² Там же.

тив Южную Корею в объект империалистической эксплуатации и плацдарм антикоммунизма в Азии. Орудием осуществления именно такой политики служили ставленники Вашингтона: вначале Ли Сын Ман, а после его свержения выпестованная американской военщиной южнокорейская военная хунта во главе с другой марионеткой — диктатором Пак Чжон Хи. Деспотия этих империалистических ставленников постоянно служила причиной проявления народного недовольства и возмущения, которые потрясали основы американского господства в стране.

Всеобщее недовольство правлением Пак Чжон Хи в октябре 1979 г. вновь поставило сеульский режим перед лицом выступлений широких масс против военно-фашистской диктатуры. В середине октября в Пусане вспыхнули крупные народные волнения, проходившие под лозунгами демократических преобразований и изгнания Пак Чжон Хи. В ответ Пак Чжон Хи прибег к излюбленному средству — ввел в городе военное положение. Однако массовые выступления против диктатуры не только не прекратились, но стали распространяться на другие города Южной Кореи. Южнокорейская военщина была серьезно напугана размахом этих выступлений, особенно когда стало известно, что на 29 октября 1979 г. намечены массовые выступления в Сеуле. По сообщениям из Южной Кореи, генералитет южнокорейской армии начал активное обсуждение обстановки, пытаясь найти приемлемый для него выход из создавшегося положения. Попытки южнокорейского ЦРУ заставить Пак Чжон Хи добровольно отречься от «президентства», с тем чтобы таким образом урегулировать обстановку, привели, как известно, к убийству диктатора, которое осуществил директор южнокорейского ЦРУ Ким Дэ Кю. Последний явно рассчитывал на безнаказанность, так как Пак Чжон Хи к этому времени оказался фигурой, вызывавшей своими действиями как всеобщее возмущение внутри страны, где поднималась волна недовольства его репрессивными действиями, так и «озабоченность» в США, для которых Пак стал однозной личностью, способной поставить под угрозу интересы Вашингтона в Южной Корее ради укрепления своей личной неограниченной власти. Жестокие расправы Пака над оппозицией вызывали в США опасения, что возмущение южнокорейского населения режимом Пак Чжон Хи может обернуться против американцев, господствующим позициям которых в Южной Корее общеизвестны. И с Пак Чжон Хи произошло приблизительно то же, что в свое время случилось с Нго Динь Дьемом в Южном Вьетнаме.

Следует иметь в виду, что режим Пак Чжон Хи подавлял не только прогрессивные силы, но и либеральную буржуазию, которая является по своим идеалам и убеждениям в большинстве проамериканской и прояпонской. Борьба между правящей Демократической республиканской партией и оппозиционной Новой демократической партией в Южной Корее при правлении Пак Чжон Хи характеризовалась главным образом соревнованием в преданности правящим кругам США, она никогда не вызывала какого-либо беспокойства последних. Поэтому-то после устранения Пак Чжон Хи планы некоторой либерализации южнокорейского общества, о которой объявили временный президент Цой Гю Ха и стоявшие за его спиной военные во главе с генералом Чон Сын Хва, нашли официальную поддержку США.

Устранением Пак Чжон Хи Вашингтон и его южнокорейские ставленники, несомненно, пытались предотвратить или ослабить очевидно назревавший взрыв народного недовольства сохраняющимися многие годы диктаторскими порядками. И эта цель в какой-то степени была достигнута. Устранение Пак Чжон Хи породило у населения надежды на то, что демократические требования будут удовлетворены. Эти надежды подкреплялись заверениями преемников Пак Чжон Хи и их американских покровителей, высказавшихся за «либерализацию» южнокорейского режима. Все это на некоторое время сбило накал борьбы

против диктаторского режима. Однако вскоре демократические силы Южной Кореи стали убеждаться, что одно лишь устранение Пак Чжон Хи не сулит существенных перемен. Диктатора не стало, но военная диктатура, обеспечивающая на юге Корейского полуострова интересы реакционных сил Запада, оставалась. Яркое сопротивление каким-либо переменам оказала сеульская военщина, в среде которой развернулась борьба за освободившееся диктаторское кресло.

После смерти Пака в стране было объявлено военное положение. Реальная власть оказалась в руках военщины во главе с начальником штаба южнокорейской армии генералом Чон Сын Хва, ответственным за соблюдение военного положения в стране. В прежнем составе продолжало свою деятельность сеульское «правительство» во главе с Цой Гю Ха, послушно исполнявшее волю генералитета.

Выражением развернувшейся в военных кругах Южной Кореи борьбы за власть явился происшедший 12 декабря 1979 г. военный переворот, или, как его называли, «переворот генералов», когда Чон Сын Хва, обвиненный вдруг в причастности к убийству Пак Чжон Хи, и поддерживавшие его генералы были арестованы и заключены в тюрьму другой группой генералов — более молодого поколения, которую возглавил генерал-майор Чон Ду Хван, бывший тогда командующим войсками общественной безопасности.

Подобного рода поворот событий в Южной Корее вызвал вначале серьезное беспокойство в Вашингтоне³. Американские официальные представители выразили озабоченность тем, что ряд южнокорейских военных частей был отозван с позиций вдоль демилитаризованной зоны, отделяющей Южную Корею от КНДР, чтобы поддержать переворот в Сеуле, якобы «в ущерб безопасности страны от возможных акций с Севера». Однако такого рода «беспокойство» было явно наигранным. Вашингтонских политиков на самом деле обеспокоила не «безопасность» Южной Кореи, а сам факт переворота, явившегося следствием грызни в борьбе за власть, боязнь, что политическая жизнь в Южной Корее выйдет из-под их контроля и будет напоминать ситуацию в «банановой республике»⁴. Перспективы же демократизации Южной Кореи никогда не были предметом заботы американских правящих кругов, которые всегда предпочитали опираться в Южной Корее на «твердую власть», проявляя заинтересованность в такого рода стабильности обстановки, которая обеспечивалась диктатурой, штыками южнокорейских и американских войск. Поэтому американские власти быстро нашли общий язык и с Чон Ду Хваном. Мятеж, организованный Чон Ду Хваном, еще раз показал народу, что правительство Цой Гю Ха в действительности не обладает реальной властью и является лишь послушным орудием в руках южнокорейской военщины. Тем не менее 21 декабря 1979 г., вскоре после «генеральского переворота», в Сеуле состоялась церемония возведения Цой Гю Ха в должность президента. В своей «тройной» речи Цой Гю Ха обещал, что конституция, разработанная Пак Чжон Хи, будет пересмотрена, а затем в Южной Корее в соответствии с новой конституцией будут проведены свободные выборы. Эта мера была предпринята военными явно с целью смягчить реакцию политических сил страны на происходящие события. Тем не менее она не могла предотвратить назревавшего взрыва возмущения событиями, явно ведущими к установлению новой военной диктатуры в стране, о чем свидетельствовало установление фактического военного правления генерала Чон Ду Хвана. Последний вскоре был назначен одновременно исполняющим обязанности директора южнокорейского ЦРУ.

Таким образом, надежды южнокорейского населения на то, что после

³ Ип: "Newsweek", 24.XII.1979.

⁴ Ibid.

устрашения диктатора Пак Чжон Хи наступит период «либерализации» сеульского режима, были разбиты действиями южнокорейской военной. Сеульский режим и без Пак Чжон Хи продолжал оставаться антинародным. Военный переворот и репрессии в отношении оппозиции лишь усугубили политический кризис в стране. В марте-апреле 1980 г. усилились народные выступления с требованиями проведения демократических реформ.

* * *

Политическому кризису в Южной Корее сопутствовало и обострение кризиса экономического. Сообщая об экономическом положении в Южной Корее, американские эксперты отмечали: «Экономическая машина, которая в начале и середине 70-х годов неслась вперед при темпах роста, измеряемых двузначной цифрой, сейчас еле тащится». Темпы инфляции за первые три месяца 1980 г. подскочили до 48 % в пересчете на год. Основной ущерб от инфляции был переложен на плечи потребителей. Внутренние цены на нефть в начале 1980 г. подскочили на 60 %, плата за электроэнергию увеличилась на 36 %, соответственно повысились и цены на потребительские товары. Уровень безработицы в 1980 г. определялся в 5,3 %, что соответствует приблизительно 750 тыс. безработных в стране, где, по словам наблюдателей, «жизнь сурова и не существует никаких социальных пособий»⁵.

Следует иметь в виду, что, сообщая о южнокорейском «экономическом чуде» 70-х годов, приводя данные значительного в этот период промышленного роста в Южной Корее, большинство южнокорейских и западных экономистов предпочитает не касаться вопроса, за счет чего же достигался этот промышленный рост, замалчивать тот факт, что развитие осуществлялось главным образом за счет жесточайшей эксплуатации южнокорейских трудящихся. Социальные аспекты ускоренного развития не интересовали сеульских правителей, предпочитающих держать население в жестких условиях военно-полицейского режима. Ставка на дешевую рабочую силу и привлечение в страну иностранного капитала вела к развитию промышленности, ориентированной на экспорт, к отставанию сельскохозяйственного производства, массовому бегству крестьян из сельской местности и анархической урбанизации. Южная Корея экономически оказалась в полной зависимости от Японии и США — основных кредиторов и торговых партнеров страны. Бедность страны, исключительно низкий уровень заработной платы трудящихся, их социальное бесправие — вот что привлекает иностранные капиталовложения в Южную Корею. Вся деятельность транснациональных компаний в Южной Корее зиждется на дешевых рабочих руках, и сеульские правители всячески содействуют этому, сознательно проводя политику создания резервной рабочей силы за счет разоряющегося крестьянства в угоду заморским монополиям.

Рассматривая причины мощных антиправительственных выступлений в Южной Корее, некоторые западные аналитики вполне обоснованно проводят параллель с событиями в других странах, которые Соединенные Штаты считают сферой своих «национальных интересов». Например, профессор факультета международных исследований Вашингтонского университета Б. Каммингс находит много сходства между событиями в Южной Корее и событиями в Иране. Он отмечает следующие характерные для этих стран моменты⁶.

Во-первых, и в Иране, и в Южной Корее США поставили у власти жестокие диктаторские режимы — шахский в Иране и «президента»

⁵ "Wall-street Journal", 15.V.1980.

⁶ См.: «Известия», 25.VI.1980.

Пак Чжон Хи в Южной Корее. Стремясь обеспечить стабильность этих режимов и не допустить глубоких социальных и экономических перемен, США создали и направляли деятельность репрессивных организаций — иранской САВАК и южнокорейского ЦРУ, которые жестоко подавляли демократические тенденции, угрожавшие господству правящей верхушки и интересам США в этих странах.

Во-вторых, и экономика Южной Кореи, и экономика Ирана были ориентированы на экспорт: Иран специализировался на вывозе нефти, а Южная Корея — на производстве экспортных промышленных товаров и вывозе дешевой рабочей силы. В обоих случаях в этих странах практически не развивались отрасли, нацеленные на обслуживание внутреннего рынка. Чрезмерная зависимость от внешних рынков обернулась «опустошительными потерями» для Ирана и Южной Кореи. Так, в результате экономического спада 1979—1980 гг., отмечает профессор Б. Каммингс, темпы роста южнокорейской экономики резко упали и начали сокращаться. Численность безработных утроилась, темпы инфляции достигли 50%. В обеих странах Соединенные Штаты являлись сторонниками такой системы, которая вела к обогащению единиц, обрекая большинство населения на роль дешевой рабочей силы, а страну — на зависимое положение.

В-третьих, и в Иране, и в Южной Корее политика США явилась главным препятствием на пути к подлинной независимости. И Иран, и Южная Корея рассматривались Вашингтоном как надежная опора США, как проводники американских экономических и военно-стратегических интересов. Шахский Иран вооружался как американский бастион для борьбы против национально-освободительных движений в Юго-Западной Азии и на Ближнем Востоке, а южнокорейский режим — на Дальнем Востоке. И если Иран практически использовался Соединенными Штатами как база воздушного шпионажа против Советского Союза, то Южная Корея, помимо прочего, явилась плацдармом для подавления борьбы корейского народа за национальное воссоединение и национально-освободительного движения в Юго-Восточной Азии, что практически выразилось в участии южнокорейских войск в войне, которую США вели против вьетнамского и других народов Индокитая.

Профессор Б. Каммингс приходит к выводу, что именно политика США явилась причиной мощных народных революционных выступлений, потрясших Иран и Южную Корею. С таким выводом нельзя не согласиться.

* * *

Говоря об особенностях антиправительственных выступлений, развернувшихся в Южной Корее весной и летом 1980 г., прежде всего следует отметить их исключительную массовость и беспрецедентную масштабность. Против военного правления выступили самые широкие слои южнокорейского общества, рабочие, мелкие торговцы и предприниматели, интеллигенция, учащиеся и служащие. Причем эти выступления проходили под весьма четкими и ясно сформулированными лозунгами. Антиправительственные выступления демократических сил на этот раз нередко принимали форму вооруженных столкновений с силами военных диктаторов.

Следует особо отметить, что наряду с гражданским населением волнения охватили и солдат южнокорейской армии. Японская газета «Эмиури» обратила, в частности, внимание на просочившиеся из Южной Кореи сообщения о том, что некоторые южнокорейские воинские части, брошенные против восставших, были разоружены, так как солдаты отказались расстреливать демонстрантов⁷. Проявились также

⁷ См.: «Эмиури», 23.V.1980.

серьезные разногласия среди командования южнокорейской армии. Таким образом, дрогнул даже оплот военных диктаторов — армия.

В ответ южнокорейская военная хунта во главе с Чон Ду Хваном под предлогом «угрозы безопасности» объявила чрезвычайное военное положение в стране. Объявлением 17 мая 1980 г. чрезвычайного военного положения военщина пыталась еще раз продемонстрировать, что полномочия для управления страной переходят к военным и что военные власти не допустят антиправительственных выступлений. Дело в том, что чрезвычайное военное положение в Южной Корее сохранялось с октября 1979 г., со времени убийства Пак Чжон Хи, на всей территории страны, за исключением отдаленного от материка острова Чеджудо. Повторное объявление чрезвычайного положения подкреплялось практическими мерами: города были взяты под контроль армейских частей, в Сеул были введены 40 тыс. солдат, которые блокировали подходы к правительственным зданиям, радио- и телестанциям, редакциям газет, начались аресты участников массовых демонстраций и руководителей оппозиционных организаций. Все это означало, по мнению наблюдателей, фактически военный переворот и приход к власти крайне правого крыла военщины, требующей подавления любых выступлений в защиту демократии. Как отмечала «Вашингтон пост», последнее решение военных властей положило конец игре в «либерализацию», начавшейся после убийства Пак Чжон Хи и достигшей своего апогея в середине мая, когда в течение трех дней проходили демонстрации с требованиями провести демократические реформы⁸.

Действия военщины явно свидетельствовали о том, что ее главари решительно взяли курс на установление жесткой диктатуры. Об этом свидетельствовало то, что аресту подверглись не только деятели левой оппозиции, к которой в Южной Корее относят известного политического деятеля Ким Тэ Чжуна, но и центристы и даже лидер правой проправительственной партии Ким Джон Пхиль⁹. Репрессиям военных властей подверглись лидеры тех политических партий и организаций, которые претендовали на легальную деятельность. В стране была запрещена всякая политическая деятельность, поставлены под строгий контроль военных все средства массовой информации.

20 мая 1980 г. правительство Южной Кореи в полном составе вышло в отставку, и военные стали формировать свою администрацию.

Репрессивные акции военщины, однако, не остановили выступления масс, вспыхнувшие с новой силой в различных районах страны. Объявление чрезвычайного военного положения и известие об аресте 26 руководителей оппозиции лишь подхлестнули и усилили сопротивление военщине. Особенно упорным и решительным было массовое восстание в Кванджу — центре провинции Южная Чолла, третьем по величине городе Южной Кореи, где восставший народ, захватив оружие из arsenалов армии и полиции, оказал вооруженное сопротивление диктатуре. В ходе ожесточенных схваток с полицией и войсками восставшие массы несколько дней удерживали город под своим контролем. Мощь народного выступления в Кванджу была столь велика, что правительственные войска и полиция вынуждены были отступить из города и начать с повстанцами переговоры. После отхода войск в городе появились признаки стабилизации положения. Представители гражданского населения начали переговоры с военным командованием с целью прекращения кровопролития и началась даже частичная сдача восставшими оружия¹⁰. Появилась возможность мирного урегулирования в случае удов-

⁸ In: "Washington Post", 18.V.1980.

⁹ Ким Джон Пхиль — соратник Пак Чжон Хи. Был при Паке организатором южнокорейского ЦРУ, премьер-министром и оставался до последнего времени его преемником на посту председателя правящей партии (ДРП).

¹⁰ См.: «Сапкэй симбун», 23.V.1980.

летворения требований восставших. Требования восставших в Кванджу включали освобождение всех политзаключенных, отмену военно-полевых судов, восстановление конституционных свобод и отстранение от власти военных диктаторов. Командование южнокорейских войск обещало удовлетворить отдельные требования восставших. Однако, как показали дальнейшие события, это было лишь уловкой, рассчитанной на то, чтобы оттянуть время. Одновременно военное командование перебрасывало войска, в том числе танки и артиллерию, и сжимало кольцо окружения города. Закончив приготовления к штурму, военное командование 24 мая разбросало с вертолетов листовки, содержавшие ультимативное требование к населению сложить оружие. Восставшие решительно отвергли ультиматум. По сообщениям из Сеула, к этому времени в ходе боев на улицах города погибло до 600 человек и около 6 тыс. было ранено; в осажденном городе иссякали запасы продовольствия, отсутствовала надлежащая медицинская помощь.

27 мая регулярные войска по приказу Чон Ду Хвана начали штурм города. Предварительно Кванджу был подвергнут артиллерийскому обстрелу, после чего в центр города ворвались танки, с вертолетов были высажены десантники.

Героическое народное восстание в Кванджу было подавлено войсками Чон Ду Хвана со зверской жестокостью. Военные диктаторы, пытаясь как-то смягчить возмущение внутри страны и за границей своими преступлениями против собственного народа, представили органам информации явно преуменьшенные сведения о масштабах жертв, понесенных жителями Кванджу. Однако очевидцы свидетельствуют, что только в первые дни восстания там было убито по крайней мере 1000 человек и 10 тыс. арестовано. А всего в Кванджу за время восстания было убито свыше 2000 человек. Против гражданского населения применялись разрывные пули и смертоносные виды слезоточивых газов¹¹.

Кровавый террор в Кванджу всколыхнул все население Южной Кореи. В ряде других южнокорейских городов также сложилась напряженная обстановка. В частности, в портовом городе Мокпхо, расположенном в 67 км к югу от Кванджу, развернулись ожесточенные уличные бои, не стихали массовые манифестации в поддержку требований устранить от власти военных диктаторов и всех приспешников бывшего диктатора Пак Чжон Хи, отменить чрезвычайное положение и освободить политических заключенных. Несмотря на жесткий контроль военщины в Сеуле распространялись листовки, призывающие студентов, рабочих и служащих, представителей интеллигенции и религиозных кругов — все демократические силы возобновить демонстрации против нашествия военщины.

Потопив в крови народные выступления, военная хунта приняла меры к укреплению своей политической власти. Чтобы окончательно «узаконить» ликвидацию гражданского правления, в Сеуле был создан так называемый «специальный совет национальной безопасности», к которому перешла вся власть в стране. В его состав вошли 24 человека, две трети из которых составляла армейская верхушка во главе с Чон Ду Хваном.

Сообщалось, что генерал Чон Ду Хван вручил 2 июня 1980 г. Цой Гю Ха, формально исполнявшему обязанности президента Южной Кореи, прошение об отставке с поста директора ЦРУ. Этот маневр имел явно показной характер и был направлен на то, чтобы несколько сбить волну возмущения в стране и за рубежом однозной фигурой новоявленного южнокорейского диктатора. Уход Чон Ду Хвана с поста шефа южнокорейской охраны не менял положения. В руках Чона остались карательные отряды так называемых войск общественной безопасности,

¹¹ См.: «Известия», 21.VIII.1980.

он продолжал возглавлять созданный им постоянный комитет «специального совета национальной безопасности», в руках которого сосредоточилась вся власть в стране.

Сценарий утверждения у власти нового диктатора был незамысловатым, но разыгрывался тщательно и планомерно. После переворота, совершенного в декабре 1979 г., как отмечалось выше, Чон Ду Хван провел основательную чистку среди командования южнокорейских вооруженных сил, устранив из них «ненадежные элементы» и выдвинув на командные должности своих людей. То же самое Чон осуществил в южнокорейском ЦРУ, будучи некоторое время непосредственно исполняющим обязанности его директора. Соответствующая чистка была проведена и в государственном аппарате в ходе проведения кампании по ликвидации политической коррупции¹². Сама по себе идея борьбы с коррупцией, давно уже разъедающей южнокорейский режим, по замыслам военных правителей, должна была получить поддержку со стороны народа. Тем самым военные власти надеялись отвести от себя гнев народных масс и направить его в русло борьбы против незаконного присвоения высокопоставленными политическими деятелями государственных средств. Одновременно эта кампания давала им возможность легально устранить с политической арены неугодных деятелей. Особое внимание Чон Ду Хван уделил органам массовой информации. Чтобы окончательно пресечь какие-либо проявления свободы печати, военные власти закрыли, как сообщала газета «Таймс», по крайней мере 617 издательств и 172 периодических издания¹³. По сообщению корреспондента Франс Пресс, в ходе «чистки общества» было снято с должностей 8500 политических деятелей и должностных лиц и еще около 30 тыс. человек арестовано по политическим обвинениям.

Наряду с этим новый сеульский диктатор подверг жестоким репрессиям всех, кто выступал за демократию и гражданские свободы. Одной из серии мер Чон Ду Хвана по укреплению своей диктатуры явилась организация так называемого процесса 24-х — позорного судилища над видным деятелем южнокорейских оппозиционных сил Ким Тэ Чжунюном и его сподвижниками, обвиненными в «подстрекательстве к бунту».

После столь основательной подготовки Чон Ду Хван в интервью, данном южнокорейской газете «Кёнхян синмун» 11 августа 1980 г., заявил, что теперь уже следует как можно скорее положить конец «переходному периоду» в стране, что приход к власти нового правительства можно ускорить. Таким образом, Чон Ду Хван, как отмечали западные наблюдатели, уверенно пошел по стопам своего давнего наставника, покойного президента Пак Чжон Хи, чего от него и ждали в реакционных кругах Южной Кореи, а также в Вашингтоне и Токио.

Объявление генерала Чон Ду Хвана «гражданским президентом» и инсценировка «референдума» по проекту «новой конституции» 22 октября 1980 г., призванная «узаконить» диктаторский режим, явились как бы завершающим этапом процесса образования новой военно-бюрократической структуры власти в Южной Корее.

Новый военно-фашистский режим в Южной Корее получил мощную внешнюю поддержку, прежде всего Соединенных Штатов и Японии. За спинами военных диктаторов стоят сотни американских и японских корпораций, американские войска, оккупирующие страну, правительство США, ЦРУ и другие внешние силы, заинтересованные в «стабилизации» южнокорейского режима с помощью военизации.

¹² См.: «Асахи», 9.VI.1980.

¹³ In: "Times", 21.VIII.1980.

События в Южной Корее еще раз наглядно показали всему миру, что Соединенные Штаты продолжают выполнять роль жандарма в Южной Корее, готового любыми средствами подавить борьбу прогрессивных сил корейского народа за демократию, социальную справедливость, восстановление национального единства.

Циничное отношение американской администрации к этим событиям было выражено словами Дж. Картера, заявившего, что «контрмеры против коммунистической угрозы в Южной Корее были важнее восстановления демократии»¹⁴. «США с самого начала восстания, — отмечала газета «Уинта» 28 мая 1980 г., — дали понять, что основное для них — сохранение существующего порядка и стабильности в этой стране. Приоритет в достижении стабильности любой ценой является основой позиции Соединенных Штатов в отношении Южной Кореи с момента окончания войны 1950—1953 гг.». Руководители сеульской военной хунты регулярно и подробно информировали Соединенные Штаты о всех готовящихся репрессивных действиях, в том числе и о решении объявить с 17 мая 1980 г. чрезвычайное военное положение на всей территории Южной Кореи. В разгар народного восстания США направили к берегам Южной Кореи авианосцы «Корал си» и «Мидуэй». После расправы с восставшими в Кванджу к корейским берегам были подтянуты еще три боевых корабля США. Одновременно в Вашингтоне делали заявления о том, что Соединенные Штаты готовы встать на защиту своего союзника — южнокорейского антинародного режима. «В очередной раз Южная Корея переживает трагические дни, и в очередной раз вина за это лежит на американских оккупантах», — подчеркивала газета «Юманите»¹⁵.

О том, насколько близки отношения Соединенных Штатов с новым военным диктатором, узурпировавшим власть в Южной Корее, весьма откровенно поведал в начале августа 1980 г. командующий войсками США в Южной Корее и объединенными американо-южнокорейскими вооруженными силами Д. Уикхэм. Он заявил, что Соединенные Штаты решительно отговаривали группу южнокорейских офицеров, которые хотели свергнуть Чон Ду Хвана еще в январе 1980 г., через несколько недель после того, как он пришел к власти. Американский генерал проявил осведомленность даже о перспективных планах южнокорейской военщины, сообщив, что, «по всей вероятности, Чон Ду Хван организует отставку временного президента Цоя нынешней осенью, а затем соответственно организует «коллегий выборовщиков», которая назначит Чон Ду Хвана президентом Южной Кореи». Причем в этом деле, как предсказывал Уикхэм, он получит поддержку США. Откровения Д. Уикхэма были настолько прямолинейными, что госдепартамент усиленно пытался дезавуировать их, утверждая, будто США «не вмешиваются во внутренние дела Южной Кореи». Однако «предсказания» Д. Уикхэма полностью подтвердились.

Политика Соединенных Штатов в Южной Корее пользуется полной поддержкой их главного союзника на Дальнем Востоке — Японии. В правящих кругах Японии, как и в Соединенных Штатах, полагают, что упрочение позиций военной хунты, олицетворяющей «твердую власть», обеспечивающей экономические и военно-стратегические интересы Японии, является наиболее надежным гарантом «стабильности» положения в Южной Корее.

Говоря о внешних факторах, оказывающих серьезное влияние на развитие ситуации в Южной Корее и на Корейском полуострове в целом, нельзя не упомянуть и о позорной роли Пекина в плане содействия империалистической политике США в этом районе. На фоне собы-

¹⁴ См.: «Правда», 20.VI.1980.

¹⁵ Цит. по: «Международная жизнь», 1980, № 7, с. 134.

тий в Южной Корее и роли США в «наведении порядка» в этой стране особенно зловеще выглядело сближение пекинского милитаризма с американским и японским империализмом, которое было продемонстрировано официальными визитами премьера Госсовета КНР Хуа Гофэна в Японию и заместителя премьера КНР Гэи Бяо в США. Характерно, что китайские газеты весьма сдержанно комментировали выступления трудящихся Южной Кореи, полностью замалчивая тот факт, что кровавые репрессии против южнокорейского населения совершались при участии так называемого объединенного командования американских и южнокорейских вооруженных сил.

Пекин ныне превзошел усилия империалистической пропаганды в распространении измышлений о «советской угрозе», которые Соединенные Штаты используют как предлог для сохранения своих военных баз, в том числе ракетно-ядерных, в Южной Корее, для сколачивания милитаристского альянса Вашингтон — Токио — Сеул. Эти измышления в то же время подкрепляют пропагандистскую шумиху южнокорейской военищины о так называемой «угрозе с севера», то есть со стороны КНДР, служащую для сеульских диктаторов «аргументом» для жестокого подавления демократических сил внутри страны. Факт политического сближения КНР с США и Японией объективно ставит Пекин в ряды сил, являющихся главными виновниками всех бед корейской нации, покровителями кровавого фашистского режима в Южной Корее.

* * *

По сообщениям, поступающим из Сеула, внутриполитическая обстановка в Южной Корее продолжает оставаться напряженной. В стране не прекращаются выступления прогрессивных, патриотических сил, требующих уважения основных прав человека и предоставления элементарных демократических свобод. В ответ на это сеульские диктаторы прибегают к жесточайшим репрессиям и массовому террору. Как сообщало агентство Рейтер из Сеула, в Южной Корее в тюрьмах содержится несколько десятков тысяч человек, которые проходят «перевоспитание», — занимаются тяжелым физическим трудом и выслушивают «лекции». В стране сохраняется жесточайший контроль над средствами массовой информации, подавляются любые проявления свободы слова и собраний. Свидетельствами бесчинств сеульских властей явились массовые аресты студентов высших учебных заведений, выступивших в середине октября 1980 г. под лозунгами: «Долой диктатора Чон Ду Хвана!», «Прекратить империалистическую поддержку фашистской клики!».

Несмотря на усиленную пропагандистскую работу по восхвалению Чон Ду Хвана, его репутация палача, руки которого обогреты кровью тысяч жертв бесчеловечной расправы в Кванджу, навсегда останется с ним. Даже в Вашингтоне, оказывающем режиму Чон Ду Хвана всяческую поддержку, иногда раздаются голоса сомнения и беспокойства по поводу того, сможет ли генерал Чон надежно укрепить свою власть. «Его решительные методы, — отмечала газета «Вашингтон пост», — возможно, на какое-то время и приведут к спаду оппозиционного движения, однако в перспективе такая тактика может вызвать сильную и опасную реакцию»¹⁶. Политика террора военных диктаторов, несомненно, будет порождать еще более упорное сопротивление самых широких слоев южнокорейского общества. Южная Корея, по мнению многих аналитиков, стоит на пороге новых глубоких социально-политических потрясений.

¹⁶ "Washington Post", 18.VIII.1980.

Политика Пекина в Латинской Америке: сближение с силами империализма и реакции

*Эстрелья Рей,
доктор исторических наук (Куба)*

Проявления маонизма в странах Латинской Америки и Карибского бассейна в период с 50-х годов до настоящего времени следует рассматривать в свете отношений, исторически сложившихся между этими странами и самой крупной империалистической державой — Соединенными Штатами Америки. Сейчас становится очевидным, что такие отношения влияли (иногда даже решающим образом) на латиноамериканскую политику руководства КНР как при Мао Цзэдуне, так и при его преемниках.

В начале 50-х годов установлению политических связей между КНР и латиноамериканскими странами препятствовали два обстоятельства: во-первых, внутреннее и внешнеполитическое положение Китайской Народной Республики; во-вторых, неоколониальная зависимость региона от США.

Внутреннее и внешнеполитическое положение КНР определялось в тот период крупными политическими и экономическими потрясениями в стране, из-за которых (с учетом всех последствий) вопрос об установлении связей с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна не стоял в центре внимания китайского руководства. К этому следует добавить скрытый курс КНР в отношении капиталистических стран, особенно США, и политику США в отношении Китая.

Что же касается связей между Латинской Америкой и США, то после победы Кубинской революции в 1959 г. они изменились коренным образом. Куба покончила с политической и экономической зависимостью от США, что помогло убедить самые широкие демократические и прогрессивные слои населения стран Латинской Америки и Карибского бассейна в целесообразности революционной борьбы, в возможности одержать победу над национальной олигархией и успешно противостоять американскому неоколониализму. Этот процесс ускорился после провала попыток внутренней контрреволюции и внешней реакции уничтожить завоевания Кубинской революции, когда Соединенные Штаты оказались неспособными подавить революционное народное движение, развернувшееся всего в 90 милях от их собственных берегов. В результате принципиальной и боевой позиции революционной Кубы и благоприятной для социалистического содружества международной конъюнктуры был развеян миф о непобедимости американцев в этом регионе.

* * *

После победы Кубинской революции в 1959 г. страны Латинской Америки и Карибского бассейна перестали быть «надежным двором» и «стратегическим тылом» США. Уже в конце 60-х годов некоторые латиноамериканские правительства решили больше не мириться с беспощадной неоколониальной эксплуатацией со стороны американского им-

пернализма через транснациональные монополии. Они постепенно занимали националистические позиции, принимая меры для защиты экономики своих стран, защиты своих природных ресурсов, устанавливая экономические связи многонационального характера.

Объективно курс этих стран на создание экономических союзов в конце 60-х годов углубил противоречия между прогрессивными элементами их населения, с одной стороны, и империализмом и реакцией — с другой. Некоторые англоязычные страны Карибского бассейна стали занимать прогрессивные позиции, что оказывало все большее влияние на страны Латинской Америки.

Этот процесс, который в 70-х годах наметил новую ситуацию, привел к расширению взаимосвязей ряда стран региона не только с соседними, но и с другими развивающимися странами, с Советским Союзом и другими социалистическими государствами.

Новые условия способствовали также укреплению компартий в отдельных странах Латинской Америки и Карибского бассейна, а также возникновению новых передовых революционных отрядов.

С развитием антиимпериалистической борьбы (в которой основную роль играют рабочий класс и крестьянство) в нее все шире вовлекаются другие слои общества, расширяя, таким образом, и укрепляя революционное движение. Участниками антиимпериалистической борьбы народов Латинской Америки стали такие слои, как студенчество и интеллигенция, и даже те элементы, которые по традиции раньше выступали в союзе с реакционерами. Они в некоторых случаях заняли прогрессивные позиции, как, например, некоторые слои духовенства и военных. Борьба в связи с этим стала сложнее. Однако необходимость оказать сопротивление империализму объединяла ее участников, способствовала росту сплоченности и расширению социальной базы движения.

Антиимпериалистическая борьба из теории стала практикой, в рядах прогрессивного и революционного движения стран Латинской Америки и Карибского бассейна стали по-новому оценивать ситуацию, и начались поиски лучших стратегических и тактических путей к захвату политической власти и национальному и социальному освобождению.

В это же самое время в Китайской Народной Республике ее руководство во главе с Мао Цзэдуном начало отход от мирового революционного движения, чтобы затем порвать с ним.

Деятельность Мао Цзэдуна, направленная на отказ от планового развития социалистической экономики, характерного для первых пятилеток в Китае, и превознесение поспешных анархических мер в виде «скачков» в производстве, подготавливала условия для выдвижения «теории новой демократии» и «особого курса», восхвалявших путь национального развития в отрыве от социалистического мира. Коммунистическая партия Китая порвала с международным коммунистическим движением. В идеологической сфере КПК выступала с позиций левацкого толка, с виду антиимпериалистических, и с радикальной фразеологией, что соответствовало интересам некоторых слоев в прогрессивном и революционном движении Латинской Америки.

Новая кампания «исправления стиля» и затем «культурная революция» привели к прекращению связей КПК с международным коммунистическим движением, а также влияния внутри нее интернационалистического течения. Это означало окончательное утверждение маоизма. Вновь была поднята на щит троцкистская теория «перманентной революции», согласно которой победа социализма в одной стране целиком зависит от мировой революции. Центральный пункт внешнеполитической программы КНР явно совпадал в то время с этой теорией, что подтвердил Мао Цзэдун, заявив, что «ближайшие сто пятьдесят лет будут эпохой радикальных преобразований в социальной структуре планеты,

эпохой бурных потрясений, не сравнимых с чем-либо в предшествующие исторические эпохи. Для того чтобы мы смогли жить в эту эпоху, — сказал он, — мы должны начать великую борьбу, формы которой по своей специфике значительно отличаются от форм борьбы прошлых времен».

Маоистские группы в Латинской Америке подхватили ультралевые призывы китайского руководства и выступили в сфере идеологической борьбы с лозунгами «народная война», «вооруженная борьба», «борьба против ревизионизма» и др. Во всех странах региона термин «ревизионизм» применялся по отношению к коммунистическим партиям, точно так же, как наклеивали ярлыки «ревизионизма» на СССР, называя его уже страной «социал-империализма». Идеологические дебаты в отдельных латиноамериканских компартиях прямо приводили к внутреннему расколу.

Во внутриполитической сфере маоисты в странах Латинской Америки и Карибского бассейна образуют небольшие группы, руководители которых отчетливо сознают свою роль как представителей контрреволюции.

Однако следует учитывать, что рядовыми членами этих прокитайских групп всегда или почти всегда становятся люди, не знающие конечных задач их руководителей, а также действительных целей китайской внешней политики. Это, однако, не оправдывает оппортунизма псевдоревольюционеров, которые используют зигзаги линии компартии Китая для прикрытия своей псевдоревольюционности. В маоистских группах имеются такие рядовые члены, которые не знакомы с принципами марксизма-ленинизма, впервые сталкиваются с этими принципами в искаженной маоистской интерпретации. Считая себя приверженцами марксистско-ленинских идей, они в действительности восприняли лишь их маоистскую версию и потому интерпретируют факты и явления в соответствии с этими ложными концепциями.

Одним из важных факторов, благоприятствовавших вербовке членов в маоистские и прокитайские группы в Латинской Америке в 60-е годы, явилось само положение стран континента как слаборазвитых, с экономикой, деформированной империализмом и неокOLONиализмом, где крупная буржуазия полностью подчинена транснациональным компаниям и действует сообща с ними. Пропагандисты маоистских идей настойчиво поддерживают «схожесть», отождествляют данную ситуацию с положением в Китае до победы революции 1949 г., когда китайское крестьянство, преобладавшее в стране, сыграло выдающуюся роль в народной вооруженной борьбе с японской буржуазией и империализмом. Именно отсюда исходит утверждение о том, что в условиях Латинской Америки роль революционного авангарда должна принадлежать крестьянству, а не рабочему классу.

Конечно, это не соответствует действительности ни Китая, ни в еще большей степени Латинской Америки, поскольку, несмотря на пережитки феодальной эксплуатации, доминирующим способом производства здесь является капиталистический, и рабочий класс объективно играет роль авангарда даже там, где его численность невелика или где он недостаточно развит. Действительно, в некоторых странах Латинской Америки в сельском хозяйстве сохраняются пережитки феодальных отношений, но это не должно вести к недооценке авангардной роли пролетариата в союзе с крестьянством, также подвергающимся эксплуатации. К тому же численность рабочего класса Латинской Америки в настоящее время достигает 60 млн. человек, то есть это самый многочисленный общественный класс.

Маоистские и прокитайские группы, чтобы вызвать идеологический разброд, проводили активную работу среди крестьянства различных латиноамериканских стран, в частности в районе Куско в Перу, где им

удалось создать свой центр, имеющий определенное влияние. Это могло произойти именно в тех районах, где слабо велась революционная работа с крестьянством. Не так уж трудно опутать умы крестьян и сельскохозяйственных рабочих хитростями, к которым вынужден прибегать маонизм, чтобы замаскировать свои антинародные цели.

Студенческие группы и интеллигенция в целом — излюбленный объект деятельности маонистов. Идеологическое проникновение маонизма привело к расколу студенческих движений в университетах Перу, Эквадора, Гондураса, Доминиканской Республики. Другие латиноамериканские университеты — в Боливии, Мартинике, Гваделупе — тоже пострадали от этого, но в меньшей степени.

Однако больших результатов деятельность маонистов в студенческой среде не имела, и те случаи, когда их деятельность была успешной, объясняются прежде всего слабой революционной работой.

В 1968 г. в Венесуэле возник центр по изучению трудов Мао, созданный главным образом из интеллигенции. Однако его существование было кратковременным, а влияние весьма незначительным.

В 60-х годах маонисты начали также осаду профсоюзного и рабочего движения, однако в этих сферах они достигли еще меньшего успеха. Тем не менее им удалось добиться известного влияния в некоторых слоях профсоюзов Боливии, Эквадора, Перу, Колумбии, Гондураса и Мексики.

Резюмируя деятельность маонистских и прокитайских групп в 60-х годах, можно выделить в ней два ясно выраженных направления: первое — разьединение и ослабление компартий, революционных и прогрессивных движений в странах Латинской Америки и Карибского бассейна как способ расширить свои контрреволюционные атаки, маскируемые антагонизмом между Китаем и СССР; и второе — укрепление ими позиций в указанных движениях и организациях.

Растущий престиж Кубинской революции и успехи компартий и революционных движений стран региона расстроили эти планы. Тем не менее нельзя недооценивать этот урок для латиноамериканского революционного движения в целом, так же как и выгоды, которые империализм извлекает из раскольнической политики КНР в своем стремлении к неоколониализму и усилению международной напряженности.

Так, например, во время Карибского кризиса, поставившего мир на грань войны, Пекин воспользовался событиями, чтобы напасть на Индию и захватить часть ее территории. Уже тогда маонизм показал свой экспансионистский и гегемонистский облик.

Как известно, согласно теории «трех миров», лежащей в основе маонистской внешней политики, страны Латинской Америки относятся к развивающимся. Именно Латинская Америка выступает в качестве экономического и политического бастиона «третьего мира». Этим объясняется особый интерес маонистов к латиноамериканскому континенту, выявившийся в 70-е годы.

В начале 70-х годов в международных отношениях Китая проявляется тенденция к сближению с капиталистическими индустриально развитыми странами, особенно с США. Происходит обмен дружественными визитами высокопоставленных лиц вплоть до приезда в Китай в 1972 г. президента США Р. Никсона. В этот период для обоснования новой ориентации внешней политики на свет были извлечены многочисленные публикации, статьи, комментарии китайских руководителей, в том числе тогдашнего премьера Чжоу Эньлая, содержащие следующий тезис: империализм якобы «потерял свою агрессивность», «ушел на второй план», «врагом № 1 для Китая сейчас стал Советский Союз».

Что касается политики в отношении Латинской Америки, то если 50-е годы характеризовались отсутствием контактов, 60-е — активной работой в рядах революционного движения и подготовкой сближения

с США, то в 70-е годы началось широкое политическое и экономическое наступление маоизма по официальным и дипломатическим каналам.

Речь больше не шла о поддержке революционных движений, теперь уже велась обработка широким фронтом на государственном уровне всех стран региона и каждой в отдельности на международной арене, особенно в движении неприсоединившихся стран.

Несомненно, важнейшим препятствием в деятельности КНР на Латиноамериканском континенте и в Карибском бассейне является Куба. Чтобы нейтрализовать ее сопротивление, маоисты пытаются подорвать престиж, ослабить влияние Кубинской революции, дискредитируя дружбу Кубы с Советским Союзом, солидарность с СССР и интернационалистскую политику, пытаются лишить Кубу той роли, которую она ради объединения антиимпериалистических сил, в интересах разрядки международной напряженности играет в движении неприсоединения.

С начала 70-х годов антикубинская позиция Китая, так же как позиция антисоветизма и антисоциализма, способствовала сближению КНР с империалистическими державами. Впоследствии Пекин стал усердно повторять североамериканский тезис о том, что Куба представляет угрозу для стран Латинской Америки. Тем самым ужесточалась блокада Кубы и открывались возможности для империалистической агрессии против нее.

В этой двойной игре США в свою очередь, «забыв о былом» своим отношением к маоизму как к заклятому врагу, включили маоистские положения в свою испытанную политику «разделяй и властвуй». Раскольническая деятельность США нашла нового преданного сторонника в борьбе с социализмом на мировой арене.

XI съезд КПК наряду с дальнейшим поворотом вправо во внешней политике продемонстрировал полную неспособность маоистского руководства решить социальные и экономические проблемы КНР. Хотя экономическим базисом в сфере производства остается общественная собственность, она может потерять свой социалистический характер, если не будет социалистических методов руководства и продолжится игнорирование задачи удовлетворения потребностей народа, которая объективно является главной при социализме.

С конца 60-х годов началась переориентация Китая на Запад как «ведущий нынешней кампании «четырёх модернизаций». Ее экономические ориентиры, связанные с милитаризацией Китая, с гегемонистскими устремлениями его руководства, ныне ни для кого не являются секретом.

Китайское руководство не обходит вниманием природные ресурсы Латинской Америки. Наибольший интерес оно проявляет к двусторонним соглашениям между странами континента и США. С другой стороны, отклик, полученный КНР от некоторых стран региона, объясняется не только настойчивостью Пекина, но и экономической заинтересованностью некоторых «демократических» правительств стран Латинской Америки и Карибского бассейна, увидевших в связях с КНР удобную возможность изобразить политическую независимость и в то же время не портить отношения с США. Общение со страной, формально именуемой «социалистической», создало бы, с одной стороны, впечатление «свободной демократии», а с другой, не нарушило бы их связи с США. Этим объясняется та относительная легкость, с которой КНР осуществляла свои планы в этих кругах и доводила до конца свои операции в торговой, дипломатической и научно-технической областях. Наступление КНР велось в равной степени энергично в странах и с демократическим режимом, и с откровенно фашистской диктатурой. С одними странами КНР стала развивать дипломатические отношения, с другими — лишь торговые. В отдельных случаях это были государства, имеющие особый политический и экономический вес в регионе.

Начало 70-х годов характеризовалось также обменом военными и торговыми делегациями высокого ранга, которые принимались в каждой из стран с большими почестями. В некоторых случаях были подписаны соглашения о продаже латиноамериканскими и карибскими странами своих основных сельскохозяйственных продуктов взамен поставок нефти. Бразилия и Гайана, например, подписали такие соглашения на базе продажи сахара, Панама — бананов и Аргентина — зерновых. С этого времени КНР стала проявлять интерес к закупкам металлургического сырья в странах региона и провела переговоры с целью стабилизации колеблющихся цен на некоторые крайне необходимые ей минералы.

Как известно, после смерти Мао Цзэдуна 9 сентября 1976 г. различные маонистские течения начали борьбу за наследие Мао, в связи с чем заметно ухудшилась внутренняя ситуация в Китае по всем направлениям. Современное китайское руководство окончательно разоблачило свои истинные политические цели как во внутренней сфере, так и в международных отношениях. Оно активизировало сближение с капиталистическим лагерем, особенно с Соединенными Штатами, в конце концов вместе с ними решительно двинулось по пути утверждения своего экспансионизма. Сближение с США оказалось возможным на основе открытого и подлого предательства китайским руководством марксизма-ленинизма и социализма. Все это нашло свое отражение в документах XI съезда КПК, состоявшегося в августе 1977 г.

На съезде был подтвержден гегемонистский курс, направленный на превращение КНР к 2000 г. в ведущую державу мира.

Для достижения этой цели китайское руководство наметило четыре пути: попытаться возглавить «третий мир»; войти в союз с империализмом; усилить конфронтацию между США и СССР и, наконец, занять место мирового гегемона, обескровив эти две страны.

Три первых направления были приняты на вооружение и введены в практику уже с начала десятилетия, и все это время можно было наблюдать их все большее ясное тактическое развитие. Упомянутый союз с капитализмом наносит большой вред развивающимся странам, подвергающимся неокOLONиальной экспансии или нападению империалистических стран. По отношению к Кубе сегодня наблюдаются не укладывающиеся в рамки понимания действия пекинского руководства, оправдывающего экономическую блокаду Кубы и присутствие морской базы на ее территории.

Блокирование Китая с империализмом и реакцией было наглядно продемонстрировано в ходе визитов Дэн Сяопина в США, Японию, а также во время поездок Хуа Гофэна во Францию, ФРГ, Англию, Италию в конце 1979 г. В январе 1980 г. министр обороны США Г. Браун посетил Китайскую Народную Республику, где он был встречен с почестями, достойными главы государства. Китайские руководители искали в этих встречах пути «кооперации» для решения проблем, связанных с кампанией «четырёх модернизаций», которая, как известно, призвана покончить с военной отсталостью Китая, снабдить его современной армией, вооруженной по последнему слову военной техники. Разумеется, в ходе визитов руководителей КНР обсуждались вопросы, выходящие за рамки интересов двух государств. Браун ясно дал понять, говоря о контактах между военными ведомствами США и Китая, что они не угрожают никакой третьей стороне, но если другие будут угрожать США или Китаю, они вынуждены будут ответить на это как дипломатическими, так и военными акциями. Таким образом, обмены визитами между США и КНР неотделимы от общей политической линии КПК в отношении развивающихся стран и в первую очередь Кубы и Вьетнама. Будучи в США, Дэн заявил, что необходимо «наказать» Вьетнам и

Кубу. Таким образом, готовя свою агрессию против Вьетнама, Пекин как бы намекал США: «А вы займитесь Кубой».

Отметим, что Китаю не удалось навязать свои проимпериалистические настроения всем прокитайским группировкам Латинской Америки. Многие из этих групп предпочитают не выступать открыто против Кубы и не обнаруживать свои антикубинские настроения. Другие все же пошли на поводу у пекинских покровителей, что выразилось, в частности, в отказе некоторых молодежных прокитайских организаций принять участие в XI Всемирном фестивале молодежи в 1978 г. в Гаване.

Агрессия Китая во Вьетнаме вызвала весьма противоречивую реакцию прокитайских партий континента: у одних она вызвала открытое одобрение, у других — молчание, у третьих — реакцию, которую можно было бы определить как «прокитайскую по-албански». Разумеется, революционные прогрессивные организации — компартии, профсоюзы, студенческие ассоциации, другие левые партии и организации — выразили свое осуждение агрессии Китая во Вьетнаме.

Латиноамериканская политика Китая как часть его стратегии по отношению к «третьему миру» имеет целью распространение влияния Китая на все страны континента и Карибского бассейна. Однако ныне Китай предпочитает иметь дело со странами, где у власти находится сильная военная или реакционная буржуазия, как, например, в Чили, Бразилии, Аргентине. Находясь на антисоветских позициях, Пекин выступает в роли лицемерного посредника, который на международных форумах разжигает страсти вокруг различных острых вопросов, касающихся непосредственно нашего региона.

В 1977—1979 гг. состоялись визиты торговых представителей КНР в Латинскую Америку. Первой делегацией на высоком уровне была делегация во главе с заместителем председателя Постоянного комитета ВСНП Цзи Пэнфэем в Мексику и Венесуэлу. Затем состоялись визиты заместителя премьера Госсовета Чэнь Юнгуя, заместителя премьера Госсовета Гэн Бяо и заместителя директора агентства Синьхуа Му Цина.

Известно, что ключевое стратегическое положение Кубы в районе Карибского бассейна не дает покоя американскому империализму. Макистские руководители также выбрали эту зону для своего внедрения. Причем Пекин планирует не только изоляцию стран Карибского бассейна от Кубы и СССР и других социалистических государств, но и попытки внести свои поправки в революционный курс различных политических течений и повлиять на прогрессивные режимы отдельных стран — таких, как Ямайка и Гайана.

Латиноамериканцы китайского происхождения, и в первую очередь их буржуазная верхушка — потомки переселенцев, прибывших на континент во второй половине XIX и в первые десятилетия XX в., используются Пекином как орудие пропаганды и влияния, а также как источник финансовых средств.

Итак, Китайская Народная Республика направила свои дипломатические усилия в сторону стран, дружественных Кубе, с целью нарушить единство антиимпериалистических сил. Многие страны Карибского бассейна были включены в сферу обмена делегациями на высоком уровне. Уже состоялись визиты китайских делегаций в Гайану, на Ямайку, в Тринидад и Тобаго в ответ на поездки высокопоставленных деятелей этих стран в КНР.

Не следует недооценивать экономические способы проникновения Китая в Латинскую Америку и особенно в Карибский бассейн: предоставление кредитов, выгодных условий торговли, научно-техническое сотрудничество — все это имеет жизненно важное значение для развивающихся стран, а потому используется Пекином для осуществления политического шантажа.

Несмотря на все усилия Китая, латиноамериканские маоистские организации и группы обнаруживают тенденцию к ослаблению. Лишь в нескольких странах их позиции относительно сильны: например, в Эквадоре, где на выборах в 1979 г. кандидат маоистов прошел в депутаты; в Перу, где в предвыборный период маоисты создали свой блок. В Доминиканской Республике маоистские организации «Красная линия» и «Пролетарское знамя» объединились с целью создания единой Партии доминиканских трудящихся, представители маоистов входят в Патриотический антиимпериалистический союз.

Среди молодежи и студенчества можно констатировать значительный спад влияния маоистов, хотя несколько организаций продолжают придерживаться маоистских позиций. Пример тому — резкое осуждение внешней политики Китая участниками Гаванского форума Латиноамериканской континентальной организации студентов (ОКЛАЕ) и тот факт, что маоистские группы оказались здесь в изоляции. Это лишь штрих в общей картине, наглядно демонстрирующий неуклонный спад прокитайских настроений среди латиноамериканской молодежи.

С другой стороны, явное предательство китайскими руководителями международного рабочего движения и их союз с империализмом и реакцией ведут постепенно к прозрению некоторых обманутых, дезориентированных сторонников маоизма. Очевидно, что руководители этих групп держатся лишь благодаря финансовой помощи Китая, а потому и заинтересованы в сохранении контактов, не утруждая себя анализом изменений, происшедших в позициях Китая на международной арене. Марксисты-ленинцы в Латинской Америке не должны пассивно ждать, пока прекратится влияние маоизма в их странах. Необходимо бороться против маоизма в Латинской Америке, проанализировав причины и сущность этого политико-идеологического явления.

Раскольнические действия Пекина были предприняты по отношению к VI конференции движения неприсоединения, проходившей в Гаване в сентябре 1979 г. Мы не забудем инспирированный империализмом США фарс под названием «карибский кризис» в августе — сентябре 1979 г. и то, как эту ситуацию пекинская пропаганда использовала в своих антисоветских и антикубинских целях.

В связи с этим товарищ Фидель Кастро на открытии конференции сказал: «Империализм янки, его старые и новые союзники — я имею в виду в данном случае китайское руководство — не желали, чтобы конференция состоялась на Кубе. Оказались бесполезными попытки саботировать VI Гаванскую конференцию, оказались бесплодными нажим, дипломатические интриги с целью воспрепятствовать проведению конференции в нашей стране».

Как известно, движение неприсоединившихся стран провозгласило единство развивающихся стран в их борьбе против империализма. При новой расстановке сил на мировой арене движение неприсоединения ориентируется на мирное сосуществование и разрядку международной напряженности. Эта позиция вынуждает империализм «согласиться» с основными положениями движения, хотя это, конечно, не означает, что империализм изменил свою агрессивную сущность, перестал быть источником провокаций, конфликтных ситуаций, угрожающих спокойствию не только отдельных районов, но и всего мира.

Терпит провал политика Китая в отношении Латинской Америки — политика противников разрядки, поджигателей войны.

* * *

Подводя итоги, следует отметить, что влияние КНР в Латинской Америке и Карибском бассейне стало ощущаться в 60-х годах, когда выделились маоистские и пропекинские группы в компартиях и национально-освободительных организациях.

В 70-е годы КНР наметила открытое дипломатическое наступление на страны континента в политической и экономической сферах. Объектом главного внимания Пекина оставалось движение неприсоединения. Пекин попытался настроить движение неприсоединения против позиции Кубы, отчетливо выраженной на совещании неприсоединившихся стран в 1973 г. в Алжире Фиделем Кастро. После XI съезда КПК в 1977 г. КНР совместно с империализмом и реакцией еще более настойчиво включилась в кампанию, направленную на изоляцию латиноамериканских стран от Кубы, Советского Союза и других членов социалистического содружества. КНР прилагала немалые усилия, чтобы расколоть движение неприсоединения и сорвать проведение VI его конференции в Гаване в сентябре 1979 г.

Откровенно реакционный курс, все более дискредитирующий внешнюю политику КНР, стал негативным фактором, препятствующим политической деятельности маонистских и прокитайских групп и вербовке ими новых членов. Этот курс раскрыл глаза на китайскую политику многим честным, но заблуждавшимся рядовым членам революционных движений континента.

Все это явно усиливает наметившуюся тенденцию к упадку латиноамериканских маонистских организаций.

Однако латиноамериканские марксисты-ленинцы не должны пассивно ожидать заката маонизма на континенте. Необходимо ускорить этот процесс, проводя глубокую работу по выяснению причин и сущности этого сложного политико-идеологического явления. Выполнение этой задачи зависит от степени активности и правильности действий компартий и революционных и прогрессивных организаций в каждой стране, от их работы по политическому образованию и просвещению масс, цель которой — предупреждать, исправлять и предотвращать идеологические деформации во имя единства действий революционного движения в странах Латинской Америки и Карибского бассейна против империализма и маонизма.

ИСТОРИЯ

КПК

в национально-освободительном движении

20-х годов

(К 60-летию образования КПК)

*В. И. Глунин,
доктор исторических наук*

Одним из важнейших направлений исследований Института Дальнего Востока Академии наук СССР, которому в нынешнем году исполняется 15 лет, является изучение новейшей истории Китая, и в частности истории Коммунистической партии Китая. Институтом подготовлен ряд монографий, посвященных этой важнейшей проблеме. Вопросы истории КПК неоднократно освещались и на страницах нашего журнала.

Ныне, накануне 60-й годовщины создания КПК, мы публикуем серию статей, посвященных этой дате. В данном номере журнала вниманию читателей предлагается статья «КПК в национально-освободительном движении 20-х годов», написанная заведующим отделом истории Китая ИДВ АН СССР, доктором исторических наук В. И. Глуниным.

Демократическая революция в Китае представляла собой сложное явление, результат взаимодействия, тесного переплетения различного рода внутренних и внешних сил и объективных сдвигов. Поколения китайских революционеров представляли себе китайскую революцию в самом общем виде как национально-демократическую, ставившую своей целью восстановление национальной независимости, национальное возрождение, социальное обновление страны, завоевание Китаем своего места в системе международных отношений как могущественной великой державы. На всем протяжении демократического этапа революции с начала XX в. достаточно отчетливо прослеживается доминирующее положение национального фактора в сравнении с социальным.

Победа национально-демократической революции в 1949 г. означала не завершение эпохи борьбы за национальное возрождение, социальное обновление страны, а решение главным образом вопроса о выборе пути к достижению этих целей. Вполне естественно, что задача реализации этих целей легла на плечи той же политической силы, которая привела демократическую революцию к победе и взяла власть в свои руки.

История китайской революции есть вместе с тем и история непрерывных поисков наиболее оптимального сочетания ее национальных и социальных задач. Попытки различных политических партий и групп решать эти задачи изолированно, игнорирование или недооценка одной из них неизбежно приводили к провалам и поражениям. Успех китайских коммунистов в 1949 г. объясняется, помимо уникального стечения исторических обстоятельств и мощной интернациональной поддержки, также и тем, что они сумели тогда извлечь уроки из собственных и чужих неудач и ошибок, нащупав приблизительно верное соотношение национальных и социальных аспектов в практике революционной борьбы. Однако адекватное теоретическое обобщение собственной

революционной практики в духе марксизма-ленинизма оказалось не по плечу маоистскому руководству КПК, ослепленному националистическими амбициями и отягощенному грузом архаичных феодальных представлений. Засилье маоистской идеологии, абсолютизация и догматизация маоизмом специфических черт исторического опыта КПК, порожденных докапиталистической социальной средой, и в то же время пренебрежение к собственному историческому наследию, недооценка или игнорирование совокупного опыта, накопленного всем международным коммунистическим движением, послужили одной из главных причин тяжелых провалов партии в деле социалистического преобразования Китая.

Процесс становления Коммунистической партии Китая был сложным. Объективные трудности формирования КПК коренились в общей социально-экономической отсталости Китая, в относительной слабости и малочисленности китайского пролетариата. Другая трудность состояла в том, что практически до начала 20-х годов Китай не знал марксизма, что в силу ряда известных причин в стране были широко распространены различного рода феодальные, националистические и шовинистические взгляды и представления. Тесное переплетение в революционной борьбе китайского народа национальных и социальных задач создавало опасность затенения классовых задач коммунистического движения национальными. Многие представители революционной демократии шли к марксизму не через рабочее движение, а через национально-освободительную борьбу, что обусловило длительное влияние национал-революционаризма, искаженное восприятие марксизма-ленинизма.

Установление в начале 20-х годов тесных интернациональных связей Компартии Китая с международным рабочим классом, с Коминтерном и его ведущими секциями — КПСС и другими марксистско-ленинскими партиями — обеспечило, несмотря на объективные и субъективные трудности, относительно быстрое развертывание КПК в массовую боевую политическую партию. Помощь Коминтерна способствовала распространению в рядах КПК идей интернационализма, складыванию в ее руководстве влиятельной группы коммунистов-интернационалистов, которые повели борьбу против проявлений в партии непролетарских взглядов. В результате КПК уже в ходе национальной революции 1925—1927 гг. стала одной из важнейших политических сил страны. В эти же годы КПК, формировавшаяся поначалу главным образом из интеллигенции, становится преимущественно пролетарской по своему составу.

Однако сравнительная малочисленность партии, ее организационная рыхлость, кружковщина, отсутствие твердой партийной дисциплины, дублирование или подмена ее работы комсомолом, не говоря уже о недостаточном теоретическом уровне и политическом опыте ее руководства, — все эти недостатки молодого коммунистического движения в Китае, вполне объяснимые и в целом неизбежные в ту пору, мешали маневренности КПК, возможности правильно и своевременно реагировать на стремительный разворот революционных событий, служили одним из источников ряда крупных тактических ошибок, выправлявшихся, как правило, лишь после прямого вмешательства Коминтерна.

Распространение идей марксизма-ленинизма как новой научной теории познания и преобразования мира представляет собой сложный, длительный и зачастую весьма противоречивый процесс. Это в полной мере относится и к Китаю. Образование Коммунистической партии Китая было не подведением итогов, пусть даже скромных, развития китайской марксистской мысли, а, в сущности, лишь началом целеустремленного, организованного изучения марксистской теории и ее практического осмысливания и применения в свете китайской действительности.

Само собой разумеется, что создание теории китайской революции как неразрывной составной части общей стратегии и тактики мирового коммунистического движения не было единовременным актом, а целым историческим процессом, в котором тесно взаимодействовали внутренние и внешние факторы. Всякие попытки механически расчленить эти взаимосвязанные факторы, преувеличить или приуменьшить один из них являются антиисторическими и ненаучными.

Главным внешним фактором, способствовавшим становлению и развитию коммунистического движения в Китае, была разносторонняя помощь Коминтерна и КПСС. Начиная со II съезда партии и вплоть до 1943 г. КПК действовала в качестве одной из секций Коммунистического Интернационала. Как показано в исследованиях советских авторов¹, в отношениях между Коминтерном и КПК директивная сторона не была определяющей, хотя Коминтерн в необходимых случаях давал прямые директивы тогда еще молодой и неопытной китайской компартии. Главной же была помощь Коминтерна китайским коммунистам. По существу, Коминтерн вынужден был брать на себя бремя и ответственность за выработку основ теории, стратегии и тактики китайской революции, так как у КПК в то время еще не было достаточных сил и опыта для самостоятельного решения всех возникавших перед нею сложнейших и неотложных проблем. Одновременно Коминтерн делал все возможное для ускорения идейно-политического и организационного роста КПК, для подготовки ее руководящих кадров, для ее внедрения в массы, то есть для повышения самостоятельности КПК. Неоценимое значение для роста КПК имели деятельность представителей Коминтерна, Профинтерна и КИМ в Китае, поездки руководящих деятелей партии в Москву на конгрессы Коминтерна и пленумы ИККИ. Ряд важнейших принципиальных решений по восточному и китайскому вопросам уже в 20-е годы (резолюции IV конгресса Коминтерна, VI и VII пленумов ИККИ, VI конгресса Коминтерна и др.) вырабатывались в Коминтерне совместно с делегациями КПК. В дальнейшем подобная практика стала правилом.

Силой объективных исторических обстоятельств Китай стал первым крупным полигоном, на котором проходили проверку жизнью, практикой революционных событий большого исторического масштаба основные положения ленинской теории национально-освободительного движения послеоктябрьской эпохи. В Китае 20-х годов Коминтерном были впервые экспериментально апробированы и теоретически обобщены многие аспекты стратегии и тактики национально-освободительной борьбы. Эти обобщения прочно вошли в арсенал международного коммунистического движения и широко используются на современном этапе революционного процесса в развивающихся странах (соотношение национальных и социальных аспектов революции, массовые движения и революционные вооруженные силы, аграрно-крестьянский вопрос, некапиталистический путь развития, национальная демократия, единый антиимпериалистический национальный фронт, национально-революционные и авангардные некоммунистические партии, последовательные этапы движения и передвижка классовых сил и т. п.). Выдающаяся роль Коминтерна в увеличении и консолидации сил китайской революции, а также актуальность и непреходящее значение опыта работы Коминтерна на китайском материале для современности не дают покоя маоистским и буржуазным фальсификаторам истории Китая. В этом отношении показательна статья Сян Цина, в которой он пытается дискреди-

¹ См. статьи В. И. Глумина, А. М. Григорьева, А. И. Карпуновой, К. В. Кукушкина в сб. «Коминтерн и Восток». М., 1969, а также статью В. И. Глумина в сб. «Коминтерн и Восток. Критика критики». М., 1978.

тировать, по сути дела, всю деятельность Коминтерна в Китае в 20—30-е гг.²

В основных принципиальных вопросах линия Коминтерна в Китае оставалась последовательной, целеустремленной и неизменной как в период назревания национальной революции 1925—1927 гг., так и во время ее наивысшего подъема. Вместе с тем по мере разворачивания китайских событий и накопления опыта эта линия дополнялась и обогащалась новыми положениями, корректировалась, иногда существенно, в соответствии с требованиями обстановки.

Основной теоретической и практической проблемой, которую Коминтерну с самого начала пришлось решать в Китае, был вопрос о соотношении национальных и классовых интересов в национально-освободительном движении. Хотя в общетеоретическом плане этот ключевой вопрос был решен В. И. Лениным еще на II конгрессе Коминтерна, однако реализация общих теоретически бесспорных принципиальных положений в Китае с самого начала натолкнулась на целый ряд трудностей и повлекла за собой необходимость разработки и экспериментальной проверки обширного комплекса дополнительных взаимосвязанных теоретических и политических проблем, выдвигавшихся конкретной китайской революционной практикой.

В результате тесного взаимодействия теории и практики в 20-е годы соединенными усилиями Коминтерна, его практических работников в Китае и самих китайских коммунистов родилась теория китайской революции. Эта теория, несмотря на все трудности, ошибки, неудачи и поражения, наскоки и извращения со стороны правых и «левых» оппортунистов, выдержала в главном проверку временем и явилась тем теоретическим оружием, которое впоследствии привело КПК к победе. Нет нужды говорить о том, что теория китайской революции, сложившаяся в 20-е годы, не оставалась неизменной, она непрерывно развивалась и обогащалась в ходе грандиозных национальных и классовых битв, бушевавших в течение четверти века на просторах громадной азиатской страны. Но фундамент этой теории был создан Коминтерном вместе с КПК в 20-е годы.

Практика национально-освободительного движения в Китае, коллективная теоретическая работа Коминтерна, отдавшего лучшие силы марксистскому осмыслению сложнейших процессов китайской революции, обогатили ленинскую теорию национально-колониального вопроса новыми выводами, которые и поныне остаются ценным достоянием всего мирового коммунистического и национально-освободительного движения.

Коминтерн шел в Китае чаще всего непроторенными путями. Жизнь, революционная практика миллионов непрерывно ставила перед Коминтерном и его руководством новые проблемы, зачастую в самой острой, критической форме, не оставлявшей времени для основательных раздумий. Нет поэтому ничего удивительного или порочащего коммунизм в том, что Коминтерн в целом и его практические работники в Китае допускали в своей деятельности те или иные теоретические и практические просчеты. Степень и глубина этих просчетов, их воздействие на китайское коммунистическое движение были различны. Большинство из них не имело существенного значения, быстро выправлялось и не оставило глубокого следа в деятельности Коминтерна и КПК.

Благодаря разработанной Коминтерном стратегии и тактике китайской революции была в короткий срок в общих чертах решена историческая задача превращения КПК в массовую революционную партию и в общенациональную политическую силу. Особую роль сыграла так-

² См.: Сян Цинь К вопросу о Коминтерне и китайской революции. — «Бэйцин дасюэ сюэбао», 1979, № 6, с. 25—38; «Синьхуа юэбао», 1980, № 4, с. 75—82.

тика единого фронта. Единый фронт позволил коммунистическому движению в Китае, рожденному классово-борьбой пролетариата и национально-освободительным движением китайского народа, быстро превратиться в самостоятельную историческую и политическую революционную силу, с которой вынуждены были все более считаться как его союзники, так и враги.

Правильное определение характера революции, стратегии и тактики революционных партий Китая во многом зависело от изучения и теоретического осмысления уровня стадийного развития китайского общества, его характера и социальной структуры, места и роли отдельных социальных слоев в революционном процессе с учетом международных факторов. Проблема анализа социальной структуры колониальных и полуколониальных стран, включая Китай, встала перед коммунистами во всей своей сложности уже на самом начальном этапе разработки теории, стратегии и тактики международного коммунистического движения в национально-колониальном вопросе. Наиболее детальная проработка этой проблемы была произведена Коминтерном в 20—30-е годы на примере Китая, что определялось состоянием и уровнем национально-освободительного движения в этой стране.

Методологической основой всех коминтерновских разработок по китайскому вопросу служили ленинские оценки колониальных обществ как обществ докапиталистического типа, в которых господствуют еще докапиталистические, феодальные и полуфеодальные отношения, персонафицировавшиеся как в отдельных лицах (феодалы-землевладельцы, бюрократия), так и в государстве на феодальной основе³.

Анализ значительного, нового конкретного китайского материала на основе ленинской методологии позволил Коминтерну уже в 20-е годы сформулировать ряд важных концептуальных выводов. В документах VI, VII, VIII, IX пленумов ИККИ зафиксированы положения о полуколониальном, полуфеодальном характере китайского общества, феодальном и полуфеодальном характере аграрных отношений, о существовании военно-феодального режима, о специфической роли армии и милитаризма, выступавшего в двойной роли — военной организации и особой социально-политической силой, о слабости, незавершенности классово-дифференциации и вытекавшей из этого недостаточно высокой организованности основных общественно-политических сил. Из всего этого делался вывод о буржуазно-демократическом, антиимпериалистическом и антифеодальном характере китайской революции, основным внутренним содержанием которой являлось радикальное решение аграрно-крестьянского вопроса, решительная ликвидация феодальных и полуфеодальных форм эксплуатации, освобождение масс от гнета феодальных отношений как предварительного условия последующего перехода страны на путь некапиталистического развития⁴.

Богатый практический опыт национальной революции в 20-е годы позволил Коминтерну и КПК совместными усилиями разработать на рубеже 20—30-х годов долговременную стратегию и тактику освободительной борьбы китайского народа, включавшую курс на создание собственных вооруженных сил КПК, очагов революционной власти и территориальных опорных баз в деревне, на проведение земельной реформы в обстановке гражданской войны, проблемы партийного строительства и руководства в условиях, когда КПК выступала не только как политическая партия, но и как правящая военно-политическая сила, опирающаяся на собственную территориальную базу⁵.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 244—245.

⁴ См.: Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934, с. 122—126, 133—145, 167—179, 207—211.

⁵ См.: А. М. Григорьев. Революционное движение в Китае в 1927—1931 гг. (проблемы стратегии и тактики). М., 1980.

В документах КПК и выступлениях ее руководителей в 20-е годы, начиная со II съезда партии (1922), нашел отражение тезис о полуколониальном и полуфеодальном характере китайского общества и антиимпериалистическом (национальном) и антифеодальном (демократическом) характере китайской революции. Однако конкретный анализ классов китайского общества в китайской коммунистической литературе и документации тех лет представлял собой простую проекцию (с разными вариантами) на Китай классовой структуры капиталистически развитых стран с поправкой на полуколониальную зависимость Китая. При таком подходе землевладельцы и крестьяне также подводились под соответствующие категории буржуазного, а не феодального общества, а феодализм в лице милитаристов и бюрократии трактовался как чисто политическое явление. В результате весь анализ классов в Китае приобретал не столько антифеодальную, сколько антикапиталистическую направленность с вытекающими отсюда ошибочными политическими выводами⁶. Следствием такой ошибочной теоретической посылки были непонимание или недооценка руководящими деятелями КПК господства докапиталистических общественных отношений в Китае, докапиталистических форм эксплуатации, докапиталистического характера крестьянства, силы влияния докапиталистических норм, традиций, привычек, представлений на всю экономическую, общественную и политическую жизнь страны, на самые передовые социальные и политические группы, включая рабочий класс и КПК. Массовые проявления докапиталистических отношений в общественной практике и в идейно-политической борьбе либо подгонялись под «буржуазные» и «мелкобуржуазные» категории, либо признавались лишь феодальными «пережитками». Подобные искаженные взгляды на китайскую действительность, завышенные оценки уровня социально-экономического развития страны присутствуют в произведениях Чэнь Дусю, Цай Хэсэня, Цюй Цюбо, Мао Цзэдуна и других руководителей КПК, в официальных партийных документах и современной китайской историографии. В политической практике это проявлялось в различного рода левацких настроениях и уклонах, усиливавшихся низким уровнем организованности и сознания основных общественно-политических сил, участвовавших в революции.

Распыленность, организационная слабость, неустойчивость массовой базы революции, быстрая смена ее подъемов и отливов, общая неустойчивость политической обстановки побуждали революционных вождей к попыткам искусственного форсирования революционного процесса, к перепрыгиванию через неизжитые стадии движения, к переоценке сил пролетариата и крестьянства, уровня их политического сознания и степени отзывчивости на радикальные лозунги руководства, к забвению общей и ближайшей перспективы. Подобные ультралевые тенденции в КПК проявлялись с наибольшей силой в периоды подъемов массового движения и особенно в критические моменты движения. VI пленум ИККИ (февраль — март 1926 г.) в «Резолюции по китайскому вопросу» подчеркнул, что в рядах КПК наряду с «народническими» и «нацио-

⁶ См.: Справочные материалы по истории китайской революции. Пекин, 1957, с. 20—35 (на кит. яз.); Резолюции и манифест IV съезда КПК. [Б. м.] 1925 (на кит. яз.); Чэнь Дусю. Китайская революция и классы китайского общества. — Критические материалы к вопросу о Чэнь Дусю. Пекин, 1958, с. 29—36 (на кит. яз.); его же. Крестьянский вопрос в Китае. — Там же, с. 41—50; Ли Да ч ж а о. Земля и крестьянство. — Ли Да ч ж а о. Избранные произведения. Пекин, 1962, с. 523—536 (на кит. яз.); Мао Цзэ дун. Анализ классов китайского общества и их отношения к революции. — «Чжунго нунминь», 1926, № 1; его же. Анализ классов китайского общества. — «Чжунго нунминь», 1926, № 2; Цюй Цю бо. Спорные вопросы китайской революции. [Б. м.] 1928, (на кит. яз.); Пэн Шучжи. Коренные вопросы китайской революции. [Б. м.] 1928 (на кит. яз.); Л. П. Делюсин. Цюй Цюбо и Пэн Шучжи о проблемах китайской революции. — Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1978, с. 74—95.

нальными» тенденциями неизбежно возникновение типичных для компартий Востока того времени «крайних левых настроений, стремящихся перескочить через революционно-демократический этап движения непосредственно к задачам пролетарской диктатуры и советской власти, забывая о крестьянстве, этом основном и решающем факторе китайского национально-освободительного движения»⁷. С опасными проявлениями «крайних левых настроений» и авантюризма в политике КПК Коминтерну, международному коммунистическому движению пришлось неоднократно иметь дело и в последующие десятилетия.

Одним из проявлений докапиталистического характера китайского общества было отсутствие в Китае влиятельных мелкобуржуазных партий и сложившаяся в 20—40-е годы биполярная партийная структура, при которой эксплуататорские, имущие слои выражали свои политические интересы через гоминьдан, оказывавший влияние и на часть трудящихся, а эксплуатируемые, неимущие — через коммунистическую партию, имевшую опосредствованные связи и в имущей среде. Попытки создания «третьих», мелкобуржуазных партий неизменно кончались провалом, а возникавшие в 20—40-е годы малочисленные слабосильные «промежуточные» партии и группировки буржуазного типа объединяли по преимуществу представителей узкого слоя городской интеллигенции и буржуазии, не имели никакой массовой базы и главное — вооруженной опоры. Не было в Китае и чисто «помещичьей» партии, выражавшей интересы феодальных землевладельцев.

Коминтерн еще в 20-е годы обратил внимание и на такое специфическое явление, как китайский милитаризм, постоянно воссоздававший на региональном и общенациональном уровнях деспотические структуры, традиционно присущие китайской империи. «Существование в Китае государственной организации китайского милитаризма, — говорилось в резолюции VII пленума ИККИ, — обуславливается полукOLONиальным положением Китая, расчлененностью китайской территории, отсталостью китайской экономики и наличием громадного аграрного перенаселения в китайской деревне»⁸.

Решающая роль армии в политической жизни страны, преобладание вооруженных, военных форм политической борьбы в Китае первой половины XX в. оказали сильнейшее воздействие на весь ход национально-освободительной борьбы и на характер двух главных политических партий новейшего времени — гоминьдана и КПК. Что касается гоминьдана, то уже со второй половины 20-х годов решающий перевес в нем одержали милитаристские силы во главе с Чан Кайши, а внутрипартийная борьба также велась с применением военных средств. Что касается КПК, то она с конца 20-х годов тоже приобретает ярко выраженный военизированный характер.

В силу неразвитости главных социально-экономических противоречий, обычно порождающих буржуазно-демократические революции, решение национально-освободительных задач в Китае происходило не столько на экономической, сколько на военно-политической основе. Одной из особенностей революционного процесса в Китае новейшего времени было зарождение новой государственности первоначально на локальном уровне, в рамках революционных баз, и ее постепенное распространение вооруженным путем на всю страну, причем основным инструментом создания такой новой государственности служила армия, руководимая партией.

В период национальной революции 20-х годов возник и такой феномен, как симбиоз партии и армии, военно-партийные формы государ-

⁷ Шестой, расширенный пленум Исполкома Коминтерна. Стенографический отчет. М.—Л., 1927, с. 703.

⁸ Стратегия и тактика Коминтерна..., с. 135.

ственной и политической организации, ставшие характерной чертой как гоминьдановского, так и коммунистического Китая в 30—40-е годы. Принципы «военного контроля» со стороны армии и «политической опеки» со стороны партии, впервые сформулированные Сунь Ятсеном и апробированные гоминьданом в ходе национальной революции и после нее, были впоследствии взяты в преобразованном виде на вооружение КПК. Тесное сосуществование, взаимодействие, взаимное влияние партии и армии и одновременно их борьба за главенствующее положение и контроль над остальными общественными структурами как признаки этого симбиоза прослеживаются на всем протяжении национально-демократической революции в Китае начиная с 20-х годов.

Как и Синьхайская революция 1911—1913 гг., национальная революция 1925—1927 гг. носила характерные черты военной революции с той существенной разницей, что последняя происходила в форме национально-освободительной и национально-объединительной гражданской войны, которую вела Национально-революционная армия, созданная и возглавляемая национально-революционной партией (гоминьданом), которой сопутствовали и которую поддерживали массовые политические движения, организованные партиями единого национального фронта (компартией и гоминьданом).

Другим важнейшим фактором, способствовавшим развертыванию национальной революции и частично определявшим ее содержание и некоторые формы борьбы и организации, была широкая моральная, идейная, политическая и материальная помощь Советского Союза, всего международного коммунистического движения, основанная на принципах пролетарского интернационализма. Поскольку основными факторами революционного процесса на всем протяжении революции 1925—1927 гг. оставались армия и опирающееся на нее правительство, революционная общественность имела второстепенное значение. В Гуандуне и других провинциях, переходивших под власть гоминьдана, не было создано никакой революционной представительной организации в качестве демократических органов власти на местах и связующего звена между правительством и массами населения. Вопрос о создании подобных органов настойчиво ставился Коминтерном и КПК, но безуспешно. Поэтому борьба между военно-диктаторской и революционно-демократической тенденциями неизменно заканчивалась победой военно-диктаторского начала.

Слабость общественно-политической базы революционного движения, зависимость его результатов от позиции реальной военной силы, политические руководители движения (и гоминьдан, и компартия) пытались компенсировать и прикрыть политикой левой революционной фразы, не подкрепляемой мерами по реальному улучшению положения трудящихся масс, что не могло не отчуждать партии и революционное правительство от основной массы населения. Политику левой фразы не без успеха применяли и рвавшиеся к власти гоминьдановские генералы для прикрытия своих военно-диктаторских устремлений. Все это вместе взятое, особенно в периоды подъемов массового движения, создавало иллюзорные представления о масштабах и глубине революционного процесса, приводившие к грубым просчетам в оценках реальной ситуации.

Крайняя распыленность и организационная слабость революционной общественности обуславливали также формы политического поведения масс и их вождей, напоминавшего черты мелкобуржуазного революционаризма: общее радикальное настроение, окрашенное в антиимпериалистический цвет, быстрая возбудимость и столь же быстрое охлаждение, крайняя слабость всех общественных организаций (кроме армии), их верхушечный характер, отсутствие устойчивых связей между верхами и низами, острая нехватка профессиональных революционных кадров.

Даже гоминьдан — наиболее крупная и влиятельная политическая партия того времени — носил черты организации верхушечного типа с весьма слабой и неустойчивой массовой базой. Внутри гоминьдановской верхушки преобладающим влиянием пользовались военные элементы, а сама она раздиралась непрекращающейся борьбой перекрещивающихся интересов различных групп, группок и клик, формировавшихся по земляческим, персональным и иным внеклассовым признакам. Кантонское, а затем уханьское и нанкинское гоминьдановские правительства с самого начала держались главным образом на искусном лавировании между враждующими милитаристскими группировками (в том числе и гоминьдановскими) и лишь во вторую и третью очередь — на апелляции к массам. Компартия Китая, в отличие от гоминьдана, опиралась в те годы почти исключительно на массы, но и она не могла избежать влияния окружавшей ее докапиталистической социальной среды. Исторический опыт КПК подтверждает мощное воздействие на партию не столько мелкобуржуазных, сколько докапиталистических, традиционных, феодально-конфуцианских представлений и нравов со всеми вытекающими отсюда идейно-политическими и организационными последствиями. Влияние докапиталистической среды было одной из главных причин зафиксированных в китайской партийной литературе многочисленных извращений уставных норм внутривнутрипартийной жизни.

Среди организационных проблем КПК одной из самых трудных и больных была проблема построения партии по принципу демократического централизма. Сам этот принцип был включен в партийный устав лишь на V съезде КПК. Но на практике основной акцент в партийном строительстве делался на принципе централизма. С первых дней своего существования партия строилась на началах строгой военной дисциплины и беспрекословного подчинения низовых организаций руководящему центру. Уставные положения о выборности руководящих органов низовых парторганизаций не соблюдались, в партии преобладала система назначенчества. В работе руководящих органов практически отсутствовали принципы коллективности руководства. Подобное же положение наблюдалось во всех остальных политических партиях и общественных организациях Китая. Господство феодальных традиций в стране немедленно сказывалось на любой новой форме политической организации, заимствованной у Запада. Цюй Цюбо в начале 1927 г. подверг резкой критике «начетничество и мелкое семейное политиканство босяцкой верхушки — эти «талисманы», позаимствованные у сливок общества, патриархальный социализм с его заповедью «не выносить сор из избы» в партию, партийную «дисциплину босяцко-бюрократического образца»⁹. В целом ряде выступлений на VI съезде КПК также отмечалось, что в партии господствовали «патриархальные отношения», царил «самодержавная система», а сама партия напоминала феодальную семью, во главе которой «стоит староста»¹⁰.

В последующие годы такой «феодализации» или «традиционализации» КПК в китайском духе немало способствовали установка Мао Цзэдуна на «китаизацию» марксизма, социальная переориентация партии на крестьянство, перекрашивание преобладающих бедняцко-пауперских сельских слоев в «пролетарские» и «полупролетарские» тона.

Преобладание военных факторов и задач революции приводило к тому, что все возникавшие или обнажившиеся в ходе борьбы социальные, корпоративные, региональные, групповые и прочие противоречия неизбежно проходили и через армию, выражали и проявляли себя

⁹ Цюй Цюбо. Спорные вопросы китайской революции, с. 46, 180.

¹⁰ Стенографический отчет VI съезда Коммунистической партии Китая, кн. II. М., 1930 (на правах рукописи), с. 58—59, 128; кн. IV, с. 36.

также и в столкновениях, конфликтах как внутри армии, так и между армией и правительством, армией и партией, армией и массами. Последнее слово в этой борьбе в конечном счете оставалось за армией.

Нельзя сказать, что КПК закрывала глаза на роль и значение армии, но полное осознание этого фактора и должные выводы из него пришли намного позже, после ряда поражений массового движения. Одной из причин субъективной недооценки роли армии и переоценки силы массового движения была объективная невозможность для КПК в тот период создать собственные вооруженные силы в той или иной форме, хотя попытки в этом направлении предпринимались, работа по проникновению в армию и завоеванию хотя бы ее части на свою сторону велась с 1924 г. Но такие усилия не могли дать быстрого результата и сказались лишь к концу революции. При этом следует учитывать, что гоминьдановский генералитет, до поры до времени смотревший сквозь пальцы на развертывание массового движения, с особой бдительностью следил за всеми попытками коммунистического проникновения в армию, пресекая их в зародыше при первой удобной возможности. И тем не менее коммунистам все же удалось захватить контроль в отдельных подразделениях и частях гоминьдановских войск. Следует подчеркнуть, что доступ в армию коммунистам открыла лишь тактика единого национального фронта. Без предварительной работы в условиях единого фронта, без прямой советской поддержки коммунистам не удалось бы подготовить собственный костяк военных кадров и завладеть частью армии, пусть даже относительно незначительной. А без этого, в свою очередь, были бы практически неосуществимы те вооруженные акции, которые КПК провела в ходе арьергардных боев революции во второй половине 1927 г., и само создание китайской Красной армии стало бы весьма проблематичным либо отодвинулось бы на многие годы.

Господство военно-феодалных кланов, проявлявшееся в бесчисленных милитаристских войнах, многочисленные проекты установления внутреннего мира и политического объединения страны поставили китайских коммунистов перед необходимостью сразу же после создания партии сформулировать свое отношение к гражданской войне. Еще в начале 20-х годов в партийной печати (в статьях Чэнь Дусю, Цай Хэсэня, Цюй Цюбо и др.) родилась и активно обсуждалась идея «революционной войны», создания «народной армии»¹¹. Но резко осуждая милитаристские войны, критикуя военные комбинации Сунь Ятсена с милитаристами, руководители КПК в то время не видели еще конкретных путей реализации абстрактных лозунгов революционной войны.

Коминтерн первым нащупал выход из этого тупика в Китае. В «Директиве ИККИ III съезду Китайской компартии» от 24 мая 1923 г. прямо говорилось, что «в вопросе гражданской войны между Сунь Ятсеном и северными милитаристами мы поддерживаем Сунь Ятсена»¹². При этом, однако, Исполком Коминтерна подчеркнул необходимость коренного изменения самого характера военных действий со стороны Сунь Ятсена, их превращения в национально-освободительную войну с активным участием широких народных масс. Поддержка военных мероприятий национально-революционной партии Сунь Ятсена рассматривалась Коминтерном в общем контексте тактики единого национального фронта борьбы против иностранного империализма, феодализма и милитаризма. «Мы всячески должны бороться внутри гоминьдана против военных комбинаций Сунь Ятсена с милитаристами», — говорилось в директиве ИККИ, так как «эти комбинации угрожают вырождением гоминьдановского движения», что может привести «не только к ката-

¹¹ См.: «Сяндао», № 85 и др.

¹² Стратегия и тактика Коминтерна., с. 115.

строфическому разложению национального фронта, но и к дискредитированию рабочих организаций и коммунистической партии, поскольку они в настоящее время тесно связываются с партией гоминьдан для борьбы против империалистов и их агентов в Китае»¹³. В свете последующих китайских событий этот вывод оказался пророческим.

Заслуга Коминтерна состояла в том, что он не только ориентировал китайских революционеров на национально-освободительную войну, но и сумел разглядеть, угадать в военных акциях Сунь Ятсена зародыш той организованной военной силы, которую следует создать и на которую можно будет опереться в освободительной борьбе, а также определить общие контуры той политической линии, которой необходимо было придерживаться, чтобы добиться этой цели. В последующие годы Коминтерн продолжал активно разрабатывать и совершенствовать военную стратегию и тактику китайской революции. Важные указания и обобщения, касавшиеся развертывания вооруженных сил китайской революции, содержались в решениях VI, VII и VIII пленумов ИККИ по китайскому вопросу. КПСС и Советское правительство, исходя из общей линии Коминтерна, по просьбе Сунь Ятсена оказали гоминьдану активную помощь в создании и развертывании Национально-революционной армии Китая, в планировании и осуществлении ее боевых действий. В то же время Коминтерн и советские работники в Китае всемерно способствовали вовлечению коммунистов в военную деятельность гоминьдана, подготовке военных кадров КПК, созданию коммунистических частей и подразделений в составе НРА, а также вооружению рабочих и крестьянских масс. Коминтерн указал два пути и два источника формирования вооруженных сил китайской революции — создание регулярной армии и вооружение масс. Вместе с тем в документах Коминтерна настойчиво проводилась мысль, что проблемы Китая невозможно решить одним лишь военным путем, что действительная и прочная победа революции может быть завоевана лишь в результате тесного сочетания военных акций революционной армии с широкими политическими выступлениями масс.

Военная программа китайской революции, разработанная Коминтерном, вызвала противоречивую реакцию в рядах КПК. Первоначально лишь часть китайских коммунистов, входивших главным образом в кантонскую организацию партии, поддержала военную линию Коминтерна. Большинство же руководства КПК, скованное устойчивыми предубеждениями против гоминьдана, заняло негативную позицию в отношении военных рекомендаций ИККИ, сопротивлялось их проведению в жизнь. Во второй половине 1924 г. ЦК КПК (Чэнь Дусю, Цай Хэсэнь, Мао Цзэдун и др.) и ЦК Социалистического союза молодежи Китая выступили с требованием прекратить военные действия гоминьдана, ликвидировать революционную власть и революционную базу в Гуандуне, отказаться от поддержки гоминьдановских военных мероприятий¹⁴. В ходе революции 1925—1927 гг. отношение КПК к военной борьбе гоминьдана претерпело существенные изменения, но отличалось противоречивостью, неустойчивостью и колебаниями, отсутствием твердой, последовательной позиции. Одним из источников разногласий и колебаний по военному вопросу в руководстве КПК была усилившаяся в гоминьдане во время Северного похода тенденция к военной диктатуре, вызвавшая резко негативную реакцию коммунистов¹⁵.

Из всех руководителей КПК наиболее последовательную позицию в военном вопросе занимал в те годы Цюй Цюбо, внесший значитель-

¹³ Стратегия и тактика Коминтерна..., с. 115.

¹⁴ См.: В. И. Глунин. Коминтерн и становление коммунистического движения в Китае (1920—1927). — Коминтерн и Восток. М., 1969, с. 272—275.

¹⁵ См. статьи Чэнь Дусю, Пэн Шучжи, Тань Пиншаня, Чжан Готао, Ло Фу в журнале «Сяндао», № 165—167, 169—177, 179—180, 185—186, 188, 191—192.

ный вклад в теоретическую разработку военных аспектов китайской революции. Проблемы вооружения и вооруженной борьбы народных масс, боевых действий регулярных революционных армий в тесной связи со всеми иными формами политической борьбы трудящихся детально рассмотрены в серии его статей, опубликованных во второй половине 1925 г. и в первой половине 1926 г. в журнале «Сяндао» (№ 119—120, 134, 149, 151—155, 157—158). Обобщенная теоретическая трактовка проблем революционной войны в Китае была дана в статье Цюй Цюбо «К вопросу о вооруженной борьбе в ходе китайской революции»¹⁶, в его брошюре «Спорные вопросы китайской революции»¹⁷.

Анализ опыта использования различных форм революционной борьбы, накопленного в предыдущие годы, привел Цюй Цюбо летом 1926 г. к смелому выводу: «В данный период революционная война является главной формой борьбы, а другие формы должны быть использованы для непосредственной или косвенной подготовки к революционной войне»¹⁸. Поэтому «главной действующей силой революционной войны» становилась «регулярная революционная армия», ведомая революционной партией. Важно, однако, подчеркнуть, что Цюй Цюбо предупреждал против абсолютизации идеи революционной войны, указывая на необходимость «умело использовать все формы революционной борьбы применительно к главной цели — революционной войне»¹⁹.

Дальнейшее развитие идеи революционной войны в свете установки Коминтерна на аграрную революцию привело Цюй Цюбо весной 1927 г. к далеко идущему выводу о том, что определяющим фактором военной формы китайской революции явилась мелкокрестьянская экономика страны. «Китайское крестьянство, — писал Цюй Цюбо, — было действительно опорой Синьхайской революции. И чисто военный характер революции уходял корнями в это крестьянство... В Китае никогда не будет таких условий, какие имелись при классических революциях в Западной Европе. Китайская крестьянская революция должна выражаться в военной форме»²⁰. Развитие китайской революции в форме крестьянской войны должно было, по мнению Цюй Цюбо, привести к тому, что и новая революционно-демократическая «диктатура народных масс» «также будет неизбежно носить военный характер»²¹. При этом Цюй Цюбо утверждал, что эта особенность китайской революции якобы является общей закономерностью развития революционного процесса «во всех колониях и полуколониях», что «революционная война является особой формой для крестьянских революций колоний»²².

Споры 20-х годов по военному вопросу нашли продолжение в антиленинском положении Мао Цзэдуна о том, что только «винтовка рождает власть» и что война является необходимым мостом для перехода к новому общественному строю.

В период национальной революции 20-х годов КПК сделала лишь первые шаги в разработке своей военной программы. Партия прилагала значительные усилия для реализации пропагандировавшейся ею идеи вооружения трудового народа, но столкнулась с большими практическими трудностями. Начало этой работе было положено в 1924 г. участием коммунистов в создании Национально-революционной армии, а затем рабочих дружин и крестьянских отрядов самообороны. В докладе Чжоу Эньлая VI съезду КПК о военной работе говорилось, в ча-

¹⁶ «Синь циннянь», 1926, № 4, с. 20—30.

¹⁷ Цюй Цюбо. Спорные вопросы китайской революции. [Б. м.] 1928 (на кит. яз.).

¹⁸ «Синь циннянь», 1926, № 4, с. 22.

¹⁹ Там же, с. 28—29.

²⁰ Цюй Цюбо. Спорные вопросы китайской революции, с. 32—33.

²¹ Там же, с. 127.

²² Там же, с. 112—113.

стности, что партия давала профсоюзам неоднократные указания о направлении в армию рабочих, но «рабочие неохотно подчинялись» этим указаниям, профсоюзы посылали рабочих в армию, «но очень мало»²³. Попытка развертывания военной работы в общекитайском масштабе связана с решением октябрьского (1925 г.) пленума ЦК КПК о вооружении рабочих и крестьян, о создании военного отдела ЦК КПК, военных комиссий в Кантоне и Пекине, военных курсов в Шанхае для обучения членов рабочих дружин. К моменту разрыва единого фронта и началу вооруженной борьбы с гоминьданом партия уже имела собственные кадры боевых офицеров и политработников, прошедших подготовку в военных училищах Кантона и Ухани. Коммунисты проникли на командные посты в ряде частей и подразделений НРА, заложив тем самым фундамент для создания китайской Красной армии.

Стратегическая и политическая концепция КПК в 20-е годы состояла в следующем: пролетариат — главная опора партии, авангард, а затем и гегемон революции, город — основная арена революционной борьбы; крестьянство — основной союзник пролетариата, важнейшая движущая сила революции, без активного выступления которой победа революции невозможна. Эта концепция отвечала линии Коминтерна и неоднократно подтверждалась в документах II, III, IV, V и VI съездов КПК, в решениях пленумов ЦК КПК.

Немногочисленная Коммунистическая партия Китая, насчитывавшая первоначально всего несколько десятков человек (по 5—10 человек в разных провинциях), естественно, не могла охватить своим влиянием все рабочее движение. Однако партия активно пыталась проводить в жизнь свою главную ближайшую цель, определенную I съездом, — «организацию индустриальных союзов» и придание им «духа классовой борьбы», подготовку кадров профдвижения. На политическое просвещение рабочего класса и организацию независимого классового профессионального движения были направлены лучшие силы партии, работавшие добросовестно и самоотверженно. В 20-е годы КПК твердо ориентировалась в первую очередь на рабочий класс, как на ту новую социальную силу, с которой связано историческое будущее Китая.

Политическая и организаторская работа китайских коммунистов в рабочем классе протекала под руководством Коминтерна и его представителей в Китае (Г. Н. Войтинского, М. М. Бородин и др.) и в постоянном контакте с ними. Тесные связи были установлены между китайскими профсоюзами и Профинтерном; активную работу в Китае вели представители Профинтерна (Л. Геллер, Т. Мандалян и др.). Советы, рекомендации, практическая помощь Коминтерна, Профинтерна и их представителей в Китае сыграли поистине неоценимую роль в формировании и развитии китайского рабочего движения в 20-е годы.

В эти же годы КПК определяет и свое отношение к крестьянству. Аграрно-крестьянский вопрос был, безусловно, одним из самых главных и вместе с тем одним из самых сложных вопросов китайской революции. Аграрная теория марксизма, сложившаяся преимущественно на классическом европейском материале, давала для специального анализа аграрно-крестьянского вопроса в Китае лишь общие отправные положения. Марксистско-ленинская теория должна была быть применена не механически, а с учетом специфических китайских условий. В 20-е годы теоретическая и тактическая разработка аграрно-крестьянского вопроса в Китае велась преимущественно на уровне Коминтерна и в гораздо меньшей степени в самой КПК. Важнейшие направления решения аграрно-крестьянского вопроса в Китае указывались, в частности, в директиве ИККИ III съезду КПК, в резолюциях VI и VII пленумов ИККИ. На всем протяжении революционных событий 20-х годов

²³ Стенографический отчет VI съезда., кн. V, с. 5.

Коминтерн последовательно стремился повернуть КПК «лицом к крестьянству», наметил практические пути (в том числе через гоминьдан) подхода коммунистов к крестьянским массам, методы их организации, политического просвещения и вооружения, конечные и переходные лозунги крестьянского движения. К исходу 20-х годов КПК имела солидный опыт практической работы в гуще крестьянства и значительные кадры крестьянских организаторов.

Весьма трудной была для китайских коммунистов теоретическая и практическая проблема сочетания и взаимодействия национальных и социальных аспектов демократической революции. В силу особенностей тогдашней обстановки в Китае ключевым моментом всей практической работы КПК (и китайской политики Коминтерна) до второй половины 1927 г. становится вопрос о едином национальном фронте.

Необходимость создания единого антиимпериалистического национального фронта вытекала из объективных потребностей назревавшей национальной революции в Китае. В борьбу против господства империализма и милитаризма вовлекались так или иначе самые широкие слои тогдашнего китайского общества, вплоть до части землевладельцев, милитаристов и компрадоров. Инициатива создания единого антиимпериалистического национального фронта в Китае и заслуга разработки его тактики принадлежат Коминтерну. Практическое осуществление этой политики началось с первых шагов деятельности Коминтерна в Китае. При реализации тактики единого фронта в Китае Коминтерну пришлось столкнуться с необходимостью преодолевать сильные колебания в рядах КПК. Тактика единого фронта была принята КПК и проводилась в жизнь лишь в результате настойчивой и длительной разъяснительной работы Коминтерна. Осмысливание общих теоретических посылок, лежащих в основе тактики единого национального фронта, а также вытекавших из нее конкретных политических решений, включая выбор формы единого фронта, происходило внутри КПК нелегко. В начале 20-х годов китайские коммунисты только еще нащупывали пути правильного понимания общих проблем китайской революции, выработки и проверки на практике политической программы, стратегии и тактики КПК в период демократической революции.

Первоначально КПК отвергала тактику единого фронта с участием гоминьдана. После решений IV конгресса Коминтерна, в котором приняла участие делегация КПК во главе с Чэнь Дусю, и резолюции ИККИ от 12 января 1923 г. «Об отношениях Коммунистической партии Китая и партии гоминьдан» сама идея единого национального фронта с участием гоминьдана уже не ставилась открыто под вопрос в рядах КПК. Борьба вокруг тактики единого фронта с начала 1923 г. переместилась в плоскость споров о формах сотрудничества КПК с гоминьданом в едином фронте. Эта борьба не затихала вплоть до измены гоминьдана в 1927 г. Речь конкретно шла о рекомендованной Коминтерном тактике вступления коммунистов в гоминьдан с целью превращения последнего в широкую политическую организацию единого фронта, способную возглавить национально-демократическую революцию в Китае и привести ее к победе.

После III съезда КПК, одоббившего вступление коммунистов в гоминьдан, среди руководства КПК в зависимости от изменения конкретной политической ситуации наблюдался широкий диапазон тактических колебаний — от призывов к самому широкому единому фронту в гоминьдановской форме (вплоть до блокирования с отдельными феодальными милитаристскими группировками и крупной компрадорской буржуазией) до неоднократных требований выхода коммунистов из гоминьдана и реорганизации единого фронта на внегоминьдановской основе и даже попыток организовать совершенно самостоятельное «чисто пролетарское» движение под лозунгами национальной революции.

На основе выступлений центральной партийной печати и многочисленных внутривнутрипартийных документов удается довольно отчетливо проследить одну общую закономерность в подходе руководства КПК к тактике единого фронта в период 1922—1927 гг. Когда революция и особенно рабочее движение находились на подъеме, руководство КПК проявляло тенденцию к сужению социального и политического состава единого фронта, а когда наступала полоса неудач и поражений, — к его предельному расширению.

В то же время на всем протяжении существования первого единого фронта КПК последовательно отстаивала принцип политической и организационной независимости пролетариата в едином фронте. Утверждение маоистской историографии, будто «правооппортунистическое» руководство КПК и даже Коминтерн часто «жертвовали» независимостью пролетариата ради сохранения союза с буржуазией, не соответствует действительности. Напротив, неизменный упор руководства КПК на сохранение самостоятельности пролетариата любой ценой нередко приводил к «лево»-сектантскому подходу к проблемам единого фронта. Преобладающей тенденцией руководства КПК в 20-е годы было отчетливо выраженное критическое отношение к теории и практике суньятсенизма, к политической программе и тактике гоминьдана, стремление КПК «толкать гоминьдан влево», к сближению с народными массами, с китайским и международным пролетариатом.

Предложенная Коминтерном форма единого фронта (вступление коммунистов в гоминьдан) целиком себя оправдала и оказалась наиболее целесообразной в конкретных условиях Китая 20-х годов. Преждевременный выход коммунистов из гоминьдана, к чему толкали Коминтерн «лево»-сектантские элементы и чего добивалось также правое крыло гоминьдана, неизбежно привело бы к резкому сужению или преждевременному распаду единого фронта, к усилению соглашательских и консервативных элементов в самом гоминьдане.

В истории КПК 1921—1927 гг. все теоретические концепции и тактические ошибки правоуклонистского толка обычно связываются с именем Чэнь Дусю, возглавлявшего в этот период партию. Термин «чэньдусюизм» стал чуть ли не синонимом правого оппортунизма в Китае. Материалы советских исследований не подтверждают такого однозначного определения чэньдусюизма.

При изучении обильного литературного наследия Чэнь Дусю, его теоретических и публицистических работ, выступлений на съездах партии, пленумах и совещаниях ЦК, переписки с Коминтерном и его представителями в Китае становится очевидной прежде всего его непоследовательность, неоднократно изменение его взглядов на кардинальные проблемы китайской революции. В работах и высказываниях Чэнь Дусю, относящихся к 1921—1927 гг., настроения левацкой революционной нетерпеливости соседствуют с пессимистическими оценками правооппортунистического толка. Если же говорить о преобладающей тенденции в теоретических выступлениях и практической деятельности Чэнь Дусю в тот период, то это были настроения левацкого революционаризма.

При всех своих крупных недостатках как теоретика и политического руководителя, отражавших в значительной мере общие болезни роста молодой китайской коммунистической партии, Чэнь Дусю тем не менее был в 20-е годы наиболее крупной и авторитетной фигурой в рядах КПК. Именно это и обеспечило ему довольно устойчивое руководящее положение, не подвергавшееся вплоть до 1927 г. сколько-нибудь серьезному сомнению в партии.

Целая плеяда способнейших молодых организаторов, партийных публицистов и руководителей, выдвинувшихся в 20-е годы и составивших впоследствии руководящий костяк КПК, не имела тогда еще такого политического опыта и веса, которыми обладал Чэнь Дусю. С дру-

гой стороны, большинство из них вышло из того же слоя радикальной китайской революционной интеллигенции, что и Чэнь Дусю, со всеми ее поисками, колебаниями и ошибками, разумеется, различавшимися, иногда значительно, по глубине и направленности, но все же в целом типичными для того времени. Мощная теоретическая и политическая поддержка Коминтерна намного ускоряла и облегчала этот по необходимости весьма противоречивый процесс вызревания коммунистических кадров в Китае, однако одна она не могла полностью устранить все болезни роста, прораставшие прежде всего из молодости и обширного докапиталистического окружения партии при относительной слабости ее пролетарской базы в отсталой полуколониальной стране.

Советские исследования опровергают утверждения маоистской историографии о том, будто Мао Цзэдун всегда вел непримиримую борьбу с Чэнь Дусю с большевистских позиций. На деле Мао Цзэдун в 20-е годы разделял многие ошибочные теоретические воззрения Чэнь Дусю, в особенности его анализ классов китайского общества, и в целом поддерживал политическую линию ЦК КПК во главе с Чэнь Дусю. Не найдено также убедительных свидетельств о наличии в партии сколько-нибудь серьезной оппозиции руководству Чэнь Дусю. Даже в кризисной обстановке весной 1927 г., когда явственно обнаружилось несоответствие тактики КПК реальному положению в стране, руководство КПК за отдельными исключениями (Цюй Цюбо, Жэнь Биши) в целом поддерживало линию Чэнь Дусю.

В ходе национальной революции 1925—1927 гг. КПК накопила богатейший теоретический и практический опыт, широко использованный на последующих этапах революции. К достижениям этого периода относятся создание и становление КПК, ее приобщение к опыту международного коммунистического движения и выработка основ коммунистической стратегии и тактики в китайской революции, установление связей с рабочим классом и начало практического подхода к крестьянскому вопросу, накопление опыта организации масс, организации и тактики единого фронта, первые попытки создания коммунистами собственных вооруженных сил. К этому же периоду относится и кристаллизация в рядах КПК пролетарско-интернационалистического направления, ставшего носителем лучших революционных традиций коммунистического движения в Китае.

Результаты исследований советских историков показывают полную безосновательность попыток троцкистской, буржуазной и маоистской историографии взвалить «вину» за поражение демократических сил китайской революции в 1927 г. на Коминтерн, линия которого на единый национальный фронт была якобы в корне «порочной», заранее обрекавшей коммунистов на неудачу. В действительности, как показывает вся совокупность исторических материалов, именно тактика единого фронта, активное вовлечение пролетариата и крестьянства во главе с коммунистами в национально-революционное движение обеспечили победоносное развитие китайской революции вплоть до весны 1927 г. И наоборот, именно раскол единого фронта временно прервал развитие революции по восходящей линии.

Столь же безосновательны и не выдерживают проверки фактами утверждения маоистской историографии, будто революция 1925—1927 гг. имела все шансы на успех, но была «погублена» «правооппортунистическим» руководством КПК во главе с Чэнь Дусю, а также Коминтерном. Теоретическая, политическая и организационная слабость тогда еще молодой Коммунистической партии Китая, ее недостаточная политическая опытность, «лево»- и правооппортунистические шатания в ее рядах (концепции Чэнь Дусю, Чжан Готао, Пэн Шучжи, Мао Цзэдуна, Цай Хэсэня, Цюй Цюбо), ее тактические ошибки, безусловно, облегчали контрреволюционные маневры реакции, но ни в коем случае не могут

считаться причиной поражения демократических сил революции. Теоретическая и политическая помощь Коминтерна могла лишь частично компенсировать слабости КПК, но Коминтерн не мог ни заменить, ни подменить КПК на полях революционных сражений, ибо революцию в Китае «делал» не Коминтерн, ее «делали» многомиллионные массы китайских рабочих и крестьян во главе с китайскими коммунистами вместе с гоминьданом и гоминьдановскими армиями.

Современные исследования подтверждают вывод Коминтерна: главной причиной неудачи демократических сил в попытках довести до конца национальную революцию 1925—1927 гг. было неблагоприятное соотношение классовых сил, недостаточный уровень и размах революционного движения трудящихся масс. Другой причиной было энергичное вмешательство империалистических держав. Империализм активно помогал китайской реакции и усиленно толкал имущие слои на измену революции, действуя всеми средствами вплоть до вооруженной интервенции. Советский Союз, международное рабочее движение были тогда еще не в состоянии воспрепятствовать империалистической интервенции в Китае, как это они сделали в 1945—1949 гг.

Для Коммунистической партии Китая 20-е годы были периодом ее возникновения и становления как политической партии китайского пролетариата. В начальный период Компартии Китая пришлось пройти сложный путь исканий и осмысления китайской действительности в свете теории марксизма-ленинизма, что сопровождалось идейно-политическими шатаниями, в частности в виде сектантства и революционного нетерпения.

КПК в этот период не смогла выработать цельную самостоятельную концепцию китайской революции. Разработка стратегии и тактики китайской революции в 20-е годы является преимущественно заслугой Коминтерна. На основе ленинских идей, заложенных в решениях II и IV конгрессов Коминтерна по колониальному вопросу, Исполком Коминтерна в ряде директив и специальных решений по китайскому вопросу, среди которых особенно выделяются развернутые резолюции VI (март 1926 г.) и VII (ноябрь — декабрь 1926 г.) расширенных пленумов ИККИ, дал глубоко теоретически обоснованные, очень ценные практические рекомендации по кардинальным проблемам китайской революции. Решения партийных съездов и основных пленумов ЦК КПК, переводивших принципиальные установки Коминтерна на практический язык китайской революции, также готовились при непосредственном участии представителей Коминтерна в Китае. Основные положения стратегии и тактики КПК в национально-демократической революции, разработанные непосредственно Коминтерном и при участии его представителей в Китае, заложили тот теоретический и политический фундамент, на котором базировалась деятельность КПК и в последующие годы. Прямая помощь Коминтерна способствовала формированию в рядах КПК идей интернационализма, служила преградой против проявлений национализма и других непролетарских взглядов в партии.

Наиболее существенные черты национальной революции 1925—1927 гг. были повторены и закрепились в более развитом и обогащенном виде в последующие десятилетия освободительной борьбы китайского народа. Вместе с тем этой борьбе сопутствовали многие из тех трудностей, которые выявились уже в 20-е годы. Преодоление этих трудностей во многом способствовал ценнейший практический опыт, накопленный КПК в период национальной революции. Но осмысливание и систематизация накопленного опыта происходили в обстановке острой внутрипартийной борьбы, что мешало его правильной интерпретации. Особенно большой ущерб практическому применению опыта 20-х годов нанесла группа Мао Цзэдуна, атаковавшая его с «лево»-сектантских и националистических позиций. Маоистские традиции дискредитации пар-

тийного опыта 20-х годов сохраняются и в современной китайской историографии²⁴. То, что маонисты называют «догмами марксизма-ленинизма, созданными III Интернационалом»²⁵, является по сути дела самым ценным историческим наследием КПК. Поэтому продолжение борьбы с маонистскими фальсификациями истории КПК и международного коммунистического движения остается одной из актуальных задач советских историков.

Изучение исторического опыта борьбы КПК в 20-е годы все больше подтверждает величайшее значение интернационального фактора для судеб китайской революции.

«При капитализме, — говорилось в «Общих тезисах по восточному вопросу», принятых IV конгрессом Коминтерна, — отсталые страны не могут приобщиться к завоеваниям современной техники и культуры без уплаты огромной дани в виде варварской эксплуатации и угнетения в пользу великодержавного капитала. Союз с пролетариатом передовых стран диктуется им не только интересами совместной борьбы против империализма, но и тем, что лишь от победившего пролетариата передовых стран рабочие Востока получают бескорыстную помощь для развития своих отсталых производительных сил»²⁶.

²⁴ См.: Ли Синь. Рассказы об истории новодемократической революции в Китае. Кантон, 1978, с. 1—88 (на кит. яз.); Краткий курс истории Коммунистической партии Китая. Кантон, 1980, с. 1—76 (на кит. яз.); Курс истории Коммунистической партии Китая. Гирин, 1980, с. 1—115 (на кит. яз.).

²⁵ См. доклад Чжоу Яна на научной конференции Академии общественных наук Китая, посвященной 60-летию «движения 4 мая» 1919 г., опубликованный в газете «Гуанмин жибао», 8.IV.1979.

²⁶ В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, с. 475.

БОРЦЫ ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО

Завещание Фан Чжиминя

А. С. Титов

В 1980 году исполнилось 80 лет со дня рождения и 45 лет со дня гибели видного деятеля Коммунистической партии Китая, коммуниста-интернационалиста Фан Чжиминя. Фан Чжиминь родился в 1900 г. в уезде Иян провинции Цзянси в зажиточной семье. Еще юношей он почувствовал всю остроту социальных противоречий тогдашнего Китая, алчность и жестокость помещиков и чиновников, засилье и гнет империалистов, их издевательства над китайским народом. Особенно возмущали Фан Чжиминя агрессивность японских империалистов, их стремление поработить Китай и превратить его в свою колонию, а также национальные предатели, которые потворствовали японским империалистам. Все это породило у Фан Чжиминя глубокое возмущение существовавшими в Китае порядками и привело его к осознанию необходимости решительной борьбы с ними. По его словам, когда в 1918 г. в патриотическое антиимпериалистическое движение включилась и школа, в которой он учился, все учащиеся были охвачены одним острым чувством ненависти к японским империалистам, к Цао Жулиню и Чжан Цзунсяну¹ и другим предателям-выродкам².

Под влиянием антияпонских настроений Фан Чжиминь во время учебы в школе мечтал поступить в военное училище, чтобы принять непосредственное участие в борьбе против японских империалистов и их приспешников в Китае. Однако после окончания школы Фан Чжиминю пришлось вопреки своим мечтам отправиться в город Наньчан (административный центр провинции Цзянси) учиться в техническом училище. Из Наньчана он переехал в Цзюцзян, где поступил в миссионерское училище. Там он принимал активное участие в антиимпериалистическом и антихристианском движении, за что в 1920 г. был исключен из училища. Фан Чжиминь порывает связь с родителями, которые придерживались старых, консервативных взглядов, несовместимых с его революционными убеждениями, и отправляется в Шанхай, надеясь продолжить учебу. Однако подыскать себе работу в Шанхае в условиях массовой безработицы он не смог. Оказавшись в крайне тяжелом материальном положении, он вынужден был вернуться в родную провинцию Цзянси, в Наньчан. В то время Фан Чжиминь был уже болен туберкулезом в очень острой форме.

Установив в Наньчане контакт с революционно настроенной молодежью, Фан Чжиминь организовал кружок по изучению марксизма и опыта Великой Октябрьской социалистической революции в России. Тогда же он вместе со своими единомышленниками создает Социалистический союз цзянсиjsкой молодежи, который вскоре был переименован в Коммунистический союз молодежи. В 1922 г. Фан Чжиминь становится членом КПК и ведет большую работу по организации революционного движения в провинции Цзянси³.

После установления в 1924 г. по рекомендации Коминтерна сотрудничества между КПК и гоминьданом и вступления в индивидуальном порядке членов КПК в гоминьдан Фан Чжиминя избрали членом цзянсиjsкого провинциального комитета гоминьдана и он возглавил отдел организационно-массовой работы этого комитета.

В 1924 г. по указанию ЦК КПК Фан Чжиминь проводил большую работу среди беднейшего крестьянства, организуя крестьянские союзы для борьбы против помещичьей кабалы. Он был главным организатором массового крестьянского движения в провинции Цзянси и крестьянских союзов, подготовивших почву для последующего успешного развития советского движения в провинции Цзянси, которая стала основной базой Центрального советского правительства в Китае. В 1926 г. под руководством Фан Чжиминя был создан первый в истории Цзянси съезд провинциального крестьянского союза. Съезд избрал его председателем этого союза. Деятельность Фан Чжиминя

¹ Цао Жулинь — министр китайского правительства; Чжан Цзунсян — китайский посланник в Японии. Их подписи стояли под позорным для Китая соглашением от 9 мая 1915 г. и другими кабальными договорами.

² Фан Чжиминь. Тюремные записки. М., 1959, с. 10.

³ См.: Биографии погибших героев. [Б. М.] 1936, с. 192—193 (на кит. яз.).

ня в качестве председателя цзянсийского провинциального крестьянского союза и заведующего крестьянским отделом провинциального комитета гоминьдана в значительной степени способствовала успеху Северного похода Национально-революционной армии в освобождении провинции от милитаристов в октябре-ноябре 1926 г.

После контрреволюционного переворота Чан Кайши в Шанхае в апреле 1927 г. и начавшейся вскоре чистки гоминьдановских организаций от коммунистов Фан Чжиминь незадолго до измены Уханьского правительства Ван Цзинвэя вынужден был покинуть Наньчан и выехать в Ухань. Он принимает участие в Наньчанском восстании 1 августа 1927 г., положившем начало созданию Рабоче-крестьянской Красной армии Китая.

В ответ на решение чрезвычайного совещания ЦК КПК 7 августа 1927 г., определившее общий курс партии на аграрную революцию как составную часть буржуазно-демократической революции и на организацию восстаний «Осеннего урожая», Фан Чжиминь едет к себе на родину, в уезд Иян, поднимать крестьян на восстание. В сентябре-октябре 1927 г. он устанавливает связь с комитетом КПК уезда Поян и, получив инструкции и информацию о плане восстания «Осеннего урожая» от уполномоченного провинциального комитета партии, вместе с Шао Шипином начинает работу по восстановлению крестьянских союзов, партийных организаций в уездах Иян и Хэнфэн и по созданию военизированных объединений из крестьянских отрядов самообороны и местных углекопов. К декабрю 1927 г. в большинстве деревень этих уездов имелись военизированные отряды по 30—40 человек. Одновременно готовилось восстание. Оно намечалось на китайский Новый год (в 1928 г. этот праздник приходился на 23 января по новому стилю), но началось раньше, в конце декабря, в результате стычки крестьян и местных углекопов с отрядом, сопровождавшим сборщиков налога⁴.

По сигналу Хэнфэнского уездного комитета КПК поднялись отряды, а за ними и крестьянская масса в уездах Хэнфэн и Иян. В течение двух месяцев в уездах и уездных центрах проводились ликвидации помещиков и шэньши, раздел земли и имущества, отмена непомерных налогов, поборов и долгов. В уезде Иян, а затем в Хэнфэн были созданы советские органы власти. Во главе Советов стал Фан Чжиминь, он же возглавил и вооруженные отряды; была сформирована отдельная рота, а затем батальон Рабоче-крестьянской Красной армии. Как только возникли Советы в северо-восточной части провинции Цзянси, вспоминал позднее Фан Чжиминь, «они сразу же подверглись яростному нападению врага. Противник наступал на советские районы силами, в несколько раз превосходившими (по численности, вооружению и техническому оснащению) наши войска. Однако он нес поражение за поражением, советские же районы непрерывно расширялись»⁵.

В мае 1928 г. состоялись съезды рабочих, крестьянских и солдатских депутатов в уездах Иян и Хэнфэн, обнародовавшие политическую программу Советов и положившие начало созданию Советского правительства во всем районе реки Синьцзян. 1 ноября 1929 г. открылся первый съезд Советов Синьцзянского района, а 20 марта 1930 г. — второй съезд.

Под руководством Фан Чжиминя работа велась не только среди крестьян, но и среди рабочих в таких городах, как Поян, Лэпин, Миньшань, Хэкоу, Цзиндэчжэнь и др., где создавались профсоюзы, парторганизации, пикеты и вооруженные отряды из рабочих. Рабочие, особенно моряки и портовые рабочие, обслуживавшие суда на реке Синьцзян, оказывали помощь отрядам Красной армии в борьбе против гоминьдановских войск⁶.

Под руководством Фан Чжиминя Советы и Рабоче-крестьянская Красная армия в Северо-Восточной Цзянси продолжали расширяться и укрепляться. Фан Чжиминь пользовался поддержкой и любовью народных масс, которые шли под советские знамена. В 1930 г. под его командованием насчитывалось свыше 7 тыс. бойцов, из которых был сформирован 10-й корпус Красной армии. При поддержке населения 10-й корпус под командованием Фан Чжиминя одержал ряд побед над гоминьдановскими войсками. На стыке провинций Фуцзянь, Чжэцзян и Цзянси был создан обширный советский район, включавший свыше 20 уездов.

Фан Чжиминь был решительным и последовательным сторонником советского движения и гордился этим. Незадолго до своей гибели он писал: «Я — маленькая частичка советского движения в Китае. Все свои силы я отдавал борьбе за расширение и укрепление советского района в северо-восточной части провинции Цзянси и за создание Советов, мы добились в прошлом многих побед и свершений, громили и уничтожали силы упорного и лютого врага»⁷.

Положение в советском районе Северо-Восточной Цзянси Фан Чжиминь характеризовал так: «Советский район Северо-Восточной Цзянси охватывал экономически отсталые деревни. К тому же он подвергался жестокой блокаде гоминьдановцев и не

⁴ См.: Шао Шипин. Рождение 10-го корпуса китайской Рабоче-крестьянской Красной армии (на кит. яз.). — «Реют красные знамена» (Пекин), 1959, № 12, с. 58—61.

⁵ Фан Чжиминь. Тюремные записки, с. 44—45.

⁶ См.: Советы в Китае. Сборник материалов и документов. М., 1934, с. 336—342.

⁷ Фан Чжиминь. Тюремные записки, с. 42.

мог получать извне никакой экономической помощи. Однако, поднимая активность и творческий дух трудового народа, мы добились невиданного доселе развития промышленности, сельского хозяйства и торговли. Бегство крупных купцов и экономическая блокада привели торговлю в наших районах к полному краху. Мы заново наладили советскую торговлю и сумели удовлетворить нужды населения в товарах... Глубокая пропасть, в которой оказалась экономика Китая, есть результат хозяйничанья гоминьдановцев, а не какая-то фатальная неизбежность. В условиях существования власти Советов исключается возможность упадка экономики, наоборот, наступил бы замечательный расцвет хозяйства страны. В ближайшие годы экономическое строительство началось бы во всех наших советских районах. А более отдаленную перспективу можно было бы сравнить с великим строительством социализма в Советском Союзе. И все это подтверждается фактами»⁸.

Советский район в Северо-Восточной Цзянси в смысле постановки массовой работы был одним из лучших и образцовых. Это признавали не только друзья, но и гоминьдановцы. «Представитель противника, — писал Фан Чжиминь, — в беседе со мной заявил, что, по их мнению, массы северо-востока Цзянси «слишком бандитизированы», «слишком преданы компартии» и поэтому они (противники) не в состоянии справиться с ними. Дело, конечно, не в том, что у нас в районе массы какие-то особенные, — это лишь результат упорной и широко развернутой работы партии среди масс. Необходимо и в других районах популяризовать методы нашей массовой работы»⁹.

В 1928 г. на VI съезде КПК Фан Чжиминь был заочно избран членом ЦК КПК, а на первом и втором Всекитайских съездах Советов (1931, 1934) — членом Центрального Исполнительного комитета Китайской Советской Республики.

Гоминьдановская реакция боялась и ненавидела Фан Чжиминя. В крупнейших городах — в Нанчане, Фучжоу, в частности, — были вывешены объявления, в которых за Фан Чжиминя (живого или мертвого) предлагалась награда — 50 тыс. юаней. Однако никто не посягнул на жизнь Фан Чжиминя ради этой награды. Опасность для жизни Фан Чжиминя и его соратников, однако, неожиданно возникла в связи с организованной Мао Цзэдуном в конце 1930 — начале 1931 г. кампанией «по борьбе с контрреволюцией».

Стремясь создать свою личную клику и подчинить себе воинские части и органы советской власти в провинции Цзянси, Мао Цзэдун в качестве председателя фронтового комитета под предлогом борьбы с контрреволюционной организацией «эйбитуань» — антибольшевистским союзом, учинил тогда кровавую расправу над теми коммунистами, которые не были согласны с ним и выступали против его диктаторских, милитаристских замашек. По некоторым данным, в ходе этой кампании, которая проходила под лозунгами «расширения борьбы с контрреволюцией» и «сосредоточения всей работы на борьбе с контрреволюцией» и продолжалась в течение всего 1931 и в начале 1932 г., было репрессировано и казнено только в советских районах провинции Цзянси около 10 тыс. человек, главным образом коммунистов и сочувствующих им¹⁰.

Поскольку Фан Чжиминь не был согласен с установками Мао Цзэдуна «о расширении борьбы с контрреволюцией» и «сосредоточении всей работы на борьбе с контрреволюцией», угроза расправы нависла и над ним. В своем письме-завещании, написанном в гоминьдановской тюрьме и адресованном ко всем членам партии, Фан Чжиминь по этому поводу писал: «Я неоднократно говорил товарищам, что в работе по борьбе с контрреволюцией мы допустили много ошибок, но товарищи обвинили меня в нерешительности и недостатке классовой бдительности. Я питаю исключительную ненависть к контрреволюционным элементам; вместе со всеми товарищами по работе я обращал большое внимание на борьбу с контрреволюционерами и теперь не рекомендую пренебрегать этой работой... Но я против преувеличения сил контрреволюции и недооценки политической мощи и авторитета партии и советской власти. Я против взаимного необоснованного недоверия между товарищами, против легкомысленных решений без тщательного, кропотливого сбора материалов и фактов, ибо ошибки в этом деле недопустимы: они могут создать панику среди масс, деморализовать наши кадры и привести к потере этих кадров. Я уверен, что из-за таких ошибок мы потеряли немало ценных работников. Упустить из рук контрреволюционера или по ошибке наказать революционера, товарища — одинаковое преступление перед революцией и партией»¹¹.

И далее: «Спрашивается, были ли на северо-востоке провинции Цзянси скрытые контрреволюционеры? Несомненно были, но не было так много. Была ли контрреволюционная организация? Да, несомненно была, но не была такой большой. Это объясняется ростом политической силы и авторитета партии и Советского правительства, сознательностью и организованностью рабоче-крестьянских масс — все это препятствовало и мешало развитию контрреволюционной организации (так, например, контрреволюционная организация в уезде Куян состояла всего лишь из трех человек)»¹².

⁸ Там же, с. 45—46.

⁹ Фан Чжиминь. Письмо к товарищам. — «Коммунистический Интернационал». 1936, № 2, с. 52.

¹⁰ См.: Гу Чу. Красная армия и я. Гонконг, 1954, с. 247 (на кит. яз.).

¹¹ Фан Чжиминь. Письмо к товарищам, с. 53.

¹² Там же.

Характерно, что это завещание Фан Чжиминя, в котором дан марксистско-ленинский анализ ошибок, допущенных в борьбе с контрреволюцией в советских районах Цзянси, вина за которые целиком ложится на Мао Цзэдуна, не включается в издающиеся в КНР статьи и брошюры о Фан Чжимине.

Военный советник при ЦК КПК немецкий коммунист-интернационалист Отто Браун, находившийся в Китае в 1932—1939 гг., считал Фан Чжиминя не только «одним из наиболее выдающихся руководителей восстания 1927 г.», но и выдающимся политическим и военным руководителем китайской Красной армии наряду с Чжу Дэ, Пэн Дэ-хуаем, Хэ Луном и Лю Бочэном¹³.

Действительно, Фан Чжиминь очень много уделял внимания созданию «железной Красной армии» Китая. Незадолго до своей казни он писал в письме ко всем членам партии: «Я считаю, что необходимо: а) выделить самые лучшие силы для работы в Красной армии, ибо в условиях гражданской войны центральная задача — создание железной Красной армии для ведения победоносной гражданской войны; б) партия должна обратить самое серьезное внимание на подготовку кадров для Красной армии; в) все члены партии должны усиленно изучать военное дело, овладеть военными знаниями, стратегией и тактикой и смело идти на фронт для руководства боями; г) партийные организации Красной армии должны наладить средства связи и приложить все усилия для правильной организации разведывательной работы на территории, занятой противником»¹⁴.

Особое внимание Фан Чжиминь уделял политической работе в китайской Красной армии, считая ее основным условием обеспечения сплоченности, закалки и боеспособности. В своем завещании он писал по этому поводу: «В прошлом мы уделяли недостаточно внимания политработе в Красной армии... Особенно нужно отметить, что политработники зачастую были оторваны от бойцов, между ними не установилось достаточно дружеских и близких отношений... Надо учитывать, что в процессе длительной войны явления усталости и отдельные упадочные настроения среди бойцов неизбежны. Необходимо вести терпеливую, упорную политработу, чтобы вдохновлять бойцов, укреплять волю и уверенность в победе. Надо решительно вести борьбу против ссылок на недостаток времени для политработы, нужно вопреки всем трудностям вести политработу, невзирая на усталость и голод»¹⁵.

В июле 1934 г. решением Центрального советского правительства и Реввоенсовета Красной армии была сформирована Антияпонская авангардная колонна, в состав которой вошли 7-й и 10-й корпуса Красной армии. Командующим колонной назначили Фан Чжиминя. Перед колонной была поставлена задача — под лозунгом мобилизации масс для отпора японской агрессии в Северном Китае вести партизанскую войну в стратегическом тылу Чан Кайши (в провинциях Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхуэй), чтобы облегчить положение главных сил Красной армии в Центральном советском районе, оказавшемся в плотном кольце окружения гоминьдановских войск.

Успешные действия Антияпонской авангардной колонны, а также 6-го корпуса на западном, хунаньском, фронте в начальный период действительно облегчили положение главных сил Красной армии в Центральном советском районе и позволили им в октябре 1934 г. прорвать кольцо окружения гоминьдановских войск и начать Западный поход. Но в конце 1934 — начале 1935 г. Антияпонская авангардная колонна подверглась нападению во много раз превосходящих сил противника в провинции Чжэцзян и южной части провинции Аньхуэй и понесла тяжелые потери.

Фан Чжиминь с остатками сил решил пробиваться обратно в советский район Северо-Восточной Цзянси, но в результате предательства попал в ловушку противника, был захвачен в плен вместе с 35 другими командирами и политработниками и брошен в застенки. Однако и там он продолжал борьбу. В гоминьдановском каземате, несмотря на тяжелую болезнь и невероятные истязания, с минуты на минуту ожидающая казни, несгибаемый революционер сумел написать ряд писем и записок в ЦК КПК и ко всем членам партии, в которых обобщил опыт революционной работы, с большевистской прямотой вскрыл недостатки и ошибки в борьбе с контрреволюцией, в руководстве Красной армией, в подготовке кадров, в партийной и массовой работе в несоветских районах, особенно в городах, в партийно-воспитательной работе и т. п. и наметил пути их исправления. Ему удалось передать на волю нелегальным путем часть этих писем и записок, явившихся по существу его завещанием всем членам партии. В этих предсмертных письмах и записках, исполненных страстной ненависти к врагам и любви к родине, он призывал китайских коммунистов бороться под знаменем марксизма-ленинизма, под руководством Коминтерна и ЦК КПК, чтобы «сделать Китай такой же богатой, сильной и счастливой страной социализма, какой является Советский Союз...»¹⁶.

Много внимания Фан Чжиминь уделял вопросам укрепления партии, подготовке партийных кадров, связи теории с практикой, теоретическому и идеологическому воспитанию членов КПК. В одном из писем он писал: «Работа по выращиванию кадров сейчас важнее, чем когда-либо. Успехи работы партийной школы в нашем районе

¹³ См.: Отто Браун. Китайские записки, 1932—1939. М., 1974, с. 103, 136.

¹⁴ Фан Чжиминь. Письмо к товарищам, с. 52.

¹⁵ Там же, с. 51.

¹⁶ Фан Чжиминь. Тюремные записки, с. 41.

(Северо-Восточной Цзянси) пока еще невелики. Главной причиной этого, по-моему, является отсутствие увязки теории с практикой... Руководство уделяло мало внимания обсуждению теоретических вопросов и вопросов идеологической борьбы с противниками... Я предлагаю: а) ввиду невозможности в нынешней обстановке спокойно организовать регулярные партийные школы организовать краткосрочные курсы или совещания для проведения воспитательной работы, ставить различные практические вопросы и увязывать их с теоретическими вопросами и решениями партии...; б) больше внимания обратить на метод разрешения ежедневных практических вопросов: руководить молодыми товарищами, давать им необходимые разъяснения и тем самым обогащать их опытом работы и борьбы; в) необходимо усилить идеологическую борьбу внутри партии и тем самым повысить уровень политической и воспитательной работы»¹⁷.

В заключение Фан Чжиминь выражал уверенность, что будут приложены все усилия «для воспитания тысяч новых рабоче-крестьянских кадров» и будет заполнена брешь, образовавшаяся в результате понесенных партией больших потерь¹⁸. Фан Чжиминь призывал партию «глубже проникать в массы, идти вместе с массами, вести кропотливую, терпеливую воспитательную работу среди масс, руководить борьбой масс»¹⁹.

Придавая особое значение работе партии в городах, Фан Чжиминь отмечал, что «некоторые товарищи слишком переоценивают опасность белого террора, как будто у противника тысячи ушей и глаз, которые не только не дадут нам возможности вести работу, но и не дадут ни одного дня прожить в городе... Такие настроения, — писал он, — абсолютно ошибочны. Если у товарищей имеется необходимый опыт городской жизни, то для маскировки можно найти соответствующую профессию. Нужны, конечно, достаточные средства для существования, готовность к тяжелым условиям работы, овладение техникой конспирации и соблюдение ее. При этих условиях успех работы в городах, несомненно, будет обеспечен...»²⁰ Фан Чжиминь выражал уверенность, что партия срочно подготовит группы работников для работы в городах, выделит часть более опытных и способных кадров, даст им соответствующую подготовку и пошлет их на работу в города. «Надо вести серьезную борьбу, — подчеркивал Фан Чжиминь, — с недооценкой и пренебрежительным отношением к работе в городах»²¹.

Фан Чжиминь призывал партию улучшить отношение к пленным из вражеских армий и усилить воспитательную работу среди них. Он разработал подробную программу работы среди пленных. «Надо, — писал он, — наладить дружеские отношения с пленными или использовать старые, традиционные формы организации для установления связи с ними, чтобы после освобождения у пленных осталось хорошее воспоминание о советских районах... Солдатам, переходящим к нам с оружием, давать денежную компенсацию, вести среди них воспитательную работу. Часть из них может остаться работать у нас, но другую часть необходимо посылать для работы среди солдат в белой армии. Если мы хорошо используем их, то добьемся хороших результатов. Нам нужно серьезно бороться против оппортунистической боязни, трудностей работы среди солдат и против той точки зрения, что якобы такая работа все равно не даст результата... Не нужно бояться использовать пленных солдат, — завещал Фан Чжиминь. — Надо только хорошо вести политическую работу среди пленных и хорошо относиться к ним, и тогда они не причинят никакого вреда Красной армии»²².

Каждое слово, каждая строка в письмах-завещаниях говорили о беспредельной вере Фан Чжиминя в марксизм-ленинизм, в мировое коммунистическое движение, в социалистическое будущее Китая. Именно эта вера и преданность делу национального и социального освобождения китайского народа воспитали из него славного рыцаря китайской революции, последовательного коммуниста-интернационалиста.

«Мы — коммунисты, — писал Фан Чжиминь незадолго до казни, — умираем за дело революции без всяких сомнений и тем более без тени страха... С первого и до последнего дня мы были сторонниками и проводниками линии партии, преданными последователями марксизма-ленинизма. Мы сознаем величие Коммунистического Интернационала и правильность его руководства революционным движением во всем мире. Мы сознаем величие большевистского Центрального Комитета Компартии Китая и правильность его руководства китайской революцией (именно того Центрального Комитета КПК, который позднее Мао Цзэдун и его сторонники оклеветали как «лево-оппортунистический». — А. Т.). Мы твердо уверены, что под ленинским руководством Коминтерна и ЦК КПК революция в Китае... в недалеком будущем обязательно увенчается успехом!»²³

Понимая в то же время, что победа не может быть достигнута без тяжелой борьбы и напряжения всех усилий, он призывал всех членов партии сплотиться вокруг Центрального Комитета партии, «повышать большевистскую активность, решительность, творческий дух». «Надо всегда следовать примеру товарища Ленина, — писал

¹⁷ Фан Чжиминь. Письмо к товарищам, с. 54.

¹⁸ Там же, с. 55.

¹⁹ Там же, с. 52.

²⁰ Там же, с. 54.

²¹ Там же.

²² Там же, с. 53—54.

²³ Фан Чжиминь. Тюремные записки, с. 53.

он, — в день работать по 16 часов, упорно трудясь для дела партии»²⁴. Снова и снова Фан Чжиминь призывает членов партии: «Активно развертывайте движение рабочих в городах (сейчас это самое слабое звено в нашей партийной работе)! Не бойсь трудностей, ведите работу среди солдат гоминьдановской армии... Широко развертывайте крестьянское движение, добивайтесь того, чтобы многомиллионные массы угнетенных рабочих, крестьян и солдат стали под знамена нашей партии! Развертывайте по всему Китаю партизанскую войну, распыляйте гоминьдановские силы!»²⁵. Это предсмертное письмо заканчивалось лозунгами: «Да здравствует Коммунистическая партия Китая!», «Да здравствует Коммунистический Интернационал!», «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует победа коммунизма во всем Китае!».

В другом письме-завещании Фан Чжиминь писал: «Товарищи! Мои самые дорогие товарищи! Мы прощаемся навсегда. Желаю вам активно работать. Самое тяжелое для меня — это то, что я навсегда теряю возможность работать для партии. Вы должны ценить ваше наивысшее счастье, что имеете возможность и в дальнейшем бороться и работать для нашей партии»²⁶.

После бесчисленных издевательств и мучений в гоминьдановской тюрьме в августе 1935 г. Фан Чжиминь был казнен в Наньчане по приказу Чан Кайши.

Героическое поведение Фан Чжиминя и его соратников перед гоминьдановским судом и в тюрьме вызвало огромное сочувствие к ним всех честных людей в Китае и во всем мире. «При чтении писем товарища Фан Чжиминя и его соратников, — писал видный руководитель КПК Ван Мин, — трудно удержаться от слез не только нам, его близким друзьям и товарищам, но и всем людям, которые привыкли чтить великих революционеров, людей, отдающих жизнь за народное дело. В этих письмах каждое слово, каждая строка написаны кровью настоящих коммунистов»²⁷.

В августе 1977 г. преемники Мао, свалив всю вину за это преступление на Линь Бяо и «банду четырех», в торжественной обстановке произвели перезахоронение останков Фан Чжиминя. Это событие было описано в «Жэньминь жибао», которая в присущей маоистам циничной манере причислила Фан Чжиминя к «лучшим ученикам» Мао Цзэдуна, хотя он не был и не мог быть «учеником» Мао Цзэдуна, так как его взгляды, как видно из вышеизложенного, полностью расходились со взглядами последнего²⁸. И не Фан Чжиминю, а Мао Цзэдуну надо было учиться — учиться у Фан Чжиминя верности марксизму-ленинизму, международному коммунистическому движению, пролетарскому интернационализму и борьбе за социалистический Китай.

В своих предсмертных письмах-завещаниях Фан Чжиминь лишь один раз упомянул имя Мао Цзэдуна в связи с его выступлением на II съезде Советов в январе 1934 г., когда Мао Цзэдун назвал советский район Северо-Восточной Цзянси образцовым²⁹. Известно, что Фан Чжиминь не поддерживал личного контакта с Мао Цзэдунем и не считал его вождем партии. Кроме того, известно, что руководство цзяньсиньского провинциального комитета КПК обвиняло Мао Цзэдуна в начале 30-х годов в том, что он не подчиняется партийным решениям и указаниям ЦК КПК, а на расширенном совещании Бюро ЦК КПК в Ниндун в августе 1932 г. Мао Цзэдун был отстранен от всех занимаемых им постов. Надо полагать, что Фан Чжиминь знал об этом. И видимо, не случайно в своем письме-завещании писал: «И если сейчас имеются такие товарищи, которые не выполняют партийных решений и указаний... то эти люди не настоящие работники революции, а всего лишь фальшивые члены партии. Эти люди забывают о сотнях и тысячах коммунистов, подвергшихся пыткам и вынужденных испить горькую чашу в гоминьдановских застенках... И что еще страшнее, они забывают о сотнях миллионов изнемогающих под бременем тяжелого труда рабочих и крестьян, которые испытывают невероятные страдания от голода и холода и которым просто невозможно дальше так жить!»³⁰

Конечно, Фан Чжиминь не мог тогда предвидеть, что Мао Цзэдун и его сторонники встанут на путь предательства революционных завоеваний китайских коммунистов и китайского народа, изменят марксизму-ленинизму и международному коммунистическому движению, но как точно и метко звучат сегодня слова Фан Чжиминя о фальшивых коммунистах!

Светлая память о славном сыне китайского народа, доблестном рыцаре китайской революции, марксисте-ленинце, коммунисте-интернационалисте, верном друге Советского Союза, навсегда сохранится в сердцах всех коммунистов как в Китае, так и за его пределами.

²⁴ Фан Чжиминь. Тюремные записки, с. 53.

²⁵ Там же, с. 53—54.

²⁶ Фан Чжиминь. Письмо к товарищам, с. 55.

²⁷ Ван Мин. Мужественный большевик — национальный герой Китая Фан Чжиминь. — «Коммунистический Интернационал», 1936, № 2, с. 48—49.

²⁸ См.: «Жэньминь жибао», 27.X.1979.

²⁹ См.: Фан Чжиминь. Тюремные записки, с. 46.

³⁰ Там же, с. 54.

КУЛЬТУРА И НАУКА

Великий гуманист

**К 50-летию визита в Советский Союз
и 120-летию со дня рождения
Рабиндраната Тагора**

*А. П. Гнатюк-Данильчук,
кандидат филологических наук*

Имя великого сына индийского народа Рабиндраната Тагора золотыми буквами вписано в историю мировой культуры. Оно по праву занимает в ней место рядом с именами величайших корифеев литературы и искусства всех времен и народов. А. В. Луначарский справедливо отмечал, что его произведения «составляют сейчас одно из сокровищ общечеловеческой культуры»¹.

Р. Тагор (1861—1941) прожил долгую и сложную жизнь. Его мировоззрение и литературный метод начали формироваться под воздействием важных общественно-политических процессов, происходивших в Индии во второй половине прошлого века, когда Индия была английским колониальным владением. Скончался же он всего за несколько лет до обретения Индией независимости.

Однако значение творчества Р. Тагора, основоположника современной индийской литературы и крупнейшего писателя Индии, далеко выходит за чисто национальные рамки и имеет общечеловеческий характер.

Весь свой огромный художественный талант Тагор посвятил одной цели — провозгласению высоких гуманных идеалов в отношениях между людьми, обличению всего того, что принижает человека, пробуждает в нем низменные инстинкты, калечит и уродует личность, омрачает отношения между народами. Обширнейшее художественное и публицистическое наследие Р. Тагора играло и продолжает играть огромную роль для становления и развития литературы и искусства не только народов Индии, но и всей общечеловеческой культуры, прежде всего для становления и развития духовной культуры народов тех стран, которые сбросили вековое ярмо колониального угнетения и выходят на широкую дорогу свободного и независимого развития, на путь к национальному возрождению, экономическому и социальному прогрессу.

Подобно тому как творчество Л. Н. Толстого было, по определению Ленина, «зеркалом русской революции», Тагор в своих художественных произведениях и многочисленных публицистических выступлениях выражал чаяния и стремления простых людей Индии — одной из тех колониальных и полуколониальных стран, народы которых, как отмечал Ленин, «составляя огромное большинство населения земли, пробуждены к политической жизни уже с начала XX века, особенно революциями в России, Турции, Персии и Китае»².

Обширен диапазон творческих исканий Тагора, разнообразен круг интересующих его социальных проблем. Его творческое наследие — романы, рассказы, поэтические произведения, пьесы, публицистика — составляет много десятков томов. Многие любимые герои Тагора — рядовые индийцы, страдающие от несправедливости и нищеты в колониальной Индии, осуждающие и критикующие ее суровую действительность, вступающие в борьбу за справедливость, против произвола английских колониальных властей. Бесчинства колонизаторов, раболепие индийских чиновников, пассивность и запуганность крестьян — все это глубоко возмущает и волнует Тагора. Он показывает, что британское «правосудие» в Индии обеспечивает колонизаторам полную безнаказанность.

В своих художественных произведениях — романах «Гора», «Дом и мир» и других — Тагор образно показал выдвигающиеся индийской действительностью проблемы, создал типические образы людей, живших и борющихся в Индии в последней четверти XIX — первой трети XX в.

Во всем творчестве Тагора громко звучат гражданские и патриотические мотивы. Поэт обращается к родине — Бенгалии, призывает ее сынов пробудиться ото сна и найти достойное место в жизни. Поэт призывает соотечественников объединиться в борьбе с тиранией и подумать о всех тех, кто обездолен и страдает:

Повернитесь к тем, кто стоит, опустив головы,
Они живут, подбирая объедки.

¹ «Красная Нива», 1923, № 1, с. 30.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 4—5.

А когда у них отбирают и эти крохи
И жестокая тирания лишает их даже жизни,
Они не знают, к кому звать о справедливости.
Мы должны пробудить в их усталых, разбитых сердцах надежду,
Для этого мы сами должны поднять голову и объединиться.
Поборники несправедливости, которых вы бонтеся, слабее, чем вы³.

Идею необходимости улучшения положения масс Тагор развивает в своих многочисленных выступлениях и статьях. Он указывает на опасность разжигания индомульманской вражды, поощряемой колониальным правительством, пишет статью о социализме, отмечая, что «социализм стремится к... равномерному распределению материальных благ между всеми и тем самым к обеспечению возможно большей свободы для всех»⁴.

Писатель показал себя мастером психологического анализа. Тагор фактически создал новый стиль бенгальской реалистической прозы. Сжатый и лаконичный и вместе с тем яркий и выразительный стиль Тагора возник в процессе преодоления старого романтического стиля, свойственного бенгальской художественной прозе XIX в., преодоления условности сюжетов и образов, излишней цветности и напыщенности. Наиболее драматические события Тагор описывает без ненужного пафоса простым, даже несколько «будничным» языком.

Развивая лучшие традиции своих предшественников, Тагор внес коренные изменения в бенгальский литературный язык, широко использовал лексику, бытующую в народе, и грамматические нормы разговорной речи. Фактически это означало рождение современного бенгальского литературного языка. Тагор писал об этом: «Мне самому пришлось создавать бенгальскую прозу. Прозанического языка не было, и я был вынужден создавать его частями, пластами».

Творчество Тагора оказало большое влияние на литературу народов Индии. Его главные особенности — гуманизм, реализм, критическая направленность — сыграли важную роль в становлении критического реализма в индийской литературе. Крупнейшие индийские писатели-реалисты Премчанд, Шоротчондро Чоттопаддхай и другие подчеркивали большое влияние Тагора на свое творчество.

Напряженная творческая деятельность писателя сочетается с живым интересом ко всем явлениям общественной жизни страны. Когда английские власти арестовали Тилака, одного из виднейших деятелей национально-освободительного движения, Тагор выступил в его защиту. Он присоединился к кампании за освобождение Тилака, организовал сбор денежных средств для оказания помощи борцу за независимость Индии.

Горячий поборник национальной культуры, Тагор настойчиво боролся за внедрение бенгальского языка в обиход учреждений и общественных организаций. Он настаивал на том, чтобы бенгальских детей обучали на родном языке, собирал народные песни, читал лекции о фольклоре, раскрывая его значение для развития бенгальской литературы. Одним из самых сокровенных замыслов, осуществленных Тагором, было создание национальной школы, открытой в поместье его отца в Шантиникетоне. Как справедливо отмечает один из индийских исследователей жизни и творчества Тагора, «она (школа. — А. Г.) была... новым путем реализации его творческого, страстного стремления принести пользу своему народу, его эпосом, над которым он продолжал трудиться всю свою жизнь»⁵. Дж. Неру высоко оценил педагогическую деятельность Тагора: «Его созидательная деятельность в области просвещения, вначале незаметная, уже тогда превратила Шантиникетон в один из очагов индийской культуры»⁶. Ныне университет в Шантиникетоне — один из наиболее крупных в Индии.

Тагор был видным деятелем освободительного движения «свадеш», которое прокатилось по Бенгалии в начале XX в. Тагор выступает на собраниях и митингах, пишет политические статьи, сочиняет патриотические песни, которые распевают везде: во время демонстраций, на собраниях, в деревнях. Р. Роллан писал: «Именно тогда пробил великий, несправедливо забытый исторический час Рабиндраната Тагора. Он отметил вершину его политической деятельности и популярности... Неутомимый оратор, он всюду расточал свое изумительное красноречие... Он создавал национальные поэмы и гимны, которые сейчас же становились популярными и передавались из уст в уста пылкой молодежи. Наконец, он работал над развитием туземных ремесел и народного образования, на нужды которого отдавал все свои личные средства»⁷.

Рабиндранат Тагор был большим и искренним другом нашей страны. Он высоко оценивал глубочайшие прогрессивные преобразования, происшедшие в ней после победы Великого Октября, и видел в них образец пути, по которому должны идти и народы других стран, чтобы добиться осуществления высоких идеалов социальной справедливости, торжества мирных, дружественных отношений между ними на между-

³ Тагор. Собр. соч. (на бенгальск. яз.), т. 4. Калькутта, 1957, с. 33.

⁴ «Деш». Шахитто Шонккха (Литературное обозрение журнала «Деш»), 1963, с. 126.

⁵ К. Крипалани. R. Tagore. A Biography. London, 1962, p. 190.

⁶ Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955, с. 365.

⁷ Р. Роллан. Собр. соч., т. 20. Л., 1936, с. 118.

народной арене. В 1926 г. в приветствии советскому народу он писал, что узнал Россию и проникся любовью к ней, изучая ее великую литературу.

В то же время Р. Тагор был страстным обличителем идеологии великодержавного шовинизма, в которой он по справедливости видел одно из основных препятствий на пути к воплощению в жизнь своих социальных идеалов. В сборнике «Национализм» он пишет: «Целью человеческой истории не может быть ни бесцветная неопределенность космополитизма, ни самообожание яростного национализма»⁸. В обширном публицистическом наследии Рабиндраната Тагора эта тема занимает важнейшее место.

Многие работы Р. Тагора посвящены разоблачению как националистической идеологии вообще, так и национализма в его конкретных воплощениях в разных странах Запада и Востока. Высоким бланфом истинного интернационализма проникнуты, в частности, яркие выступления Тагора против агрессивной войны, развязанной японским империализмом в Китае с целью его порабощения.

12 апреля 1924 г. Тагор по приглашению Ассоциации университетских лекторов Китая приезжает в эту страну. Он читает в Китае многочисленные лекции, часть которых была опубликована в 1925 г. в книге «Беседы в Китае».

По пути он получает приветствие от Сунь Ятсена. Уже в своей первой лекции в Шанхае Тагор подчеркивает традиционную дружбу между народами Индии и Китая. «Если мы хотим воскресить благородную и величественную, чисто восточную цивилизацию,— пишет он,— народы Китая, Японии и Индии должны объединиться, чтобы познакомить весь мир с нашей культурой и сделать, таким образом, подлинными центрами азиатских народов прославленными и известными во всем мире»⁹.

Но призывы Тагора к утверждению высоких идеалов духовности, гуманности, бескорыстия не нашли отклика у большинства слушателей, а у левацки настроенных кругов китайской молодежи вызвали даже резкие протесты. В ее глазах он был «реакционером», звавшим назад, к прошлому, вместо того чтобы указывать путь «вперед».

Все это глубоко разочаровало и уязвило поэта, и он резко сократил число своих лекций. Впоследствии, когда в 1929 г. Тагор вторично посетил Китай, он наотрез отказался читать там лекции, зная, что шовинистически настроенные круги относятся к нему недружелюбно. Так, Шанхайский городской комитет гоминьдана обратился даже с посланием в ЦИК гоминьдана с требованием «прекратить и предотвратить в дальнейшем какие-либо приветствия в адрес индийского поэта-философа от учебных заведений или общественных учреждений»¹⁰. Выступления Р. Тагора против шовинизма и национализма пришлось не по вкусу тогдашним китайским шовинистам, как, впрочем, позднее и сменившим их маоистам, которые жгли в кострах книги Тагора в годы «культурной революции».

Тагор почувствовал ядовитые ростки национализма в Китае задолго до того, как самые крайние и уродливые формы национализма были возведены в Китае маоизмом в ранг государственной идеологии и политики.

Перед отъездом из Китая в 1924 г. Тагор встретился с официальным представителем Советского правительства в Пекине Л. Караханом и выразил желание посетить Советский Союз. Поездка эта, однако, осуществилась лишь через шесть лет.

В сентябре 1930 г. исполнилось 50 лет с того времени, когда Р. Тагор посетил Советский Союз. «Если бы я сюда не приехал, главное паломничество в моей жизни не было бы совершено»¹¹,— писал поэт.

Тагор пробыл в Советском Союзе недолго — с 12 по 25 сентября 1930 г., но сумел увидеть и понять чрезвычайно много. Впечатления от этой поездки он сохранил до конца жизни и продолжал внимательно следить за успехами нашей страны. Исследователи жизни и творчества Р. Тагора отмечают, что эта поездка «дала новое направление его индивидуальности, новый угол зрения его воображению в видению»¹². «Ни одна страна, которую я посетил, еще так не потрясла моего воображения,— делится поэт с друзьями своими впечатлениями.— Здесь вся страна, устремленная к одной цели, собрала все свои силы, связала их единой нервной системой и как бы превратилась в один гигантский организм, в одну колоссальную личность... Они создают нечто совершенно небывалое, как это ни называй — общее дело, единство духа или общественная собственность»¹³.

Тагор всем сердцем понял и оценил подлинный демократизм советского общества, принял его всей душой и до конца своих дней оставался верным и искренним другом Советского Союза.

В дни пребывания Тагора в Москве газета «Известия» писала: «Высокий и чуть сгорбленный, седобородый и длинноволосый... в своей полусвященнической одежде, он сидит среди нас, слушает наши приветствия с полузакрытыми глазами... он хочет

⁸ Р. Тагор. Национализм. Пб., 1922, с. 7.

⁹ In: St N. Ray. Asian Ideas of East and West. Cambridge, Mass., 1970, p. 149.

¹⁰ Ibid., p. 323.

¹¹ Р. Тагор. Собр. соч., т. 20. Калькутта, 1955, с. 278.

¹² Nahar Ganjan Ray. An Artist in Life. Trivandrum, 1967, p. 289—290.

¹³ Р. Тагор. Собр. соч., т. 20, с. 304.

знать и признателен за все, что мы рассказываем ему, ему хотелось бы знать все о нашей жизни, о нашей литературе, о нашем культурном строительстве, одно только останавливает его... сил не так уж много...

Этот удивительный гость из далекой страны преодолел свои годы, свою стариковскую слабость, огромное расстояние, трудности пути и приехал к нам затем, чтобы узнать, собственными глазами увидеть, как складывается новый человек в новых, еще небывалых в мире условиях»¹⁴.

24 сентября 1930 г. в Колонном зале Дома Союзов состоялся торжественный вечер в честь великого поэта; на нем присутствовало более двух тысяч человек. Тагор выступил с большой речью, в которой сказал, в частности, что то немногое, что он успел увидеть в нашей стране, свидетельствует об «изумительных успехах, которых вы добились, о чуде, которое вы совершили». В гостинице, где остановился Тагор, всегда было многолюдно. Повидать прославленного гостя, поговорить с ним приходили многочисленные группы студентов и преподавателей московских вузов, ученые-востоковеды, искусствоведы, литераторы, сотрудники московских газет и журналов.

Поездка в СССР вдохновила Тагора на создание одного из лучших его публицистических произведений — политически острой и правдивой книги «Письма о России» (главы книги впервые публиковались в журнале «Пробаши» на бенгальском языке в 1931 г.). Книга от первой до последней страницы проникнута искренними симпатиями автора к тому, что он видел вокруг, он восхищен творческими усилиями народа, создающего новую жизнь. Сравнивая и сопоставляя, Тагор в «Письмах о России» в то же время подвергает резкой критике англо-американский империализм. Неслучайно в Индии перевод «Писем о России» на английский язык был запрещен колониальными властями, а на индийский журнал, начавший печатать эту книгу, был наложен штраф.

Книга Тагора открывается словами: «Наконец-то я в России, и то, что вижу, чудесно. Непохоже на другие страны. В корне отлично. Они (коммунисты. — Ред.) разбудили здесь весь народ»¹⁵. Он восхищается тем, что образование, право на отдых, все жизненные блага принадлежат здесь трудящимся.

Особенно радуется Тагора рост культурного уровня некогда отсталых народностей бывших окраин царской России. «Не увидев собственными глазами, я никогда бы не поверил, что они всего лишь за десять лет смогли поднять со дна невежества и унижения сотни тысяч людей и не только научить их грамоте, но и привить им чувство собственного достоинства»¹⁶. Он пророчески говорит о том времени, когда индийцы смогут приезжать в СССР учиться.

Несмотря на утопизм социальных воззрений, проявившийся в некоторых высказываниях писателя в этой книге, он сумел правильно понять главные истоки общественного прогресса Советского Союза. «Здесь фабрики и заводы существуют не для того, чтобы набивать карманы своих или иностранных капиталистов, они принадлежат народу»¹⁷, — отмечает он, видя в этом главную социальную причину наблюдаемых им явлений.

Тагор говорит о насущной необходимости осуществления аграрных преобразований в Индии — создания крестьянских кооперативных обществ, использования современной техники, ликвидации помещичьего землевладения. На встрече с крестьянами в Москве Тагор сказал: «Если мы сможем научиться вашему опыту, мы будем в состоянии разрешить крестьянскую проблему в Индии наиболее эффективным способом»¹⁸.

Тагор пишет, что СССР, окруженный со всех сторон врагами, широко и последовательно выступает на международной арене как активный поборник политики мира, приводя в замешательство дипломатов империалистических держав прямотой, ясностью и неумолимой логикой своих предложений: «Помнится, в какое замешательство они привели ложных миротворцев из Лиги Наций своим предложением о разоружении. Цель Советов не расширение сфер влияния или экспансии, их цель — создание лучшей системы народного просвещения, создание необходимой основы материального благосостояния народа. Они больше всего нуждаются в мире... А во всех империалистических государствах производство оружия идет впереди хлеба насущного»¹⁹.

В книге «Письма о России» писатель дает оценку вековой английской господства в Индии: «Англия расстилала на хлебах голодной Индии. Многие англичане со всей серьезностью думают, что основной смысл существования Индии — вечно кормить Англию... Прошло более ста лет их господства, а мы не получили ни образования, ни здравоохранения, ни материального благополучия...»²⁰. «Повесть о том, как на гребне двух эпох — капитализма и феодализма, власть купцов (Тагор имеет в виду Ост-Индскую компанию. — А.Г.) стала подрезать корни дерева благосостоя-

¹⁴ «Известия», 16.IX.1930.

¹⁵ Р. Тагор. Собр. соч., т. 20, с. 273.

¹⁶ Там же, с. 315.

¹⁷ Там же, с. 321.

¹⁸ Цит. по: Ученые записки ЛГУ, № 279. Л., 1960, с. 7.

¹⁹ Р. Тагор. Собр. соч., т. 20, с. 287.

²⁰ Там же, с. 274.

ния нашей страны, рассказывалась сотни раз и набила уже оскомину, но в ней заложена первопричина страшной нищеты нашей страны... В Бенгалии производят джут, а в Шотландии получают прибыль. Вода прибылей поднимается в виде облаков над нашей страной и выпадает дождем, орошая земли на том берегу»²¹.

В «Письмах о России» Тагор подробно рассказывает об огромных достижениях советской страны в решении национального вопроса, приводит многочисленные цифры и факты. «Нам, британским подданным, и не снился такой безграничный, всеобщий энтузиазм, с каким они взялись за просвещение больших и малых народностей всех краев и областей России»²². «Эффективность, с какой при Советской власти распространяется образование среди самых отсталых, полуцивилизованных народностей, для нас просто недостижима!»²³. Мысли об этом занимали писателя до конца его жизни. После своей поездки в Иран в 1932 г. он писал: «Нельзя не изумляться, когда думаешь о том, как Советское правительство за самое короткое время сумело дать новую жизнь народам, живущим в районах пустынь русского Туркестана... Всем этим рассеянным в пустыне малым народам было дано право создать свои республики. Предпринимаются огромные, разнообразные усилия для того, чтобы распространить среди них образование. Я уж говорил о том, что во всем огромном многонациональном Советском государстве сегодня нет никакой вражды и розни между национально-религиозными группами. А в царское время это было обычным явлением»²⁴.

Тагор понимает, что путь ко всем достижениям советского народа открыла Октябрьская революция. Анализируя ее причины, он пишет: «Революция в России назревала уже давно. К ней долго, тщательно готовились, бесчисленное количество людей, известных и неизвестных, отдавали ради нее свои жизни и терпели невыносимые муки. Предпосылки для революций существуют повсюду, но происходят революции только в определенных странах мира»²⁵. «В России обездоленные и бесправные массы подвергались самому жестокому угнетению со стороны тех, в чьих руках сосредоточились богатство и власть. Поэтому именно в России чудовищное неравенство между угнетаемыми и угнетателями потребовало потрясения самих основ. Когда-то подобное же неравенство привело к Французской революции. Уже тогда угнетенные поняли, что неравенство всюду несет с собой нищету и угнетение. Вот почему во время революции по всему свету, далеко за пределы Франции, разнесся призыв к свободе, равенству и братству. Но он прозвучал и смолк.

Призыв русской революции тоже обращен ко всему человечеству. Сейчас в мире есть лишь один народ, который заботится не только о своих собственных интересах, но и о судьбах всего мира»²⁶.

Подводя итоги тому, что дала Октябрьская революция народам нашей страны, писатель восклицает: «Сердце радуется, когда видишь, какую свободу обрели за короткий срок люди, так долго томившиеся в оковах!»²⁷. «Страшная тяжесть царского гнета и религии давила на плечи России, а сегодня каждый, кто придет сюда, увидит собственными глазами, какие огромные возможности открылись перед страной, когда это бремя сброшено»²⁸.

В своей книге Тагор уделяет большое внимание достижениям советского народа в области культурного строительства. Он указывает, что важнейшим завоеванием Октябрьской революции было приобщение народных масс к культурным ценностям, которые раньше представляли достояние лишь имущих классов. «Они вернули тем, кто столетиями возделывал поля для других, не только право на землю, но и на все, что есть ценного в жизни, на все ее радости и наслаждения. Они поняли, что одной сытости достаточно только животным, но не людям, и признали, что настоящему человеку искусство важнее, чем физическая сила»²⁹.

Тагор с сарказмом отвергает домыслы империалистической пропаганды о якобы существующих в Советском Союзе ограничениях свободы творчества. «Театральное искусство, достигшее необычайного расцвета на русской сцене, не прекращает смелых поисков новых путей. Такой же дерзновенной смелостью и стремлением к новизне отмечена их социальная революция. Они не боятся нового ни в чем — ни в общественных отношениях, ни в политике, ни в искусстве»³⁰. «В прежние времена театры были доступны только царской семье и дворянству. Сегодня они до отказа забиты теми, кто совсем недавно ходил в грязных лохмотьях, босой, подыхал с голоду, жил в вечном страхе перед богом»³¹.

²¹ Р. Тагор. Собр. соч., т. 20, с. 331.

²² Там же, с. 295.

²³ Там же, с. 296.

²⁴ Там же, т. 22, с. 448.

²⁵ Там же, т. 20, с. 278—279.

²⁶ Там же, с. 279.

²⁷ Там же, с. 308.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, с. 313.

³⁰ Там же, с. 308.

³¹ Там же, с. 302—303.

Отдавая должное достижениям Страны Советов в области культуры и искусства, тому вниманию, которое сбросивший иго царизма народ уделяет культурному наследию прошлого, Тагор гневно напоминает о том, «как беспощадно разгромили европейские империалисты Летний дворец в Пекине! Как безжалостно они грабили и уничтожали бесценные произведения древнего искусства!»³².

«Письма о России» — одно из наиболее значительных публицистических произведений Тагора, донесших индийскому народу правду о Советской стране. Это произведение и по сей день играет большую роль в борьбе народов Востока против сил империализма и реакции.

Вернувшись на родину, Тагор регулярно переписывался со своими советскими друзьями. Он мечтал вновь посетить нашу страну. В ответ на приглашение председателя ВОКС А. Аросева поэт пишет из Шантиникетона 7 июля 1937 г.: «Я внимательно слежу за событиями в вашей стране — особенно в области культуры — по изданиям вашего Общества, и мой интерес к СССР остается неизменным. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем посетить, если позволят обстоятельства, еще раз Новую Россию — моя поездка в 1930 г. явилась поистине открытием»³³.

В последние годы своей жизни, несмотря на преклонный возраст и болезни, он создает многие из своих лучших произведений и вместе с тем выступает как страстный и убежденный борец против темных сил фашизма и милитаризма. Наглые действия агрессоров, развязавших вторую мировую войну, вызвали глубокое негодование поэта, нашедшее отражение в его произведениях и выступлениях. Он горячо призывал бороться за мир.

В последний год своей жизни (1941) Тагор пишет свое политическое завещание — статью «Кризис цивилизации», в которой подводит итоги колониального правления Англии в Индии и пророчески видит уже недалекое освобождение своей Родины. «Наступит день, когда волею судьбы англичане будут вынуждены отказаться от своей индийской колонии. Но какую Индию оставят они после себя, какую вопиющую нищету! Когда поток веков господства Англии наконец высохнет, сколько грязи и тины останется в его русле»³⁴. Он вновь вспоминает о своей поездке в Советский Союз и, сопоставляя, говорит: «Благодаря настойчивым усилиям русских в их необъятной стране исчезают невежество, нищета и унижение. Перед лицом их цивилизации равны все нации, она строит человеческие отношения на подлинно гуманной основе. Англия растоптала мужество покоренных народов и тем самым обрекла их на длительный застой. Напротив, в Советском Союзе многочисленные мусульманские народности, живущие среди пустынь, спаяны прочным государственным союзом с русским народом. Я могу подтвердить, что русские прилагают безграничные старания для всестороннего развития этих народностей»³⁵.

Узнав о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз, тяжело больной Тагор настоятельно просит близких читать ему сводки с советско-германского фронта. Профессор П. Ч. Махаланобис писал: «Он (Тагор. — А. Г.) глубоко верил в Россию. Когда немцы напали на СССР (это было во время последней его болезни), он с нетерпением ждал каждый день вестей из России и снова и снова повторял: «Величайшим счастьем для меня была бы победа России»³⁶.

Дерево дружбы между советским народом и народами Индии, посаженное великим поэтом-гуманистом 50 лет тому назад, стало теперь огромным плодоносящим садом. Имя Тагора дорого каждому советскому человеку, его произведения читают и знают все — книги писателя расходятся в нашей стране миллионными тиражами.

7 августа 1941 г. Рабиндранат Тагор покинул мир, оставив на земле, в сердцах своих соотечественников пламя гнева против колониального угнетения, против несправедливости, жажду свободы, любовь к своей родине, к воспетой им жизни.

От первых патриотических стихов, опубликованных в газете «Амрита базар патрика» в 1875 г., до политической лирики 1940—1941 гг. — таков огромный 66-летний творческий путь Рабиндраната Тагора, путь неутомимых исканий и напряженного труда, путь великого мыслителя, просветителя, патриота. Тагор внес огромный вклад в бенгальскую литературу и поднял ее на не превзойденную еще никем в Индии высоту. Имя Тагора бессмертно в мировой литературе. Память о писателе-гуманисте, «совести Индии» будет всегда жить в сердцах не только индийцев, но и всех людей на земле.

³² Там же, с. 313.

³³ Р. Тагор — друг Советского Союза. М., 1961, с. 175.

³⁴ Р. Тагор. Собр. соч., т. 26, с. 640.

³⁵ Там же, с. 637.

³⁶ P. Ch. Mahalanobis. R. Tagore. — «Visva Bharati Quarterly», August—October 1949, p. 116.

Незабываемые свидетельства интернациональной солидарности

О международных связях Лиги левых писателей Китая (1930—1936)

М. Е. Шнейдер,
доктор филологических наук

Исполнилось пятьдесят лет со времени образования Лиги левых писателей Китая (ЛЛП) — организации прогрессивных литераторов, разносторонняя и чрезвычайно плодотворная деятельность которой овеяна славными революционными, интернационалистскими традициями¹.

В крупнейшем пролетарском центре Китая — Шанхае 2 марта 1930 г. в условиях строжайшей конспирации под председательством Лу Синя состоялось собрание, оформившее создание Лиги левых писателей Китая, которая просуществовала почти шесть лет. Учредительному заседанию предшествовала длительная подготовка: представители ЦК КПК, находившегося в глубоком подполье, много раз встречались и беседовали с Лу Сином. В итоге была создана совершенно новая, дотоле невиданная в Китае революционная писательская организация. Признанным ее главой стал Лу Синь, чей авторитет художника, мыслителя и человека был незыблем в кругу друзей, но признан и среди врагов. Вокруг него сплотился руководящий костяк организации, в который несколько позже, в 1931 г., вошел, не будучи формально членом Лиги, и Цюй Цюбо — видный деятель коммунистической партии, литератор-марксист.

Лига левых писателей Китая, национальная секция МОРП, первоначально сплотила в своих рядах более пятидесяти писателей, коммунистов, комсомольцев и беспартийных, в прошлом участников различных литературных объединений и групп: «Творчество», «Солнце», «Мы», «Двигатель», «Художественная труппа». В 1931 г. Лу Синь писал: «Создание в прошлом году Лиги левых писателей в Шанхае — факт большой важности. Произошло это благодаря тому, что в Китае уже появились теоретические работы Плеханова, Луначарского, на которых все мы учимся и совершенствуемся, набираемся решимости и сил»².

На учредительном собрании был избран исполком Лиги, в который вошли Лу Синь, Шэнь Дуаньсянь (Ся Янь), Фэн Найчао, Цянь Синьцунь (А Ин), Тянь Хань, Чжэн Боци, Хун Линфэй, а в качестве кандидатов — Чжоу Цюаньпин и Цзян Гуанци. Собрание приняло также «Теоретическую программу Лиги левых писателей Китая», «Программу действий», учредило комиссии по марксистской теории искусств, по зарубежной культуре, по массовой литературе и искусству. Было решено издавать журнал «Шицзе вэньхуа» («Мировая культура»), установить тесные связи с различными революционными организациями внутри страны и международными прогрессивными организациями культуры и искусства.

Лига левых писателей Китая сотрудничала с Лигой свободы, которая была создана почти одновременно и в которую входили многие члены ЛЛП. Под непосредст-

¹ В советском литературоведении, а также в Китае до «культурной революции» о Лиге левых писателей накопилась весьма обширная литература — статьи, сборники, обобщающие работы по истории китайской литературы, монографические исследования. См., например: «Пролетарская революционная литература периода Левого лиги». Нанкин, 1960 (на кит. яз.); Ван Яо. Очерки по истории новой китайской литературы, т. I. Шанхай, 1954 (на кит. яз.); История современной китайской литературы, т. I. Чанчунь, 1957 (на кит. яз.), и др.; Л. Эйдли. О китайской литературе наших дней. М., 1955; Н. Т. Федоренко. Китайская литература. М., 1956; В. Сорокин, Л. Эйдли. Китайская литература (Краткий очерк). М., 1962; Р. Белоусов. В тысячах иероглифов. М., 1963; Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество (1881—1936). М., 1959; В. Петров. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960 и др. В большинстве этих работ внимание авторов было сосредоточено прежде всего на внутренних аспектах жизни Лиги, на пропаганде марксистской эстетики в Китае, на анализе художественных произведений и переподческой деятельности. Вне поля зрения исследователей, как правило, оставался вопрос об идейных и организационных связях Левого лиги с Международным объединением революционных писателей (МОРП).

² Лу Синь. Полн. собр. соч., т. 4. Пекин, 1957, с. 237 (на кит. яз.).

венным руководством ЛЛП находились такие творческие организации, как Лига левых театральных коллективов (образована 1 августа 1930 г., с 1931 г. переименована в Лигу левых театральных деятелей), Общество китайской поэзии (создано в сентябре 1930 г. в Шанхае, имело свои отделения в Бэйпине, Кантоне и Циндао), Лига левых художников (образована в 1930 г.). Помимо Шанхая, филиалы Лиги левых писателей действовали в Бэйпине, Ухани, Кантоне. В Токио эта организация имела свою ячейку.

ЛЛП просуществовала с марта 1930 г. до начала 1936 г., когда было принято решение о ее самороспуске с целью создания в условиях борьбы с японской агрессивной писательской организации на более широкой патриотической основе.

В соответствии с принятой на учредительном собрании Теоретической программой и Программой действий Лига повела большую и разностороннюю работу. В условиях белого гоминьдановского террора, цензурных и полицейских преследований она развернула значительную по своему размаху издательскую деятельность. Часто менялись названия, периодичность изданий, но журналы Лиги продолжали выходить. На их страницах печатались теоретические работы, переводы на китайский язык ленинских статей о Л. Толстом, помогавших китайским литераторам по достоинству оценить и свое национальное культурное наследие, велась пропаганда марксистской эстетики, советской литературоведческой мысли. Это служило китайским революционным писателям большим подспорьем в их борьбе с буржуазными теориями «надклассовой литературы», «свободы творчества», «искусства для искусства», в их борьбе с националистической литературой — рупором идеологии фашизма в Китае. Журналы Лиги знакомили читателей с новинками отечественной и зарубежной художественной литературы, понятной и доступной народу, зовущей его на борьбу за освобождение. В это время достоянием китайского читателя стали выдающиеся творения советской классики: «Мать», «Разгром», «Железный поток» и многие другие.

Успешно осуществлялись пожелания Лу Синя, высказанные им в статье «Создание литературы массового характера»: «Иметь как можно больше писателей, понимающих запросы широких народных масс, которые все свои силы отдавали бы созданию простых и доходчивых произведений, понятных всем и любимых всеми»³. Таких писателей в Китае становилось все больше. Росла и крепла разнообразная по своему содержанию реалистическая литература большого социального звучания. К ней по праву следует отнести и публицистику Лу Синя и Цюй Цюбо, и роман-эпопею «Перед рассветом» Мао Дуя, стихи Инь Фу и Пу Фэна, повести Дин Лин «Наводнение», Ху Елиня «Свет впереди» и Жоу Ши «Февраль»; драмы: «Потоп» Тянь Ханя, «Дорога жизни» Лоу Ши, деревенская трилогия Хун Шэня, очерковая повесть Ся Яня «Невольницы» и многие другие.

Творческую деятельность Лига успешно сочетала с организационно-массовой и пропагандистской работой, в то же время уделяя растущее внимание совершенствованию интернациональных связей. Как и во многих других подобных начинаниях, инициатором часто бывал Лу Синь. Примером служит его прекрасная, подлинно интернационалистская статья «Приветствую литературные связи Китая и России» (1932), в которой он назвал русскую и советскую литературу лучшим другом и учителем китайских писателей. Знакомство с ней в Китае Лу Синь сравнил с открытием огня первобытными людьми.

С особой силой идейная близость и общность действий Лиги и мирового прогрессивного литературного движения проявилась после II Международной конференции революционных писателей, состоявшейся в ноябре 1930 г. в Харькове. Среди ста делегатов из двадцати двух стран в качестве представителя Лиги в конференции активно участвовал китайский поэт Сяо Сань (Эми Сяо). «На Харьковской конференции, — писал он впоследствии, — я был избран в президиум, затем членом секретариата Международного объединения революционных писателей»⁴.

Выступая на конференции, Эми Сяо говорил, что в Китае «первые зачатки пролетарской литературы относятся приблизительно ко второй половине 1927 г. Правда, сама организация пролетарской литературы оформилась только в марте 1930 г. (речь идет о Лиге левых писателей Китая. — М. Ш.), Международное Бюро революционной литературы... узнало об этом только очень недавно»⁵. В январе 1932 г. Цюй Цюбо писал: «...В 1930 г. было создано Международное объединение революционных писателей (МОРП). Только к этому времени и относится организационное оформление революционной и пролетарской литературы в Китае — образование Лиги левых писателей Китая»⁶.

В данном случае важно не только и не столько то, что МОРП и Лига были созданы почти одновременно (строго говоря, международное пролетарское литературное движение впервые оформилось еще в 1924 г. под иным названием) и что после Харь-

³ Там же, т. 7, 1958, с. 579.

⁴ Эми Сяо. Писатель-революционер сам о себе (Автобиография). — В кн.: А. С. Мэдди, Э. Сяо. Рассказы о Китае, Харьков, 1934, с. 275.

⁵ Вторая Международная конференция революционных писателей. Спецвыпуск журнала «Литература мировой революции» (М.), 1931, с. 170.

⁶ Цюй Цюбо. Собр. соч., т. II. Пекин, 1954, с. 575 (на кит. яз.).

ковской конференции ЛЛП стала одной из национальных секций Международного объединения революционных писателей, важнее фактическая общность действий и единая идейная направленность этих организаций. Все вопросы, стоявшие на повестке дня конференции в Харькове, находились впоследствии в центре внимания и ЛЛП, они стали фактически программой ее действий применительно к условиям китайской действительности и вскоре органически вошли в постановление «О новых задачах пролетарской революционной литературы»⁷, принятое исполкомом Лиги в ноябре 1931 г. Речь идет о таких вопросах, как марксистско-ленинское образование деятелей литературы и искусства, партийность и народность литературы, творческий метод писателя, задачи борьбы с буржуазной и феодальной идеологией в искусстве, источники роста писательских кадров, отношение к империалистической агрессии и растущей угрозе фашизма. Постановление «О новых задачах» значительно активизировало все стороны деятельности левых писателей Китая по отпору фашизму, усилилась их борьба против угрозы империалистической агрессии, значительно расширились их международные связи. Лига откликнулась на все мероприятия МОРП, который в свою очередь неизменно поддерживал все начинания Лиги.

Как известно, 25 апреля 1931 г. исполком Лиги выступил с заявлением по поводу злодейского убийства гоминьдановцами революционных писателей, активных участников Лиги: Жоу Ши, Ху Епня, Инь Фу, Ли Вэйсяня и Фэн Кэн⁸. Этому скорбному событию было посвящено воззвание Лиги «Против белого террора в Китае», обращенное к организациям революционных писателей и работников культуры различных стран, ко всем прогрессивным писателям и мыслителям мира⁹. Был составлен также английский текст, направленный Лу Синем наряду с прочими адресатами Максиму Горькому, с просьбой как можно шире распространить его во всем мире, перевести на русский язык, сделать достоянием советских и зарубежных писателей, всех прогрессивных деятелей культуры мира¹⁰.

Ровно через месяц после опубликования воззвания в китайской печати, 25 мая 1931 г., секретариат МОРП выступил с обращением ко всем революционным писателям мира, озаглавленным «Против террора Чан Кайши»¹¹. Ниже приводим полный текст этого важного документа:

«Обострение классово-борьбы в Китае, отмеченное недавним пленумом ИККИ, сказывается и в области литературы. Кровавая гоминьдановская реакция, испуганная ростом советских территорий, не щадит не только пролетарских, но и радикальных мелкобуржуазных литературных и культурных организаций.

Особенно усилились преследования со времени назначения «героя» национальной буржуазии Чан Кайши министром народного просвещения, «культурная» политика Чан Кайши характеризуется неслыханным даже для Китая цензурным террором. Конфискуются даже попутнические книги, революционность которых весьма относительна; упоминание о Советском Союзе, красная обложка, даже простое употребление слова «борьба» в любом контексте — все это служит поводом для конфискации. В результате — катастрофическое падение абсолютного количества книжной продукции.

Пролетарская и революционная литература Китая загнана в глубокое подполье. «Лиге писателей левого фронта» нет возможности продолжать работу, революционным писателям нигде печататься и, следовательно, не на что существовать. Более того, гоминьдановское правительство, помимо безжалостного запрещения революционных книг, прибегает к простому физическому истреблению их авторов. Недавно в числе более 20 коммунистов в Шанхае расстреляны четыре¹² революционных писателя, из них одна женщина.

Нет сомнения, что классовое правосудие «культурных» ставленников империализма не остановится и перед новыми жертвами. Число революционных и пролетарских писателей, находящихся в тюрьмах, быстро возрастает и не поддается учету. Новый министр «просвещения», очевидно, хорошо уяснил себе истинное взаимоотношение литературы и политики и понял, что одно из средств затормозить ход антиимпери-

⁷ Опубликовано в журналах Левого лиги «Вэньсюэ даобао» (1931, № 8) и «Бэйдоу» (1932, № 1).

⁸ См.: Ван Яо, Указ. соч., с. 140—141.

⁹ Китайский текст воззвания опубликован впервые 25 апреля 1931 г. в журнале Лиги «Цяньшао» (т. 1, № 1, с. 2—4). Его русский перевод с ведома М. Горького, который был полностью информирован о деятельности МОРП вообще и, кроме того, входил в состав Международного редакционного совета, выпускавшего его центральный орган — журнал «Литература мировой революции», был напечатан в этом издании в 1931 г. (№ 11—12, с. 188—191).

¹⁰ См.: Переписка А. М. Горького с зарубежными литераторами. М., 1960, с. 272—275.

¹¹ См.: «Литературная газета», 25.V.1931. Информация об этом обращении секретариата МОРП была опубликована в Китае 13 июля 1931 г. в журнале «Вэньсюэ даобао» (№ 18, с. 2), а его полный текст — 20 августа 1931 г. в журнале «Вэньсюэ даобао» (т. 1, № 3, с. 15—16).

¹² Фактически было расстреляно пять революционных писателей, в том числе одна женщина — Фэн Кэн (см. выше).

листической и антифеодальной революции — лишение писателей революционного Китая возможности творчества.

Международное объединение революционных писателей решительно протестует против расстрела и арестов китайских товарищей и против цензурного террора Чан Кайши, выражает глубокую уверенность, что революционная и пролетарская литература Китая будет расти и крепнуть, несмотря на преследования. Китайская буржуазия, несмотря на ее пристрастие к националистическим фразам, не может построить китайской национальной культуры: империалисты, прямыми помощниками которых она является, заинтересованы в том, чтобы китайские рабочие и крестьянские массы оставались на низком культурном уровне. Дело национальной культурной революции в Китае может быть осуществлено только под руководством революционного пролетариата.

Международное объединение революционных писателей призывает всех революционных писателей и художников мира присоединиться к протесту против бесчеловечных преследований наших китайских товарищей. Да здравствует китайская революционная и пролетарская литература! Да здравствует китайская революция!

Секретариат Международного объединения революционных писателей.

Обращение подписали И. Бехер, Б. Иллеш, И. Микитенко, Б. Ясенский, А. Серафимович, А. Фадеев, Ф. Гладков, Ф. Панферов, А. Зегерс, Л. Ренн, Э. Киш, А. Гидаш, А. Барбюс, Э. Синклер, М. Голд, Дж. Дос-Пассос, Лахути и др.

15 июня 1931 г. в «Литературной газете» о гоминьдановском терроре в Китае были помещены обращения к читателям и большая подборка материалов.

«Гоминьдановскими палачами замучены шесть революционных писателей Китая. Объявим головы перед их телами. Да здравствует китайская революция!»

Здесь же были помещены фотографии расстрелянных пяти писателей, члена Лиги левых театральных деятелей Цзун Хуэя и их краткие биографии.

В помещенной далее статье «Под сапогом Чан Кайши» рассказывалось о положении китайской революционной литературы в условиях белого гоминьдановского террора, а в заключение подчеркивалось, что, «несмотря на жесточайшие преследования, молодая китайская революционная пролетарская литература развивается. Она находит себе место на страницах подпольной прессы китайской компартии и комсомола, повторяя историю русской революционной литературы».

В сентябре 1931 г. секретариат МОРП опубликовал заявление «Долой террор буржуазии! Ко всей трудящейся интеллигенции мира»¹³. В нем, в частности, говорилось: «Невозможно перечислить все отдельные случаи кровавых расправ с революционными писателями в гоминьдановском Китае, где палачи Чан Кайши путем массовых убийств надеются уничтожить пролетарскую литературу. Единственный путь оказания реальной помощи истязаемым китайским писателям-революционерам — мобилизовать широкое общественное мнение для борьбы против правительств тех империалистических держав, которые поддерживают и финансируют кровавую власть гоминьдановских палачей».

26 сентября 1931 г. Лига левых писателей Китая выступила с Обращением к культурным организациям международного пролетариата и трудящихся в связи с агрессивней японского империализма на северо-востоке Китая¹⁴. МОРП вскоре откликнулся на это обращение, выступив с решительным протестом против захватнических действий японского империализма¹⁵.

В феврале 1932 г. за подписью сорока трех писателей (Лу Синя, Юй Дафу, Мао Дуня, Ху Юйчжи и др.) было опубликовано Обращение шанхайских деятелей культуры ко всему миру¹⁶, содержащее протест против расширения японской агрессии в Китае, наступления японской армии на Шанхай. 28 января 1932 г. советский поэт Вл. Луговской написал два больших стихотворения о героической обороне Шанхая — «Чапей» и «19 февраля»¹⁷, в которых воспел подвиг народных масс Китая и заклеил позором империалистических агрессоров и предательство Чан Кайши.

МОРП развернул широкую кампанию в защиту Китая. В обращении этой организации «Ко всем революционным писателям мира», в частности, говорилось: «В Китае бушует война. Целые города сровнены с землей, жизнь десятков тысяч женщин и детей, десятков тысяч солдат принесены в жертву империализму. На Дальнем Востоке огонь войны бушует и грозит захватить весь мир»¹⁸. Советские писатели В. Инбер, Н. Огнев, И. Сельвинский, Л. Сейфуллина, Вл. Лидин, Л. Леонов, К. Зеллинский, Н. Асеев, В. Катаев, Л. Никулин выступили с письмами к зарубежным друзьям, призывая их возвысить свой голос против начавшейся империалистической бойни¹⁹. Со словами горячей поддержки к трудящимся массам Китая, подвергшимся империалистической агрессии, обратились Р. Роллан, Ж.-Р. Блок, Э. Синклер.

¹³ См.: «Литературная газета», 20.IX.1931.

¹⁴ См.: «Вэньсюэ даобао», т. 1, 1931, № 5.

¹⁵ См.: «Литературная газета», 22.XI.1931.

¹⁶ См.: Ван Яо. Указ. соч., с. 144.

¹⁷ См.: «Литературная газета», 11, 23.II.1932.

¹⁸ Там же, 17.III.1932, «Литература мировой революции», 1932, № 4, с. 3.

¹⁹ См.: «Литературная газета», 17, 23.III.1932 и последующие номера.

Ф. Вольф, Э. Вайнерт, В. Бредель, С. Цвейг, И. Ольбрахт и другие ведущие художники слова²⁰.

Лига левых писателей Китая совместно с Союзом пролетарских революционных писателей Германии, Клубом Джона Рида США, Союзом пролетарских писателей Японии подписала обращение «Ко всем революционным писателям» в связи с антивоенным днем 1 августа²¹. Кроме того, как свидетельствует Сяо Сань, во время антивоенной кампании 1 августа Лига организовала конкурс на лучшее антивоенное произведение, провела несколько собраний и митингов, на которых выступали революционные писатели. Среди китайских писателей Лигой, как и другими секциями МОРП, была распространена анкета, содержавшая вопрос об их позиции в случае нападения японского империализма на СССР²². Ответ всех революционных литераторов был единодушным: защиту СССР от нападения мирового империализма они рассматривали как борьбу за освобождение трудящихся всего мира. В статье «Нас больше не обманут» Лу Синь писал: «Мы — против нападения на Советский Союз. Мы стремимся уничтожить нападающие на него темные силы... Таков и только таков наш собственный путь к жизни!»²³

Интернационалистские чувства по отношению к Стране Советов Лу Синя и других писателей — членов Лиги приобретали особо важное значение в то время, когда идеологи шовинизма и расизма в Китае, так называемые писатели-националисты, открыто провозгласили японских милитаристов «вождями желтой расы» и призывали к войне против СССР. Эти «патриоты», разоблаченные Лу Синем и Цюй Цюбо, с ликованием встретили весть о японском вторжении в Маньчжурию, надеясь, по саркастическому выражению Лу Синя, что «это увертюра к спектаклю, в котором китайцы пойдут за японцами уничтожать Советский Союз»²⁴.

Представители Лиги активно участвовали в работе Международного конгресса против империализма и войн, проводившегося подпольно в Шанхае в сентябре 1933 г., на котором присутствовал П. Вайян-Кутюрье.

Усилия Лиги, направленные на борьбу с фашизмом, против угрозы империалистической войны и нападения на СССР, являются еще одним ярким доказательством происходившей в начале 30-х годов, после Харьковской конференции МОРП, широкой консолидации передовых общественных сил мировой литературы для совместного отпора фашизму.

Годы деятельности ЛЛП — важный и чрезвычайно поучительный период в истории китайской литературы новейшего времени. При всех своих недостатках (определенная узость круга ее участников главным образом из-за гоминьдановского террора; некоторые элементы сектантства и догматизма, особенно на первом этапе; ограниченная география ее деятельности) ЛЛП провела под руководством КПК значительную работу по сплочению прогрессивных литературных сил страны, по созданию художественных произведений, помогавших воспитывать, объединять массы трудящихся, поднимать их на борьбу. Традиции реализма в художественном творчестве, революционность и боевитость писателей Лиги, их подлинный интернационализм, наконец, сами писательские кадры, пришедшие в годы пятидесятые из тридцатых годов, — все это послужило прочным основанием для создания довольно богатой и разнообразной социалистической литературы в КНР, развитие которой было столь трагически оборвано «культурной революцией», которая началась, как мы помним, именно с отрицания «традиций 30-х годов», прогрессивной культуры тех лет, на которую, по утверждениям маоистов, тогда оказывали негативное влияние «идеи русских буржуазных критиков — Белинского, Чернышевского и Добролюбова»²⁵. На этом основании произведения писателей ЛЛП обозвали «буржуазным, ревизионистским хламом», их творчество было объявлено «контрреволюционным искажением действительности». Видные деятели китайской литературы, культуры и искусства — в подавляющем большинстве старые коммунисты, революционеры, в прошлом активнейшие участники движения левой культуры — первыми оказались в числе лиц, не угодных Мао Цзэдуну и его окружению, жесточайшие репрессии в первую очередь обрушились на них.

В 1980 г. в КНР торжественно отмечалось 50-летие образования Лиги левых писателей Китая. Юбилейные мероприятия происходили в обстановке шумливой и назойливой «критики банды четырех», а по сути дела — окончательного развенчания самой «великой пролетарской культурной революции» и ее подлинного вдохновителя и организатора — Мао Цзэдуна. Юбилейным торжествам предшествовала растянувшаяся на годы процедура реабилитации представителей литературы, в том числе таких видных, как Тянь Хань, Фэн Сюэфэн, А Ин (Цянь Синьцунь), Чжэн Боци, часть из которых погибла в маоистских застенках, а часть чудом уцелела в лихолетье «культурной революции».

²⁰ См.: «Литература мировой революции», 1932, № 4, с. 7—16.

²¹ См.: «Литературная газета», 29.VII.1932.

²² См.: «Литература мировой революции», 1932, № 4, с. 5—6.

²³ Лу Синь. Собр. соч., т. 2. М., 1955, с. 85.

²⁴ Там же, с. 363.

²⁵ Судьбы культуры КНР (1949—1974). М., 1978, с. 136, 138.

В канун юбилея Лиги и в дни его празднования в китайской печати появились воспоминания активных участников левого литературного движения 30-х годов²⁶, в Пекине, Шанхае и других городах состоялись заседания, посвященные памятной дате, другие юбилейные мероприятия. В проведенном 1 марта 1980 г. в Шанхае собрании участвовало более 250 деятелей литературы и искусства. На следующий день они посетили здание, где ровно 50 лет тому назад была учреждена Лига, осмотрели экспозицию «Литературно-исторические материалы», подготовленную коллективом Мемориального музея Лу Синя в Шанхае, а также дом-музей великого писателя. 28 марта торжественное заседание состоялось в Пекине. На нем с пространной речью «Взявшись за руки, с громкой песней на устах вдохновим народ на строительство новой, социалистической жизни» выступил один из секретарей ЦК КПК, президент Академии общественных наук КНР Ху Цяому. 23 марта в Пекине состоялся праздничный концерт ведущих коллективов и мастеров искусств, организованный совместно Союзом писателей и Союзом композиторов Китая.

Юбилейные мероприятия в КНР в ознаменование 50-летия со времени образования Лиги левых писателей свидетельствуют о том, что в Китае после почти полутора десятилетий непрерывной клеветы на эту революционную творческую организацию и гонений на ее участников она, казалось бы, полностью реабилитирована. Опубликованные недавно воспоминания ветеранов левого литературного движения в Китае, несомненно, дополнили уже накопившуюся ранее и довольно богатую литературу о ЛЛП. Во многих из них содержатся неизвестные нам сведения о членах Лиги, участвовавших в ее деятельности на разных этапах, погибших в боях или казненных гоминьдановцами²⁷, об участниках ее бэйпинского (пекинського) филиала, что дает возможность в настоящее время расширить общий список ее фактических участников до ста пятидесяти и более человек²⁸, хотя по первоначальным данным он составлял всего 50—60 человек. В воспоминаниях уточняются также адреса мест, где происходили те или иные конспиративные встречи, заседания подготовительного комитета Лиги, само учредительное собрание по ее созданию, сообщаются имена основных докладчиков по разным вопросам и выступавших в прениях, определяется примерное число участников того или иного мероприятия, рассказывается о методах конспирации, о формах работы членов Лиги среди рабочих и студентов, об их агитационно-пропагандистской деятельности и т. д.

Чрезвычайно ценными представляются новые материалы о ячейке ЛЛП, действовавшей в Токио. Они содержатся, в частности, в воспоминаниях Линь Хуаньпина «От Шанхая до Токио», из которых мы узнаем, что ячейка существовала в японской столице еще в 1930—1931 гг. Ее организовали китайские студенты, которые учились тогда в Японии, попутно занимаясь литературным творчеством, переводами. После вторжения японского империализма в Маньчжурию осенью 1931 г. китайские студенты были депортированы на родину, и ячейка прекратила свое существование. Однако к декабрю 1933 г. она была восстановлена по заданию руководства Лиги и просуществовала до весны 1937 г. Первоначально она состояла всего из семи человек, номинально считавшихся китайскими студентами, обучающимися в Японии, и проводила значительную работу, постоянно поддерживая конспиративную связь с Лигой в Шанхае. Время от времени она пополнялась новыми сотрудниками, наезжавшими из Китая в Токио, в числе которых были прозаик Цю Дунпин, поэт Пу Фэн, композитор Не Эр и другие. Ячейка издавала на китайском языке три солидных литературно-художественных журнала, которые активно поддерживались Лу Синем и Го Можо (он находился тогда в Японии)²⁹.

Определенный интерес представляет заметка У Тайчана «К вопросу о том, почему Чжэн Чжэнью и Е Шэнтао не вступили в Левую лигу»³⁰. Приводя высказывания самого Е Шэнтао (род. 1896) и авторитетные свидетельства других участников событий тех лет, автор статьи убедительно доказывает, что два этих прогрессивных и весьма влиятельных уже тогда писателя не стали членами Лиги по рекомендации партийных товарищей, в частности Фэн Сюэфэна, из тактических соображений.

Старый коммунист, один из зачинателей китайской революционной литературы Ян Ханьшэн (Хуа Хань) в статье «Из истории образования Лиги левых писателей Китая» показывает, как по инициативе партийного руководства осенью 1929 г. были дискредитированы необоснованные нападки на Лу Синя, имевшие место в ходе длительной дискуссии о революционной литературе в Китае, и начался интенсивный процесс сплочения революционных сил в литературе, развернулась подготовка к созданию

²⁶ См.: Ся Янь. До и после образования Левого лиги. — «Вэньсюэ пинлунь», 1980, № 2, с. 2—13; его же. Воспоминания о Левого лиге. — «Жэньминь жибао», 1.III.1980; его же. Об одном забытом предшественнике. — Памяти одного из участников Левого лиги товарища Тун Чанжуна. — Там же, 18.IV.1980; Ян Ханьшэн. Из истории создания Левого лиги китайских писателей. — «Вэньсюэ пинлунь», 1980, № 2, с. 14—17; Лян Хуаньпин. От Шанхая до Токио. Воспоминания о деятельности Лиги левых китайских писателей. — Там же, с. 18—27.

²⁷ См.: «Жэньминь жибао», 18.IV.1980.

²⁸ См.: «Вэньсюэ пинлунь», 1980, № 2, с. 24, 12.

²⁹ См. там же, с. 22—23, 24—26.

³⁰ См.: «Жэньминь жибао», 1.III.1980.

Левой лиги во главе с Лу Синем. В статье рассказывается также о деятельности партийной организации Лиги, в хронологическом порядке перечисляются руководившие ею секретари — Пань Ханьнань, Фэн Найчао, Ян Ханьшэн, Цянь Синцунь, Фэн Сюэфэн, Е Линь и Чжоу Ян³¹.

Не могут не вызвать удивления и содержащиеся в воспоминаниях Ся Яня правдивые слова о видном деятеле КПК, пропагандисте марксизма-ленинизма в Китае, литераторе, одном из фактических руководителей ЛЛП — Цюй Цюбо (1899—1935). Он был посмертно оклеветан в годы «культурной революции». В русле процесса реабилитации жертв «культурной революции» Ся Янь, тоже недавно реабилитированный, описывает выдающуюся роль Цюй Цюбо, боевого друга и соратника Лу Синя, осуществлявшего в начале 30-х годов партийное руководство делом китайской революционной культуры сначала в Шанхае, а затем в Центральном советском районе Китая. Но даже Ся Янь вспоминает о тех трудностях, которые переживало левое литературное движение с 1929 по начало 1932 г. в условиях белого гоминьдановского террора, непрекращающихся полицейских преследований, многочисленных провалов организаций, арестов наиболее активных товарищей. И здесь он заявляет, что происходило все это в немалой степени из-за получившего весьма широкое распространение левачества, по той причине, что «из-за ошибочной линии в руководстве участники организаций левой культуры то и дело устраивали так называемые летучие митинги, занимались распространением прокламаций и листовок, писали лозунги и вообще совершали подобные безрассудные поступки»³². После же 1932 г., по словам Ся Яня, разгул гоминьдановского террора не только не ослаб, но еще более усилился. Тем не менее в деятельности Лиги левых писателей и других организаций левой культуры произошел разительный перелом, их деятельность приобрела целенаправленный, более конкретный характер. Одну из причин подобных перемен Ся Янь справедливо усматривает в том, «что в 1931—1933 гг. работу в области культуры в Шанхае возглавил товарищ Цюй Цюбо... В силу высокого авторитета Цюй Цюбо в партии, вследствие того, что он сам был деятелем литературы и искусства, его указания и советы легко воспринимались нами. Что касается меня лично, то я и раньше не забыл душевных наставлений Цюй Цюбо, его обстоятельной помощи». Далее Ся Янь говорит, что благодаря Цюй Цюбо «наша работа после 1932 г. стала значительно конкретней», что «он исправил ошибки, допущенные Лигой, существенно улучшил ее работу, что сыграло важную роль в расширении единого фронта»³³. Цюй Цюбо научил членов Лиги использовать в работе как легальные, так и нелегальные возможности для обнародования своих произведений и идей. В результате, как пишет Ся Янь, «для пропаганды наших патристических, антияпонских статей, которые печатались под подлинными фамилиями или псевдонимами, мы стали использовать гоминьдановские газеты, в том числе «Шиши синьбао» и «Чэньбао». Что же касается таких буржуазных газет, как «Шэньбао» и «Синьвэньбао», то о них и говорить не приходилось... Свои статьи мы публиковали также в журналах «Дунфан цзачжи», «Шэньбао юэкань» и в ряде других». Кроме того, благодаря Цюй Цюбо, отмечает Ся Янь, «мы значительно продвинули дело кино, на которое члены Лиги до этого явно не обращали никакого внимания», «в период с 1932 по 1937 г. мы, по существу, получили право контроля над сценарной частью нескольких крупнейших кинокорпораций, куда были направлены коммунисты Тянь Хань, Ян Ханьшэн, Цянь Синцунь и другие прогрессивные литераторы. Так была ликвидирована монополия буржуазии в этой самой массовой области искусства. То же произошло в деле выпуска граммофонных пластинок с записями массовых патристических песен»³⁴.

Таковы в основном факты из истории Лиги левых писателей Китая, которые в рассмотренных нами мемуарах, вышедших недавно в свет, изложены на первый взгляд объективно. Но на проверку оказывается, что далеко не все у китайских мемуаристов, мягко выражаясь, достоверно.

Начнем с того, что ни один из них, словно по команде, ни словом не обмолвился о том, что Лига левых писателей Китая являлась китайской национальной секцией Международного объединения революционных писателей и состояла в постоянных идейных и организационных связях с ним. Несомненная причина умолчания по столь важному обстоятельству в антисоциалистическом, антисоветском курсе нынешнего пекинского руководства, порвавшего с мировым коммунистическим движением и сомкнувшегося с империалистической реакцией. По логике этого курса китайские читатели, особенно молодежь, на которую в первую очередь и рассчитаны эти воспоминания, ни в коем случае не должны знать правду о существовании тесных международных связей ЛЛП с пролетарской революционной литературой всего мира. Единственное робкое упоминание в китайской печати о том, что «вскоре после своего основания Лига левых китайских писателей присоединилась к МОРП», мы обнаружили в периодическом общеполитическом издании, рассчитанном на зарубежную аудиторию³⁵.

³¹ См.: «Вэньсюэ пинлунь», 1980, № 2, с. 16—17.

³² «Жэньминь жибао», 1.III.1980.

³³ «Вэньсюэ пинлунь», 1980, № 2, с. 10—11.

³⁴ См.: «Жэньминь жибао», 1.III.1980.

³⁵ «Beijing Review», 1980, № 16, p. 29.

Более того, цитировавшийся нами выше Ся Янь, в прошлом один из непосредственных организаторов, руководителей и активных членов Лиги, практически занимавшийся, по его собственным словам, «работой по связям с международными левыми литературными организациями», следуя ныне в фарватере официального курса Пекина на дружбу с США и Японией, фактически пошел по пути искажения фактов и фальсификации истории. Явно в угоду этой политике он полностью умалчивает о фактах интернациональной солидарности, которые имели место во взаимоотношениях Лиги левых китайских писателей с МОРП и советскими писателями. Ся Янь, который на словах призывает «изучить успехи и просчеты Лиги с помощью метода исторического материализма и дать им соответствующую оценку», на деле напрочь отбрасывает не только принцип историзма, но и элементарную добросовестность.

В результате, по Ся Яню, получается, что китайское левое литературное движение было тесно связано только с «очень левыми литературными организациями — Российской ассоциацией пролетарских писателей (РАПП) и Всеяпонской федерацией пролетарского искусства (на эсперанто *Nippono Artista Proleta Federatio*, сокращенно НАПФ). В практической же работе Лиге якобы помогали только «три зарубежных товарища»: американка А. Смедли, представлявшая в Шанхае в начале 30-х годов немецкую «Франкфуртер цайтунг», корреспондент японского информационного агентства Ямагами Масасэи и представитель японской газеты «Асахи» Одаки Ходзума (впоследствии — ближайший сподвижник Рихарда Зорге по антимилитаристской разведывательной организации «Рамзай», казненный в Токио по одному с ним делу). Вот что пишет Ся Янь: «Именно благодаря их корреспонденциям за границей стало известно об образовании Левого лиги китайских писателей, о ее программе и участниках, а в особенности о гибели в 1931 г. Жоу Ши и других четырех китайских писателей и об обращении Левого лиги по этому поводу ко всем прогрессивным писателям мира...» Кроме того, как пишет Ся Янь, они помогли в проведении различных мероприятий Лиги, подыскивали помещения для конспиративных заседаний и т. п. Все это, видимо, имело место и заслуживает глубочайшего уважения. Но сказать только об этом одном, совершенно не упомянув о той разносторонней помощи и поддержке, которые Лига левых китайских писателей постоянно получала от МОРП и советских литераторов во главе с М. Горьким, означает на деле не сказать ровным счетом ничего о международных связях Лиги, об использовании ею в своей работе богатого опыта советской литературы, для распространения которого в Китае так много сделали Лу Синь и Цюй Цюбо. Вообще, судя также по другим его высказываниям, Ся Янь теперь крайне пренебрежительно относится к опыту, накопленному международным революционным литературным движением. «В порядке самокритики» он замечает: «Мы действительно допустили множество ошибок. Несомненно также и другое — мы позанимствовались из-за рубежа очень многое из того, что по методам и стилю работы явно не соответствовало китайским условиям»³⁶.

Таковы некоторые приемы фальсификации одной из важнейших сторон истории и деятельности Лиги левых писателей Китая. Нам неизвестно еще содержание речей Чжоу Яна, Сюй Дисиня и других ораторов на упомянутом выше заседании 28 марта 1980 г. О том, что они будут произнесены, мы узнали из вступительной речи Ху Цяому на этом заседании³⁷, но в доступной нам китайской печати так их и не обнаружили. Что же касается Ху Цяому, главного теоретика современного китайского режима, то он утверждал, что высокая оценка, данная левому литературному движению Мао Цзэдуном в его работе «О новой демократии», якобы не утратила своего значения вплоть до настоящего времени. Какое же значение имел в виду Ху Цяому? Он просто взял и связал прогрессивную литературу 30-х годов с вулгаризаторскими идеями Мао в речах на Яньаньском совещании 1942 г. по вопросам литературы и искусства (не упомянув, конечно, о последовавших кампаниях гонений на видных писателей-коммунистов), а через них — с современной литературой КНР. Затем в националистическом восторге Ху Цяому воскликнул: «Вне всяких сомнений, китайская социалистическая литература, китайская социалистическая культура являются в настоящее время самыми передовыми, самыми революционными литературой и культурой, то есть самыми левыми».

В действительности социалистическая литература стремится не к тому, чтобы быть «самой левой», а к тому, чтобы быть прежде всего социалистической. Никакие попытки исказить историю, перевернуть исторические факты, о чем-то упомянуть, а основное, наиболее важное замолчать — ничто не в состоянии заслонить от нас главного: плодотворное сотрудничество Лиги левых писателей Китая с Международным объединением революционных писателей в 30-е годы, как свидетельствуют факты. Именно оно в огромной степени способствовало успешной деятельности Лиги, как и консолидации революционных литераторов всего мира, объединению их усилий в борьбе с фашизмом и милитаризмом, с угрозой новой мировой войны. Идеиное единство и общность действий, имевшие место в недалеком прошлом, взаимная поддержка, проявлявшаяся в различных формах, могут и должны служить примером сплочения всех прогрессивных писательских сил наших дней, выступающих за мир, демократию и социализм.

³⁶ «Вэньсюэ пинлунь», 1980, № 2, с. 13.

³⁷ См.: «Жэньминь жибао», 7.IV.1980.

Творчество Цюй Юаня, самобытное и общечеловеческое

Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР

Чрезвычайно бережно относится любой народ к сокровищам своих творцов, к волшебству гениев пера, кисти, резца, хотя материк художественного творчества не огорожен частоколом и национально-самобытное в нем всегда проникнуто началом общечеловеческим.

Для правильного и плодотворного восприятия иноземной культуры крайне важно знать истинный характер народа — носителя этой культуры, национальное его своеобразие. Ложное, искаженное представление о национальной природе никогда не способствовало взаимному обогащению и сближению культур разных стран.

Новая историческая эпоха не отбрасывает эстетических вкусов прежних времен, создавших неповторимые сокровища, художественные произведения огромной значимости.

Давно установлено, что понимание и восприятие прекрасного не всегда одинаковы у различных народов. У каждого народа в процессе его исторического движения и культурного развития вырабатывались свои взгляды на красоту, национальное своеобразие, свои вкусы, самобытные традиции, эстетические нормы, связанные с условиями материальной жизни, географической средой, бытом и обычаями. Отнюдь не все то, что считается прекрасным в Европе, встретит такой же восторг в Азии. Представление о красоте вовсе не идентично у африканцев и китайцев. И то, что вызывает восхищение у японцев, совсем не обязательно может считаться прекрасным у греков.

Рассматривая эстетические взгляды и художественные вкусы в контексте национальных особенностей, следует, однако, иметь в виду не национальный вкус, общий для всей нации во все времена ее исторического движения. Подобный взгляд не является мотивированным: он связан с неверной и вредной концепцией противопоставления одной нации другой, он ведет к искусственному разрыву взаимосвязей народных культур и приписыванию отдельным народам мистического «национального духа», особых прав «сверхнаций» и «сверхлюдей». Мы ведем речь лишь о национальном своеобразии и особенностях вкуса. Хорошо известно, что каждая нация, каждый народ в той или иной мере привносит свой вклад в сокровищницу художественных ценностей общечеловеческого значения. По мысли К. Маркса, только человечество в целом является человеком во всей его полноте.

Литература каждого народа развивается в своих национальных формах, обусловленных особенностями исторического развития данного народа. «Содержание дает поэту жизнь его народа...»¹. Эти особенности каждой национальной литературы являются ее вкладом в мировую литературу. Известно, что буржуазная наука пыталась ограничить мировую литературу лишь кругом господствующих буржуазных наций Европы и Америки. При изучении литератур народов Востока буржуазные ученые подчеркивали их обособленность, феодальную замкнутость, «экзотические» черты.

Восточный мир не менее достоин внимания науки, чем так называемый древнеклассический. Мы должны непрерывно изучать драгоценные сокровища культуры народов Востока. Это область чрезвычайно увлекательная. И благо в том, что современная наиболее передовая наука, марксистско-ленинская методология, дает нам поистине золотой ключ к открытию величайших тайнств мира — древних и современных культур народов Востока. Перед теми, кто исполнен дерзновенных мечтаний, простираются необозримые возможности для проникновения в царство знаний и опыта ради дальнейшего обогащения отечественного востоковедения.

Значение восточных литератур, создавших великие памятники народного творчества, огромно: классические периоды их развития блещут великими именами: Цюй Юаня, Тао Юаньмина, Ду Фу, Гуань Ханьцина, Калидасы, Тулси Даоса, Фирдоуси, Низами, Навои — бессмертных художников слова, в творчестве которых с аналитической силой выражены наиболее сложные явления жизни в ее нескончаемых противоречиях и борьбе.

Как и многие другие талантливые художники, далеко шел впереди своего века

¹ В. Г. Беллинский. Поли. собр. соч., т. IX. М., 1955, с. 441.

и Цюй Юань. Без него невозможно представить себе созвездие великих имен, прославивших китайскую литературу.

У китайского народа своя эстетическая традиция, свое восприятие прекрасного. Пути его художественной культуры пролегают в русле развития истории, однородны с общественными процессами, с многообразием жизни. Едва ли кто-либо может основательно претендовать на единственно верное влияние окружающей человека действительности или притязать на монопольное право давать оценки всем национальным творениям искусства. Никто между тем не станет оспаривать, что вряд ли существует «чистое», суверенное искусство. Каждое искусство принадлежит времени, определенной эпохе, как и творцы его.

Творческий опыт Цюй Юаня, традиции его слова приобрели значение нормы, основополагающих принципов китайской поэзии, художественной культуры Китая. Развигне индивидуальной поэзии, обособление личности поэта от общенародной устной традиции — мы имеем в виду Цюй Юаня, Сун Юя и их последователей и т. д. — особенность эпохи «Борющихся царств» (V—III вв. до н. э.). И это было, конечно, обусловлено и возникло не в результате каких-либо иных причин, но именно в силу жизненной потребности в этом явлении. С веками облик Цюй Юаня приобрел ту мраморную отвлеченность гениев слова и мысли, нескончаемая галерея которых уводит наш взор к первоистокам художественной культуры человечества.

Когда жизнь поэта кончается и он отдаляется во времени, похоже, что меняется угол зрения, под которым современники видели и воспринимали его в совокупности творчества и существования. Действенность поэтических строк зависит не только от времени, но и от нашего эмоционального тона, от нашей способности настроиваться на «курс» веков минувших.

Поэзия Цюй Юаня силой своего художественного обаяния пролагала себе широкий путь в поэтическом развитии Китая к все более широкому кругу читателей, к своему нынешнему месту в духовной жизни китайского общества. И после того как преграды, стоявшие на пути движения поэта к народу, — неграмотность, бесправие и нищета трудового люда — были сняты народной революцией, творческое наследие Цюй Юаня приобрело неизмеримую ценность и величие.

Характеризуя творчество китайских поэтов, академик В. М. Алексеев указывал на то, что «мировое начало мироощущения этих поэтов, отличаясь по форме (и не только до пристального ее анализа), не отличается по содержанию, когда речь идет об исповеди поэта и его вдохновении. В китайской поэтике я рассматриваю общечеловеческие приемы, разрушая экзотику, отчуждающую Восток от Запада... человек не есть только нечто местное, особенно когда он поэт, философ, ученый, рвущийся за пределы всякой узости, всякого обособления»². Эти слова вполне применимы к Цюй Юаню — древнейшему на китайской земле поэту.

Цюй Юань — исторически реальное лицо. И сами творения Цюй Юаня, тексты его поэм надежнее всякого другого источника и гипотез комментаторов. К счастью, нет необходимости искать родословную Цюй Юаня в чьих-либо свидетельствах. Поэт сам рассказывает об этом в своих поэмах. Мы постоянно убеждаемся в справедливости положения: произведения Цюй Юаня — его жизнеописание в широком значении слова. Этого автобиографического содержания в поэзии Цюй Юаня тем больше, чем позднее создано произведение. В равной мере это относится и к эстетической значимости его художественного творчества.

И теперь мы можем идти особой тропой: от биографических фактов в художественном творчестве поэта к реконструированию, как по сохранившимся кирпичам, всего храма, самого времени и общественных условий, в которых Цюй Юаню было суждено вести неравную битву. В этом смысле элегия «Скорьбь изгнанника» — поэма о родине и жизненном пути Цюй Юаня — по своему содержанию в основе автобиографична. В сущности, в ней охвачен весь жизненный путь поэта — со дня рождения вплоть до момента его трагического финала. Уже первые строки поэмы представляют собой повесть о родословной поэта:

Покойный мой отец Бо-юном звался,
Чжуань³, сын неба, — славный предок мой.
В седьмой день года⁴ я на свет явился,
Сей день всех дней счастливее в году⁵.

Дальнейший жизненный путь Цюй Юаня в его главнейших этапах раскрывается поэтом в основной теме элегии «Скорьбь изгнанника», — теме жизненного утверждения сильной личности, поставленной в условия конфликта с окружающей средой.

² В. М. Алексеев. Как я изучал и изучаю Китай. Архив АН СССР, Ленинградское отделение.

³ Чжуань, или Чжуань-суй, — мифический китайский император, правивший будто бы в 2513—2435 гг. до н. э. и по традиции считавшийся предком царского рода Чу, к которому принадлежал и сам Цюй Юань.

⁴ В седьмой день первого месяца по лунному календарю. В древности он считался самым счастливым днем для рождения человека. Китайский оригинал позволяет предполагать, что Цюй Юань родился в 340 и умер в 278 г. до н. э.

⁵ Здесь и далее цит. по изданию: Цюй Юань. Стихи. М., 1956.

История искусства говорит нам, что всеобщее признание имеют те произведения, в которых наиболее полно выражены самобытный гений народа, его национальные особенности, отмечены характерные черты его жизни и истории. Таковы произведения древнегреческих трагиков Софокла и Эсхила. То же самое можно сказать о Шекспире, Гёте, Байроне, Пушкине, Гоголе, Толстом. Не в меньшей мере это справедливо и в отношении великих китайских поэтов Ли Бо, Ду Фу, Бо Цзюйи, Оуян Сю и многих других. Но прежде всего это справедливо в отношении Цюй Юаня, который первым среди китайских поэтов в своей поэзии глубоко отобразил стремления современного ему общества, народ в его великой любви к жизни, с его неодолимой стойкостью в испытаниях, тонко чувствовал родную природу. С проникновенностью подлинного мыслителя, с чуткостью большого художника Цюй Юань ощущал всю глубину противоречий жизни современного ему общества, судьбы человека и человечества в целом. Но его творчество отнюдь не было отмечено печатью фанатизма, обреченности, веры в слепой рок. Даже наиболее трагические произведения Цюй Юаня проникнуты духом борьбы.

Цюй Юань горячо любил свою родину, свой народ, никогда не шел на сделки с изменниками, продававшими отечество, вел с ними непреклонную борьбу. Оказавшись клеветанным и изгнанным, Цюй Юань остался непоколебим, отверг компромисс, предпочтя пожертвовать собой во имя правды и справедливости.

Исторические данные свидетельствуют о том, что Цюй Юань происходил из аристократического рода, восходящего к легендарному правителю Чжуань-сюю. При царствовавшем Хуай-ване поэт занимал пост Цзоту — носителя опахала по правую руку владыки, то есть главного советника правителя. Факт этот, разумеется, не безразличен для понимания не только биографии поэта. Обстоятельства происхождения или социальной принадлежности помогают выяснить многое, но не должны отражаться на оценке главного, определяющего творчество каждого, — таланта и одаренности самой творческой личности. Попытка биографией разъяснить все творчество поэта — метод едва ли научно состоятельный. Это столь же верно, как и то, что каждый художник привносит в создаваемое произведение часть своего индивидуального душевного мира, личного жизненного опыта.

Мироощущение Цюй Юаня, как оно отражено в созданных им произведениях, представляется противоречивым. Необыкновенного дарования государственный деятель и поэт с глубоким проницательным умом, Цюй Юань видел, на какой опасный путь толкали его родину бездарные царедворцы, но длительное время не в силах был решительно порвать с правителем Хуай-ваном, с личностью которого, по понятиям той эпохи, он связывал судьбу своей родной земли, своего народа.

Мы, однако, видим, что обстоятельства жизни воздействовали на миропонимание и поступки Цюй Юаня, меняли его взгляды. В нем все очевиднее стало проявляться критическое отношение к сановным верхам и самому царю. Корни поэтического мироощущения Цюй Юаня — в его близости к народной почве, в глубоком понимании жизни своей родины, ее исторических судеб.

В ходе борьбы Цюй Юань все решительнее выступал против бездарной политики чуского вана, гневно возвышал свой голос против циньских жестокостей. Цюй Юань предвидел, что вооруженное столкновение между царствами Цинь и Чу было неизбежным, и оно началось вторжением циньских войск в пределы Чуского царства. Кроваво-пролития войны, явившиеся величайшей трагедией для чуского народа, ворзались в жизнь поэта и оставили огромный след в его художественном творчестве.

Цюй Юань, осуждая порочность политики царского двора, смело ставил острые политические вопросы, глубоко затрагивавшие судьбу народа, волновавшие его современников, и стремился дать этим актуальным вопросам такое разрешение, которое, по его убеждению, в наибольшей мере соответствовало интересам и чаяниям его родины.

Могучий дар поэтического выражения правды жизни у Цюй Юаня оказался сильнее исторической ограниченности и социальной его принадлежности. У него была своя политическая позиция, исключавшая компромисс с господствующей элитой во главе с чуским ваном, который не был способен вести борьбу с силами, менее всего заботившимися об общем благе чуской земли.

Магическая сила творческой индивидуальности Цюй Юаня проявилась на почве драматического конфликта поэта с находящимися у власти силами Чуского царства. Поэт мужественно, неустрашимо подверг критике порядки и взгляды современного ему общества, открыто выступил с гневным обличением властителей, авторитет которых считался непререкаемым.

В Цюй Юане мы видим воплощение глубоко осознанного, страстного протеста, обращенного против жестоких несправедливостей окружающей поэта реальности, глубоко чуждой и враждебной его духовным идеалам. И сам народ, нескончаемые поколения китайцев давно уже отвели Цюй Юаню подобающее место в истории литературы и определили значимость его поэтических творений в истории речевого искусства, видя в его поэзии источник высоких устремлений многих поколений китайских поэтов.

Патриотическая верность своей родине привела Цюй Юаня на путь бесстрашного противоборства, закончившегося для него трагически. Но это не был «бесплодный спор с веком», хотя многие знали, каким горячим ядом клеветы и наветов завистливые недруги поэта облили благородное сердце невольника чести:

В душе моей — печаль, досада, горечь,
Несу один невзгоды этих дней,
Но лучше смерть, чтоб навсегда исчезнуть,
Чем примириться с участью такой!

Подвергая суровой критике порочную внутреннюю и внешнюю политику царского двора, Цюй Юань был глубоко уверен в том, что выполняет свой гражданский, патристический долг перед родиной и народом. Именно это вселяло в него уверенность и силу.

Творчество Цюй Юаня формировалось в эпоху «Борющихся царств». Это были годы бурных перемен, когда шла борьба за объединение Китая, представлявшего тогда арену нескончаемых войн между царствами и удельными владениями. Лишь за время правления Сянь-вана (368—321 гг. до н. э.) возникло шестнадцать таких войн.

Тема жестоких сражений отразилась и в творчестве Цюй Юаня. Рассказывая о битве за чускую землю в стихотворении «Смерть за родину», поэт воспевае павших воинов. Но он отнюдь не был пацифистом. И хотя в поэтических творениях Цюй Юаня нередко прославляется ратная доблесть, его никогда не покидали тревожные мысли о мире для народа и о тех испытаниях, которые несет людям кровопролитие. Именно эта особенность наиболее характерна для художественного творчества поэта.

Объединение Китая, по сути, было центральной проблемой периодов «Весны и Осени» и «Борющихся царств». Время с V по III в. до н. э. характеризовалось ожесточенной борьбой между семью царствами, номинально объединенными правлением династии Чжоу. В III веке до н. э. из них выделились два наиболее могущественных — Цинь и Чу. В результате продолжительной битвы в 221 г. до н. э. пало царство, а циньский князь Чжэн нарек себя Первым августейшим циньским императором, или Цинь Шихуаном, и таким образом, создал гигантскую деспотию под своей эгидой. Отсюда крылатое выражение «Царство Цинь себя в битвах прославило». В «Исторических записках» Сыма Цяня приводится текст надписи, вырезанной на каменной стене по повелению самого государя; в надписи, в частности, говорилось: «Император разрушил городские стены, срыл оборонительные дамбы на реках, тем устранив препятствия и преграды внутри страны»⁶.

Объединение Китая под властью династии Цинь, ликвидация раздробленности и создание могучей централизованной державы означали наступление новой эпохи в истории страны.

Унификация страны была явлением исторически закономерным, но она произошла более чем через 50 лет после смерти поэта. Естественно, возникает вопрос о том, как соотносились взгляды и поведение Цюй Юаня с объективным ходом исторического процесса объединения страны. Не вступали ли воззрения поэта в противоречие с интересами народа, страдавшего от междоусобных войн и порабощения, находился ли он на стороне исторической справедливости и прогресса?

Литературные источники свидетельствуют, что Цюй Юань, видя угрозу своей стране, предупредил чуского вана об опасности со стороны царства Цинь, которое вынашивало аннексионистские планы и в этих целях совершало нападения на царство Чу. В этом Цюй Юань видел угрозу порабощения своего народа, неминуемую гибель Чу.

Тревога поэта за чуско-цинские отношения, от которых зависела судьба коалиции царств, с годами все более увеличивалась. Именно в этой связи поэт вновь и вновь возвращается к мысли об искусстве и его назначении. На передний план Цюй Юань выдвигает проблему сближения ряда царств, коалиция которых могла бы изменить соотношение противоборствующих царств.

Поэзия Цюй Юаня была сопрячена с историческими судьбами своего народа. Создававшиеся им поэтические произведения требовали мужества. Без подвижнического понимания своей роли, своего призвания, судьбы своей родине его поэзия оказалась бы невозможным. Поэзия для Цюй Юаня стала судьбой. И быть может, благодаря этому и через это прокладываются мосты от настоящего к прошлому и от настоящего к будущему.

Весь жизненный путь Цюй Юаня сопряжен с борьбой суровой и неравной. Поэту приходилось вести борьбу и с самими собой, не всегда побеждая, а нередко терпя поражение в этой борьбе. И мы видим, что противоречия, свойственные Цюй Юаню, становились в значительной степени причиной и источником его нравственных мучений. Они лишали поэта душевного спокойствия, вселяли в его сознание тревогу, заставляли искать пути к истине, к правде. Главный пафос поэзии Цюй Юаня, сама его жизненная судьба — высокий образец гражданского мужества, утверждение достоинства человеческой личности. Но в рамках мировоззрения эпохи Цюй Юаня выхода не было и не могло быть. Цюй Юаню были свойственны идеи социально-утопического характера, которые несли в себе черты народных чаяний той эпохи. Эти мысли, как мы знаем, нашли свое выражение и в песнях «Шицзинна», в таких стихотворениях, как «Большаямышь» и др.

Выступление против попыток циньской аннексии, однако, отнюдь не означает, что Цюй Юань, как это утверждают некоторые авторы, был против объединения Китая

⁶ Сыма Цянь. Исторические записки, т. II. М., 1975, с. 74.

или противился поступательному развитию истории. Подобное заключение по меньшей мере было бы крайне упрощенным и неверным. Прежде всего борьба против циньского узурпаторства совсем не равнозначна борьбе против объединения Китая. Цюй Юань — об этом говорят исторические записи — выдвигал свою идею объединения Китая. В борьбе с иноземными завоевателями он стремился сплотить союзников, разобщенных в годы социальных смут и чужеземного ига.

Разумеется, нельзя не учитывать и того, что поэтические произведения Цюй Юаня несут на себе определенный отпечаток ограниченности мировоззрения автора, его видения окружающего мира, общественных явлений. Едва ли, однако, могут быть сомнения в том, что в его поэзии достаточно метко и многогранно отображена эпоха, те драматические перемены в судьбах родины, которыми ознаменовалось время поэта. И в этом смысле можно говорить о том, что, как многогранна была наблюдавшаяся поэтом жизнь, так и многообразны художественные образы цюйюаневских поэм, имея в виду, конечно, их обусловленность историческими обстоятельствами и авторским видением поэтических объектов. Именно такое понимание следует из известного ленинского положения о том, что «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»⁷.

Несомненно также, что психологические особенности поэтической личности Цюй Юаня, конкретные жизненные условия не могли не оказать влияния на его творчество, но отнюдь не они определяли основное содержание чуских строф.

Развитие литературного творчества и искусства определяется в первую очередь самой действительностью, а затем уже эстетическими и духовными концепциями. Главное для нас не столько его политические идеалы, сколько его действительная позиция, практическая его борьба, которые в полной мере отображали подлинные исторические противоречия.

Цюй Юань рисовал не отвлеченное добро и зло, а реальное столкновение и борьбу этих двух полярных начал в реальной жизни. Во многих своих произведениях поэт восстает против несправедливости и вероломства в современном ему обществе. Он утверждает, что «мир грязен, завистью живя одною», что «там губят правду, почитают зло» и что в том мире «лишь низкий хочет вознести себя». В элегии Цюй Юаня мы находим такие строки:

Теснят мне грудь уныние и горесть,
Скорблю, что в век постыдный я живу,
Цветами нежными скрываю слезы,
Но слезы скорби льются без конца.

Анализ художественного наследия Цюй Юаня свидетельствует о том, что его творчество отличают многообразные черты самобытности, глубоко индивидуальной поэтической личности, способной увидеть вещи в их непосредственности и своеобразности. Цюйюаневские образы отмечены сложностью диалектики человеческой природы. В них заложено большое и многослойное содержание, которое не допускает прямолинейного, однокрасочного, одностороннего их истолкования и интерпретации. И к этому мы должны подходить с учетом замечания К. Маркса, указавшего, что «один и тот же предмет различно преломляется в различных индивидах и превращает свои различные стороны в столько же различных духовных характеров...»⁸.

В своих воззрениях Цюй Юань находился в движении, постоянно переходя от известного к неизвестному, от изведенного к неизведенному в поисках средств для передачи мира новых ощущений. И поэт пришел к пониманию, что этот мир нового опыта может быть раскрыт в новых формах художественного выражения. Отсюда его отказ от прежних поэтических форм типа четырехстрочных стихотворений «Книги песен» («Шицзин»), некогда удовлетворявших безымянных древних поэтов, но теперь ставших явно недостаточными для выражения более сложных чувств и мыслей.

Великая заслуга Цюй Юаня в том, что им совершен переход от анонимной песенной поэзии к высшим ступеням литературного искусства, а в поэтическом творчестве — от древней народной поэзии «Книги песен», уходящей в глубь веков, к тому, что получило определение художественной поэзии. Им создан свой поэтический жанр «цзю» — «строфы», или «саоти» — «свободный стиль» (относительно свободный по сравнению с песнями «Книги песен»). Рождение «чуцы» — «чуских строф» — положило начало блестящей эпохе в истории художественного развития Китая. Созданные Цюй Юанем строфы были названы впоследствии чускими, «чуцы», по имени царства Чу — родины поэта. В «Истории династии Хань» в разделе «Ивэньчжи» — «Описание письменных памятников» содержится указание, что название «чуцы» находилось в литературном обращении уже в конце II в. до н. э. Древнему филологу Лю Сяну, жившему в I в. до н. э., принадлежит составление первого сборника «чуских строф», включавшего поэзию Цюй Юаня и его последователей.

Возникновение «чуских строф» знаменовало собой наступление процесса дифференциации первобытной литературы и появление на исторической сцене личности поэта.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 104.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, с. 7.

Цюй Юань был первооткрывателем, его поэзия была устремлена в грядущее, опережая свой век и величием мысли, и художественным видением мира.

Цюй Юань придал поэтическому творчеству высокохудожественную и классически завершенную форму и звучание. И это словно распахнуло крылья новой эпохе в поэзии. Стих Цюй Юаня представляет собой отнюдь не заимствование или подражание поэзии «Книги песен». Созданные им «Чуские строфы» явились новаторством, глубоко оригинальным творчеством поэта, хотя в них отнюдь не была предана забвению поэтическая традиция, ставшая классической. Элегическую поэму «Скорбь изгнанника», занимающую центральное место в творчестве Цюй Юаня, скорее можно рассматривать как «монолитный», без деления, текст в отличие от «Книги песен» — четырехсловных строк и четырехстрочных строф. Китайские филологи разных эпох высказывали различные соображения относительно деления на строфы текста элегии «Скорбь изгнанника». Одни членили эту поэму на 93 строфы по четыре строки в каждой, другие находили в ней от 14 до 3 частей. Едва ли нужно говорить, насколько условно подобное деление текста. Это относится и к членению «Скорби изгнанника» в переводах на современный китайский язык, а также в переводах на иностранные языки, включая русский.

Следует также упомянуть здесь, что наиболее строго ограничена во всех формах поэзии древних веков, именно древнекитайская типа «Книги песен» и «Чуских строф». «Чуские строфы» ознаменовали собою великое освобождение в области древних китайских стихов и песен. В них применена форма народных напевов, причем эта форма в них расширена, использовано немало диалектов. «Чуские строфы» исполнены смелой фантазии, обладают изящным и свежим стилем, звонкими рифмами. Особенно это относится к произведениям Цюй Юаня «Скорбь изгнанника» и «Десять напевов».

Естествен вопрос: чем объяснить возникновение такого явления, как «Чуские строфы»? На наш взгляд, вопрос этот следует рассматривать с точки зрения особенностей общественного развития царства Чу, самого южного из тогдашних китайских царств, территория которого охватывала земли современных провинций Хубэй, Хунань, Цзянси, Аньхой, Цзянсу, Шэньси и Хэнань, а на юге граничила с древневьетнамскими царствами и различными объединениями земледельческих племен. Население Чу было весьма неоднородным, там жили не только китайцы, а и представители народностей мяо и чжуан. Древняя общекитайская культура обогащалась здесь элементами фольклорной культуры других этнических групп. В период «Борющихся царств» в Чу процветали ремесла, особенно литье, а также торговля (это было единственное из древнекитайских царств, в котором пользовались золотыми монетами)⁹. О самобытной культуре древних жителей царства Чу мы узнаем все больше и больше благодаря современным археологическим находкам. Раскопки в начале 70-х годов знаменитого кургана Мавандуй, относящегося, правда, к послещюйюаневским временам (II в. до н. э.), дали ключ к пониманию ряда образов чуской мифологии и духовной культуры вообще.

Поэзия, как и мудрость ранних философов, отнюдь не чувствовала себя экзотическим растением на земле Чуского царства. Известно, что в VI—IV вв. до н. э. в Китае выдвинулись такие представители философской мысли, как Лао-цзы, Конфуций, Мо-цзы, Мэн-цзы и др. Это было время возникновения и формирования философских и этнополитических систем даосизма, конфуцианства, маоизма и других натурфилософских школ. Сохранившиеся литературные и исторические памятники донесли до нас свидетельства разработанных в ту эпоху композиционных и риторических приемов ораторского искусства и литературных сочинений, отличающихся самобытностью, яркостью, глубиной и богатством языка, разнообразием стилей и выразительностью поэтических средств.

Не подлежит сомнению, что Цюй Юань, образованнейший человек своей эпохи, был не просто знаком с творчеством, философскими и этическими воззрениями основоположников соперничавших в ту пору школ, сложившихся на территории различных древнекитайских царств. Об этом свидетельствует историческая и философская его эрудиция, раскрывшаяся в тексте «чуских строф». Небезосновательны соображения тех китайских ученых, которые усматривают известную соотносимость цюйюаневской поэзии и «Даодэцзина» («Книги о пути к добродетели»). Отмечается при этом и то обстоятельство, что Лао-цзы, с именем которого традицией связывается создание этого трактата, происходил из царства Чу, о чем свидетельствует Сыма Цянь в своих «Исторических записках». (Не случайно, видимо, в упоминавшемся выше кургане Мавандуй был найден текст сочинения Лао-цзы, написанный на бамбуковых дощечках.)

Поэзию Цюй Юаня, разумеется, следует рассматривать как органическое художественное целое с его идеологией, которая, конечно, определялась мировоззрением его эпохи и была в значительной мере подвержена влиянию распространенных тогда концепций конфуцианства и даосизма. Цюй Юань был не в меньшей степени мыслителем, чем художником поэтического слова. Он искал новые формы поэтического творчества, чтобы оно могло полнее вместить и выразить его видение окружающей жизни. «Чуские строфы» Цюй Юаня — это поэтическое выражение автором его мировоззрения, образное раскрытие философского видения многосложного мира, драматических ситуаций в истории его родины и в личной судьбе поэта.

Цюй Юаню представлялось невозможным обойтись без того, что является источником поэтического произведения: без новых ощущений, еще не затронутых, которые по-

⁹ См.: История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974, с. 17—18.

рождают в художнике окружающий его мир. Ощущения эти могли быть схвачены поэтом с помощью языка, путем проникновения в неизведанные области, проникновения, не имеющего перед собой образцов, ни граней, указывающих на пропасть. Благодаря языку поэта ощущения и сознание его обрели жизнь, сообщив языку все его достоинства и силу.

Опыт Цюй Юаня, начатый «Чускими строфами», получил дальнейшее развитие в творчестве лишь благодаря привнесению в него новых норм, которые заключают в себе неведомое ранее мироощущение.

Цюй Юань стремился писать правду, которая для него имела первостепенный смысл уже хотя бы потому, что он был столь глубоко вовлечен в государственную и политическую жизнь своей страны. Его деятельность и борьба определялись самой реальностью жизненной трагедии, трагедии его родины, трагедии его собственной личности. И судя по творчеству Цюй Юаня, собственный опыт он пытался положить в основу своих произведений, чтобы создаваемая картина обладала большей правдивостью и убедительностью, чем любая летопись. Если говорить о таких чертах национальной литературы, как внимание к глубинным истокам народного языка, любовь к родной природе, исследование и тщательная обрисовка психического склада национального характера, то все это с исключительной колоритностью предстает в произведениях великого китайского поэта. Но именно в этом нельзя не видеть и проявления тех особенностей, которые приобретают значение общечеловеческого.

Поэтическое творчество Цюй Юаня и его трагическая гибель, пожалуй, наиболее убедительно доказывают его неколебимость в занятой позиции, в проводимой им борьбе. Цюй Юань в его «жесточкий век» не склонился, не отступил. Это дает нам основание рассматривать Цюй Юаня на стороне исторической справедливости.

Следовательно, поэтическое слово — это средство или орудие, которое являет собой не просто холодное зеркало, внешним образом отражающее сущее; поэтическое слово — и мы видим это на примере творчества Цюй Юаня — есть действительное орудие динамичного, исполненного жизни человеческого духа. В нем заложено могущественное начало движения, развития, совершенствования.

Излишне говорить о том, что поэтическое слово, выполняя осознанную художником функцию орудия, определяется историческими и социальными условиями. В произведениях Цюй Юаня преобладают конкретные представления, в восприятии и творческом воспроизведении которых отозвались личные особенности поэта, его видение вещей, выявление природы и специфики наблюдаемого, собственное отношение к изображаемому. В этом общность поэтики произведений Цюй Юаня и общность мира, в них изображенного.

Ясно, что создание художником типического образа требует раньше всего глубокого знания непосредственно той именно категории явлений, которая становится предметом его изображения и которой путем воображения автора придается значение осязательности индивидуума.

Но противоречие между эпическим в известном смысле характером поэмы «Скорби изгнанника» и ее воплощением средствами лирической поэзии произошло из самой природы и сущности художественной манеры Цюй Юаня. Поэт создавал свои произведения на основе не только подлинного, но и воображаемого, придуманного, сохраняя при этом верность окружавшей его действительности, исполненной исторического своеобразия духовной жизни с ее обычаями и традициями, преданиями и легендами. И мы видим, как Цюй Юань устремляется в область фантастическую, словно бы лишённую реальной почвы.

Поэт, движимый творческим воображением, дерзнул раздвинуть кругозор своей мысли за пределы обычности и установил новые границы, которые должны быть омыслены.

Даже тогда, когда Цюй Юань слишком высоко парил над землей, вдохновляемый народными легендами и древними мифами, мысли его — всегда о реальности земной.

Китайский литератор Лян Цзундай в работе «Цюй Юань» в этой связи отмечает, что поэтический талант Цюй Юаня помогал ему «средствами образности самые абстрактные идеалы превратить в близкий и реальный опыт, самые далекие мифы, неясно различимые нашим воображением, сделать лежащим рядом реальным миром».

В «Чуских строфах» связь цюйюаневской поэзии с истоками народного творчества проявилась с неповторимой самобытностью и яркостью. Фольклорное творчество поистине обогатило поэтические произведения Цюй Юаня.

Мифы и народные предания не могли не привлекать внимания Цюй Юаня, в поэтическом искусстве которого с такой щедростью нашло свое выражение устное народное творчество. В этих мифах и легендах отразились все мечтания об идеальном человеческом обществе. Несомненно, с детских лет Цюй Юань проявлял интерес к народной песне и сказке. Можно с уверенностью сказать, что глубокий интерес к устной народной поэзии не покидал его всю жизнь, песня возбуждала его воображение. Об этом убедительно свидетельствуют его сочинения, относящиеся к различным периодам творчества.

Продолжая традиции фольклора, Цюй Юань создавал свой художественный мир, сочетая в своем творчестве реально существующее с воображаемым, нередко фантастическим. «Силы природы, — писал Энгельс, — ... проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... На дальнейшей ступени вся совокуп-

ность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на одного всемогущего бога...»¹⁰.

Цюй Юань, используя традиционные образы чуской мифологии, создает свой мифологический мир. Он использует необыкновенные образы, которые получают свое поэтическое выражение в «Чуских строфах». Это, несомненно, отличает певца китайской древности Цюй Юаня, например, от Гомера, у которого чудесное как таковое отсутствует и все естественно, поскольку и боги его естественны. Ф. Шеллинг в «Философии искусства» отмечал, что «в чудесном обнаруживается борьба поэзии и прозы; чудесное чудесно лишь в противоположности к прозе и в мире разделенного. Если угодно, у Гомера чудесно все, но именно поэтому и нет ничего чудесного»¹¹.

Понятие чудесного уже древними авторами рассматривалось как привнесение нового элемента в эпос. Аристотель, например, говорил о гомеровском эпосе в этом смысле как о чем-то из ряда выходящем.

Цюй Юань обнаруживает проникновенность и блеск своей невероятной фантазии, рисуя в элегии «Скорбь изгнанника» с помощью контрастов и комбинаций материала сцену за сценой устремленных поисков ответов на вопросы его смятенной души. И во всем этом раскрывается поразительная сила художника с его яркими красками и удивительными картинками, полными космических образов.

Однако Цюй Юань отнюдь не ограничивался использованием фольклорных мотивов, мифологических и легендарных образов. Он был гениальным поэтом прежде всего потому, что неизменно стремился к наиболее верному изображению современной ему общественной жизни, к художественному воплощению своей эпохи, духа времени. И вот перед нами раскрывается стремление поэта: четыре стороны окинув взглядом, «хотел бы я увидеть страны все».

* * *

Поэт стремился осмыслить и выразить нерушимую уверенность человека в том, что сделать разум и прекрасное мерой жизни на земле — в силах людей.

В творчестве Цюй Юаня явственно ощутим аллгоризм народной художественной традиции китайского юга. Несомненно, фольклор Чуского царства послужил Цюй Юаню главным источником выразительных поэтических средств и позволил ему ярко охарактеризовать окружающий его мир, передать колорит современной ему эпохи, специфику жизни и быта своего народа. Однако исследование творчества Цюй Юаня показывает, что при всей близости к истокам народного творчества поэт не копировал фольклор, а использовал его творчески. Он не просто опосредствовал различные формы устного народного творчества, не механически вставлял в свои произведения фольклорные образы. Заслуга Цюй Юаня именно в том и состоит, что фольклор у него органически слился с его собственным замыслом, его личным творческим восприятием и видением окружающего мира. Следовательно, фольклор в творчестве Цюй Юаня приобрел новое качество, стал уже фактом его индивидуального художественного творчества. Возникла принципиально новая поэтическая ткань, из которой невозможно ничего вырвать, которую невозможно расплести, не разрушив живой основы произведения, потому что фольклорные нити естественно превратились в структурные элементы качественно нового явления. Таким образом, строфы Цюй Юаня не только органически впитали в себя народное творчество, но придали ему новые особенности: свежие краски, новое звучание, неповторимое своеобразие и большую силу идейно-художественного воздействия на человека.

Из этого также вытекает, что своим поэтическим творчеством, которое питалось фольклорными источниками, Цюй Юань обогатил и самый фольклор и внес в китайскую поэтическую сокровищницу бесценный вклад, каким являются его «Чуские строфы».

Его поэмы представляют собой народные произведения не только потому, что органически связаны с китайским фольклором. Созданные поэтом образы воплощают самобытные черты китайского народа, его патриотические подвиги и свершения. Созданные в южном царстве Чу, поэмы Цюй Юаня получили широчайшее распространение во всем Китае и стали высочайшим образцом речевого искусства на протяжении всех последующих столетий.

В произведениях Цюй Юаня богатейшие сокровища песенной традиции были обработаны и претворены с высоким поэтическим совершенством. И потому «Чуские строфы» распахнули перед нами душу родного края поэта — волшебную по красоте природу, гордых духом людей, древние их традиции. Поэтика Цюй Юаня, его символика связаны с условным поэтическим восприятием мира, несомненно унаследованным от традиции фольклоризма. Общеизвестные символы и аллегории в «Чуских строфах» воспринимались на фоне национального своеобразия, что отчетливо видно уже в «Книге песен».

Среди других произведений Цюй Юаня назовем еще «Девять напевов», «Вопросы к небу», «Призывание души», «Девять элегий», в которых также содержатся россыпи фольклорных жемчужин. В них особенно ощутимо то, что при создании поэм Цюй

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 328—329.

¹¹ Ф. Шеллинг. Философия искусства. М., 1966, с. 377.

Юань черпал вдохновение из животворного источника народного творчества. Силою своего могучего таланта Цюй Юань облакал предания и сказания своего народа в поэтически совершенные формы и возвращал народу — современникам и потомкам — все неповторимое очарование и самобытность народного эпоса.

Древнекитайский филолог Ван И (II в.) писал, в частности, по поводу создания Цюй Юанем «Девяти напевов» («Девяти гимнов»): «Девять гимнов — творение Цюй Юаня. В древнем Чуском царстве удел южного Ин располагался между реками Юань и Сян. Народ верил в духов и поклонялся им. Во время этих церемоний следовало петь и играть, бить в барабаны и плясать, дабы возрадовать духов. Цюй Юань в скитаниях своих нашел в сей местности пристанище. Грудь его теснила тоска, горечь отравляла сердце, был он полон скорбных дум. И он выходил смотреть, как простые люди, отправляя обряд поклонения, весело пляшут и поют. Слова их были просты и неуклюжи, и потому (он) писал «Девять гимнов»¹².

Записывая и художественно обрабатывая чудесные произведения народной словесности в Чуском царстве, Цюй Юань, быть может, сам того не создавая, оказал неоценимые услуги китайской культуре, сохранив для потомства древний фольклор своего родного царства. Вместе с тем творчество поэта указывает нам на необходимость исследования истории развития взаимосвязей народного творчества с самых древних времен, в различных землях Китая, когда он был раздроблен на множество обособленных царств, где рождались и изустно передавались из поколения в поколение неповторимые произведения самобытного творчества.

Значительный научный и художественный интерес представляет тематическое своеобразие «Чуских строф», сюжет и стиль творчества Цюй Юаня, источники его поэтического вдохновения. Здесь перед нами открывается огромный мир поэтических образов, изображенных гением Цюй Юаня. Показательно, что эти аспекты творчества поэта оставались наименее изученными и освещенными в исследованиях китайских ученых и тем более в работах зарубежных сиологов. А между тем именно углубленный анализ этих сторон «Чуских строф» способен раскрыть перед нами подлинную художественную ценность поэзии Цюй Юаня, ее неповторимое эстетическое обаяние.

Поэмы Цюй Юаня напряженны, цельны, естественны. В них нет мелкого, преходящего. Нет раздробления мысли и чувства. Поэт стремится создать нечто непреходящее, способное волновать людей, возбуждать в них глубокие чувства патриотизма и гуманности. Он словно сознавал, что еще долго будет нужен людям. Конечно, современный наш мир резко отличается от мира, в котором создавались шедевры Цюй Юаня, но разве мы не в состоянии их понять, испытывать от их чтения истинное наслаждение?

Личность Цюй Юаня, его мечты, его идеалы, выраженные в «Скорби изгнанника», «Вопросах к небу», «С камнем в объятиях» и других поэмах, предстают перед нами с такой поразительной силой, какая редко выпадает на долю поэтов в целые столетия, быть может, и тысячелетия. Мы видим, сколько стремлений таилось в его душе. Воспевая могущество нравственного сознания, поэт излагает целую философию государственного и общественного устройства. Цюй Юань оказался способен в столь отдаленную от нас эпоху возвыситься до близких к нам гуманистических идеалов. «Скорбь изгнанника» поражает емкостью гуманистической мысли, глубокой патриотической чувств. И жизнь народа в ее конкретно-исторической полноте предстает в творчестве Цюй Юаня как величественная картина духовного торжества поэта.

Все поэтическое наследие Цюй Юаня дает нам право рассматривать его творчество как явление эпохальное, устремленное в будущее и по смелости мысли, и по эстетическому видению мира.

* * *

Для нас поэтическое творчество Цюй Юаня — это континент, где исследователи не устают открывать все новые и новые «земли». Наиболее глубоко, с огромной драматической силой судьба поэта отображена в его элегии «Скорбь изгнанника». В ней выражены его убеждения, гражданский пафос, негнбимый дух. Для Цюй Юаня создание этой элегии явилось «часом истины». В ней поэтизация древних примет родной земли, великая привязанность к отчужденному краю, к его красоте. Патриотизм — вершина нравственной культуры — неразрывно с гражданственностью. В свою очередь гражданственность творчества Цюй Юаня неотрывна от понятия поэзии как искусства, как самовыражения художника, его идеалов, мира прекрасного.

В миропонимании Цюй Юаня, в его восприятии окружающей жизни, как оно представляется нам через художественное творчество, отмечается его необыкновенная способность, проявляющаяся в виде поэтического «анимизма», способность видеть живую душу во всем вокруг: в крапчатом бамбуке, рассказывающем о легендарной любви к мужу жен мифического государя Шуня; в цветах, среди которых поэт неизменно пребывает; в мифических существах, наделенных даром речи и мышления. Такая близость к природе, сопричастность ее тайнам придают поэтическому творчеству Цюй Юаня неповторимое своеобразие.

¹² Бань Гу. История династии Хань. Пекин, 1964, т. 6, с. 103.

Страдания народа стали собственными страданиями поэта: «Я мыслю о людях, скорбящих в тревоге», — писал он в стихотворении «Великому повелителю жизни». С высоты этой темы патриотизма Цюй Юань поэтизирует гуманность чувствам общества. У Цюй Юаня дума о своем народе, о человеке и земле, его породившей, звучит как сокровенное и важное раздумье. Его тревожит мысль о неизбежности распада, который постигнет народ и страну, если люди не поймут общей ответственности и перед жизнью, и перед судьбой родины.

Эта тревога многократно повторяется, всякий раз в новой тональности, возвращая нас к мысли о человеке и его долге перед будущим, о его месте на земле.

Чтобы оборвать его связи с родиной, запугать, надломить его волю, поэта лишили его придворного поста и на долгие годы подвергли изгнанию. Цюй Юаню потребовалась огромная сила воли, чтобы не «заглушить поступок», а вновь обрести и укрепить свою уверенность в правильности избранного пути.

Поэзии Цюй Юаня подвластно превращение прошлого в настоящее, предания — в реальность:

На Куэньлунь лежит моя дорога,
Я вдаль иду, чтоб весь увидеть свет.
Я стягом — облаком скрываю солнце,
И песня птицы сказочной звенит.

В элегии «Скорбь изгнанника» Цюй Юань изобразил трагической судьбы человека — былинку в необъятных просторах космоса, — призванного сознанием быть повелителем вселенной. Порой через условность поэтической формы в стихах Цюй Юаня пробивается трагическое мироощущение. Грустная интонация характерна не только для «Скорби изгнанника». Она ошутима и в других стихотворениях Цюй Юаня.

Содержание произведений Цюй Юаня свидетельствует о том, что поэт понимал, насколько обстоятельства могучи в своем воздействии на поведение и взгляды людей, как подвластен им человек в своих поступках. Но поэт не изображает своих героев только как жертв определенных обстоятельств и не мотивирует сами обстоятельства чем-то неотвратимым, фатальным. Напротив, в творчестве Цюй Юаня утверждается возможность активного поведения человека, его сознательного воздействия на окружающую среду. И сам поэт выступает со страниц своих творений как человек, который отнюдь не избрал для себя путь смирения с окружающей его средой. Мы видим, как в возникшем единоборстве он обретает неведомое ранее несгибаемость и решимость, уверенно утверждая себя личностью непобедимой, героической. И хотя трагична судьба поэта, созданный им образ являет нам образец нравственно чистой жизни и высокого патриотического подвига.

Я подавляю чувства и стремленья,
И оскорблениям не внемлю я,
Чтить чистоту и умереть за правду —
Так в старину учили мудрецы, —

читаем мы исполненные патетики строки в поэме «Скорбь изгнанника».

Живая душа поэзии Цюй Юаня остро ощущается во всех его творениях. Проявляется это и в обращении к теориям древности, канонам и формулам «золотого века». Поэт напоминает, что легендарных правителей старины Юя, Чэн Тана, Вэньвана «окружали умов разнообразных цветники», и были там и «душистый перец, и корица, а не одни нежнейшие цветы».

Именно в поступках, как в высшем проявлении образа мысли героя, с наибольшей полнотой раскрывались неисчерпаемые силы его духовного мира. Цюй Юань возвышался над своим временем, быть может, благодаря тому, что был более связан с жизнью народа.

Поэта постоянно вдохновляло желание глубже познать явления окружающей действительности, реальной жизни. Это стремление художника свидетельствует о том, что он не мог проявлять безразличия к социальным процессам и явлениям в обществе, к столкновениям и борьбе различных социальных сил в Чуском царстве. Именно этим объясняется его обвинение:

Мир грязен, завистью живя одною,
Там губят правду, почитают зло.

Цюй Юань предъявлял высокие требования к поступкам и поведению людей; он был носителем высокой человечности, гуманистических идеалов. Но проповедник гуманизма Цюй Юань был одновременно страстным обличителем и великим критиком своего века.

«Чуские строфы» характерны именно тем, что в них углубленно изображена личность, ее внутренние переживания. Понимание Цюй Юанем роли поэта и назначения художественного творчества не было простым продолжением предшествующей литературы. Цюй Юань был новатором, обогатившим предшествующую китайскую национальную поэтическую традицию новыми решениями идейно-художественного характера.

Наследие Цюй Юаня представляет высокую эстетическую и этическую ценность. Творчество поэта явилось одним из основополагающих начал китайской литературы прежде всего благодаря его необыкновенно сосредоточенному интересу к человеку, его бытию, благодаря страстной проповеди справедливости, долга и человеческого достоинства.

Образ, который встает во весь рост с поэтических страниц Цюй Юаня, — это образ гонимого человека, который, подвергаясь тягчайшим испытаниям, останется тверд и непоколебим. Испытав на себе гнев и немилость царя, поэт и в изгнании хранил верность своим убеждениям, движимый глубокой приязнью к родной земле. Он испытал одиночество и непонимание, являющиеся участью изгнанника. Но и в отрешении поэт не искал безмолвия и в грозные дни наступившего бедствия верил в то, что люди найдут в себе достаточно сил, чтобы спасти себя, отстоять страну свою в трагическом испытании.

Эмоциональная сила элегии «Скорбь изгнанника», глубокая нравственная чистота автора, ее создавшего, делают эту поэму произведением, обладающим могучей и прекрасной силой — глубоко волновать и восхищать.

* * *

Сознание идейного одиночества и полного бессилия в осуществлении своих замыслов приводит Цюй Юаня в конце жизни к мыслям самым мрачным, исторгающим из его сердца полный отчаяния вопль.

И разве потрясение души не подвигает человека к свету и чистоте, не пробуждает в нем внутренней потребности быть лучше, морально совершеннее?

Прекрасно сказано у К. Маркса: «Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на средство. Она — самоцель; она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву ее существованию, когда это нужно, свое личное существование»¹³.

Подобная самоцель жила в Цюй Юане, который был убежден в праведности своих поступков, глубоко верил, что думы и страдания его найдут сочувствие в будущем.

Разве истории не известны многочисленные случаи принесения писателями в жертву своей жизни? По замечанию А. Блока, «роль поэта не легкая и не веселая; она трагическая»¹⁴. Китайский поэт был принесен в жертву времени, и в этом причина того, что враги его отрицали заслуги поэта. Это был страх людей перед судом истории, страх за совершенные преступления.

С глубокой скорбью откликнулись на трагическую гибель гениального певца древности китайские художники слова всех времен. Живший во II в. до н. э. поэт Цзя И¹⁵ писал:

Августейшую милость монарха я принял с поклоном:
Ожидая заслуженной кары в Чанша.
Услыхал стороной, что поэт Цюй Юань знаменитый
Покопчил с собою здесь, в водах Мило.
Прихожу к волнам Сяна и им поручаю стенанье
И моленье тебе, о учитель-поэт.
Ты столкнулся с людьми беспримерно, безмерно дурными
И тогда погубил, уничтожил себя...¹⁶.

Из поколения в поколение народу приходится вести сражение за то, чтобы мутные потоки, оказавшиеся на поверхности в результате исторических бурь, не загрязняли естественного течения его жизни, не подорвали бы моральных его сил. В бесстрашии подвига Цюй Юаня, глубоко самобытном по своей природе, раскрываются черты общечеловеческие, качества, свойственные людям различных наций и эпох. «Ни один поэт, — отмечает В. Г. Белинский, — не может быть велик от самого себя и через самого себя, ни через свои собственные страдания, ни через свое собственное блаженство: всякий великий поэт потому велик, что корни его страдания и блаженства глубоко вросли в почву общечеловеческой и истории, что он, следовательно, есть орган и представитель общества, времени, человечества»¹⁷.

Среди самых восторженных почитателей и ценителей творчества Цюй Юаня был и основоположник китайской историографии Сыма Цянь. Спустя сто с лишним лет

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, с. 76.

¹⁴ А. Блок. Соч. в 2-х томах, т. II. М., 1955, с. 347.

¹⁵ Цзя И (200—168 гг. до н. э.) — китайский поэт. Занимал крупную должность при дворе императора Ханьской династии Вэнь-ди (179—156 гг. до н. э.), затем, подобно Цюй Юаню, был оклеветан и сослан. Под впечатлением переезда через реку Мило, где утонул Цюй Юань, Цзя И создал философскую «Оду памяти Цюй Юаня». Ему принадлежит также поэма «Ода сове», содержащая размышления о суетности славы придворного. В трактате Цзя И «Рассуждение об ошибках Циней» повествуется о возвышениях и падениях династий.

¹⁶ Поэзия и проза Древнего Востока («Библиотека всемирной литературы»). М., 1973, с. 295.

¹⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, с. 586.

после смерти поэта он представлялся ему до святости чистым человеком, одержимым сжигающей его тоской по чистой и праведной жизни на своей земле. «Я прочел «Скорбь изгнанника», «Вопросы к небу», «Призывание души», «Плачу по столице Ину», — отмечал Сыма Цянь. — Тщетные стремления Цюй Юаня вызвали в душе моей печаль.

Я был в Чанша, и когда увидел глубокий омут, в который бросился Цюй Юань, невольно хлынули слезы. Я представил себе, какой это был человек!»¹⁸.

Сочинения Цюй Юаня, писал далее Сыма Цянь, «лаконичны, слова сокровенны, стремления чисты, деяния бескорыстны. Стихи его невелики по размеру, но говорится в них о вещах великих; он приводит нам примеры близкие, но в них можно усмотреть смысл весьма глубокий.

И поскольку стремления Цюй Юаня чисты, все вещи, о которых он говорит, благоухают. Так как деяния его были бескорыстны, то он предпочел смерть изгнанию. Его хотели втоптать в грязь, но он отряхнулся и вспорхнул над прахом, словно мотылек. Никакая грязь не пристала к нему!

Стремления, которые им руководили, в блеске своем способны соперничать с сиянием солнца и луны»¹⁹.

В Чанша, на родину Цюй Юаня, туда, где родились шедевры древней поэзии, влекло не только Цзя И и Сыма Цяня. С древних времен это место стало местом поклонения поэтическому гению. Здесь совершались моления и обряды, культовые жертвоприношения. И кумирня Цюй Юаня напоминала своеобразный центр, вокруг которого были расположены поселения. Это место, являющееся как бы носителем историко-патриотических традиций китайского народа, стало нерукотворным памятником, созданным и хранимым народом на протяжении многих веков.

Сравнительно недавно в этих местах было обнаружено немало древних предметов. Здесь найдены многочисленные памятники культуры, относящиеся ко времени существования царства Чу. Около двух тысяч древних иероглифов обнаружено на шелковых и бамбуковых книгах, бронзовых и лаковых изделиях, на оружии, печатях, монетах и других предметах, найденных в чуских могилах подле города Чанша. Они имеют сложные начертания, некоторые напоминают изображения птиц, насекомых, рыб и трудно поддаются расшифровке. Часть чуских иероглифов более доступна для понимания. Исследование чуских иероглифов имеет огромное значение для изучения древней истории и культуры Китая.

Мне приходилось посещать эти места, легендарную обитель поэта, где до сих пор народ, простые люди чтут память о великом своем соотечественнике-поэте. И до сих пор в местных устных преданиях говорится о не покорившемся царскому самовластию поэте, которого постигла трагическая судьба.

И когда перед глазами возникает образ поэта, мужеству которого найдется немало разных примеров в истории литературы, невольно думаешь о том, что Цюй Юань не щадил свою душу, был далек от легкого пути, вложив всего себя в восхищающие нас и теперь «Чуские строфы». Поэтом он остался жить вместе со своими произведениями.

Цюй Юань принадлежит к плеяде великих пророков слова, стремившихся благословить родную землю на пути ее исторических судеб. Он был выразителем патриотических сил своей родины и оказался способен возвыситься до высоких гуманистических идеалов, что роднит опального китайского певца с многими поэтами других земель и времен.

История, в том числе китайского народа, — доказательство того, что уже многократно повторялось: эпохи заката и регресса сменялись возрождением, расцветом. Такое понимание развития истории, общественного движения характерно для Цюй Юаня, его видения прошлого и настоящего. Именно это, одновременно с другими факторами, определило поразительную жизнестойкость поэтического наследия Цюй Юаня:

Я прошлое и будущее вижу,
Все чаянья людские предо мной.
О, можно ль родине служить без чести
И этим уваженье заслужить?

Цюй Юань был сыном своего века, своего времени, и глубина его поэтического гения сказалась в его художественном творчестве раньше всего потому, что он не оставался равнодушным к происходившим переменам в судьбах своей родины. «Чем выше поэт, — говорил В. Г. Белинский, — тем больше принадлежит он обществу, среди которого родился, тем теснее связано развитие, направление и даже характер его таланта с историческим развитием общества»²⁰.

Для Цюй Юаня поэзия не была пустой забавой. Его вдохновляло желание глубже познать явления окружающей действительности, реальной жизни. Это свидетельствует о том, что он не мог проявлять безразличия к социальным процессам и явлениям в современном ему обществе, к столкновениям и борьбе различных классовых сил.

¹⁸ Сыма Цянь. Избранное. М., 1956, с. 188.

¹⁹ Там же, с. 174.

²⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, с. 502.

В поисках большой эпической темы поэт нередко обращался к историческому прошлому, к минувшей старине. Создавая поэтическую летопись с ее историческими и легендарными героями, Цюй Юань показывает их мироощущение и действия не как проявление своеволия страстей и поступков, но в определенной связи, в обусловленности их историческими обстоятельствами, временем.

Идеалы Цюй Юаня нередко обращены к прошлому, к далекой китайской старине. Они принадлежат тому «золотому веку», который прославлялся в преданиях и легендах чуского народа.

Положительные идеалы Цюй Юаня, с позиций которых он подвергал жестокой критике бездарных правителей и возвышал голос в защиту своего отечества, — это идеалы светлого разума и патриотизма, справедливости и гуманизма. Воспевая могущество морального сознания, поэт затрагивает принципы государственного и общественного устройства:

Ся Цзе всегда был с нравственностью в споре,
Но час настал, и вот пришла беда.
Всех честных Хоу Синь²¹ казнил придворных,
Тиранов иньских был недолог век.

Раскрывая смысл поведения героев исторического и легендарного прошлого, Цюй Юань показывает, что поступки и взгляды его современников были вызваны определенными социальными условиями, общественной средой. Здесь — актуальность живой взаимосвязи прошлого с настоящим. Такой экскурс в прошлое служил определенной цели — силою примера воздействовать на поведение правителей.

Мы видим, что многие строки элегии «Скорбь изгнанника» обращены в прошлое, но смысл их заставляет задуматься о современном поэту времени, о подлинном значении человека, о призвании поэта, его месте в жизни, в судьбах народа.

Сурово правил Юй, но справедливо.
При Чжоу шли по верному пути,
Ценили мудрых, верили разумным
И соблюдали правила добра.

Но, воскрешая страницы далекого прошлого, прекрасной, героической, но уже забытой старины, поэт не все безусловно приемлет, не все благословляет даже в действиях мудрейших.

Особенно примечательна в этом смысле поэма «Вопросы к небу». Здесь многое может привлечь внимание исследователя. В ней говорится о разнообразных человеческих чувствах и философских раздумьях, о смысле истории и поведения человека, вещах, понятных и близких его современникам, людям не только того круга, к которому принадлежал поэт.

Мы видим, что творчество Цюй Юаня вдохновлялось высокими и великими темами. И в поэме «Вопросы к небу» страстно звучит протест против кровопролития, бра-тоубийства, жестокого насилия:

Где, кем был иньский Чжоу-ван
Сбит с толку, разума лишен,
Что верить стал клеветникам
И не внимал мудрейшим он?!

Труден был подвиг поэта. Его мучило сознание неразрешимого, глубоко трагического противоречия между породившим его и ставшим чуждым ему придворным обществом и его собственными идеалами. Цюй Юань считал, что дело не в личности тирана, а в самой сущности тирании. Сам тиран может быть умным или ограниченным, добрым или злым — все равно он всемогущ и бессиль, его пугают заговорами, ему льстят, его обманывают, перед ним лицемерят.

Трудность, однако, состоит в том, что мы испытываем порой недостаток исчерпывающих материалов, чтобы судить об исторических личностях. Цюй Юань сосредоточивал свое внимание не на явлениях частной жизни, а главным образом на исторических явлениях общественной и государственной жизни:

Всю Поднебесную давно
Царь неба людям даровал, —
Как допускает, чтобы князь
Ес у князя вырывал?

В представлении Цюй Юаня поэзия должна выражать думы и чувства народа, служить народу, способствовать поэтическим словом воспитанию справедливых сил общества.

Не льстил я ни государю,
Ни тем, кто стоит у трона... —

читаем мы в стихотворении «Печальные строки» из цикла «Девять элегий».

²¹ Хоу Синь, или иньский Чжоу-ван. Предание гласит, что однажды в припадке гнева он приказал казнить своих преданных сановников и сделать из них «кровавый соус».

На пути поэта неизбежно возникают сомнения, волнующие вопросы. Но сквозь внешний пессимизм, сквозь мрачный колорит, лежащий на некоторых цюйюаневских страницах, отчетливо и зримо выступает вера поэта в победу разума и справедливости:

Клеветников много,
дыхание их тлетворно,
Но если ты покорись —
наверняка погибнешь.

Прославление благородства, идеалов и мудрости знаменитых предков составляет пафос поэтических строк Цюй Юаня.

В 277 г. до н. э. трагически оборвалась жизнь Цюй Юаня. В знак протеста против действий царского двора поэт кончил жизнь самоубийством, бросившись в омут реки Мило в местечке Чанша, нынешней провинции Хунань. И мы знаем, что чуский ван и его царедворцы, стоявшие у трона, — истинные гонители и убийцы величайшего китайского поэта.

Человеку нередко сопутствуют сомнения и разочарования, они подчас заставляют его поддаваться чувству отчаяния, понуждают к отступлению. И лишь сильные сознанием, волей своей продолжают сражаться, в конечном счете добиваясь торжества, хотя порой достижение победы дается им ценой собственной жизни.

И мы видим, что поэт одолел чувство страха перед физической смертью:

«Все кончено!» — в смятенье восклицаю.
Не понят я в отечестве моем, —
Зачем же я о нем скорблю безмерно?
Монх высоких дум не признают, —
В обители Пэн Сяня скроюсь... —

читаем слова Цюй Юаня в эпилоге к элегии «Скорбь изгнанника».

Погиб человек, но гениальный поэт, великий сын великого народа, продолжает жить и теперь.

Творчество Цюй Юаня — это достояние не только китайского народа, на истерзанной земле которого возвысилась его неумирающая поэзия. Конечные измерения жизни и творчества поэта — патриотические чувства, душевная чистота, мужественная убежденность. Потребовалась феноменальность Цюй Юаня, чтобы возник небывалый, неповторимый по своей самобытности мир образов. Именно Цюй Юань оказался той творчески одаренной личностью, которой суждено было средствами поэтических образов выразить трагедию родной земли, народа, свою собственную трагедию. И образы эти, пройдя многовековые испытания, сохранили свою значимость навсегда. Рожденная национальной самобытностью, поэзия Цюй Юаня приобрела значение всеобщее и стала достоянием всего человечества.

Жизнь, отданная науке

[К 100-летию со дня рождения
академика В. М. Алексеева]

*В. Ф. Сорокин,
доктор филологических наук*

Сто лет тому назад, 14 января 1881 г., родился Василий Михайлович Алексеев. 12 мая 1981 г. исполнится тридцать лет с того времени, как закончился его жизненный путь. В некрологе, подписанном такими видными учеными, как академики И. В. Гребенщиков, И. И. Майский, В. В. Струве, И. И. Толстой, было отмечено: «... Скончался крупнейший советский востоковед, глава советской китаистики, старейший профессор Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, член Союза советских писателей, академик Василий Михайлович Алексеев.

В лице В. М. Алексеева советская наука потеряла одного из замечательных его представителей, всю свою жизнь посвятившего исследованию истории культуры, языка, литературы и искусства великого китайского народа... Смерть вырвала из наших рядов крупнейшего ученого, большого патриота своей родины, замечательного и отзывчивого человека, друга и учителя молодежи, воспитателя ряда поколений советских китаистов»¹.

За прошедшие десятилетия о жизни и творчестве В. М. Алексеева создана его учениками и последователями, а также учениками его учеников довольно большая литература². Охарактеризованы основные направления его научных исканий, присущий ему подход к изучаемым явлениям, даны оценки многим — хотя далеко, далеко не всем! — его трудам и концепциям. Можно сказать, что благодаря этой работе по необходимости скупые строки некролога дополнились и подкрепились богатым и многообразным материалом, стала еще более явной справедливость содержащейся в нем характеристики личности ученого и его значения для советской и мировой востоковедной науки. Нет сомнения, что литература о В. М. Алексееве будет появляться и впредь. Не только потому, что и сам облик ученого, мысли, гипотезы и прозрения, рассыпанные в опубликованных им трудах, не устанут привлекать внимание исследователей, но и потому также, что публикация его трудов продолжается, и нас еще ждет радость встречи не с одним из оставленных им больших и малых произведений.

Книги, статьи и заметки В. М. Алексеева продолжают выходить в свет, обсуждаются и изучаются наравне с новейшими исследованиями. Медленно, непростительно медленно, но все же распространяется и в зарубежной синологии не просто уважительное отношение к имени В. М. Алексеева (оно имело место и раньше), но действительное понимание важности его наследия для решения широкого круга проблем, связанных с историей культуры Китая в самых различных ее проявлениях.

Только по счастливой случайности ребенок из бедной семьи, не имевшей, как говорил впоследствии ученый, «права на образование, тем более на культурную жизнь», окончил частную подготовительную школу, затем 1-ю Петербургскую прогимназию и — на казенном коште — кронштадтскую гимназию. Став студентом факультета восточных языков Петербургского университета, В. М. Алексеев слушает лекции знаменитого китаевода и буддолога академика В. П. Васильева, учится китайскому языку у таких знатоков, как А. Ивановский, П. Попов и Д. Пешуров, а монгольскому — у А. Позднеева и В. Котвичи. И хотя молодой востоковед не все принимал в методике и содержании обучения в университете, а кое-что критиковал довольно остро, полученное им образование оказалось хорошей основой для дальнейшего роста.

1902 год — университет окончен, и в В. М. Алексеева оставляют при факультете для подготовки к профессорскому званию. Одновременно он начинает работать в Азиатском музее Академии наук и в Эрмитаже — учреждениях, с которыми так или

¹ «Ленинградский университет», 17.V.1951, № 19, с. 4.

² Особо следует выделить статьи, помещенные в сборнике «Литература и культура Китая» (М., 1972), труд П. Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения» (М., 1977), а также содержательное предисловие Л. З. Эйдлина в книге: В. М. Алексеев. Китайская литература. Избранные труды. М., 1978. Без учета этих публикаций сейчас вряд ли возможна новая работа о В. М. Алексееве, и данная статья не является в этом смысле исключением.

иначе будет связана большая часть его последующей деятельности. В печати появляются его первые публикации библиографического характера.

В июне 1904 г. В. М. Алексеев командировается «для дальнейшего приготовления к профессорскому званию и методического совершенствования» в Англию, Францию и Германию. Он знакомится с постановкой изучения Китая в университетах этих стран, работает в библиотеках и музеях, слушает лекции ведущих профессоров, включая Э. Шаванна. Его особенно интересует нумизматика (точнее, монетовидные амулеты — предмет задуманной диссертации) и фарфор, «как один из наилучших и наиболее известных представителей китайской культуры». В руководившейся аббатом Руссо лаборатории экспериментальной фонетики молодой ученый кропотливо работает над методами точного определения китайских звуков и тонов. Результаты командировки изложены им в обстоятельных «Заметках об изучении Китая в Англии, Франции и Германии» (1906). Но работу «Конфигурации китайского тона» опубликовать не удалось, «главным образом по техническим причинам».

Полоса «везения» — разумеется, вызванного кипучей энергией, редким трудолюбием и талантом исследователя — продолжается. Вскоре по возвращении из Европы, в августе 1906 г. В. М. Алексеев командировается для усовершенствования знания китайского языка в Пекин. Он продолжает занятия нумизматикой и фонетикой, создает оригинальную латинизированную транскрипцию звуков пекинского диалекта, собирает коллекцию народных картин и икон. Опять-таки «по техническим причинам», а точнее — из-за связанных с печатанием расходов удалось опубликовать лишь небольшую часть из собранного и исследованного. Одновременно он со все большим увлечением изучает шедевры китайской классической поэзии и прозы, занимаясь с китайскими эрудитами и слушая лекции в Пекинском университете. Так закладывалась основа будущих многочисленных переводов и интерпретаций китайских классических текстов самых разных эпох, жанров и стилей. Но не только прославленные в веках, осященные традицией творения привлекали ученого. В его бумагах тех лет зафиксированы и детские считалки, и песни нищих слепцов, и стихотворные надписи на придорожных строениях — все казалось важным для изучения языка, образа жизни и образа мыслей китайского народа, все свидетельствовало о неумном интересе исследователя.

Очень много дало молодому ученому почти полугодовое участие в возглавлявшейся Шаванном археологической экспедиции в Северный Китай. Это видно по дневнику, который Алексеев вел во время путешествия (он увидел свет под названием «В старом Китае» лишь спустя полвека, в 1957 г.). Этот интереснейший документ подкупает и свежестью наблюдений, и обилием мыслей, и прямо-таки незаурядным писательским мастерством. В нем уже сформулирован ряд положений, которые можно считать определяющими для Алексеева-исследователя.

«Я буду бороться с пессимистическим девизом Киплинга: «Восток есть Восток и Запад есть Запад. Эти близнецы никогда не встретятся». Напротив, я убежден, что встреча «близнецов» состоится и откроет огромную перспективу всему человечеству». Как же этого достичь? Нужно, отвечает Алексеев, «развивать общечеловеческие знания до мировой полноты. Литературу Китая нельзя выносить куда-то за скобки, она должна органически входить в общую сокровищницу». И в другом месте: «Надо серьезно, трезво изучать культуру, язык, нравы, быт, искусство страны. И только в результате изучения все экзотическое, необычайное, смешное становится понятным, связанным причинностью... Но, желая понять китайскую культуру, уложить ее в наше понимание, надо сохранять ее как неповторимую, оригинальную систему человеческого мышления. Ли Бо да погибнет как курсез, но воскреснет как мировая личность!.. Всей своей будущей деятельностью я хочу всячески расширять русло, соединяющее культуру Китая с нашей культурой»³.

И еще одна важная черта: остаточный блеск многотысячелетней цивилизации не лишает Алексеева способности увидеть реальное положение китайского общества в последние годы Цинской империи, увидеть неумных чиновников и заскорузлых начетчиков, изгнанных голодом с родных мест крестьян и всеми унижаемых актеров. Но все же общий тон дневника оптимистичен, и не только потому, что автор молод, но и потому, что его воодушевляет подъем духовной жизни на родине, в России, где «растет нечто невероятно великое», где «слышны удары прибоя, прибоя новой жизни». Вряд ли правомерно вкладывать в это восклицание прямой политический смысл, но эти присущие кипучему темпераменту ученого тяга к обновлению и вера в будущее многое объясняют в дальнейшей его судьбе.

Пребывание в Китае вместо двух длилось более трех лет. По возвращении Алексеев был в самом начале 1910 г. назначен приват-доцентом университета, а тремя годами позже — ученым-хранителем Азиатского музея. Он делает ряд докладов в Географическом и Археологическом обществах, избирается их действительным членом. Публикуются его статьи и переводы, составленные им хрестоматии. Во время летних каникул ученый вновь выезжает в научные командировки в Западную Европу (1911) и в Южный Китай (1912). Но собранный огромный материал по китайской народной картине и народной иконе опять издать не удалось, а потому пришлось менять тему диссертации...

³ В. М. Алексеев. В старом Китае. М., 1957, с. 282, 310—311.

Наконец, в ноябре 1916 г. только что изданная монография «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту» была защищена в качестве магистерской диссертации.

Эта работа не могла не произвести впечатления хотя бы своей основательностью и своим объемом (более 600 страниц текста, не считая приложений на китайском языке — и это при том, что сам объект изучения, 24 стихотворения поэта IX в. Сыкун Ту под общим названием «Поэтические категории», занимают в оригинале лишь несколько страниц). Были и ученые — как выдающийся арабист И. Ю. Крачковский, — которые смогли проникнуть в суть замысла диссертанта и оценить по достоинству его труд, отмеченный редкостной эрудицией автора и тщательностью исполнения. Но вряд ли кто мог предположить, что книга о стансах Сыкун Ту на долгие годы останется в мировой синологии непревзойденным образцом научного отношения к китайской поэзии, примером, как говорится в предисловии к книге, «монографии, исчерпывающей предмет во всей его сложности».

Движимый главным стремлением своей жизни — елико возможно приблизить культуру другого народа к восприятию соотечественников, не жертвуя при этом ради «доступности» ничем существенным, Алексеев прибегает в этом труде к своеобразному методу. «Обычный» перевод он заменяет многоступенчатым, включающим в себя и возможно более буквальное переложение текста на русский язык, и его подробное комментирование, и его поэтический парафраз, раскрывающий глубинный смысл стихотворения. Необходимость именно такого подхода была декларирована еще в дневнике: «Китайская литература говорит специальным языком об общечеловеческих вещах. Надо сообщить этому языку переводную формулу, подготвить читателя к пониманию китайского мира... С помощью предисловий, комментариев и даже прямого перефразирования наиболее трудных мест надо стараться перебросить мост между китайским поэтом и русским читателем. Но «мост» не должен задевать «здание» — произведение должно оставаться нетронутым»⁴.

Другой бросающейся в глаза особенностью этого и большинства последующих трудов В. М. Алексеева по истории китайской литературы, народной картины, театра и других областей культуры является пристальнейшее внимание к мировоззренческой стороне исследуемых произведений и жанров, обнаружение не всегда лежащих на поверхности, но тем не менее реально существующих связей между литературным или живописным образом и той или иной концепцией, философской, религиозной, этической, эстетической. Выявление таких связей особенно важно применительно к китайской литературе, идеологические функции которой издревле выдвигались на первый план: знаменитый тезис «слово должно нести учение» был выдвинут конфуцианцами, но в той или иной степени разделялся и приверженцами других идейных течений. Отсюда постоянные обращения ученого к сравнительным характеристикам важнейших философских и религиозных учений, их роли в общественной и частной жизни китайцев, их воздействия на литературу, корректировка собственных представлений, выявление новых аспектов и нюансов — и при этом неустанный подчеркивание фактор непрерывности и традиционности в развитии китайской культуры вплоть до новейшего времени; без должного осознания этого фактора, по убеждению ученого, невозможно и адекватное истолкование ни истории культуры Китая, ни понимание путей ее дальнейшего развития.

Немало существенных и не потерявших своего значения мыслей по этому кругу проблем содержится в статье «Об определении китайской литературы и об очередных задачах ее исследования». Она появилась в мае 1917 г., в канун грандиозного исторического события в жизни России и всего мира, когда властно зашумел «прибой новой жизни», открылись небывалые горизонты, встали рядом с нерешенными старыми новые задачи.

В. М. Алексеев встретил Великий Октябрь уже известным, сложившимся ученым (в 1918 г. по декрету Совета Народных Комиссаров ему было присвоено звание профессора). Он стал одним из представителей той передовой части российской интеллигенции, которая с самого начала предоставила себя, свои знания и таланты освободившемуся народу, включилась в дело обновления родной страны. С новой энергией, преодолевая тяготы петроградского быта первых послереволюционных лет, Алексеев продолжает вести преподавательскую и научную работу в старых и вновь открывшихся учебных и исследовательских заведениях, выступает с лекциями в массовых аудиториях (Центральный институт живых восточных языков, Географический и Политехнический институты и т. д.). В течение шести лет он является членом Редакционной коллегии экспертов и секретарем Восточного отдела основанного М. Горьким издательства «Восточная литература». Для него Алексеевым была составлена программа новых переводов с китайского из 45 названий. Успело выйти три из намеченных изданий — два тома переводов самого В. М. Алексеева из «Сборника странных рассказов Пу Сунлина» («Ляо Чжай. Лисьи чары» и «Ляо Чжай. Монахи-волшебники») и антология китайской лирики в переводах его ученика Ю. Шуцко с предисловиями и под редакцией В. М. Алексеева. В журнале «Восток» и сборниках «Литература Востока» публикуются многочисленные статьи, переводы и рецензии ученого по широкому кругу вопросов. В 1923 г. эта кипучая деятельность увенчивается избранием его — по представлению таких корифеев советского восто-

⁴ Там же, с. 196.

коведения, как академики С. Ф. Ольденбург, Н. Я. Марр, П. К. Коковцов, В. В. Бартольд — членом-корреспондентом АН СССР.

В 1923—1926 г. В. М. Алексеев совершает ряд поездок в страны Западной Европы, а также в МНР и Северный Китай. Свидетельством международного признания научного авторитета советского синолога явились приглашения прочесть циклы лекций в Лондонском университете по китайскому народному искусству и религии, а в Коллеж де Франс — по китайской литературе (позднее этот цикл из шести лекций был опубликован в Париже на французском языке).

В 20-е годы в заглавиях работ Алексеева все чаще встречаются слова «современный», «новый». Он пишет о проблемах китайской литературы после движения «4 мая», о состоянии китайской прессы, о новых переводах русских писателей на китайский язык, а также о внутривосточном положении в стране («Китайская республика», «Очерки современного Китая»), рецензирует многочисленные публикации по актуальным вопросам китайской действительности. Все же основные работы этих лет являются продолжением начатых им ранее или лежат в русле тех же интересов (вышедший в 1928 г. третий том переводов рассказов Пу Сунлина, «Китайские боги богатства», «Из истории китайского храмового синкретизма» и др.).

12 января 1929 г. В. М. Алексеев был избран действительным членом Академии наук СССР. В этом выразилось признание научной общественностью его больших заслуг перед советским востоковедением; ученый получил новый стимул к дальнейшей неустанной деятельности в избранной им сфере. Но излишним украшательством было бы изображать путь В. М. Алексеева как цепь успехов, умалчивая о других сторонах «контекста личности с обстановкой», о которых говорил сам ученый.

«Контекст» этот, как сейчас представляется, складывался, с одной стороны, из стремления приблизить науку к быстро меняющейся действительности, получить от нее незамедлительные ответы на вновь и вновь возникавшие проблемы, а с другой, — из стараний не только сохранить, но и поднять научный уровень исследований, с тем чтобы в конечном счете достичь более правильных и глубоких решений тех же вопросов. Но накаленная полемическая атмосфера тех лет нередко мешала оппонентам разглядеть общность цели, и отсюда рождались несправедливые в целом, даже если и верные в каких-то частностях, обвинения и укоры, которые не могли не задевать ученого. Не приходится удивляться, если и в его высказываниях порой ощущаются чрезмерный максимализм и резкость оценок.

Подобные конфликтные ситуации возникали и в 20-е годы, и позднее. Но реальная почва для них все более суживалась, по мере того как В. М. Алексеев все более активно участвовал в общественных и научных мероприятиях и начинаниях четко выраженного идейно-политического характера и как вокруг него складывался коллектив учеников. Становилась ясной плодотворность такого комплексного подхода к изучению Китая, основанного на прочном методологическом и филологическом фундаменте с четкой специализацией участников исследований. Именно в специализации, сочетающейся с сотрудничеством и, конечно, с высоким профессионализмом, видел Алексеев одну из главных особенностей советского китаеведения, в отличие от тогдашней аморфной буржуазной синологии.

Масштабы и разнообразие деятельности В. М. Алексеева в предвоенное десятилетие можно охарактеризовать такими примерами. В 1930 г. он возглавляет Комиссию по латинизации китайской письменности при Институте востоковедения АН СССР (в котором он возглавляет Китайский кабинет). Работе по превращению китайского письма в алфавитное с целью приобщения к нему трудящихся масс придавали в то время большое практическое значение, ею серьезно занимались в исследовательских учреждениях Москвы и Ленинграда. Предложенную им систему реформы письма В. М. Алексеев обосновал в книге «Китайская иероглифическая письменность и ее латинизация», вышедшей в 1932 г.

В том же году он выступает с докладами и статьями на такие актуальные темы, как «В. И. Ленин на китайском языке», «Эволюция и революция китайского языка и китайской литературы, отраженные в революции Октября». Позднее среди тем его сообщений мы находим: «Горький в Китае», «Новый Китай и Лу Синь как его выразитель». Самое деятельное и многостороннее участие принимает ученый в организации и проведении выставки картин знаменитого китайского художника Сюй Бэйхуна (Жю Пеона) и гастролей театра Мэй Ланьфана.

В 1940 г. увидел свет коллективный труд Института востоковедения «Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость», многие из авторов которого являлись непосредственными учениками В. М. Алексеева. Сам он был одним из редакторов книги и автором статьи «Китайская литература (историко-библиографический очерк)». Это первое издание, с достаточной полнотой и научной достоверностью представлявшее читателю исторический и современный Китай в его многообразных аспектах. Труд этот и поныне представляет немалый интерес.

Разумеется, не прекращалась работа и над традиционными для ученого темами. Назовем хотя бы немногие ее результаты: статьи «Актеры-герои на страницах китайской истории», «Конфуций в гимне и эпиграфике», «К истории демократизации старинной китайской литературы». Последняя работа посвящена новеллам Ляо Чжая (Пу Сунлина), четвертый том переводов которых — он оказался последним — вышел в 1937 г. под заглавием «Рассказы о людях необычайных».

Исследования и переводы из Пу Сунлина, писателя XVII—XVIII вв., замечательны в нескольких отношениях. В научном — потому, что В. М. Алексеев впервые увидел в этих фантастических по своему содержанию новеллах отражение трагического разлада между идеалами китайского интеллигента-конфуцианца и окружающей действительностью, раскрыл обличительные и сатирические тенденции «странных историй». В художественном — тем, что благодаря блестящему владению арсеналом средств русского языка, прибегая временами к необычным в своей выразительности конструкциям и эпитетам, переводчик сумел передать если не саму образно-стилистическую систему подлинника (это практически невозможно из-за резкого несоответствия языков), то живое впечатление от нее. Для множества советских читателей знакомство с алексеевскими переводами Пу Сунлина было первой увлекательной экскурсией в страну китайской литературы. Этими же качествами — оригинальностью и живостью стиля, точностью передачи смысла во всех его нюансах — отличаются и переводы классической ритмизированной прозы «гувэнь».

Переводы классической прозы и поэзии («Избранные танские стихи») большей частью были сделаны в эвакуации, в годы Великой Отечественной войны. Война унесла у В. М. Алексеева сына, погибшего на фронте, и целую группу талантливых учеников, не переживших ленинградской блокады. Но «из скорби родилась сила», и этот период отмечен редкой даже для этого ученого плодотворностью. Им было подготовлено более ста монографических этюдов, каждый из которых основывался на переводе китайского текста и которые охватывали самые различные аспекты истории Китая, его философии, эстетики, живописи, каллиграфии и, конечно же, литературы различных эпох и жанров. Особо следует сказать о работах, посвященных научно-доказательному сопоставлению явлений литературы и философской мысли Европы и Китая. К сожалению, лишь немногие из этих интереснейших работ могли быть в то трудное время опубликованы в виде статей; другие увидели свет в виде коротких рефератов или же устных сообщений.

Последние годы жизни маститого ученого, после возвращения в Ленинград, были заполнены не менее интенсивной работой. Чтение множества циклов лекций, семинары и индивидуальные занятия в ЛГУ (деятельность Алексеева-педагога заслуживает особого разговора); продолжение — во главе коллектива — начатой до войны работы над академическим китайско-русским словарем; новые научные статьи и доклады (65 за один лишь 1948 год!); популяризация научных достижений перед широкой аудиторией, включая руководство лекторием для ленинградских академиков и членов корреспондентов. И это лишь главные итоги, лишь основные направления.

За выдающиеся заслуги в развитии советской науки В. М. Алексеев был награжден орденом Ленина и медалями Советского Союза. Многие иностранные научные общества и организации избрали его своим почетным членом. Все это свидетельствует о широком признании научных достижений и неустанного труда старейшины советского Китаеведения, ученого-патриота, ученого-интернационалиста.

Наследие В. М. Алексеева огромно. Многие из созданного им увидело свет при жизни ученого, но многое и осталось в рукописях. За истекшие десятилетия опубликованы, помимо уже упоминавшихся дневников «В старом Китае», сборник переводов «Китайская классическая проза» (два издания), большой том «Китайская народная картина» (1966) и еще более объемистый — «Китайская литература. Избранные труды» (1978). Появление каждого из этих изданий, включающих неопубликованные или ставшие библиографической редкостью труды, стало событием в Китаистике. Сейчас готовится к печати еще один том произведений ученого.

Естественно, время и развитие науки вносят коррективы в те или иные конкретные суждения или выводы ученого, да он и сам не раз пересматривал некоторые свои положения. Но время подтвердило главное — плодотворность избранного им пути в науке, его подхода к изучению проблем и методов их решения.

Василий Михайлович Алексеев воспринял и развил лучшие традиции русского Китаеведения. Наряду с другими видными учеными иного профиля и круга интересов он стал одним из основоположников Китаеведения советского, которому достойно служил в течение более чем трех десятилетий. Его многочисленные ученики успешно продолжают трудиться на магистральных направлениях отечественной науки, на важных участках практического Китаеведения. Образ ученого-подвижника, присущее ему сочетание богатой эрудиции с оригинальностью мышления, его дух высокой требовательности к себе, умение говорить о сложном без огрубления или идеализации — все эти и многие другие ценные качества В. М. Алексеева и его научного наследия будут и дальше служить вдохновляющим примером для советских Китаеведов.

КОММЕНТАРИИ

Призыв к добрососедству и сотрудничеству

С полным основанием можно утверждать, что проходившая в течение трех дней, с 18 по 20 ноября, в московской гостинице «Космос» II конференция «Круглого стола» представителей советской и японской общественности на тему «Роль и задачи общечеловеческой ответственности в движении за укрепление дружбы между народами СССР и Японии» явилась важным шагом в деле углубления взаимопонимания между двумя странами.

Первая такая конференция прошла в Токио в декабре 1979 г. «Оглядываясь сегодня на время, прошедшее с тех пор, как в Токио состоялась первая конференция «Круглого стола», — заявил председатель правления общества «СССР—Япония», министр морского флота СССР Т. Б. Гуженко, возглавлявший в 1979 г. советскую делегацию, принявшую участие в этом форуме общественности двух стран, — можно с уверенностью сказать, что она внесла заметный вклад в укрепление связей между нашими странами. Участие в прошлогодней конференции авторитетных представителей широких слоев общественности обеих стран, конструктивный обмен мнениями по проблемам обеспечения мира и безопасности в Азии, развития политических, экономических, культурных и научно-технических связей между СССР и Японией, широкое освещение работы конференции средствами массовой информации — все это послужило тому, что первая конференция «Круглого стола» стала знаменательным событием в советско-японских отношениях».

Нынешняя встреча советской и японской общественности за круглым столом была не менее представительной. В ней участвовало свыше трехсот человек — депутаты Верховного Совета СССР и парламента Японии, политические деятели, ученые, представители деловых кругов, видные деятели культуры, руководители общественных, спортивных организаций, журналисты.

На пленарных заседаниях и в ходе работы четырех комиссий состоялся открытый обмен мнениями о нынешнем состоянии двусторонних отношений и роли общественности двух стран в содействии развитию политических, экономических, научно-технических, культурных и спортивных связей между СССР и Японией, в борьбе за мир, разрядку и разоружение.

Выступая с докладом на пленарном заседании, глава советской делегации Т. Б. Гуженко, в частности, отметил, что если смотреть на путь, пройденный нашими народами, не через призму сегодняшнего дня, а подходить к его оценке широко, комплексно, есть все основания считать, что в советско-японских отношениях достигнуто немало. Весомым вкладом в создание прочного фундамента советско-японских отношений стало развитие торгово-экономического сотрудничества. Далее докладчик отметил, что, к сожалению, приходится констатировать, что в последнее время в советско-японских отношениях произошел сдвиг отнюдь не в лучшую сторону. Ответственность за это лежит не на советской стороне. Не Советским Союзом, а официальными кругами Японии были предприняты шаги, направленные на ограничение контактов между нашими странами, на торможение, «замораживание» взаимовыгодных торгово-экономических связей. Причем все это делалось под различного рода надуманными предлогами, путем искусственного привнесения в двусторонние связи вопросов, не имеющих к ним никакого отношения.

Присоединение Японии к так называемым «экономическим санкциям» против СССР выразилось в односторонней приостановке реализации отдельных контрактов и договоренностей, отметил в своем выступлении первый заместитель министра внешней торговли СССР И. Ф. Семичаев. Ущерб, нанесенный японо-советским экономическим связям, проявился уже в итогах торговли за первую половину 1980 г. Так, если экспорт стран Западной Европы в СССР в указанный период вырос в среднем на 50% по сравнению с аналогичным периодом 1979 г., то японский экспорт остался на прежнем уровне. В результате Япония, занимавшая до 1978 г. на протяжении ряда лет второе место в торговле Советского Союза с развитыми капиталистическими государствами, оказалась теперь на пятом месте. По некоторым оценкам, около 14 крупных сделок общей стоимостью 4—5 млрд. долл. были потеряны японскими фирмами в пользу их конкурентов. С другой стороны, подчеркнул И. Ф. Се-

мичастнов, подобная позиция Японии серьезным образом подрывает доверие советских внешнеэкономических организаций к своим японским партнерам. А доверие, чувство надежности партнера, как известно, особо важны при осуществлении долгосрочных крупномасштабных поставок.

Серьезную озабоченность таким положением высказывали и члены японской делегации на московской конференции. К примеру, президент Ассоциации японо-советской торговли С. Ёкогава заявил, что в этом году Япония в значительной степени сократила свои торгово-экономические контакты с СССР из-за политики «санкций», навязанной ей администрацией Соединенных Штатов. Япония — суверенное и независимое государство, подчеркнул С. Ёкогава, и у нее нет необходимости слепо следовать указаниям из-за океана.

И в докладах, и в выступлениях участников в комиссиях вместе с тем высказывалась уверенность в том, что нынешняя ситуация в японо-советских отношениях — не более чем кратковременный исторический зигзаг, что в политике Японии в отношении Советского Союза верх возьмут политический реализм, дальновидность и трезвый подход. Через все выступления красной нитью проходила мысль о том, что установление подлинно дружественных отношений между Советским Союзом и Японией имеет исключительно важное значение как для народов обеих стран, так и для дела мира в Азии. Участники конференции выражали удовлетворение тем, что именно сейчас, в момент некоторого охлаждения японо-советских отношений, представителям широкой общественности обеих стран удалось собраться в Москве и провести всесторонний и откровенный обмен мнениями.

Вряд ли кто возьмется оспаривать слова председателя парламентской Ассоциации японо-советской дружбы Х. Исида, который в своем докладе на пленарном заседании отметил, что подобные встречи чрезвычайно важны для углубления взаимопонимания между Японией и СССР. Он подчеркнул, что, как вытекает из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева в Алма-Ате, расширение японо-советского обмена и сотрудничества в экономической сфере полностью совпадает с интересами обеих стран и одновременно обеспечивает достижение стабильных политических отношений между Японией и Советским Союзом.

Президент Ассоциации японо-советской торговли С. Ёкогава, разделяя опасения советской стороны о перспективах торгово-экономических отношений между двумя странами, заявил в своем докладе на заседании комиссии № 3: «Чтобы еще больше расширить японо-советскую торговлю и экономическое сотрудничество и одновременно поставить их на прочную долговременную основу, необходимо как можно скорее осуществить следующие три предложения: 1) учреждение и регулярное проведение совещаний по японо-советским экономическим отношениям; 2) предоставление Советскому Союзу крупных займов японским Экспортно-импортным банком; 3) заключение долгосрочного соглашения об экономическом сотрудничестве».

Два последних пункта, с точки зрения С. Ёкогава, особенно важны уже только потому, что осуществление их западноевропейскими партнерами СССР стимулировало в последнее время быстрый рост торговли Советского Союза с этими странами. Это важно еще и в связи с тем, какое место займут японо-советское экономическое сотрудничество и торговля в планах XI пятилетки, которая стартует в 1981 г.

Нынешняя советско-японская встреча в Москве вызвала огромный интерес в обеих странах. В ее адрес поступило много приветствий от общественных, политических и профсоюзных организаций СССР и Японии. Можно процитировать строки из приветственной телеграммы председателя ЦИК Социалистической партии Японии Итио Асуката. «За работой второй конференции «Круглого стола», — говорится в ней, — с большим вниманием следят и в Японии. Сейчас, когда усиливается международная напряженность и в Японии ширится недружественная антисоветская кампания, развитие двусторонних связей, углубление взаимопонимания, укрепление добрососедского сотрудничества имеет чрезвычайно важное значение для развития японо-советских дружественных отношений и мира в Азии».

Было бы неверно вместе с тем утверждать, что советские и японские участники нынешней дискуссии в Москве во всем достигли единства взглядов. «Хотя наши позиции и не совпали по всем вопросам, — заявил на пресс-конференции для советских и иностранных журналистов председатель Общества японо-советской дружбы М. Акаги, — свободный и откровенный обмен мнениями в то же время позволил нам определить те области, в которых у нас нет разногласий. Это прежде всего значение разрядки и недопущение гонки вооружений, необходимость развития добрососедских связей между нашими странами и ликвидация предвзятости в наших отношениях».

Вместе с тем нельзя не сказать и о том, что среди японских представителей нашлись такие, которые в ходе дискуссии повторяли измышления западной пропаганды о событиях в Афганистане, о росте надуманной «советской угрозы», пытались предъявить Советскому Союзу необоснованные территориальные требования.

Отвечая на подобные выпады, Т. Б. Гуженко подчеркнул, что «Советский Союз не угрожал и не собирается угрожать Японии. Но, поскольку наиболее реакционно настроенные политические деятели в Японии не желают принимать во внимание такой ответ, в СССР не без основания задаются вопросом, не хотят ли в Токио исполь-

зывать миф о «советской угрозе» для прикрытия собственных милитаристских устремлений, которые в последние годы поощряются Вашингтоном и Пекином. Мы не можем упускать из виду эту тенденцию еще и потому, что указанные амбиции проявляются в тесной связи с подключением Японии к политике Соединенных Штатов и Китая, подрывающей основы разрядки международной напряженности».

Однако справедливости ради следует отметить, что отнюдь не взаимные претензии определили дух двусторонней встречи в Москве. Конференция, как отмечается в единодушно одобренном ее участниками коммюнике, прошла в атмосфере дружбы и взаимопонимания. Выразив сожаление по поводу снижения достигнутого за многие послевоенные годы уровня японо-советских отношений, участники конференции единодушно согласились с тем, что развитие добрососедских связей между Советским Союзом и Японией отвечает коренным долговременным интересам народов двух стран и требует постоянных всесторонних усилий как по государственной, так и по общественной линиям.

В своем докладе в комиссии № 2 Т. Ёкояма, председатель правления Общества японо-советской дружбы, подчеркивал: «Принципы движения за дружбу заключаются прежде всего в том, чтобы действовать, отыскивая возможные области сотрудничества, а также взаимные общие моменты, что подразумевает хорошее знание ситуации в стране-партнере, учет ее требований и откровенное изложение собственных. Важно также взаимное уважение различий в позициях каждой стороны».

Это предложение одного из руководителей японской делегации нашло подтверждение и дальнейшее развитие в выступлении доктора исторических наук профессора Д. В. Петрова:

«Полезным шагом, направленным на предотвращение дальнейшего ухудшения советско-японских отношений и расчистку путей для установления истинно добрососедских связей, могло бы явиться взаимное признание необходимости строго придерживаться в отношениях между двумя странами следующих принципов:

— не расширять, а стремиться сокращать сферу разногласий между обеими странами, не переносить политические расхождения на экономические, культурные, спортивные, научные, туристические и прочие связи;

— проявлять сдержанность, хладнокровие и терпимость при принятии решений, исходя из глубинных, долгосрочных национальных интересов, не поддаваясь при этом влиянию извне, со стороны третьих государств;

— в полной мере учитывать сложившиеся реальности международной обстановки, принимать во внимание позицию другой стороны и воздерживаться от каких-либо шагов, которые могли бы способствовать созданию недружественной по отношению к другой стороне атмосферы.

Проведение в жизнь правительствами обеих стран этих принципов могло бы способствовать созданию благоприятной атмосферы для того, чтобы приступить к переговорам о закреплении в международных актах тех позитивных результатов, которые были достигнуты в японо-советских отношениях, и создать тем самым хорошую базу для перевода их на новый, более высокий уровень».

Тезис о возможности закрепления в том или ином международном акте позитивных результатов, достигнутых усилиями обеих сторон в советско-японских отношениях, стал, пожалуй, одной из наиболее острых тем взаимной дискуссии. Советские участники конференции вновь изложили японской стороне принципы и идеи предлагаемого Советским Союзом Японии проекта договора о добрососедстве и сотрудничестве. Как выяснилось, многие японские участники встречи за круглым столом имели весьма приблизительное, а зачастую и искаженное представление об этой мирной советской инициативе. Официальные круги Японии сделали все возможное, чтобы смысл советского предложения не дошел до широких слоев японской общественности. Поэтому для многих японских участников дискуссии откровением прозвучали сообщения советской стороны о том, что все статьи предлагаемого проекта договора находятся в полном соответствии с Уставом ООН и включают в себя лишь общепринятые принципы взаимоотношений между государствами, которые уже в той или иной форме нашли свое отражение в договорах и соглашениях, заключенных СССР с Соединенными Штатами Америки, ФРГ, Францией, Канадой и другими странами.

Член-корреспондент АН СССР, заместитель директора Института востоковедения АН СССР Г. К. Ким так охарактеризовал выдвинутый Советским Союзом проект договора: «Советская сторона не рассматривает этот проект в качестве какого-то законченного, готового и не подлежащего изменениям документа. Это лишь идея, возникающая у советской стороны на стадии развития советско-японских отношений, когда подписание мирного договора ввиду различия в подходе сторон к некоторым вопросам сегодня практически невозможно. Я убежден, что нам сегодня нужен какой-то промежуточный документ. Он необходим для позитивного развития отношений, он должен способствовать их прогрессу. Поэтому мы и предложили обсудить до подписания мирного договора подобный документ».

Очевидно, аргументация советской стороны была достаточно убедительной. Во всяком случае, понимание необходимости такого промежуточного шага в двусторонних отношениях нашло свое отражение в коммюнике конференции, единодушно одоб-

ренном всеми ее участниками. Конференция вновь подтвердила, как это было и на первой конференции «Круглого стола», что важнейшей задачей является обсуждение Японией и СССР документа, который закрепил бы общепризнанные в международной практике принципы отношений между странами с различными социальными системами.

Вопрос о советских мирных инициативах в сфере советско-японских отношений был поднят и на встрече руководителей японской делегации с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецовым и первым заместителем Председателя Совета Министров СССР И. В. Архиповым. В. В. Кузнецов передал всем японским участникам конференции «Круглого стола» привет от товарища Л. И. Брежнева и его пожелания японской общественности успехов в борьбе за упрочение мира, за углубление разрядки, за установление подлинно добрососедских отношений между СССР и Японией. Японским гостям было вновь подтверждено, что Советский Союз последовательно стремится к развитию отношений с Японией на началах взаимного уважения, добрососедства и взаимовыгодного сотрудничества. Такая линия отвечает интересам мирного развития обеих стран, интересам укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке и в Азии в целом. Советские руководители напомнили представителям японской общественности предложения Советского Союза, направленные на укрепление добрососедства между двумя странами, — заключить с Японией договор о добрососедстве и сотрудничестве, межправительственное соглашение о принципах экономического сотрудничества, разработать долгосрочные программы такого сотрудничества и другие инициативы.

Подводя итоги проделанной работе и достигнутым результатам, участники конференции «Круглого стола» в Москве согласились, что встреча была весьма полезной и продемонстрировала возросшую роль общественности двух стран в борьбе за добрососедство и сотрудничество. Политический обозреватель агентства «Кёдо цусин» С. Усуда, принявший активное участие в работе конференции, заявил: «Я доволен, ибо понял, глубоко понял, что хотят и как думают советские люди. А понимание — это уже путь к урегулированию сложнейших вопросов. Думаю, что подобные встречи необходимы, их надо продолжать и в будущем».

*М. В. Демченко,
А. М. Лазарев*

КОММЮНИКЕ

II конференции «Круглого стола» представителей советской и японской общественности

18—20 ноября 1980 г. в Москве состоялась II конференция «Круглого стола» на тему «Роль и задачи общественности в укреплении дружбы между народами Советского Союза и Японии».

Совместными организаторами конференции с советской стороны явились Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) и Общество «СССР — Япония», с японской стороны — Японская ассоциация культурных связей с зарубежными странами, представители парламентской Ассоциации японо-советской дружбы, Общество японо-советской дружбы, Общество японо-советских связей и Ассоциация японо-советской торговли.

В конференции, которая прошла в атмосфере дружбы и взаимопонимания, приняли участие видные представители советской и японской общественности, депутаты Верховного Совета СССР и парламента Японии, политические деятели, руководители и активисты общественных организаций и Обществ дружбы с СССР, ученые, представители деловых кругов, журналисты, видные деятели культуры, руководители спортивных организаций.

Участники конференции обсудили актуальные вопросы нынешней международной обстановки, современное состояние и перспективы советско-японских отношений и

пришли к общему мнению, что упрочение добрососедства и сотрудничества между СССР и Японией во всех областях должно стать важным фактором укрепления мира и безопасности на Дальнем Востоке и в Азии, что в полной мере отвечает интересам народов обеих стран.

Участники встречи выразили серьезную озабоченность в связи с сохраняющейся напряженностью на международной арене, в том числе в Азии. Они подчеркнули, что важнейшей задачей советской и японской общественности является содействие разработке и осуществлению конструктивных мер, направленных на нормализацию международной обстановки, углубление разрядки и распространение ее на Азиатский континент, ликвидацию очагов напряженности и обеспечение безопасности и прочного мира на основе усилий всех государств азиатского региона.

В ходе дискуссии было выражено единое мнение, что в настоящее время исключительную актуальность приобретает борьба общественности за недопущение дальнейшей гонки вооружений и ее пропаганды, принятие эффективных мер по разоружению, запрещение всех средств массового уничтожения.

На конференции было подробно обсуждено состояние советско-японских отношений в политической, экономической, культурной, научно-технической и спортивной областях, а также связи между общественными и дружественными организациями. Участники конференции выразили сожаление по поводу снижения достигнутого за многие послевоенные годы уровня этих отношений. Они единодушно согласились с тем, что развитие добрососедских связей между Советским Союзом и Японией отвечает коренным долговременным интересам народов двух стран и требует постоянных всесторонних усилий как по государственной, так и по общественной линии.

Участники конференции считают необходимым в интересах дальнейшего развития отношений между СССР и Японией не расширять, а сокращать сферу разногласий между двумя странами, не переносить политические расхождения на связи в других областях, проявлять сдержанность, хладнокровие и терпимость, исходя из долгосрочных национальных интересов.

Считая, что для расширения контактов в различных областях — политической, экономической, культурной и других — необходимо создать стабильную основу для японо-советских отношений, конференция вновь подтвердила, как это было отражено и в принятом I конференцией «Круглого стола» в прошлом году совместном коммюнике, что важнейшей задачей является начало обсуждения обеими странами, Японией и СССР, документа, который закрепил бы общепризнанные в международной практике принципы отношений между странами с различными социальными системами. Далее конференция единодушно согласилась в том, что взаимное признание таких принципов способствовало бы развитию японо-советских межгосударственных отношений, создало бы эффективную основу для заключения мирного договора.

Участники конференции «Круглого стола» единодушно согласились в том, что проведенный обмен мнениями был полезным и конструктивным.

Они декларировали свое намерение еще более развивать движение за японо-советскую дружбу и углубление взаимопонимания и выразили свое стремление продолжать диалог между общественностью обеих стран.

С этой целью участники совещания решили поручить организационным комитетам обеих сторон японо-советской конференции «Круглого стола» решить вопрос о проведении очередной конференции «Круглого стола» в Токио.

К итогам судебного процесса в Пекине

В. В. Арунов,

К. А. Егоров,

кандидат юридических наук

Одной из отличительных черт, присущих высшим руководящим органам КПК на протяжении значительной части ее 60-летней истории, является наличие в них группировок, добывающихся концентрации в своих руках всей полноты политической власти. При этом характерно, что разногласия между различными группировками в китайской руководящей верхушке в последние два десятилетия основываются не на отстаивании принципиальной марксистско-ленинской линии, а на стремлении укрепить личную или групповую власть с целью дальнейшего проведения в той или иной интерпретации великодержавной политики маоизма. Традиции междоусобной борьбы, заложенные и развитые Мао Цзэдуном, в полной мере восприняты и нынешними китайскими руководителями. Одним из наиболее ярких свидетельств этого стал судебный процесс над «контрреволюционными группировками» Линь Бяо и Цзян Цин.

В связи с этим может возникнуть вопрос: почему он состоялся лишь сейчас, спустя 10 лет после устранения Чэнь Бода, через 9 лет после ареста сторонников Линь Бяо и через 4 года после ареста «четверки» — бывших лидеров КПК, выдвинувшихся в период «культурной революции»? Подобное положение отнюдь не случайно и еще раз подтверждает факт отсутствия единства в руководстве КПК. Суд над наиболее активными деятелями «культурной революции», естественно, не мог начаться в условиях, когда на верхних ступенях пекинской иерархии находились лица, попавшие туда в результате этой «революции». Подавление выдвинувшихся «культурной революции» стало одной из главных задач, стоящих перед представителями руководящих кадров старшего поколения во главе с Дэн Сяопином. Устранение в феврале 1980 г. (на V пленуме ЦК КПК 11-го созыва) «малой четверки» (Ван Дунсин, Чэнь Силань, У Дэ, Ци Дэнькуй) в значительной мере развязало руки Дэн Сяопину и его сторонникам и позволило в апреле 1980 г. вплотную приступить к подготовке судебного процесса. Расследованием «преступлений» лиц, выступавших в прошлом против Дэн Сяопина и других лидеров старшего поколения, занялись органы общественной безопасности во главе со сподвижником Дэн Сяопина министром общественной безопасности Чжао Цанби.

Обвиняемыми на судебном процессе, начавшемся 20 ноября 1980 г., оказались 16 видных деятелей двух «лево-маоистских» группировок. Из них 6 человек (в том числе бывшего заместителя председателя ЦК КПК и министра обороны Линь Бяо, бывшего руководителя группы по расследованию «специальных дел» при ЦК КПК и заместителя председателя ЦК Кан Шэна, бывшего министра общественной безопасности Се Фучжи) обвинили посмертно. Непосредственно на скамье подсудимых оказалась «девятка», в которую вошла «банда четырех» во главе с Цзян Цин (кроме нее, в «банду» как известно, входили Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань), бывший личный секретарь Мао Цзэдуна и идеолог «левого» маоизма Чэнь Бода, а также пять бывших военачальников, известных в прошлом как сторонники смещения в 1971 г. Линь Бяо: Хуа Юншэн, У Фасянь, Ли Цзопэн, Цю Хуэйцзо и Цзян Тэнцзяо. Все они, кроме последнего, входили в свое время в состав Политбюро ЦК КПК.

К началу суда многие из обвиняемых оказались в крайне немощем состоянии. Так, 76-летний Чэнь Бода, содержавшийся до суда в тюрьме в течение 10 лет, почти не мог самостоятельно двигаться. В зале суда ему регулярно делали инъекции медицинских препаратов, доставляли на заседания суда в инвалидной коляске. В состоянии полного изнеможения находился бывший начальник Генштаба китайских вооруженных сил 70-летний Хуан Юншэн, пробывший в заключении без суда также около 10 лет.

Произвольное лишение указанных лиц свободы явилось актом маоистского беззакония, принятого на вооружение как метод расправы нынешним китайским руководством. Решение о проведении судебного процесса было официально принято Постоянным комитетом ВСНП под диктовку руководящей верхушки только в сентябре 1980 г. При этом указывалось, что судебное разбирательство должно вестись на основе принятых в 1979 г. и введенных в действие с 1980 г. уголовного и уголовно-процессуальных кодексов КНР¹.

¹ См.: «Жэньминь жибао», 7 и 8. VII.1979.

Между тем сама ссылка на закон имела своей целью прикрыть фактическое беззаконие, ставшее неотъемлемой частью маоистской политики «разрешения противоречий» в обществе. После проведения органами безопасности столь длительного предварительного расследования процесс над «десяткой» оказался пустой формальностью. Правда, китайские «законники» пытаются отрицать этот для всех очевидный факт. Так, заместитель председателя законодательной комиссии Постоянного комитета ВСНП Ван Ханью пытался прикрыть чинимый произвол ссылкой на необходимость тесного «взаимодействия» органов безопасности, прокуратуры и суда².

Однако хорошо известно, что органы общественной безопасности, действующие фактически бесконтрольно, в течение долгого времени подменяли прокуратуру, осуществляя аресты без санкции прокуратуры, проводя предварительное расследование по сфабрикованным ими же делам без ограничений во времени. Органы безопасности являлись также организаторами и исполнителями массовых судилищ. Особой привилегией этих органов было и остается получение «признаний» от задержанных и арестованных лиц с помощью изощренных средств физического и морально-психологического воздействия. В Китае до сих пор широко распространено бытовавшее и в худшие времена маоистского террора представление о том, что непризнание вины лицом, против которого выдвинуто официальное обвинение, свидетельствует о наличии состава преступления и требует ужесточения меры наказания. Подобное представление, будучи перенесенным в практику проведения предварительного расследования, позволяет работникам органов общественной безопасности фабриковать любые обвинительные заключения. Китайскими официальными лицами неоднократно признавалось, что простого принятия новых законов явно недостаточно для утверждения режима законности, что кадровые работники, среди которых очень немного профессиональных юристов, не привыкли к соблюдению законов, стараются их обойти.

Точно так, например, обстоит дело с применением уголовно-процессуального кодекса КНР (1979). Он, в частности, предусматривает, чтобы органы общественной безопасности в течение 3—4 дней оформили в прокуратуре ордер на арест. В случае невыполнения органами безопасности или прокуратуры указанных требований задержанные имеют право требовать освобождения, а соответствующие органы обязаны их немедленно освободить (ст. 48). Согласно закону (ст. 92 УПК КНР), общий срок заключения обвиняемого во время предварительного следствия не должен превышать двух месяцев. В случае невозможности закончить предварительное следствие в двухмесячный срок «ввиду запутанности обстоятельств» дела закон допускает продление срока содержания обвиняемого под стражей с санкции прокуратуры еще на один месяц. Для дальнейшего продления срока содержания под стражей «по особо важным и наиболее сложным делам», если предварительное расследование еще не завершено, верховная прокуратура обязана запросить санкцию у Постоянного комитета ВСНП для завершения следствия. В соответствии с законом (ст. 99 УПК КНР), по делу, направленному на доследование, должно быть представлено заключение в течение одного месяца.

Ни одно из названных положений уголовно-процессуального кодекса фактически не было соблюдено. А в таком случае отсутствуют и юридические основания для ссылки на нормы уголовно-процессуального права. На деле суд над бывшими деятелями «лево»-маоистской группировки явился актом политической мести со стороны жертв «культурной революции» и маоистских идейно-политических кампаний.

Судебный процесс в Пекине проводился по заранее подготовленному сценарию. Подсудимые заранее прошли соответствующую обработку. Некоторые из них с готовностью признали себя «контрреволюционерами», едва ли отдавая себе отчет в смысле всего происходящего в Китае. Почти все свидетели, показания которых использовались для осуждения обвиняемых, являлись также обвиняемыми или же долгое время провели в заключении. Безусловно, это обстоятельство ставит под сомнение правильность их показаний.

Формально подсудимые могли использовать право на самозащиту или защиту с помощью назначенных судом адвокатов. Однако адвокаты, судя по содержанию их выступлений на судебном процессе, фактически были лишены права оспаривать обвинение, предъявленное органами общественной безопасности и сформулированное в виде обвинительного заключения прокуратуры.

Свидетельские показания, как правило, зачитывались на суде по бумажке, а все сообщения о процессе, носившем закрытый характер, передавались в эфир и в печать после тщательной цензуры.

Официальному открытию суда предшествовали две «генеральные репетиции», в ходе которых 60 пунктов обвинений, первоначально фигурировавших в обвинительном заключении, были сведены к 48 пунктам, которые можно объединить в четыре группы: 1) преследование партийных и государственных деятелей на основе ложных обвинений; 2) подавление масс и кадровых работников; 3) подготовка заговора с целью физического уничтожения Мао Цзэдуна; 4) планирование «вооруженного восстания в Шанхае»³.

² См.: «Жэньминь жибао», 11.XII.1980.

³ См. там же, 21.XI.1980.

В КНР не применяется действующий в социалистических странах принцип презумпции невиновности, согласно которому никто не может быть признан виновным и подвергнут в связи с этим уголовному наказанию иначе как по приговору суда. Как известно, цель презумпции невиновности, закрепленной в Декларации прав человека (1948) и Международном пакте о гражданских и политических правах (1966), заключается в охране прав личности, осуществлении права обвиняемого на защиту, ограждении невиновного от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности и осуждения.

До начала судебного процесса в интервью корреспонденту американской газеты «Крисчен сайенс монитор» заместитель председателя ЦК КПК Дэн Сяопин заявил, что «банда четырех» — это «преступники» и они «должны отвечать за свои преступления»⁴. На суде выяснилось, кто предопределил заранее весь ход и характер процесса. В китайских сообщениях о судебном разбирательстве «дел», подготовленных нынешними пекинскими лидерами, особый акцент делался на выступления обвиняемых лично против Дэн Сяопина. Так, говорилось, что «четверка» во главе с Цзян Цин настойчиво пыталась удержать Мао Цзэдуна от назначения Дэн Сяопина первым заместителем премьера Государственного совета КНР. Против него использовался эпизод со спуском на воду китайского грузового судна. На заседании Политбюро ЦК КПК Цзян Цин выступила с утверждением о том, что Дэн Сяопин виновен в «предательстве государственных интересов», так как он настаивал на приобретении устаревших судов за рубежом в целях расширения китайского торгового флота»⁵.

Вполне понятно, что после выдвигания таких обвинений в адрес Цзян Цин ее судьба была предreshена. До защитной речи Цзян Цин на суде в «Жэньминь жибао» лявилась статья, в которой говорилось: «Мы отнюдь не боимся того, что она скажет, потому что верим, что основания для народного суда изменников в тысячу крат более полные, чем доводы изменников в свою защиту». Защитную речь Цзян Цин газета заранее назвала «контрреволюционной пропагандой» и потребовала «ужесточить ей приговор» с целью «предотвращения появления в будущем злодеев, подобных Цзян Цин»⁶.

Запугивание мстью за непризнание выдвинутых обвинений вновь использовалось на закончившемся процессе, как это делалось и во время маоистской «культурной революции». В ходе судебного разбирательства Цзян Цин отказалась признать себя виновной за массовые преступления хунвэйбинов в период «культурной революции» и прямо указала на Мао Цзэдуна как на главного организатора и вдохновителя этих преступлений, освободившего своих «штурмовиков» от всякой ответственности за них. В ответ на нежелание Цзян Цин принять на себя всю полноту ответственности за преступления маоистов прокурор потребовал вынесения ей «самого сурового приговора». Такая же участь ожидала упорно молчавшего на суде Чжан Чуньцяо, названного в китайской печати «человеком, вскормленным шакалом»⁷, а также Хуан Юншэна, о котором прокурор заявил, что его позиция «в отношении признания преступлений не является хорошей, и суду следует это учесть», то есть ужесточить меру наказания⁸.

Судебный процесс в Пекине вскрыл наличие в Китае острой фракционной борьбы, принимавшей порой формы политических заговоров одной группировки против другой. В частности, Ван Хунвэнь, поддавшийся запугиванию ужесточением наказания и признавшийся в своих «преступлениях», сообщил суду, что в начале «культурной революции» он взял на себя ответственность за создание отрядов ополчения и поставил их под контроль шанхайского горкома КПК, находившегося в руках «банды четырех». Он также сказал, что тогда говорилось о необходимости «готовиться к партизанской войне» против «ревизионистов», под которыми, как он объяснил в суде, подразумевались «старые кадры, ниспровергнутые в ходе «культурной революции». По его словам, как только были созданы отряды ополчения, Чжан Чуньцяо сказал, что они будут служить «классовой борьбе и борьбе между двумя политическими линиями». Согласно данным, якобы установленным «специальным судом», Чжан Чуньцяо являлся закулисным организатором «шпионской организации», действовавшей в Шанхае под условным кодом «244» и занимавшейся слезкой, похищением людей, обысками, тайными допросами, сбором информации»⁹.

Борющиеся за власть маоистские группировки нередко обвиняли друг друга в заговорщической деятельности. Например, осенью 1974 г., во время подготовки к I сессии ВСНП 4-го созыва, «четверка» решила помешать сохранению Чжоу Эньлая на посту премьера Госсовета и назначению Дэн Сяопина его первым заместителем. С этой целью для встречи с Мао Цзэдуном в Чанша туда направился Ван Хунвэнь, который в присутствии Мао Цзэдуна обвинил Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина в подготовке заговора с целью «захвата власти»¹⁰. Впоследствии на судебном процессе

⁴ «Christian Science Monitor», 17.XI.1980.

⁵ «New York Times», 10.XII.1980.

⁶ «Жэньминь жибао», 26.XII.1980.

⁷ Там же, 3.XII.1980.

⁸ Там же, 21.XII.1980.

⁹ См. там же, 6.XII.1980.

¹⁰ Там же, 21.XII.1980.

Ван Хунвэнь был вынужден признать, что его поездка в Чанша, не согласованная с Политбюро, фактически явилась актом заговорщической деятельности¹¹. Однако на суде ничего не говорилось об отношении Мао Цзэдуна к этой поездке. Между тем общеизвестно, что всякого рода закулисные интриги и заговоры были стилем работы самого Мао Цзэдуна на протяжении всей его деятельности.

В заговорщической деятельности обвинялись и ближайшие сторонники Линь Бяо, представшие перед «специальным трибуналом». Судя по материалам судебного разбирательства, на II пленуме ЦК КПК 11-го созыва (август — сентябрь 1970 г.) Линь Бяо потерпел неудачу в попытке «мирным путем» занять пост председателя ЦК КПК. Как указывалось в обвинительном заключении, представленном «специальной прокуратурой», заговорщики замыслили «использовать заседание верхушки, чтобы одним ударом покончить со всеми», в том числе физически уничтожить Мао Цзэдуна. Среди «особых средств» осуществления заговора намечались такие, как сбрасывание бомб, организация автомобильной катастрофы, тайное убийство и похищение. Общая цель заговора должна была заключаться в том, чтобы «захватить власть в стране» или «создать отторгнутый район»¹². В свою очередь, сам Линь Бяо и группа его ближайших сподвижников стали жертвой заговора со стороны другой части руководящей верхушки и исчезли при таинственных обстоятельствах в сентябре 1971 г.

Судебный процесс над «контрреволюционной группировкой» Линь Бяо и Цзян Цин вскрыл глубокую порочность маоистской репрессивной политики. Судя по опубликованным материалам судебного разбирательства, современное китайское руководство формально осуждает жестокие карательные акции периода «десятилетней смуты» (1966—1976). Однако остается непонятым, почему в обвинительном заключении не проводится различие между преступлениями, совершенными группировкой Цзян Цин («бандой четырех») и военной группировкой Линь Бяо. В китайской печати предпринимались постоянные попытки доказать, будто Цзян Цин и Линь Бяо «вступили в сговор» в самом начале «культурной революции», причем в качестве подтверждения этого использовались такие факты, как телефонные разговоры между ними и преподнесение супругой Линь Бяо в подарок Цзян Цин четырех арбузов¹³.

Между тем известно, что в борьбе за власть в руководящей верхушке сталкивались интересы Линь Бяо и Цзян Цин. Как указывалось ранее в китайской печати, и тот, и другая претендовали на руководящее положение в КПК. «Четверка» во главе с Цзян Цин объективно была заинтересована в устранении Линь Бяо и его сторонников. Она принимала самое активное участие в кампании «критики Линь Бяо», а затем и в кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (1973—1974).

По существу, нынешнее руководство КПК, в котором ведущее место занимают Дэн Сяопин и его сторонники, стремится осудить всех, кто мешал им прийти к власти в партии и стране в период «десятилетней смуты». Хотя по вполне понятным причинам ответственность за все подобные действия возлагается на подсудимых и их сообщников, осуждению подвергается политика, проводившаяся с одобрения Мао Цзэдуна. В этом отношении судебный процесс фактически явился политическим мероприятием, связанным с подготовкой к очередному, XII съезду КПК, призванному дать окончательную оценку значения «культурной революции» в истории КНР и осуществить пересмотр исторической роли Мао Цзэдуна и его «идей».

Чтобы закрепить свои позиции в руководстве и создать твердую почву в стране для проведения курса «четыре модернизации», дэнсяопиновская группировка использует суд над «десяткой» и произносимые на нем критические высказывания в адрес Мао Цзэдуна для дискредитации развязанной по его инициативе «культурной революции» и всех «лево»-маоистских перегибов.

Сам факт признания вдовы Мао Цзэдуна Цзян Цин главной преступницей, служащей наиболее высокой меры наказания, свидетельствует о нанесении удара по авторитету Мао и маоизму. Так, выступая в суде, защитник Яо Вэньюаня прямо заявил, что Цзян Цин «несет главную ответственность» за совершенные преступления. В свою очередь Цзян Цин перекладывает ответственность за преступления на Мао Цзэдуна. По-видимому, не случайно в иностранную печать просочились сведения о том, что Цзян Цин, выступая на суде, объявила о своей непричастности к преследованию руководящих деятелей КПК в период «культурной революции», поскольку все это делалось по личному указанию Мао Цзэдуна¹⁴.

Судебный процесс используется определенными кругами в Китае для подготовки общественного мнения к пересмотру исторической роли Мао. Следует при этом отметить, что материалы судебного разбирательства в обязательном порядке изучаются на предприятиях и в учреждениях КНР. Через месяц после начала судебного процесса газета «Жэньминь жибао» выступила с прямой критикой Мао Цзэдуна за допущенные «ошибки»: «За последние годы, особенно в ходе «культурной революции», развернутой по его инициативе и под его руководством, Мао Цзэдун также со-

¹¹ См.: «Жэньминь жибао», 25.XII.1980.

¹² Там же, 21.XI.1980.

¹³ См. там же, 29.XII.1980.

¹⁴ In: «New York Times», 25.XII.1980.

вершил ошибки и принес большие бедствия партии и народу»¹⁵. В китайской печати при этом отмечалось, что «провести грань между политическими ошибками и контрреволюционными преступлениями нелегко»¹⁶. Тем самым делался косвенный намек на соучастие Мао Цзэдуна в «контрреволюционных преступлениях».

В ходе процесса резкой критике подвергалась маоистская практика проведения массовых репрессий на основе лжесвидетельств и слухов. Прежде всего шла речь о фабрикации дел против руководителей высшего эшелона. При этом подверглась осуждению введенная Мао Цзэдуном практика создания надпартийных и внеконституционных органов. Так, для рассмотрения сфабрикованного Мао Цзэдуном и его окружением «дела Лю Шаоци» и его супруги Ван Гуанмэй была создана «специальная группа», которую возглавили Цзян Цин, Кан Шэн и Се Фучжи. Как указывалось в обвинительном заключении, эта «группа», создание и деятельность которой не могли не быть санкционированы Мао Цзэдуном, вынуждала у подследственных признания с помощью пыток и фабриковала ложные материалы с целью «доказать», что Лю Шаоци и его супруга были «предателями», «шпионами» и «контрреволюционерами»¹⁷.

На суде Цзян Цин заставила признать, что она действительно непосредственно отвечала за работу «специальной группы», то есть фактически выполняла личное поручение Мао Цзэдуна.

Следует отметить, что после «сентябрьского кризиса» 1971 г. «делом Линь Бяо» также занималась «группа по расследованию специальных дел» во главе с Кан Шэном, который на судебном процессе 1980 г. проходит по одному делу с Линь Бяо. Однако это последнее обстоятельство, несмотря на его парадоксальность, не нашло объяснения в материалах судебного разбирательства.

Рассмотрению вопросов, связанных с «интригами» против Дэн Сяопина, суд уделил особое внимание. Это обстоятельство свидетельствует о том, что процесс был задуман в первую очередь как «суд мести», как расправа победителей над побежденными в борьбе за власть, поскольку те, кто выступал в роли судей, не сомневались в виновности подсудимых. Пристальное внимание суда к действиям «преступников», направленным лично против Дэн Сяопина, создало ему своеобразную политическую рекламу и представило его в качестве главного противника «контрреволюционных группировок». В китайской печати даже сообщалось о том, что Дэн Сяопин, идя на серьезный риск, выступил в роли защитника некоторых видных деятелей КПК. Например, касаясь «преступлений» покойных Кан Шэна, Линь Бяо и подсудимого Чэнь Бода, пекинская печать отмечала, что названные лица состреляли в 1966 г. материалы, в которых Пэн Чжэнь и Хэ Лун обвинялись в попытке организовать «военный мятеж», однако «уже находившийся в крайне трудном положении» Дэн Сяопин вместе с Тао Чжу «разоблачил происки Кан Шэна»¹⁸.

Перейдя к рассмотрению обвинений, связанных с деятельностью подсудимых в период «культурной революции», суд только частично приоткрыл занавес над картиной массовых репрессий, судилищ, казней, обрушившихся в то время на китайский народ. На суде были преданы огласке лишь отдельные эпизоды повальных расправ, происходивших тогда по всему Китаю. В частности, указывалось, что лишь по одному «делу партийной организации Восточного Хэбэя» было репрессировано свыше 84 тыс. человек. Фальшивка по поводу существования «чрезвычайного Центрального Комитета КПК» послужила основанием для обвинения целого ряда высших партийных и государственных руководителей. Специальный суд пытался доказать причастность подсудимых к этим и другим эпизодам, но в то же время никак не затрагивал роль главного лица, санкционировавшего расправы, — Мао Цзэдуна.

Как публично признавал Дэн Сяопин, жертвами маоистской «культурной революции» оказались примерно 100 млн. человек. Однако, как было выявлено в ходе судебного разбирательства, по вине подсудимой «десятки» пострадало всего 727 420 человек, из которых 34 274 были «доведены до смерти». Особый счет на суде был предъявлен «лево»-маоистскому идеологу Чэнь Бода, который, как утверждает, признал на заседании «специального суда», что 1 июня 1966 г. он написал передовую статью для «Жэньминь жибао», озаглавленную «Решительно сметем всю и всякую нечисть». Этот призыв послужил лозунгом «культурной революции» и, как говорилось в сообщении о судебном процессе, привел к тому, что «в десятилетний период партийные и государственные кадровые работники всех ступеней и народные массы подверглись критике и шельмованию, их изгнали из своих домов и бросили в тюрьмы»¹⁹.

Вполне понятно, что появление подобной статьи, написанной или отредактированной личным секретарем Мао Цзэдуна, должно было быть санкционировано «великим кормчим». Кроме того, применяемая в ней терминология присуща высказываниям самого Мао. Так, руководящим кадрам приклеивался ярлык «представителей буржуазии», ученые назывались «буржуазными учеными», а широкие народные мас-

¹⁵ «Жэньминь жибао», 22.XII.1980.

¹⁶ «Гуанмин жибао», 29.XII.1980.

¹⁷ «Жэньминь жибао», 21.XI.1980.

¹⁸ «Бэйцзин жибао», 10.XII.1980.

¹⁹ «Жэньминь жибао», 30.XI.1980.

сы — «нечистью». Статья призывала «разгромить» их и «повергнуть в прах их былой престиж».

Известно также, что именно под такими лозунгами началась развязанная Мао Цзэдуном «культурная революция». Чэнь Бода был устранен в 1970 г., однако и впоследствии эти лозунги продолжали служить знаменем следовавших друг за другом маоистских идейно-политических кампаний. Вполне очевидно, что вместе со своими приспешниками подлежит осуждению сам Мао.

В настоящее время фактически признается провал применявшейся и нынешним китайским руководством на определенных этапах фракционной борьбы маоистской тактики искусственного разжигания противоречий в обществе путем «широкого высказывания мнений, полного изложения взглядов, широких дискуссий и дацзыбао». Методы «широкой критики», поощрявшиеся в прошлом Мао Цзэдуном, использовались противоборствовавшими фракциями в КПК для выдвижения взаимных ложных обвинений с целью последующего учинения расправ.

Эти методы были использованы и группировкой Дэн Сяопина для низвержения выдвиженцев «культурной революции» и обеспечения победы своего политического курса. Особенно широко они применялись накануне III пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), на котором Дэн Сяопин и его сторонники обеспечили себе значительный успех. До их устранения на V пленуме ЦК КПК (февраль 1980 г.) острой критике в дацзыбао подвергались Ван Дунсин, У Дэ, Чэнь Силян и Цзи Дэнкуй. Объектом критических высказываний оказывался неоднократно и Хуа Гофэн, для отстранения которого от руководства ЦК КПК использовалась также критика в его адрес со стороны некоторых из подсудимых на пекинском процессе.

В частности, на суде были признаны неправомерными действия пекинского руководства по подавлению антимаоистских выступлений на площади Тяньаньмэнь в Пекине 5 апреля 1976 г. Во время судебного разбирательства Яо Вэньюань признал, что он клеветнически назвал «контрреволюционерами» народные массы, которые в апреле 1976 г. почтили память Чжоу Эньлая. В результате многие были арестованы и жестоко избиты под видом «контрреволюционеров»²⁰. В обвинительном заключении, представленном «специальной прокуратурой», не только Яо Вэньюань, но и все остальные члены «четверки» обвиняются и в том, что они называли Дэн Сяопина «главным закулисным организатором контрреволюционного политического инцидента на площади Тяньаньмэнь»²¹.

Пример тяньаньмэньских событий использовался для осуждения «лево-маоистской политики «подавления широких масс кадровых работников и народа». Однако само осуждение такой политики было направлено непосредственно против сохранивших высокие посты выдвиженцев «культурной революции», выступавших в прошлом против манифестации на площади Тяньаньмэнь. Следует отметить, при этом, что во время тяньаньмэньских событий исполняющим обязанности премьера Госсовета и министром общественной безопасности был Хуа Гофэн, назначенный после подавления выступлений в Пекине на пост премьера Госсовета и первого заместителя председателя ЦК КПК по «личному указанию» Мао Цзэдуна²².

Таким образом, осуждение подавления тяньаньмэньских выступлений наносит удар не только по маоистской политике, но и по ее исполнителям, к числу которых относился прежде всего Хуа Гофэн.

Вместе с тем следует отметить, что в прошлом в «подавлении масс» обвиняли своих противников и сам Мао Цзэдун, и его ближайшие сподвижники. Так, на судебном процессе в Пекине был посмертно причислен к «главным преступникам» бывший министр общественной безопасности Се Фучжи за то, что он (с одобрения Мао) первым призвал к «полной ломке старой машины» органов общественной безопасности, прокуратуры и суда²³, которые мешали развертыванию «массового движения» хунвэйбинов и цзаофаней, поддерживавшихся самим Мао Цзэдуном.

Взаимные обвинения различных группировок в «подавлении масс» использовались и раньше в определенных политических интересах.

Нынешние лидеры КПК решили полностью дискредитировать и личность Чан Шэна, бывшего на протяжении более чем 30 лет ближайшим сподручным Мао Цзэдуна по части организации карательных акций. В ходе расследования и судебного разбирательства по делу «контрреволюционных группировок» Линь Бяо и Цзян Цин были, по-видимому, выяснены некоторые подробности его деятельности в период «культурной революции». Например, в статье «Жэньминь жибао» под заголовком «Сорвать маску с Кан Шэна», опубликованной незадолго до окончания судебного процесса, подробно расписывались его «огромные преступления» в качестве прямого или закулисного организатора «многих серьезных дел». Как утверждалось в статье, всего в период «культурной революции» он «оклеветал или дал распоряжение оклеветать» 839 человек, в том числе «33 руководителя партии и государства», составил списки, в которых «ренегатами», «спецагентами», «контрреволю-

²⁰ См.: «Жэньминь жибао», 12.XII.1980.

²¹ Там же, 21.XI.1980.

²² См.: XI всекитайский съезд Коммунистической партии Китая (Документы). Пекин, 1977, с. 21—22.

²³ См.: «Жэньминь жибао», 25.XII.1980.

ционными ревизионистами» и т. п. были названы 71 % членов и кандидатов в члены ЦК КПК 8-го созыва, 61 % членов контрольной комиссии ЦК КПК, почти половина членов Постоянного комитета ВСНП 3-го созыва и Постоянного бюро Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая 4-го созыва²⁴.

Открытое осуждение Кан Шэна наносит еще один серьезный удар по авторитету Мао Цзэдуна в Китае.

Фактически подвергается осуждению и заимствованный Мао Цзэдуном у китайских милитаристов принцип «винтовка рождает власть». При проведении «культурной революции» главной опорой маоцзэдуновской верхушки служили вооруженные силы, ставшие и главной движущей силой «революции», развертывавшейся под лозунгом повсеместного захвата власти маоистами.

Однако даже армия оказалась ненадежной опорой маоизма. Правда, устроители судебного спектакля в Пекине, как и на X съезде КПК в 1973 г., пытались утверждать о наличии заговора военной группировки во главе с Линь Бяо с целью совершения государственного переворота. Самые «полные» показания по поводу «заговора» дал на суде наименее значительный член группировки — бывший политкомиссар военно-воздушных сил нанкинского большого военного округа Цзян Тэнцзяо, единственный из обвиняемых, признавший свое непосредственное участие в «подготовке убийства Мао Цзэдуна». По его признанию, он был одним из тех, кто планировал покушение. Вместе с тем он назвал неправдоподобно большое число методов замышлявшегося ими убийства.

Судя по материалам судебного разбирательства, после провала планов убийства Мао Цзэдуна Линь Бяо принял решение о бегстве со своими сторонниками в Гуанчжоу с целью создания там «второго ЦК». Неудача и этого плана якобы вынудила Линь Бяо и нескольких лиц из его ближайшего окружения попытаться бежать из Китая на самолете. В ночь на 14 сентября 1971 г. самолет разбился на монгольской территории²⁵.

Материалы, появившиеся в китайской печати во время процесса, позволяют составить представление о провокационном характере действий Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая, подталкивавших Линь Бяо в тот период на опрометчивые действия и эффективно контролировавших все его поступки, используя, в частности, возможности оханного управления ЦК КПК.

Нынешняя официальная версия «дела Линь Бяо» не нова и уже была обнародована в 1973 г. Сейчас, оснатив старый вариант огромным числом интригующих подробностей лихо закрученного детективного сюжета, пекинские лидеры пытаются скрыть тот факт, что разногласия между Мао Цзэдуном и Линь Бяо носили политический характер. Напомним, что наиболее остро они проявились в 1970—1971 гг., то есть в период проведения «пинг-понговой дипломатии», ознаменовавшей начало переориентации на сближение с Западом. Расхождение во взглядах именно на эту проблему послужило одной из главных причин столкновения между Мао Цзэдуном и Линь Бяо. По-видимому, в настоящее время это обстоятельство умалчивается вполне преднамеренно: курс пекинского руководства на братание с Западом отнюдь не однозначно принимается в Китае, и позиция Линь Бяо могла бы вызвать сочувствие у многих.

В связи с судом над «десяткой» вскрывается неприглядная картина активного вмешательства армии в борьбу за политическую власть. При этом военачальники, как и другие китайские лидеры, не брезговали и такими методами, как сбор компрометирующих данных с целью политической дискредитации своих противников или конкурентов для их последующего устранения.

Так, на одном из заседаний военной палаты «особого суда» У Фасянь признал, что он умышленно «возвел клевету на Чжу Дэ, чтобы выдвинуть Линь Бяо»²⁶. В обвинительном заключении «специальной прокуратуры» другой сторонник Линь Бяо, Цю Хуэйцзо, обвинялся в том, что он возводил клевету на председателя Постоянного комитета ВСНП Чжу Дэ и ветерана китайских вооруженных сил Сюй Сяньяня. По признанию Цю Хуэйцзо, он позволил себе оклеветать Чжу Дэ, чтобы «неотступно следовать за Линь Бяо»²⁷.

Третий бывший сторонник Линь Бяо, Ли Цзопэн, заявил в суде, что, содействуя плану Линь Бяо по «захвату верховного руководства в партии и государстве», он в апреле 1968 г. по указанию Линь Бяо составил письмо в ЦК КПК, в котором Е Цзяньину вменялись в вину «десять пунктов злодеяний». В письме, в частности, утверждалось, будто Е Цзяньин, «действуя в согласии с Лю Шаоци, Дэн Сяопином и Тао Чжу, пытался прибрать к рукам руководство армией, чтобы использовать ее в антипартийных целях». По признанию Ли Цзопэна, он не располагал никакими фактами и «все это было чистойшей клеветой»²⁸.

Как говорилось на заседаниях «особого суда», преследованиям подвергался также бывший начальник Генерального штаба вооруженных сил Ло Жуйцин, которого

²⁴ См.: «Жэньминь жибао», 22.XII.1980.

²⁵ См. там же, 21.XI.1980.

²⁶ Там же, 8.XII.1980.

²⁷ Там же, 7.XII.1980.

²⁸ Там же, 5.XII.1980.

Ли Цзопэн и другие обвинили в том, будто он вынашивал «большой заговор» в отношении военно-морских сил. Ли Цзопэн признал ложный характер выдвинутых против Ло Жуйцина обвинений.

Обвинительное заключение ставит в вину группировке Линь Бяо фабрикацию на основе надуманных обвинений огромного числа «дел», в результате чего пострадало в общей сложности свыше 80 тыс. человек²⁹.

В связи с судебным процессом признается и фактически осуждается имевшее место на ранних этапах «культурной революции» бесконтрольное хозяйничанье военных командующих на местах. Его результатом явились широкие репрессии, проводившиеся непосредственно военными.

Устраивая процесс против бывших военных лидеров и выдвигая против них указанные обвинения, правящая ныне группировка в Китае стремится обосновать необходимость проведения новой чистки в рядах вооруженных сил с целью установления над армией более прочного контроля.

Судебный процесс в Пекине, явившийся порождением ожесточенной политической борьбы в КПК, вскрыл серьезные разногласия на всех уровнях китайского руководства. Суд над низвергнутыми лидерами и видными деятелями «лево-маоистской группировки ознаменовал собой очередной этап внутриполитической борьбы в Китае. Процесс стал началом широкого наступления на выдвинутых и бывших сторонников «культурной революции». Об этом, в частности, свидетельствует постоянное расширение списка обвиняемых в ходе подготовки и во время самого судебного процесса. Если вначале речь шла о суде над «бандой четырех», то впоследствии число обвиняемых увеличилось до 16, а во время процесса был опубликован список еще из 60 человек, которые также привлекаются к суду.

Несомненно, этим дело может не ограничиться: около половины членов КПК составляют в настоящее время активисты «культурной революции». Значительная часть кадровых работников низового и среднего уровня также получили свои посты в указанный период. Они до сих пор представляют собой значительную политическую силу, способную составить оппозицию по отношению к вернувшимся к власти и проводящим репрессивную политику кадровым работникам старшего поколения во главе с Дэн Сяопином.

Не случайно между фактическим завершением судебного разбирательства «дел» десяти главных участников «контрреволюционных группировок» Линь Бяо и Цзян Цин (30 декабря 1980 г.) и вынесением окончательного решения «специального суда» (25 января 1981 г.) прошел почти месяц. В этот период китайская печать сетовала на политическую нестабильность в стране и наличие в обществе «классовой борьбы»³⁰.

Принятию окончательного решения о судьбе подсудимых предшествовала довольно продолжительная полемика в руководстве, в частности, по вопросу об определении меры наказания для Цзян Цин. При этом приговор суда³¹ тесно увязывался с переоценкой значения «культурной революции», а также с поведением обвиняемых на судебном процессе. Наиболее суровая мера наказания — смертная казнь с отсрочкой исполнения на два года — была установлена для Цзян Цин и Чжан Чуньцяо, которые решительно отказались признать себя «главными преступниками», ставшими целью «свержение демократической диктатуры народа». В отличие от них частично признавшие свою вину Ван Хунвэнь и Яо Вэньюань были приговорены соответственно к пожизненному и 20-летнему лишению свободы, а Чэнь Бода — к 18-летнему сроку заключения.

Суровые меры наказания в виде лишения свободы на срок от 16 до 20 лет, установленные для пяти бывших военачальников — сторонников Линь Бяо, также означают на деле сведение счетов прагматической группировки со своими политическими противниками под видом соблюдения норм законности.

В то же время приговор — это проявление своеобразного компромисса в китайском руководстве. Выдвинутым «культурной революции» делалась известная уступка за счет того, что Цзян Цин не обрелась на смертную казнь с немедленным исполнением. С другой стороны, для многочисленных жертв «культурной революции» приговор должен был символизировать самую суровую меру наказания для вдовы Мао, ответственного за развязывание и фактическое руководство «культурной революцией». Отсрочка исполнения приговора была связана и с опасениями руководства по поводу возможного возникновения волнений в Китае, а также с нежеланием создать вокруг Цзян Цин ореол мученицы, сострадание к которой объективно способствовало бы усилению оппозиции по отношению к прагматической правящей верхушке.

Судебный процесс над «лево-маоистской группировкой» заметно накалил политическую атмосферу в Китае и обострил фракционную борьбу как в центре, так и на местах. Он не дал ответа на многие вопросы, возникшие за последнее время в китайском обществе, и не привел к стабилизации внутриполитической обстановки в стране. Хотя судебный процесс тщательно готовился, его организаторам не удалось скрыть от масс истинную сущность маоизма и подлинный облик пекинских лидеров.

²⁹ См.: «Жэньминь жибао», 21.XI.1980.

³⁰ Там же, 17.I.1981.

³¹ См. там же, 26.I.1981.

ГОВОРЯТ ОНИ САМИ

Из выступлений депутатов ВСНП

В результате антинародной маоистской внутренней и внешней политики, направленной на реализацию великодержавных шовинистических целей, народное хозяйство Китая испытывает глубокий кризис, а в широких массах китайского народа нарастает недовольство существующими порядками. В этих условиях нынешнее китайское руководство было вынуждено пойти на известные меры по выправлению тяжелого экономического положения в стране, по упорядочению системы хозяйствования, ликвидации некоторых наиболее опасных проявлений маоистского курса. Не отказываясь от главной стратегической линии маоизма, стремясь обелить и выгородить его, китайские руководители пошли даже на то, что допустили в определенной степени критику ошибок и беззаконий, имевших место в период маоцзэдуновского правления. При этом критические высказывания такого рода они стремятся отнести в адрес Линь Бяо и «банды четырех». Однако совершенно ясно, что не кто иной, как Мао Цзэдун, является главным виновником затяжного социально-политического и экономического кризиса, в котором оказался Китай.

Приводимые ниже высказывания депутатов III сессии Всекитайского собрания народных представителей и членов Народного политического консультативного совета Китая (НПКСК), от руководителей до рядовых активистов, дают возможность читателю лучше понять всю глубину этого кризиса и ярко иллюстрируют положение в Китае.

Длительное отсутствие планов

Премьер Госсовета КНР, Председатель ЦК КПК Хуа Гофэн заявил, что «за период после 1966 г. все народное хозяйство, а вместе с ним и работа самого Государственного планового комитета серьезно пострадали от натиска «культурной революции». Как фактические данные, необходимые для составления плана, так и сами плановые органы уничтожены, и разработка планов была почти парализована. Итак, за 15 лет (1966—1980) были лишь намечены основные положения третьего, четвертого, пятого пятилетних планов, но не было возможности составить полноценные планы. Таким образом, в течение длительного времени у нас не было комплексного сбалансированного перспективного плана развития народного хозяйства...» (Из доклада на III сессии ВСНП пятого созыва 7 сентября 1980 г.).

Хроническая нехватка специалистов

Многие депутаты ВСНП и члены НПКСК отмечали, что сейчас «повсеместно не хватает специалистов и отсутствует преемственность старых и молодых кадров, наряду с этим наблюдаются явления нелепого разбазаривания и третирования кадров» («Гуанмин жибао», 4.IX.1980).

Постоянный член НПКСК Ху Цзыин заявил, что, «по данным соответствующих научно-исследовательских учреждений, в 1965 г. инженерно-технический персонал в системе промышленности и транспорта КНР составлял 5,7 % от общего числа рабочих и служащих, а в 1979 г.— лишь 3,9 %. Это говорит о том, что рост инженерно-технического персонала совершенно не отвечает развитию промышленности. Число студентов на каждые 10 тыс. человек в Японии, Франции, Западной Германии, Индии составляет соответственно 205, 190, 135 и 40 человек, а в Китае — только 10,5... В отдаленных районах Китая, по свидетельству депутатов из провинции Юньнань, положение с квалифицированными кадрами еще хуже» («Гуанмин жибао», 4.IX.1980).

Итог сокращения расходов на образование

Депутат от провинции Аньхуэй Чжан Дихуа отмечал, что «Китай в настоящее время испытывает экономические трудности и не может увеличить расходы на образование. В области образования — от начальной школы до вуза существует множество проблем. Среди них наиболее острая — недостаток кадров... В селах провинции Аньхуэй многие школьные здания пришли в негодность. В классах даже нет столов и стульев. В некоторых средних городах от 50 до 70 % учащихся, окончивших начальную среднюю школу, не имеют возможности продолжать учебу. Этот вопрос превратился в большую социальную проблему» («Гуанмин жибао», 8.IX.1980).

Серьезный рост цен

Член НПКСК У Кэдяо сказал, что «цены по всей стране повышаются, население недовольно тем, что все товары дорожают. Снижается реальная заработная плата рабочих и служащих. До каких же пределов в конце концов она будет снижаться? По этому вопросу соответствующие ведомства должны дать конкретное разъяснение. В чем же тогда заключается роль Народного политического консультативного совета? Нельзя же только заниматься обсуждениями» («Гуанмин жибао», 11.IX.1980).

Депутат от армии Чэнь Дэсянь привел данные роста цен на товары в ряде районов провинции Цзянсу: «...Цены на овощи в I квартале 1980 г. по сравнению с соответствующим кварталом 1979 г. повысились в Нанкине на 45 %, в Уси — на 97 %, в Сюйчжоу — на 64 %».

Депутаты от Шанхая Чжао Чжимин и Чэнь Бомин говорили об очень серьезном повышении цен: «...Цены на мелкие сельскохозяйственные орудия и инвентарь повсюду возросли на 50—60 %. Так, обыкновенный серп стоил 7 юаней, теперь он стоит вдвое дороже — 14 юаней. Мотыга стоила 1 юань 5 фэней, сейчас ее цена — 1 юань 60 фэней. Реальные же доходы крестьян невелики». Они же отметили, что, «несмотря на повышение заготовительных цен на сельскохозяйственные продукты, крестьянину приходится тем не менее переплачивать за корма. Например, полцентнера комбикорма теперь стали дороже на 3 юаня. Чтобы вырастить поросенка, требуется затратить на корма на 7 юаней 50 фэней больше... Таким образом, положение крестьянина не улучшилось» («Гуанмин жибао», 19.IX.1980).

Безграмотность на селе

Члены НПКСК Цянь Линьчжао, Хуан Цуйфэнь и Ху Кэши говорили о серьезной нехватке грамотных людей в деревне. «Некому готовить кадры. Обработка полей производится дедовскими методами, как 50 лет назад. Никто не знает, какое количество химических удобрений надо вносить под рис, хлопок и какие применять ядохимикаты. В то время как на селе не хватает грамотных людей, часть детей в возрасте до 15 лет вообще не посещает школу» («Гуанмин жибао», 21.IX.1980).

Нацменьшинства требуют прав

Член НПКСК Гэ Дэхун настаивал на предоставлении самостоятельности нацменьшинствам в решении местных вопросов. Он сказал: «Мы, орочны, из поколения в поколение живем в лесистых районах Большого Хингана. Наша жизнь связана с горами. В нашу обязанность входит лишь охрана и выращивание леса. Но мы не имеем права заготавливать древесину. Нам не позволяют заниматься лесным промыслом, не разрешают заниматься и подсобным производством, связанным с ним. Мы не имеем права ни на одно дерево» («Гуанмин жибао», 19.IX.1980).

Подавлена инициатива рабочих и крестьян

Депутат от провинции Аньхуэй Ван Ли сказал: «...В настоящее время рабочие и крестьяне фактически не имеют никаких прав. Можно ли хорошо провести сев, если крестьяне не являются хозяевами своего дела? Распоряжается не тот, кто сеет. Урожай снижаются. В настоящее время необходимо, во-первых, улучшить жизнь народа, во-вторых, развивать народную демократию. Землю обрабатывают крестьяне. Они и должны быть хозяевами на ней». «На заводах, — сказал Ван Ли, — также имеются подобные проблемы. Нельзя допустить, чтобы на заводе все решал директор, а рабочие не могли принимать участия в решении вопросов» («Гуанмин жибао», 20.IX.1980).

Актуальное и полезное исследование*

Внешнеполитические связи Китая с развивающимися странами занимают важное место в великодержавно-гегемонистской политике пекинского руководства, в качестве одной из целей которой предусматривается включение этой группы государств в сферу политического притяжения и экономических интересов КНР.

Совершив в конце 70-х годов радикальный поворот в сторону всестороннего сближения с империализмом и осуществив переориентацию внешнеэкономических связей на капиталистический рынок, китайское руководство продолжало предпринимать активные действия для достижения своих геополитических целей в зоне развивающихся стран. Центром тяжести этой деятельности на нынешнем этапе является стремление использовать развивающиеся страны как разменную монету для упрочения контактов Пекина с империалистическими державами. Вместе с тем среди приоритетов китайской политики в Азии, Африке и Латинской Америке не последнее место отводится и задаче использования валютно-сырьевых возможностей государств трех континентов в целях усиления военно-экономического потенциала Китая.

Исследование М. Андреева «КНР и развивающиеся страны: великодержавный бизнес» уже в названии точно определяет сущность китайских внешнеэкономических связей с развивающимися странами.

Раскрыв книгу, читатель находит интересный и обширный материал, характеризующий великодержавные цели и принципы экономической политики Пекина в отношении развивающихся стран и применение указанных принципов на практике. Автор совершенно справедливо указывает, что внешнеэкономические отношения с развивающимися государствами явились одной из первых областей, где стала проявляться переориентация китайской внешней политики, которая в конечном счете вылилась в антисоветизм, взаимодействие с империализмом, в попытки оформить лидерство Китая в национально-освободительном движении. «Маоисты, — пишет автор, — хотели бы сколотить под эгидой Китая зам-

кнутый блок освободившихся стран и использовать материальные и людские ресурсы, а также революционный потенциал национально-освободительного движения народов этих стран в своих великодержавных интересах» (с. 4). Ради этого Пекин дополняет свои экономические маневры интенсивной идеологической и пропагандистской деятельностью, пытаясь закамуфлировать свою гегемонистскую политику и затруднить хозяйственный обмен афро-азиатско-латиноамериканских стран с социалистическими государствами.

Комплексный подход автора к анализу экономических связей КНР с развивающимися странами включает выявление глубинных особенностей основных традиционных каналов этих связей — внешней торговли и помощи, а также получившие в последние годы отчетливые тенденции к прямой эксплуатации Китаем народов указанных государств.

Глава «Торговля Китая с развивающимися странами» содержит аргументированные материалы о неправомерном, великодержавном фундаменте, на котором китайское руководство строит свои торговые отношения с указанными государствами. М. Андреев справедливо подмечает сильный политический подтекст в китайской торгово-экономической политике, подчеркивая, что она ставит не только задачу снабжения экономики КНР дефицитным сырьем, мобилизации крупных валютных фондов для оплаты импорта с Запада современной технологии и оборудования, зерна, удобрений и вооружения, но и задачу проникновения в мир развивающихся стран, а также подрыва хозяйственных связей развивающихся стран с социалистическими государствами. «Пекин, — отмечает автор, — предлагает этим странам сомнительный союз, утверждая, что он «способствует развитию экономики и торговли, нарастанию экономической мощи развивающихся стран и срыву экономической монополии империализма, в особенности сверхдержав» (с. 8). В результате такого своеобразного подхода освободившиеся государства, для которых проблема экономического развития является одной из наиболее острых и неотложных, в хозяйственных взаимоотношениях с Китаем стали для последнего объектом торговой экспан-

* М. Андреев. КНР и развивающиеся страны: великодержавный бизнес. М., «Международные отношения», 1980, 193 с.

сни и источником валютных поступлений. Иными словами, рекламируемые Пекином «бескорыстные» и даже «альтруизм» в отношении развивающихся стран на практике оборачиваются заметным ущербом для экономики государств Азии, Африки и Латинской Америки. Внешнеторговые организации КНР в последние годы настойчиво добиваются максимального распределения вывоза в эти страны своей продукции, которая не способна выдержать конкуренцию на других рынках. Подобные усилия привели к тому, что на указанную группу стран, по американским данным, приходится примерно половина экспорта китайских машин и транспортного оборудования, более трети поставок зерна, четверть — швейных изделий, пряжи, кож, и т. д. Это в свою очередь ведет к увеличению дефицита развивающихся стран в торговле с КНР. По подсчетам автора, в 1952—1977 гг. китайский импорт из развивающихся стран вырос в 3,4 раза, тогда как экспорт КНР в эти страны за тот же период увеличился более чем в 13 раз! (с. 16). Получаемая за счет этих стран свободно конвертируемая валюта перекачивается китайским правительством на Запад в оплату китайских закупок современного промышленного оборудования и вооружения. Таким путем КНР оплачивает более половины своего импорта из развитых капиталистических держав (в 1971—1975 гг., например, дефицит КНР в торговле с Западом превысил в суммарном выражении 8 млрд. долл., а положительное сальдо в торговле с развивающимися странами за тот же период составило 4,6 млрд. долл.).

«Служебный», конъюнктурный характер китайской внешнеторговой политики в зоне трех континентов автор доказывает весьма весомым и убедительным фактом завершения в конце 70-х годов переориентации внешнеэкономических связей КНР на мировой капиталистический рынок, в первую очередь на рынок империалистических государств, за счет свертывания или существенного ограничения торговли не только с социалистическими, но и с развивающимися странами. Курс на форсированное развитие торговли с империалистическими державами, указывает автор, «предопределяет второстепенное, вспомогательное место развивающихся государств в торговле Китая, хотя пекинская пропаганда и пытается уверить эти страны в обратном» (с. 10).

Немаловажное значение имеет содержащийся в рецензируемой книге анализ структуры китайского экспорта в развивающиеся страны, который свидетельствует о том, что КНР практически не способна удовлетворять растущие нужды народов, освободившихся от колониального господства, на современное сложное оборудование и дефицитные сырьевые материалы. Это положение автор подтверждает признаниями самой китайской печати. Несовпадение между экспортными возможностями Китая и импортными потребностями развивающихся государств, подчеркивает автор, свидетельствует о неравноценности

обмена между сторонами в пользу Китая (с. 20). Пекин при этом демонстрирует пренебрежительное отношение к нуждам своих контрагентов из стран Азии, Африки и Латинской Америки, искусственно сужая номенклатуру китайского импорта из этих стран. Так, основу китайского импорта из Юго-Восточной Азии составляют лишь каучук и олово, из арабских и некоторых африканских стран — лишь хлопок и т. д. Узость номенклатуры и сырьевая структура импорта КНР из развивающихся стран ведут к усугублению их трудностей на пути преодоления вековых хозяйственных проблем, закрепляют их сырьевую специализацию.

Автор, являющийся известным исследователем деятельности зарубежного китайского капитала, и в данной книге анализирует роль китайской буржуазии в ЮВА как орудия Пекина, используемого для его торговой экспансии на рынках региона. «В лице китайской торговой буржуазии, — указывает М. Андреев, — часть которой активно сотрудничает с Пекином, Китай имеет в Юго-Восточной Азии мощную и разветвленную сеть по сбыту товаров в соседних странах, которой не имеет в регионе ни одна другая страна». «Практически вся торговля стран региона с Китаем проходит так или иначе через руки местных китайских торговых фирм», которые получают от Пекина высокие комиссионные (с. 33).

В качестве других средств увеличения китайского экспорта в развивающиеся страны автор останавливается на демпинговых ценах, кредитах, предоставляемых в рамках экономической помощи КНР этим странам, а также на прямом контрабандном ввозе китайских потребительских товаров, что наносит существенный вред народному хозяйству освободившихся государств.

В книге М. Андреева приводятся данные о преступном бизнесе Пекина, связанном с контрабандным экспортом из Китая наркотиков через территорию его соседей. причем этот факт, как подчеркивает автор, время от времени признают сами китайские руководители. Разумеется, в Пекине тщательно умалчивают о масштабах этих операций. Однако известно, что делается это с колоссальным размахом и валютные поступления КНР от торговли наркотиками составляют около 0,5 млрд. долл. (с. 41).

В главе «Маоистская программа помощи освободившимся странам» на весьма обширном материале показаны место и роль механизма экономического воздействия Пекина в борьбе за установление своего влияния в зоне национально-освободительного движения. М. Андреев, характеризуя мотивы обращения Пекина к этой форме сотрудничества, делает правильный вывод о вынужденном характере этого шага. Среди упоминаемых в книге причин называются ограниченные масштабы торговли КНР с развивающимися странами, наличие многочисленных элементов неравенства в ней в пользу Китая, слабая конкурентоспособность его экспортных това-

ров на рынках Азии, Африки и Латинской Америки, а также содействие экономической помощи СССР и других социалистических стран хозяйственному развитию освободившихся государств (с. 49). Причиной же причин разработки в Пекине программ помощи является гегемонистская подоплека всей политики Китая в отношении развивающихся стран.

Показательна политическая обусловленность китайских программ помощи, которые в подавляющей своей части концентрируются на азиатской периферии Китая, то есть в районе, где великодержавные, гегемонистские цели пекинского руководства сказываются наиболее выпукло. Эти программы рассчитаны на обеспечение китайских экспансионистских замыслов. Так, с явным прицелом на будущее Китай уделяет большое внимание дорожному строительству в пограничных районах, благодаря чему он может иметь выходы к Индийскому океану. Бросается в глаза и очевидная увлеченность пекинских стратегов прокладкой шоссейных дорог на подступах к Индии. Такова, например, сооруженная при содействии КНР довольно густая сеть шоссейных магистралей в Непале, а так-

же стратегическое Каракорумское шоссе в Пакистане, которое уже сейчас используется китайским руководством для снабжения басмаческих банд, ведущих подрывные действия против революционного строя в Афганистане. Построенные Китаем в порядке оказания «помощи» дороги в Индокитае также явились важным средством осуществления гегемонистской политики Пекина против Вьетнама, Кампучии и Лаоса. Такую же роль играет и военная помощь Китая, которая входит составной частью в арсенал агрессивной великодержавной политики китайского руководства. Правда, в рецензируемой книге военная помощь КНР, к сожалению, почти не нашла отражения.

Анализ китайской внешнеэкономической политики в отношении развивающихся стран в рецензируемой монографии включает также некоторые другие аспекты, благодаря чему читатель имеет возможность получить представление о подоплеке и осуществлении указанной политики во всей ее полноте.

В. Н. Барышников,
кандидат исторических наук

* * *

КНР: краткий исторический очерк*

1 октября 1949 г. на торжественном митинге в Пекине было провозглашено создание Китайской Народной Республики, которая на следующий день была признана Советским Союзом.

Советский Союз, социалистические страны, все прогрессивное человечество горячо приветствовали победу народной революции в Китае. Борьба китайского народа за свободу и независимость близка сердцу советских людей, которые очень многое сделали для того, чтобы трудолюбивый китайский народ получил наконец возможность строить счастливую жизнь.

Образование Китайской Народной Республики имело большое международное значение. Оно укрепило мировую систему социализма, нанесло удар по колониальной

системе империализма. Победа китайской революции открыла новую эпоху в многовековой истории народов Китая. Она создала предпосылки для обеспечения независимости страны, перехода Китая на социалистический путь развития, коренного улучшения положения трудящихся масс, превращения отсталой аграрной страны в экономически развитое государство с современной промышленностью, сельским хозяйством, культурой.

За тридцать лет существования КНР в ее внешней и внутренней политике произошёл ряд крупных поворотов, в результате которых КНР, выступавшая вначале в едином строю со странами социалистического содружества, со всеми силами мира и прогресса, ныне блокируется с империалистическими реакционными кругами на антисоветской, враждебной странам социализма платформе, идет по линии конфронтации с силами социализма вплоть до совершения прямой агрессии против социалистического Вьетнама. Существенные принципиальные изменения политического и социально-экономического характера в развитии КНР от значительного общественного прогресса в первое десятилетие после образования народной республики к застою и социальному регрессу в последние 20 лет, а также эволюция внешней политики страны от антиимпериализма к сближению с империалистической реакцией рассматриваются в недавно вышедшей обобщающей работе по истории КНР, подготовленной коллективом научных сотрудников Института Дальнего Востока АН СССР совместно с учеными-китаеведами научных институтов ряда социалистических стран.

* КНР: краткий исторический очерк (1949—1979 гг.). М., Издательство политической литературы, 1980, 206 с. Редакционная коллегия: Д. Митев (НРБ), Б. Талаш (ВНР), Х. Петерс (ГДР), Э. Рэй (Куба), Ш. Бира (МНР). В. Наметкевич (ПНР), М. Сладковский — ответственный редактор (СССР), К. Кукушкин (СССР), Я. Скаржил (ЧССР).

Книга базируется на многочисленных исследованиях китаеведов социалистических стран. Она снабжена библиографией основных работ по истории КНР, изданных в НРБ, ВНР, ГДР, Кубе, МНР, ПНР, СССР, СССР.

В книге исследуются перипетии и метаморфозы китайской внешней и внутренней политики за тридцатилетний период, обстоятельно анализируется ход многочисленных событий, в которых проявилась эта политика, показывается, как формировалась и развивалась стратегическая линия китаецентристской национал-шовинистической политики китайских руководителей, направленной на превращение Китая в главную державу мира, претендующую на гегемонию в глобальных масштабах.

Ныне, когда в Пекине изо дня в день растет поток антисоветской лжи и фальсификаций и замалчиваются общезвестные факты о том, какими были взаимоотношения Советского Союза и Китая в первые годы после победы революции, важное значение для советского и особенно для зарубежного читателя имеет всестороннее освещение подлинной картины этих взаимоотношений. В первой главе — «Победа народной революции в Китае. Образование Китайской Народной Республики» — авторы акцентируют внимание читателя на том, что в отношении Китая, его народа наша страна неизменно проводила ленинскую внешнюю политику, оказывала ему интернационалистскую помощь в борьбе за национальную независимость и социальное освобождение. Им привлечен большой фактический материал по этим вопросам с упором на период, непосредственно предшествовавший победе Народной революции в Китае, и на первые годы существования КНР.

Советский Союз оказывал китайскому народу большую помощь в войне против японских захватчиков. У границ СССР и МНР длительное время были скованы крупные вооруженные силы Японии. Разгром советскими и монгольскими войсками японской армии у реки Халхин-Гол в 1939 г. явился реальной поддержкой освободительной борьбы китайского народа (с. 15—16).

Маньчжурия (Северо-Восточный Китай), освобожденная Советской Армией совместно с войсками Монгольской Народной Республики, являлась самой развитой в промышленном отношении частью Китая. Здесь было сосредоточено свыше 60 % тяжелой промышленности страны. Советский Союз оказывал помощь в установлении демократической власти в большей части Маньчжурии, на территорию которой вступили части Народно-освободительной армии Китая. В этом районе Китая с советской помощью были подготовлены не только военные, но и административно-хозяйственные кадры, которые впоследствии, по мере освобождения других районов Китая, приступали к руководящей работе не только в сельской местности, но и в городах. При этом Советский Союз и Монгольская Народная Республика являлись надежным ты-

лом для китайских революционных сил, а военно-морская база Порт-Артур, где находились советские войска, прикрывала Маньчжурский освобожденный район с юга, с моря.

Советский Союз, подчеркивают авторы, в прошлом, как и всегда, защищал интересы китайского народа на международной арене; советская дипломатия и пресса разоблачали империалистическую политику США, враждебную китайской революции; СССР ратовал за то, чтобы китайский народ получил возможность самостоятельно решить накопившиеся внутренние проблемы (с. 17).

В самые тяжелые времена становления молодой народной республики наша страна оказывала китайскому народу всестороннюю помощь и поддержку как в отстаивании завоеваний революции от посягательств империализма и китайской реакции, так и в восстановлении экономики и развертывании строительства, в результате чего в Китае в короткие сроки был создан ряд современных отраслей промышленности, ранее не существовавших в стране, а также в транспортном строительстве, в подготовке национальных научно-технических и инженерных кадров, в обучении широких контингентов рабочих массовых профессий.

Трудно заставить китайский народ забыть, что именно в это время Советский Союз подписал с Китайской Народной Республикой Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи, который сыграл огромную роль в укреплении международных позиций республики и ее безопасности.

Это признавали в то время сами китайские руководители. Так, Мао Цзэдун подчеркивал: советско-китайский договор от 14 февраля 1950 г. «обеспечивает нам возможность смело и более быстрыми темпами осуществлять строительство в нашей стране...» (с. 26).

Решительная поддержка КНР Советским Союзом и другими социалистическими странами, затруднившая открытую империалистическую интервенцию против Китая, позволила молодой республике за сравнительно короткий период решить ряд важных общедемократических задач. Одной из них, как справедливо отмечают авторы, была аграрная реформа, сопровождавшаяся острой классовой борьбой в деревне. Она явилась радикальной антифеодальной революцией, осуществленной народным государством сверху, при поддержке многомиллионных масс трудового крестьянства. В результате этого около 300 млн. безземельных и малоземельных крестьян бесплатно получили 47 млн. га помещичьей земли и были избавлены от арендной платы, составляющей в целом более 30 млн. т зерна в год.

В числе основных общедемократических задач была также ликвидация крупного государственно-монополистического капитала и иностранных капиталовложений. Эта задача решалась путем конфискации собственности монополий и национализации (с применением частичного выкупа) или вытеснения иностранного капитала. На этой основе возник государственный сектор эко-

помки, ставший главной материальной базой Китая и способствовавший рождению новых, социалистических производственных отношений.

Экономическая помощь СССР и торговые связи с КНР европейских социалистических стран способствовали укреплению государственного сектора.

К концу 1952 г. при содействии Советского Союза в Китае было восстановлено, реконструировалось и строилось более 50 крупных предприятий и объектов тяжелой индустрии. Многие были сделаны нашей страной для восстановления и налаживания работы железнодорожного транспорта. Советский Союз полностью и безвозмездно передал КНР свои права по совместному управлению Китайско-Чанчуньской железной дорогой, имущество которой составляло около 600 млн. долл.

Советский Союз и другие страны социализма развернули систематическую борьбу за восстановление прав КНР в ООН и других международных организациях.

На рубеже 40—50-х годов американский империализм резко активизировал свои агрессивные приготовления у границ КНР. В этих условиях и особенно в связи с начавшейся в конце июня 1950 г. империалистической агрессией в Корее и фактической оккупацией американскими войсками Тайваня, положившей начало необъявленной войне США против КНР, подчеркивают авторы, укрепление обороноспособности стало актуальнейшей задачей Народного Китайского государства (с. 34). Выполняя свой интернациональный долг и в соответствии с духом договора 1950 г., наша страна незамедлительно оказала всевозможную помощь Китаю в развертывании оборонной промышленности, предоставила ему на льготных условиях кредиты, приняла для обучения большие группы китайских военных инструкторов и советников.

Таким образом, подчеркивают авторы, в июле 1951 г. НОАК имела 1050 боевых самолетов советского производства, а в конце 1955 г. — более 2 тыс. Еще в марте 1950 г. для защиты Шанхая и прилегающих к нему районов от налетов гоминьдановской авиации из СССР прибыло крупное авиасоединение, оснащенное совершенной по тем временам боевой техникой. Защищая китайское небо, советские военные летчики и технические специалисты одновременно усиленно готовили кадры ВВС КНР (с. 34—35). Советский Союз значительно увеличил поставки в КНР вооружений, боевой техники и боеприпасов. И спустя год после начала войны в Корее агрессор вынужден был пойти на переговоры. Тем самым были сорваны империалистические планы распространения военных действий на китайскую территорию.

«Если бы мы решили распространить войну на Китай, — признавал в своих мемуарах президент США Г. Трумэн, — то должны были бы ожидать возмездия. Бэйпин и Москва как идеологически, так и в соответствии с договором являлись союзниками. Если бы мы начали атаковать коммунистический Китай, мы должны были бы

ожидать русского вмешательства» (с. 35). Тесное сотрудничество Китая со странами социализма было не только фактором упрочения международного положения Китая, но и во многом способствовало укреплению народной власти, переходу к плановому социалистическому строительству.

Генеральная линия КПК исходила из предпосылки, что построение социализма в Китае невозможно без тесного союза с СССР и разносторонней советской помощи. «Нужно воспитывать народ нашей страны, — говорилось в программном документе ЦК КПК, — в духе понимания того, что помощь нашей стране со стороны Советского Союза и стран народной демократии, могучее сплочение лагеря мира, демократии и социализма и миролюбивых народов всего мира, а также успешное развитие борьбы в защиту мира во всем мире — это неизменное условие для победы строительства социализма в нашей стране» (с. 39).

Вдохновленный величественными перспективами социализма, открытыми генеральной линией партии, китайский народ с энтузиазмом развернул борьбу за выполнение первого пятилетнего плана, который рассматривался как начальный этап строительства основ социализма. Внешне эту линию поддерживали тогда также и Мао Цзэдун и его сторонники. Однако, как стало известно позднее, заявления Мао о дружбе с Советским Союзом и странами социализма были двуличными, лицемерными. В тот период ему приходилось еще считаться с теми кругами в ЦК КПК, которые отстаивали курс на развитие дружественных отношений с СССР. Но Мао Цзэдун уже тогда вынашивал планы навязать странам социализма свою гегемонистскую платформу и приступить на этой основе к осуществлению великодержавных, шовинистических китаецентристских устремлений.

В середине 50-х годов, подчеркивают авторы, обстановка внутри КПК серьезно осложнилась. В руководстве партии заметно активизировалась группировка Мао Цзэдуна, к этому времени в основном сформулировавшего особый курс, по которому, с его точки зрения, должно идти развитие Китая. Конечная цель этого особого курса — создание «великого Китая» как ведущей и мощной державы, «первой державы мира», по определению самого Мао Цзэдуна (с. 45—46). В действительности это означало попытку Мао Цзэдуна и его сторонников повернуть политический курс страны от научного социализма, лежавшего в основе генеральной линии КПК в переходный период, к реакционному мелкобуржуазному утопизму великодержавно-шовинистического толка, составлявшему существо маоистской доктрины.

Маскируя свой курс на превращение Китая в милитаристскую державу, Мао Цзэдун отбросил в сторону разработанную партией и утвержденную VIII съездом КПК генеральную линию, игнорируя объективные экономические законы и опыт социалистического строительства в братских странах, провозгласил авантюристическую политику «большого скачка».

Уже в конце 1958 г., подчеркивается в книге, стали появляться многочисленные симптомы того, что политика «большого скачка» и «коммунизации» заходит в тупик. Резкие критические замечания в адрес политики «большого скачка» и ее главного конструктора — Мао Цзэдуна были высказаны в письме члена Политбюро министра обороны Пэн Дэхуая Мао Цзэдуну от 14 июля 1959 г., где он отмечал, что основные ошибки вызваны «единоличным стилем руководства», что «при решении проблем экономического строительства задуманное не претворяется в жизнь немедленно, как это бывает в политических вопросах, вроде артобстрела Цзиньмынь, усмирения мятежа в Тибете и т. д.» (с. 75).

Политика «большого скачка» привела Китай к глубокому экономическому и политическому кризису. Он не только не разрешил, но, напротив, резко обострил все «большие» проблемы развития КНР, экономические и социальные: проблему индустриализации и ликвидации диспропорций в промышленности; проблему модернизации сельского хозяйства и ликвидации угрозы голода и недоедания, повышения благосостояния широких масс трудящихся; проблему изыскания средств и методов осуществления подлинной культурной революции. Реализация этого курса, его провалы и связанное с этим нарастание борьбы внутри китайского руководства привели к маоистской «культурной революции», результатом чего явилось разрушение политической системы народной демократии и установление в КНР военно-бюрократической диктатуры.

Ныне в самом Китае можно услышать признания того, что «большой скачок» вызвал хаос в китайской экономике и поставил Китай на грань экономического развала, а маоистская «культурная революция» привела к «феодално-фашистской диктатуре». Таким образом, подчеркивают авторы, после провала «большого скачка» в политике китайского руководства произошел качественный перелом, означавший разрыв с марксизмом-ленинизмом и отказ как от опыта социалистических стран, так и от своего собственного опыта за предшествующие десять лет (с.87). Все это сопровождалось дальнейшим скатыванием внешней политики КНР на путь шовинизма и авантюризма.

Вся совокупность внешнеполитических действий Пекина в 60-х годах свидетельствовала о том, что маоизм объективно определился как новая реакционная сила, открывшая «второй фронт» борьбы против реального социализма и международного коммунистического движения и, следовательно, действовавшая в интересах сил империализма и реакции.

В книге дан глубокий анализ маоистской «культурной революции», которая явилась политическим переворотом, совершенным мелкобуржуазной националистической группировкой Мао Цзэдуна, опиравшейся на верные ей части армии, органы общественной безопасности, штурмовые отряды политически незрелой молодежи (хунвэй-

бинов и цзаофаней), с целью утверждения военно-бюрократической диктатуры и осуществления милитаристской, великодержавной политики.

В ходе «культурной революции», указывается в книге, окончательно сложился современный китайский милитаризм, который представляет собой реакционную систему, призванную путем военного принуждения и насилия обеспечить руководящей группировке политическую власть в стране и создать благоприятные внутренние условия для осуществления ею своих великодержавных замыслов на международной арене (с. 131).

Особый интерес в книге представляют две последние главы, в которых обобщается и анализируется фактический материал о внешней политике Китая в последнее десятилетие, а также обстоятельно рассматриваются внешнеполитические доктрины и концепции китайского руководства. В это десятилетие Пекин круто повернул вправо, к сближению и непосредственному смыканию с силами империализма и реакции, при дальнейшем ухудшении отношений с Советским Союзом и всем социалистическим содружеством.

Заключительная глава содержит много яркого фактического материала, что помогает читателю разобраться в политической обстановке в КНР, а также в существе нынешней политики Пекина.

Авторы показывают сложную политическую борьбу, ведущуюся в КНР вокруг наследия Мао Цзэдуна. Современные события подтверждают, что эта борьба обостряется. Сегодня в Китае, отмечал Л. И. Брежнев в выступлении в Алма-Ате 6 сентября 1980 г., происходят серьезные внутренние процессы, подлинный характер которых в полной мере проявится лишь спустя определенное время. Однако даже сейчас ясно, что некоторые маоистские внутриполитические концепции, не имеющие ничего общего с социализмом, подвергаются в стране открытой и негласной критике. В частности, пресловутая «культурная революция» теперь уже открыто оценивается как величайшая катастрофа для китайского народа¹.

В книге обоснованно отмечается и подтверждается путем развернутого анализа основных аспектов нынешнего курса пекинских руководителей на международной арене, что этот курс не претерпел существенных изменений после ухода Мао Цзэдуна и отстранения его ближайших сторонников — так называемой «банды четырех».

Политика пекинского руководства, указал товарищ Л. И. Брежнев, «остается столь же враждебной Советскому Союзу, Вьетнаму, Монголии, другим социалистическим странам, столь же враждебной делу мира и разрядки, как и прежде»².

Рецензируемая книга с марксистско-ленинских позиций аргументированно раскрывает взаимосвязь внутренней и внешней политики китайского руководства, состоящую в том, что сохранение военно-бюрократиче-

¹ См.: «Правда», 30.VIII. 1980.

² Там же.

ской диктатуры, дальнейшая милитаризация страны сопровождается усилением реакционной агрессивной направленности внешней политики Пекина. Данная совместная работа китасведов ряда социалистических стран по праву может рассматри-

ваться как их интернациональный вклад в дело борьбы против великодержавного, гегемонистского курса современного китайского руководства.

В. А. Архипов

«Партнерство» США в восточноазиатском регионе

Характерной особенностью развития международных отношений в 70-х годах стал поворот от «холодной войны», от взрывоопасной конфронтации двух социальных систем к разрядке международной напряженности, связанный с воздействием глубоких объективных процессов и основанный на последовательном проведении Советским Союзом и другими социалистическими странами миролюбивой внешней политики. Борьба за разрядку международной напряженности, интересы борьбы за разоружение и мир предопределяют необходимость широких научных исследований кардинальных проблем мирового развития и международных отношений.

Несомненно, что одним из ключевых направлений этих исследований является изучение политики Соединенных Штатов Америки — наиболее мощной империалистической державы современности.

Советскими учеными немало сделано для того, чтобы раскрыть истинный характер империалистической политики войны и агрессии, враждебной делу мира и свободы, разоблачить замыслы, вынашиваемые реакционными силами правящих кругов США. Полезный вклад в решение этих задач вносит книга А. В. Крутских «Американская политика «партнерства» в восточноазиатском регионе»^{*}.

Книга А. В. Крутских является исследованием политики «партнерства» США с их союзниками на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, а также с Австралией и Новой Зеландией. Она посвящена комплексному анализу теоретических и практических аспектов одного из важнейших направлений внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов в Азии после второй мировой войны. Тема, избранная автором, несомненно, весьма актуальна, она представляет не только научный, но и практический ин-

терес. Именно в восточной части бассейна Тихого океана, являющейся, по существу, одной из главных сфер американской экспансии, в послевоенные годы противоборство двух социальных систем нашло свое концентрированное выражение в конфликте в Корее; в этом регионе США вели свою самую длительную по времени, беспрецедентную по жертвам и, видимо, наиболее позорную в моральном отношении войну против народов Индокитая; здесь проверялись на практике самые различные средства противостояния империализма силам социализма и национально-освободительного движения.

Одной из привлекательных черт рецензируемой монографии является стремление автора не ограничиваться только лишь фактическим материалом, а показать теоретический фундамент коалиционной политики США. Таким образом, читатель получает представление не только о практике сколачивания и функционирования блоков, но и о таком важном направлении в американской политической мысли, как «политический реализм», и прежде всего о концепциях «баланса сил» и «многосторонней дипломатии» положенных в основу организации Соединенными Штатами различного рода военных политических союзов, да и осуществлении (особенно в современных условиях) всей внешнеполитической деятельности Вашингтона.

Вскоре после окончания второй мировой войны американские политики, взяв на вооружение теорию о том, что «мировой баланс сил» состоит из «локальных балансов сил», направили основные усилия на то, чтобы «сдерживать» Советский Союз созданием системы блоков и союзов как на Западе, так и на Востоке. Частично решив эту задачу в Европе, где в 1949 г. был создан Североатлантический блок (НАТО), Соединенные Штаты с начала 50-х годов приступили к реализации намеченных целей в Восточной Азии и районе Тихого океана.

В первой половине 50-х годов им удалось сколотить на антисоветской основе целый ряд двусторонних и многосторонних блоков и союзов, в результате чего стало возможным создание восточноазиатского варианта НАТО — Организации договора для Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Таким образом, как отмечает автор, линия американских «интересов» в этом районе «протянулась с севера на юг на многие тысячи километров, включая в себя Аляску и Алеутские острова, шла через Корею, Японию и Окинаву, Тайвань и Филиппины, проходила через Индокитай и заканчивалась в Сингапуре. Далее она уходила к Австралии и Новой Зеландии» (с. 41).

^{*} А. В. Крутских. Американская политика «партнерства» в восточноазиатском регионе. М., «Международные отношения», 1980, 200 с.

Не ограничившись достигнутым, Соединенные Штаты в 60-х годах попытались целиком подчинить своему влиянию такие организации стран региона, как АСА (впоследствии АСЕАН) и АЗПАК, стремясь направить их на борьбу против социалистических государств и национально-освободительного движения.

Известные надежды на успешное претворение в жизнь своих стратегических задач Соединенные Штаты в 60-е годы стали связывать и с политикой китайского руководства, которое выступило с открыто враждебным курсом в отношении СССР и других социалистических стран. «В обстановке антисоветизма Пекина, — подчеркивает А. В. Крутских, — у США снова возникла иллюзия, что они смогут своим интенсивным военным вмешательством в дела Азии приостановить развитие в ней прогрессивных тенденций. Вашингтон вновь сделал ставку на методы военного подавления и начал проводить в жизнь доктрину Джонсона, предусматривавшую активное прямое участие американских вооруженных сил в борьбе против коммунизма» (с. 45).

Американская авантюра во Вьетнаме, огромные трудности, вызванные этой войной в самих Соединенных Штатах, резкое падение авторитета США в глазах союзников ясно доказали нежизнеспособность военно-политической системы в восточноазиатском регионе, созданной американскими стратегами в период «холодной войны» и реконструированной в первой половине 60-х годов.

На рубеже 60—70-х годов перед Соединенными Штатами в полный рост встала проблема поиска более «рационального» внешнеполитического курса в восточноазиатском регионе. Попыткам внесения коррективов в политику «партнерства», предпринятым администрациями Никсона и Форда, посвящена вторая глава рецензируемой монографии.

Подробно анализируя содержание так называемых «гуамской доктрины Никсона» и «гавайской декларации Форда», автор делает вывод о том, что в годы правления обоих президентов Соединенным Штатам в известной мере пришлось отказаться от политики прямого военного вмешательства в дела стран восточноазиатского региона. В эти годы была предпринята попытка переложить всю тяжесть непосредственного подавления прогрессивных сил в странах региона на плечи местных режимов. Соединенные Штаты изъявили готовность «помогать» своим азиатским союзникам без широкого и прямого участия американских войск. В этот же период были предприняты шаги к дальнейшему экономическому закабалению восточноазиатских партнеров США, к более прочному привязыванию их к американской экономике.

Вместе с тем ни Никсон, ни Форд в своих доктринах не ставили задачи отказаться от американских военно-политических партнерских связей в Азии. «В Вашингтоне полагали, что преждевременный демонтаж созданных Соединенными Штатами в бассейне Тихого океана военно-политических

«структур региональной безопасности» может вызвать хаос и подорвать уверенность партнеров США в американской «помощи»... и тем самым снизить их сопротивляемость «проникновенному коммунизму» (с. 103—104).

Значительный интерес представляет заключительная глава, рассматривающая американскую политику «партнерства» на современном этапе. На большом фактическом материале автор показывает, что, ни в коей мере не отказавшись от принципов военно-политических союзов, заложенных в прошлые годы, администрация Картера пошла по пути дальнейшего нагнетания напряженности в регионе, раздувания мифа о «советской угрозе». В этом разделе монографии приводятся интересные данные о таких направлениях деятельности США, осуществляемой на основе военно-политических обязательств, как поставки военной техники, вооружений и снаряжения; оказание содействия союзникам в создании ими собственного военного производства; обучение их вооруженных сил; предоставление экономической помощи в военных целях и т. д.

Говоря о политике «партнерства» США на современном этапе, следует особо отметить роль китайского фактора в реализации стратегических замыслов американского империализма в восточноазиатском регионе. Встав на путь конфронтации с Советским Союзом и другими социалистическими странами и постепенно перейдя к прямому смыканию с наиболее реакционными кругами Запада, пекинские руководители используют Китай как один из крупнейших дестабилизирующих факторов в Азии и во всем мире. Поддерживая США в конфронтации против СССР, в призывах о возрождении милитаризма в Японии, в оказании помощи реакционным режимам, Пекин к концу 70-х годов фактически превратился в еще одного партнера Соединенных Штатов. Однако приобретение даже этого нового партнера вряд ли сможет помочь американским стратегам разрешить их проблемы. Как справедливо отмечает А. В. Крутских, «хронический кризис американской политики союзов говорит о порочности ее теоретической основы, о прочности империалистической практики подчинения этой политики законам «баланса сил» (с. 190).

Политика с позиции «баланса сил» не учитывает перемен, происходящих в развитии международных отношений. Осуществление идеи обеспечения мира и подлинной безопасности в Азии возможно лишь на внеблоковой основе, путем утверждения принципов мирного сосуществования государств. Последовательными сторонниками этих принципов выступают Советский Союз и другие социалистические страны.

Характеризуя рецензируемую работу, следует сказать, что книга привлечет внимание не только специалистов-международников, но и широкого круга читателей, интересующихся проблемами международной жизни.

В. В. Семенов

Саморазоблачение маоизма

Среди изданной в последнее время политической литературы, посвященной боевой задаче марксистов-ленинцев всего стран — борьбе с маоизмом, особое место занимает книга «Маоизм без прикрас»*. Эта книга является тематическим сборником высказываний Мао Цзэдуна, включающим главным образом материалы из ранее не публиковавшихся его выступлений на рабочих совещаниях в ЦК КПК, перед секретарями провинциальных комитетов партии, на совещаниях идеологических работников, его выступлений на второй сессии VIII съезда КПК, пленумах ЦК КПК, его писем и т. д. Часть вошедших в сборник высказываний взята из изданных в Китае документов IX—XI съездов КПК и пленумов ЦК КПК 1966—1977 гг., материалов «культурной революции», хунвэйбиновской и обычной печати КНР, а также из пятого тома «Избранных произведений Мао Цзэдуна», выпущенного в Пекине в 1977 г.

В предпосланной сборнику вступительной статье М. Л. Алтайского содержится анализ взглядов Мао Цзэдуна по вопросам философии, социализма, проблем внешней политики, войны и мира. Во вступительной статье убедительно доказано, что стержнем философских «идей» Мао Цзэдуна является вульгарный материализм, сочетающийся с субъективным идеализмом и прагматизмом. Выступления Мао по вопросам идеологии свидетельствуют о том, что он крайне упрощенно, утилитарно понимал марксизм и механически сочетал его с различными антимарксистскими воззрениями, заимствованными как из арсенала традиционной конфуцианской идеологии, так и из мелкобуржуазных воззрений анархистов, троцкистов и буржуазной идеологии прагматизма» (с. 34). Сами идеи социализма ценны для маоизма тем, что они могут служить знаменем, способным привлечь массы, чтобы затем использовать их в борьбе за националистические цели. В итоге эволюции в ходе последнего двадцатилетия маоизм превратился сегодня в одного из самых опасных врагов марксизма-ленинизма, научного социализма и дела всеобщего мира. Особо останавливаясь на антисоветизме как оборотной стороне великодержавно-шовинистического курса Пекина и его гегемонизма, автор вступительной статьи подчеркивает, что антисоветизм используется маоистами, с одной стороны, для обо-

снования своих гегемонистских устремлений и поиска союзников среди врагов социализма, с другой — «для отвлечения внимания народа от внутренних проблем и трудностей, для нагнетания обстановки военного психоза, проведения курса на милитаризацию страны» (с. 29). Антисоветизм стал прикрытием пекинского гегемонизма и поэтому он представляет угрозу делу мира, угрозу всему человечеству.

Закljučая анализ взглядов Мао Цзэдуна, М. Л. Алтайский пишет: «В целом маоизм — это мелкобуржуазное шовинистическое течение, выросшее на эксплуатации трудностей переходного периода к социализму в условиях социально-экономической отсталости и консерватизма китайского общества, когда рабочий класс оказался расколотым и разобренным и утратил руководящую политическую роль, когда шовинистическая клика манипулирует забитым большинством населения страны» (с. 31—32).

Приводимые в сборнике высказывания позволяют выявить основополагающие принципы маоистской идеологии и политики, показать их крайнюю внутреннюю противоречивость и эклектичность. Эти высказывания не только раскрывают подлинную сущность взглядов Мао Цзэдуна и его окружения, но и демонстрируют теоретическую беспомощность и бесплодность маоизма.

Сборник состоит из четырех больших разделов, а именно: «Мао Цзэдун о себе и своих взглядах» (истоки маоизма и его философские «идеи», высказывания за милитаристский стиль, против социалистической демократии); «Маоистский «социализм» (концепция мелкобуржуазного военно-казарменного «социализма» Мао Цзэдуна); «Китаецентризм и гегемонизм» (внешнеполитические концепции маоизма, взгляды на вопросы войны и мира) и, наконец, «Мао против Мао», где подобраны высказывания Мао Цзэдуна против антисоветизма, гегемонизма и блокирования с империализмом, которыми он маскировал подлинную сущность своей политики и идеологии.

Наличие этого последнего раздела особенно убедительно характеризует методы политического двурушничества, к которым часто прибегал Мао Цзэдун для достижения своих целей. Сопоставление закрытых выступлений Мао Цзэдуна с его публичными выступлениями в один и тот же исторический период (например, в 50-е годы и в начале 60-х годов) позволяет увидеть всю глубину его лицемерия и фарисейства. В публичных выступлениях он клялся в дружбе Советскому Союзу, восхвалял значение опыта Советского Союза, подчеркивал свое уважение к КПСС. Так, в открытых выступлениях он заявлял: «Из разнообразного опыта других стран мы можем выбрать один как образец. Но по сравнению с опытом других стран опыт Советского Союза самый подходящий для нас» (1957 г., с. 265 сборника). И почти одновременно на совещаниях он высказывался следующим образом: «А мы поступаем как раз наоборот по сравнению с тем, что делается в Советском Союзе» (1958 г., с. 227)

* Маоизм без прикрас. Под общей редакцией О. Е. Владимировой, составление и вступительная статья М. Л. Алтайского, комментарии В. С. Куликова. М., «Прогресс», 1980, 283 с.

В закрытых выступлениях перед партийным активом Мао Цзэдун клеветал на Советский Союз, охаживал его достижения и его помощь КНР, в искаженном свете изображал положение в нашей стране, договариваясь до того, будто «в Советском Союзе диктатура буржуазии, диктатура крупной буржуазии, немецко-фашистская диктатура» (1964 г., с. 235).

Подлинным саморазоблачением Мао Цзэдуна являются его высказывания, собранные в разделе «Мао Цзэдун о себе и своих взглядах». Особое внимание обращает на себя неприязнь Мао к образованности, к интеллигенции. Корни ее, как правильно подчеркивается в комментариях к разделу, следует искать в его биографии — сына кулака, который в молодости остро переживал свое униженное положение человека, не получившего серьезного образования и, по его мнению, оказавшегося в силу этого в положении, ниже заслуживаемого. Эту неприязнь Мао пронес через всю жизнь, сделав ее одним из принципов своей идеологии. Мао заявлял: «Я всегда гоним, что интеллигенты знают меньше всех» (1957 г., с. 54), «Интеллигенты — самые нецивилизованные люди... самые цивилизованные люди — это малограмотные люди» (1968 г., с. 55). Вместе с тем он пропагандировал и такие «идеи», легшие в основу не только китайской, но и кампучийской (во времена Пол Пота) политической практики: «Нужно выгнать из городов артистов, поэтов, драматургов, литераторов в деревню... Если они не отправятся в низы — не выдавать им продовольствия. Кормить лишь тех, кто едет» (1964 г., с. 154).

Как явствует из приведенных в сборнике высказываний, теоретические основы марксизма остались для Мао непознанной областью. Бравирова своей необразованностью, Мао, очевидно, пытался внушить своим слушателям и читателям, что и без глубокого знания марксизма можно создать «китаизированный марксизм». Подлинным марксистом Мао не стал, находясь в плену мелкобуржуазного мировоззрения, националистических и анархистских идей. Последние, например, прямо отразились в его пропаганде известного анархистского постулата «дух разрушающий есть дух созидающий». Мао в последние годы жизни говорил: «Без разрушения нет созидания. Разрушение — это критика, это революция... Прежде всего разрушение, а в самом разрушении заложено созидание» (с. 75).

Но Мао не всегда выступал так открыто с идеалистических позиций. Большею частью он старался обрядить свои высказывания в марксистские одежды. При этом марксистскую терминологию он использовал в основном для прикрытия своих мелкобуржуазных идей. Если же отбросить словесную шелуху, перед нами предстает идеалистическая идеология. Наиболее известный маоистский постулат «политика — командная сила» не является случайной оговоркой. Верховенство политики всегда понималось Мао Цзэдуном как подчинение объективных закономерностей общества волевым решениям, по-другому — как «превращение

идеального в материальное», воплощение «идей» Мао в жизнь. Для маоизма характерно также отождествление теории с практикой, механическое выведение практических вопросов из общих положений, против чего предостерегали классики марксизма-ленинизма. Мао абсолютизировал субъективный фактор и прикинул роль материальных факторов в развитии общества. В маоистской «философии» это главное.

Маоистский «социализм» как разновидность мелкобуржуазного социализма пытается по-своему воспринять марксизм и научный социализм, переименовать его на националистический манер, использовать его авторитет для прикрытия своих «идей». В основе здесь опять-таки лозунг о всеобщности идей, политики. Мао Цзэдун писал: «Политика всегда является главнокомандующим, политика всегда является головой, политика всегда командует военным делом, экономикой, производством и техникой» (1965 г., с. 141). В вопросах строительства социализма (в маоистской версии) он абсолютизировал классовую борьбу, утверждая: «В наше время именно классовая борьба двигает общество вперед» (1960 г., с. 156) «Мы должны 10 тысяч лет вести классовую борьбу» (1962 г., с. 161). В своих высказываниях Мао выступает апологетом бедности, выдвигая ее как преимущество для социального прогресса. В 1958 г. он говорил: «Мы являемся бедными в экономическом и отсталыми в культурном отношении. Я считаю это хорошим явлением» (с. 119); «Нужно совершить переход (к коммунизму), пользуясь тем временем, пока мы бедны, ибо так выгоднее, в противном случае совершить переход будет трудно» (там же). Два года спустя Мао, не наученный провалом «большого скачка», вновь заявлял: «Чем более отсталой является экономика, тем легче, а не труднее перейти... к социализму» (1960 г., с. 121). Из своих открытий Мао Цзэдун предстает в подлинном облике мелкобуржуазного деятеля, пытавшегося «подстегнуть» исторический процесс, перепрыгнуть целые этапы развития. И как всякий такого рода политический деятель, он был склонен выпячивать военный фактор не только в период революционной войны, но и в мирном строительстве, беспрестанно повторяя: «Весь народ — солдаты» (с. 139).

Большое внимание в сборнике уделено маоистской «культурной революции», что закономерно, так как эта беспрецедентная кампания как бы синтезировала основные постулаты маоизма, явилась его квинтэссенцией. Мао сам рассказывает, как он разжег «пожар культурной революции», как инспирировал через Цзян Цинь статью Яо Вэньюаня, которая, по его же словам, послужила «сигналом к великой пролетарской культурной революции» (с. 199). В сборнике приводится хвалебная ремарка Мао о дацзыбао ныне осужденной предводителницы хунвейбинов в Пекинском университете Не Юаньцзы: «Дацзыбао Не Юаньцзы от 25 мая представляет собой манифест Парижской Коммуны Китая 60-х гг. XX столетия. По значению это событие пре-

посходит Парижскую Коммуну» (с. 205). Мао рассказывает, как он позвонил Кан Шэну и Чэнь Бода и велел передать эту дацзыбао по радио. В сборнике помещен текст письма Мао Цзэдуна Линь Бяо от 23 января 1967 г., в котором он требует направить НОАК для оказания поддержки «левым», то есть хунвэйбинам и цзаофаням (с. 206). В своих высказываниях периода «культурной революции» Мао выступает за использование армии в борьбе против своих противников. Вот, например, такие перлы: «Тех, кто упорно не желает исправляться, арестовывать. Это в мелких случаях; в серьезных же случаях надо проводить карательные экспедиции. Сейчас мы пытаемся контролировать события, но, по моему, это ни к чему; не важно, если начнется небольшая гражданская война»; «У вооруженной борьбы есть два плюса: первый — в том, что в сражении приобретается боевой опыт; второй плюс — в том, что выявляются плохие люди» (1968 г., с. 210); «Говорят, в Китае нет гражданской войны. По моему, это и есть гражданская война... Это вооруженная, а не идеологическая борьба» (1967 г., с. 208). Мао призывал возвести кровавую баню «культурной революции» в своеобразный, периодически повторяющийся вид политических кампаний. Он писал Цзян Цин: «Полный беспорядок в Поднебесной ведет к всеобщему порядку. Это повторяется через каждые семь-восемь лет... а пройдет семь-восемь лет — снова поднимем движение по выметанию нечисти» (1966 г., с. 212). На следующий год в беседе с албанской военной делегацией Мао говорил: «Вопрос о борьбе двух классов, двух путей, двух линий нельзя решить ни одной, ни двумя, ни тремя культурными революциями, после нынешней культурной революции мы закрепились самое малое лет на десять. За столетие как минимум надо проводить две-три культурные революции (1967 г., с. 213). На основе этого «открытия» и появилась перепевающая зады троцкизма «теория продолжения революции при диктатуре пролетариата», которая превращает насилие в самоцель.

Саморазоблачение маоизма особенно наглядно в вопросах внешней политики, где движущими его идеями являются китайский центризм и гегемонизм. Мао Цзэдун в 1960 г. вещал: «В середине XX века центр мировой революции переместился в Китай», а еще ранее так давал картину современного мира: «Сейчас у Маркса много дел на Востоке, он пока не может вернуться на Запад... Сейчас именно Восток прогрессивный, а Запад отсталый» (1957 г., с. 219). Уже в 50-х годах он говорил как о цели о мировом и региональном господстве Китая. Так, в 1959 г. Мао заявлял: «Мы должны покорить земной шар. Нашим объектом является весь земной шар... где мы создадим мощную державу» (с. 223). А годом раньше, рассуждая на заседании Военного совета ЦК КПК, обсуждавшем проблемы Тихоокеанского региона, он отмечал: «Нынешний Тихий океан в действительности не такой уж тихий. В будущем, когда он окажется под нашим контролем, можно будет

считать его тихим» (с. 224). Клевеша на социалистические страны, пытаясь разобить их, Мао Цзэдун в последние годы жизни высказывался за то, чтобы «установить единый международный фронт с дружеской империалистической страной и бороться с ревизионистами» (1975 г., с. 234), то есть он практически заложил основы реакционного альянса с империализмом, который составляет стержень внешней политики современного китайского руководства.

Нельзя не обратить внимание на высказывания Мао Цзэдуна о войне. На второй сессии VIII съезда КПК в 1958 г. он говорил: «Войны не пужно бояться. Будет война — значит, будут мертвые. Сидящие здесь товарищи видели смерть. Смерть не страшна. Если из 600 миллионов человек половина погибнет, останется 300 миллионов человек... Если во время войны погибнет половина человечества, это не имеет значения. Не страшно, если останется и треть населения» (с. 239). Напряженность в международных отношениях интерпретировалась Мао как полезное дело. Он говорил: «Если кто-то нагнетает напряженность, вы думаете, это не приносит никакой пользы? Не обязательно». «Напряженность в конечном счете приносит нам выгоды» (1958 г.). Он ставил даже такой риторический вопрос в 1967 г.: «Разве можно было бы решать проблемы, если бы не было напряженного положения?» (с. 243).

Необходимость подготовки к войне приводит красной нитью через многие высказывания Мао Цзэдуна. В 50-х годах он грозил заокеанскому соседу, ставшему ныне ближайшим партнером КНР: «Мы непременно построим крупные корабли и будем готовы к высадке в Японии, на Филиппинах и в Сан-Франциско» (с. 250). Он постоянно твердил: «Мы готовимся вновь к тому, чтобы воевать в течение 25 лет» (1964 г.), «Мы должны также предусматривать, что на нашей территории будет в скором времени развязана крупная война» (1967 г.), «Мы должны быть готовы воевать в любом году» (1969 г.) и т. п. И в 60-е годы он вновь подтверждал свое намерение пожертвовать для войны миллионами человеческих жизней. В беседе с представителями Социалистической партии Японии в 1964 г. он говорил: «Война стоит жизни многим людям, за эти годы наверняка погибло много миллионов, несколько десятков миллионов из рядов нашей армии и китайского народа. Но значит ли это, что китайцев становилось все меньше по мере того, как они вели войну? Нет! Вы только посмотрите — у нас теперь население более 600 миллионов, слишком большое» (с. 249). Расчеты Мао строились на том, что в войне Китай с его многочисленным населением пострадает меньше других, особенно если включится в войну позднее, сначала столкнув в крупномасштабном военном конфликте США и СССР. После Мао взгляды китайского руководства на этот счет не изменились, и употребляемые ими в последнее время определенные словесные преформулировки в отношении возможности

отсрочки и предотвращения мировой войны никого в заблуждение не введут.

Следует отметить, что сборником «Маоизм без прикрас» очень удобно пользоваться: каждый из указанных выше крупных разделов разбит на тематические подразделы (например, раздел «Китаецентризм и гегемонизм» — на подразделы «Великодержавный шовнизм», «Мао о внешнеполитическом курсе Китая», «Мао о мире и войне»), а те — на более мелкие рубрики, например, «КНР и США», «Мао восхищается японским милитаризмом», «Мао злобно клеветает на Советский Союз» и т. п. К каждому разделу даны комментарии, а по тексту — сноски с необходимыми объяснениями.

При новом издании этой весьма полезной книги было бы целесообразно увеличить ее объем и уточнить рубрикацию. Так, например, представляется более логичным

перенести рубрику «Мао против социалистической демократии» из первого раздела во второй, а высказывания об интеллигенции и системе образования, находящиеся сейчас в разных разделах, можно было бы объединить. Число источников можно было бы пополнить статьями «Жэньминь жибао», написанными как бы в ответ на Открытое письмо ЦК КПСС партийным организациям, всем коммунистам Советского Союза (1963 г.), иными статьями из китайской печати, выступлениями других китайских деятелей.

Советские исследователи Китая, других стран дальневосточного региона, а также общих политико-идеологических проблем, пропагандисты получили хорошее пособие для борьбы с враждебной идеологией и политикой.

Л. М. Гудошников,
профессор

Политические традиции КНР

22 и 24 декабря 1979 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась первая секторская конференция «Политические традиции КНР». На конференции было представлено более 20 докладов научных сотрудников. Определяющей темой докладов была проблема исследования специфического характера политической культуры Китая, большая роль в которой принадлежит политическим традициям. Конференция стала широким форумом ученых — китаеведов нашей страны.

На конференцию были присланы доклады из Ленинграда, Улан-Удэ, Фрунзе. Материалы были сгруппированы в четырех основных разделах: культурно-историческое наследие в КНР, традиционные политические институты КНР, традиции крестьянства, буржуазная историография о политических традициях. В коллективном докладе сектора было определено понятие политической традиции применительно к китайским реалиям (Л. Переломов, Г. Салтыков, П. Кожин). В докладе В. А. Кривцова, озаглавленном «К вопросу о генезисе политического сознания в древнем Китае», впервые была поставлена задача раскрыть понимание древними китайцами политики в качестве формы специального управления и регулирования. Автор отметил, что политическое сознание в древнем Китае вырабатывалось в сфере религиозно-морального сознания в течение долгого времени и его зарождение было основано на классовой цивилизации городского типа. Процесс возникновения политических категорий шел в Китае путем переосмысления религиозно-моральных понятий в политические посредством придания последним политико-принудительного, насильственного характера. В сознании древних китайцев политика представлялась в виде явления, служившего, как и мораль, социальному регулированию и управлению, но, в отличие от морали, всегда неотделимого от принуждения и насилия.

В докладе Л. С. Переломова «История и политика в КНР» делался упор на одну из характерных черт китайской политической культуры — тесную связь политики и истории. Взаимодействие и взаимовлияние политики и истории превратилось в Китае

в политическую традицию. За последнее время в Китае эта традиция стала одной из особенностей маоизма. В периоды кризиса власти сфера действия «истории» расширяется. В эти периоды «история» в институте «политика — история» заполняет всю «политику».

Большой интерес вызвал доклад Э. В. Никогосова «Традиция, язык и варвары четырех сторон света», в котором автор показал, как термины — наименования окружающих издревле Китай народов используются в явно спекулятивных, гегемонистских целях.

На конференции также выступили А. Желоховцев — «Литература и политика в Китае», М. Асланова — «Место системы баоцзя в политической жизни Китая», А. Островский — «Проявления традиционных особенностей при формировании традиционного слоя ганьбу», А. Дронов — «О влиянии традиций на формы внутривнутриполитической борьбы в КНР», Н. Андреев, И. Викторов — «Традиционная специфика процессов реабилитации в КНР», А. Дононбаев — «Человек в системе политических ценностей маоизма», В. Балтов — «Политическая традиция и маоистская модель наследования верховной власти», А. Мугрузин — «Революционность китайского крестьянства и ее традиционные корни», П. Капралов — «Политика руководства КНР и некоторые традиционные формы организации сельскохозяйственного производства», Ю. Минаков — «Влияние традиционного китайского милитаризма на специфику развития пограничных районов», Е. Фоминых — «Традиции китайского национализма в трактовке американских синологов-традиционалистов», Е. Киричатая — «Китайская синология о положении интеллигенции в Китае в 70-х годах», П. Кожин — «Некоторые направления исследования традиций КНР в буржуазном китаеведении», А. Краснов — «Традиции политической борьбы на примере событий 1976 г.»

В целом успешное проведение конференции свидетельствует о высоком научном уровне молодого коллектива организатора, о больших возможностях дальнейшего изучения данной проблематики.

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

К 60-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова

1 июня 1981 г. исполняется 60 лет со дня рождения известного ученого члена-корреспондента АН СССР, доктора исторических наук, профессора Андрея Ивановича Крушанова. Он родился в Красноярском крае, а в 1932 г. вместе с семьей приехал на Дальний Восток, который стал ему второй родиной. Среди дальневосточников рос, учился, трудился и воспитывался А. И. Крушанов. Здесь он сформировался как советский человек—гражданин и коммунист; стал учителем, воином, ученым, общественным деятелем, патриотом великой Советской Родины.

В августе 1939 г. А. И. Крушанов начал работать учителем. В то время обстановка на западных и восточных границах Советского Союза была очень напряженной. Фашистская Германия и ее союзница империалистическая Япония готовились к военному нападению на нашу страну. Молодой учитель А. И. Крушанов летом 1940 г. экстерном сдал экзамен за курс Владивостокского педагогического училища и добровольцем ушел в ряды Советской Армии.

В годы Великой Отечественной войны он служил в войсках связи на Дальнем Востоке. В 1945 г. участвовал в разгроме Квантунской армии в Маньчжурии. После войны А. И. Крушанов продолжил свое образование. Работая учителем в сельской школе, он заочно с отличием окончил учительский и педагогический институты.

Трудовой путь Андрея Ивановича весьма поучителен. Он работал и учился, без отрыва от работы окончил аспирантуру Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова под руководством известного сибирского историка М. А. Гудошникова. В 1954 г. Ученый совет университета присвоил ему ученую степень кандидата исторических наук за труд по истории революционного движения в 1917—1920 гг. в Южном Приморье. С ноября 1945 г. по ноябрь 1958 г. А. И. Крушанов работал на разных должностях в органах народного образования: учителем, директором средней школы, проректором педагогического института, заведующим Приморским краевым отделом народного образования. Несмотря на большую занятость служебными делами, он много сил отдавал научной работе. В ноябре 1958 г. А. И. Крушанов был переведен на работу в Дальневосточный филиал СО АН СССР им. В. Л. Комарова.

В 1964 г. Ученый совет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова присвоил А. И. Крушанову ученую степень доктора исторических наук за фундаментальный труд «Борьба за власть Советов на Дальнем Востоке и в Забайкалье (1917 г.—март 1920 г.)». В 1965 г. ВАК СССР утвердил его в звании профессора.

А. И. Крушанов более 22 лет осуществляет руководство исследовательской работой в области гуманитарных наук на Дальнем Востоке. В 1958—1970 гг. он возглавлял Отдел общественных наук, с 1971 г. является директором Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР и одновременно с февраля 1961 г. работает заместителем председателя президиума ДВНЦ АН СССР, а с ноября 1980 г.—первым заместителем председателя. В ноябре 1970 г. А. И. Крушанов избран членом-корреспондентом АН СССР.

Три десятилетия А. И. Крушанов занимается изучением проблем исторического развития Дальнего Востока СССР и Сибири в XVII—XX вв. Под его непосредственным руководством и при авторском участии создан четырехтомный труд «История Дальнего Востока СССР (от эпохи первобытного общества до 1980 г. включительно)». Ни в СССР, ни за рубежом подобные труды ранее не публиковались.

Член-корреспондент АН СССР А. И. Крушанов подготовил и опубликовал более 300 научных работ по истории, экономике, политике и культуре СССР, Китая, США, Японии и других государств. Среди изданных трудов—крупные монографии о развитии русского Дальнего Востока в эпоху российского империализма, о победе социалистической революции в восточных районах СССР, о гражданской войне в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918—1920 гг., о теоретических проблемах истории Дальнего Востока СССР, труды о методах фальсификации за рубежом истории советского Дальнего Востока, об интернациональных связях трудящихся Дальнего

Востока с зарубежными организациями, о политике Китая, США и Японии по отношению к России и СССР на Дальнем Востоке, о трудовых ресурсах Дальневосточного экономического региона, об открытии и освоении русскими людьми сибирских и дальневосточных земель в XVI—XVII вв. и др.

В трудах А. И. Крушанова широко и всесторонне показан исторический процесс открытия, изучения, освоения русскими людьми и представителями других народов нашей родины дальневосточных земель и постепенного превращения этой зоны Азиатского континента в нераздельную часть России, в мощный форпост социализма на рубежах Тихого океана. Он исследовал и осветил в литературе исторические предпосылки великих географических открытий на Дальнем Востоке и хозяйственное освоение территории русского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в.; показал прогрессивную роль деятельности в восточных областях России русских землепроходцев, мореплавателей и ученых, путешественников, государственных деятелей страны.

Ученый уделал большое внимание опыту интернациональных связей российского рабочего класса на Дальнем Востоке с трудящимися Китая, США, Кореи, Чехословакии, Венгрии, Японии, Монголии и других государств. В трудах А. И. Крушанова мы находим оценку политики империалистических держав (особенно США, Великобритании, Японии, Франции), а также Китая по отношению к Советской России в XX столетии.

А. И. Крушанов принимает активное участие в создании серий трудов по истории Маньчжурии XVII—XX вв., новой и новейшей истории Хоккайдо XVII—XX вв., по истории и культуре малых народов Севера, по проблемам населения, трудовых ресурсов, социального развития трудовых коллективов. Под его руководством готовятся к печати крупные исследования «Рабочий класс Дальнего Востока СССР XVII—XX вв.», «Крестьянство Дальнего Востока СССР XVII—XX вв.», «В. И. Ленин и Дальний Восток», «Против фильсификации истории Дальнего Востока СССР китайскими, американскими и японскими авторами», «Интернациональные связи трудящихся советского Дальнего Востока с зарубежными организациями после второй мировой войны», «Свод памятников истории и культуры народов Дальнего Востока СССР» и др.

А. И. Крушанов отдает много сил и времени подготовке кадров ученых. Под его руководством подготовлены и успешно защищены 8 докторских и 60 кандидатских диссертаций. В них освещены многие проблемы истории, политики, экономики, культуры, идеологии СССР и зарубежных государств Дальнего Востока.

Деятельность члена-корреспондента АН СССР А. И. Крушанова как ученого, одного из организаторов дальневосточной науки, воспитателя научных кадров, убежденного интернационалиста широко известна в СССР и за рубежом. За последние три десятилетия он посетил Болгарию, КНДР, СРВ, МНР, Австралию, КНР, Индию, Японию, работал советником в экспедиции Академии наук Чехословакии, участвовал в совместных научных конференциях с учеными Венгрии, ГДР, Польши, США, стран Латинской Америки, Филиппин, Индонезии, Шри Ланка.

Жизнь и деятельность А. И. Крушанова посвящена великому делу коммунистического строительства в СССР. Родина высоко оценила его труд, он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», многими медалями СССР и МНР.

Научная общественность желает члену-корреспонденту АН СССР Андрею Ивановичу Крушанову многих лет плодотворной научно-организаторской, исследовательской и общественной деятельности на благо нашей социалистической Родины.

Сдано в производство 9/1-1981 г. Подписано к печати 26/11-1981 г. А 02186
Формат 70×108^{1/16}. Бум. л. 6,5. Печ. л. 18,2. Изд. № 33877
Цена 50 коп. Заказ 82. Тираж 18873

Издательство «Прогресс»
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

НОВЫЕ КНИГИ

СЛАДКОВСКИЙ М. И. Китай и Англия. М., «Наука», 1980. 351 с. 5.000 экз. 3 р.

КОЗЛОВ А. А. Подрывная деятельность маоистов в Юго-Восточной Азии. 1960—1973. М., «Наука», 1980. 135 с. 10.000 экз. 45 к.

ДУБИНСКИЙ А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны. 1937—1945. М., «Мысль», 1980. 279 с. 34.000 экз. 1 р. 20 к.

КРУТСКИХ А. В. Американская политика «партнерства» в восточноазиатском регионе. М., «Международные отношения», 1980. 200 с. 7.000 экз. 1 р. 10 к.

АНДРЕЕВ М. КНР и развивающиеся страны: великодержавный бизнес. М., «Международные отношения», 1980. 192 с. 15.000 экз. 65 к.

КАПУСТИН Д. Т. Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях. 1969—1979. М., «Наука», 1980. 197 с. 3.300 экз. 1 р. 10 к.

СТЕПАНОВ Е. Д. Экспансия Китая на море. М., «Международные отношения», 1980. 158 с. 20.000 экз. 60 к.

МАЗУРОВ В. М. США — Китай — Япония: перестройка межгосударственных отношений. 1969—1979. М., «Наука», 1980. 214 с. 7.600 экз. 1 р.

МАНЕЖЕВ С. А. Экономические отношения КНР со странами Юго-Восточной Азии. М., «Наука», 1980. 192 с. 2.800 экз. 1 р. 10 к.

• • •

БАВРИН Е. П. Монгольская Народная Республика: уверенная поступь. М., «Знание», 1980. 64 с. 115.200 экз. 12 к.

АФОНИН С. и КОБЕЛЕВ Е. Товарищ Хо Ши Мин. М., Политиздат, 1980. 239 с. с ил. 150.000 экз. 60 к.

ВАН ТИЕН ЗУНГ. Великая победа весной семьдесят пятого. Мемуары. Пер. с вьет. М., Воениздат, 1980. 247 с. с ил. 30.000 экз. 1 р. 20 к.

Актуальные проблемы развития экономики Вьетнама. Сборник статей. Пер. с вьет. Общ. ред. М. Е. Трегубенко. М., «Мысль», 1980. 173 с. 16.000 экз. 70 к.

ФОМВИХАН К. Революция в Лаосе: некоторые основные уроки и главные задачи. Пер. с лаос. М., Политиздат, 1980. 256 с. 45 к.

Лаос. Справочник. Отв. ред. В. А. Тюрин. М., «Наука», 1980. 263 с. 110.000 экз. 95 к.

Япония 1979. Ежегодник. Глав. ред. Н. И. Коваленко. М., «Наука», 1980. 352 с. с ил. 25.000 экз. 1 р. 90 к.

ИВКОВ И. И. Япония: снова на пути милитаризации. М., Воениздат, 1980. 64 с. 5 к.

КОВРИГИН Е. Б. Экономическая экспансия Японии. М., «Международные отношения», 1980. 167 с. 8.000 экз. 80 к.

СКОРОВ М. С. Научно-технический прогресс и тяжелая промышленность Японии. М., «Наука», 1980. 215 с. 2.750 экз. 1 р. 20 к.